

Юрий Левада

УДК 316
ББК 60.5
ЛЗ4

Составитель Т. В. Левада

Левада, Ю. А.
ЛЗ4 Сочинения / Ю. А. Левада ; [сост. Т. В. Левада]. – Москва : Издатель Карпов Е.В., 2011. – 415 с. : ил.
ISBN 978-5-9598-0147-2

Это четвертая книга из серии, посвященной жизни и работе Юрия Левады – одного из ученых, возрождавших эмпирическую социологию в СССР. Здесь публикуются «Лекции по социологии» – первый систематический курс, прочитанный на факультете журналистики МГУ, и ряд статей той же проблематики.

Книга может быть интересна как специалистам, так и широкому читателю.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-9598-0147-2

© Русинов В.Ю., 2011
© Левада Т.В., составление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ	7
От автора	9
Лекция I	
Предмет социологии	10
Лекция II	
Особенности социологической точки зрения	24
Лекция III	
Общество как система	44
Лекция IV	
Общество и культура	62
Лекция V	
Социальная структура и социальные группы	80
Лекция VI	
Социальная структура и социальные группы (продолжение)	98
Лекция VII	
Социальная структура и группы. Малые группы	114
Лекция VIII	
Социальная структура личности	133
Лекция IX	
Личность и социальные роли	151
Лекция X	
Социализация личности	162
Лекция XI	
Ориентации личности	180
Лекция XII	
Социальные действия и социальные процессы	197

Лекция XIII	
Социальные действия и социальные процессы (окончание)	216
Лекция XIV	
Социология и демография	230
Лекция XV	
Процесс урбанизации	249
Лекция XVI	
Общество и наука	261
Лекция XVII	
Наука и общество	280
Приложение	
Записка в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина	297
СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ	301
Интервью «Научная жизнь – была семинарская жизнь».	
Отрывок	303
Социальные рамки экономического действия	311
Общество	324
Структура социальная	338
Город и село в современном процессе урбанизации общества. Тезисы	346
Управление	348
Нормы социальные	358
Отношение населения к бюрократии	365
Да причем тут нарукавники!	378
Фашизм	382
Время вынужденных поворотов	400
СМИ.ru. Пресс-центр	410

Ю. А. Левада

ЛЕКЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ*

* Публикация воспроизводит текст издания 1969 г. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социологических исследований. Серия: Методические пособия. № 5 (20), № 6 (21).

Научный Совет АН СССР
по проблемам конкретных социальных
исследований

Советская Социологическая ассоциация

Институт конкретных социальных
исследований АН СССР

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 6 (21)

Серия: Методические пособия

Ю.А.ЛЕВАДА

ЛЕКЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ

Выпуск П

Москва-1969

ОТ АВТОРА

Настоящие лекции были прочитаны на факультете журналистики МГУ осенью 1967 г. Их задача состояла в том, чтобы ознакомить студентов-журналистов с кругом социологических проблем и методов, причем в слушателях предполагалось знание комплекса философских и общественных дисциплин, входящих в университетскую программу.

Этим объясняются как отбор материала, так и в значительной мере способ его изложения, иллюстрации и т.д.

Лекционный курс состоял из следующих пяти разделов:

I. Введение. Предмет и метод социологии. Основные моменты истории социологической мысли.

II. Основные понятия социологического исследования общества: социальная система, культура, институты, группы, личность, социальные процессы и управление ими.

III. Социологические проблемы различных областей общественной жизни: движения народонаселения, урбанизации, науки и т.д.

IV. Массовая коммуникация в социальной системе.

V. Обзор методов социологического исследования.

В выпусках, предлагаемых вниманию читателей, публикуются, в основном по стенографической записи, лекции I–III разделов курса; последние же два не подготовлены к публикации из-за несовершенства записи. Опущены также две лекции, содержавшие сведения по истории социологической мысли.

ЛЕКЦИЯ I

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Положение в нашей науке сейчас может быть охарактеризовано следующим образом: от социологии многого ждут.

Во-первых, в плане обновления общественных дисциплин. Экономисты, этнографы, демографы, плановики, юристы, в какой-то степени и лингвисты рассчитывают на социологию как на средство, способное восстановить нарушенную за определенный период связь с общественной реальностью, с ее помощью надеются повысить престиж общественной науки в нашей стране.

Во-вторых, в отношении перспектив нашей практической жизни, и прежде всего планирования и управления общественными процессами. Стало совершенно ясно (это видно из многих крупных мероприятий последнего времени), что знания о происходящем в нашем обществе, имевшиеся до сих пор, совершенно недостаточны для нужд государственного планирования, что точность, с которой планировались производство, трудовые ресурсы, учитывались потребности населения в прошлых пятилетних планах, сегодня уже не удовлетворяет, т.к. общественные процессы оказались сложнее, а проблемы стали иными, чем раньше.

У нас, как вы знаете, уже не существует такого положения, когда мы имели как будто бы неограниченные источники трудовых ресурсов, скажем, в деревне, притекающих в город и находящихся там работу, или практически неограниченные возможности применения людей со средним и высшим образованием. Теперь в некоторых областях нашей жизни возникла ситуация насыщения – сатурация.

Очевидно, надо изучать эти проблемы более конкретно, чем это делалось до сих пор. Если раньше общественная практика могла в какой-то степени довольствоваться тем, что

социальные науки (в некоторой степени это относилось к экономическим и другим наукам) прежде всего проясняли для народа нашу великую цель, давали общую ориентацию по пути коммунистического строительства, то сейчас этого уже мало.

Жизнь все больше требует от наук, чтобы они были науками в полном смысле слова, чтобы они более тонко и подробно раскрывали механизм действия самой сложной из всех машин – общественной машины, очень сложных, ответственных ее деталей – действий человека. Более сложных систем в природе нет и, как известно, искусственно до сих пор создано не было.

Должен оговориться: я не хочу, чтобы у вас сложилось слишком розовое представление о состоянии нашей науки. В нашей стране социология пока удовлетворить возлагаемые на нее надежды не может хотя бы потому, что она только формируется организационно и только начинает подготовку квалифицированных кадров.

Но дело не только в этом. У нас в стране, в силу ряда известных обстоятельств, нормальное развитие общественных наук и прежде всего экспериментального изучения общества задержалось на несколько десятков лет. Эта истина общеизвестна. Но если даже представить, что отставания не было, а учесть наиболее высокий для некоторых областей социологического исследования современный уровень, то оказывается, что он далеко не удовлетворяет экспектаций, существующих сейчас в отношении социологии.

Завышение ожиданий – факт довольно закономерный, он создает некоторое напряжение, способствующее развитию науки, хотя иногда и порождает преждевременные разочарования. Слишком большие ожидания часто бывают неуместны.

* * *

Для нашей страны, для нашего общества социология – сравнительно необычная социальная дисциплина, которая ставит во главу угла экспериментальное, количественное, статистическое изучение общественной жизни. Социология бросается в глаза благодаря своим внешним признакам – анкете, интервью, опросам, статистическим данным, таблицам, графикам, вычислениям. Она отличается прежде всего (это отличие наиболее интересное и очевидное) резко выраженным эмпирическим подходом к изучению общества, стремлением использовать новейший аппарат научного мышления, в том числе аппарат количественного анализа, при помощи электронно-вычислительных и иных счетных машин для более строгого изучения общества.

Представление о социологии как об экспериментальном методе изучения общества в большой мере верно. Но сводить социологию только к этому было бы неправильно и бесполезно. Иногда выдвигается мнение: не следует ли ограничиться тем, чтобы социологические исследования, в полезности которых никто сейчас уже не сомневается, пристегнуть к давно сложившимся, привычным наукам, скажем, политической экономии, юридической науке, социально-политическим или философским дисциплинам, не следует ли ограничиться, говорят иногда нам, тем, чтобы дать совокупность конкретных исследований, которые подтверждали бы бесспорно правильные истины о характере нашего общества, о сущности наших общественных отношений и т.д.

Если бы развитие социологии у нас пошло в таком направлении, оно было бы мало полезным:

во-первых, для общества, потому что вместо обновления общественного знания мы имели бы просто фиксацию достигнутого уровня при помощи как будто бы новых средств, а это, совершенно очевидно, не может способствовать нашему движению вперед;

во-вторых, для самой социологии, т.к. привело бы практически к опошлению дисциплины и низведению ее до чисто служебной роли. Задачи социологии при этом свелись бы к тому, чтобы подбирать данные для подтверждения истин или полуистин, полученных совсем иначе, – может быть, весьма справедливых и полезных, но добытых до социологии и без социологии.

Вот почему, повторяю, такое толкование социологии, когда она сводится только к совокупности экспериментальных исследований, к некоторой технике, при помощи которой можно такие исследования проводить, является неполным, а при дальнейшем развитии становится весьма неприятным и опасным.

Попытки «пристегнуть» эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных иначе, – в рамках передовой исторической науки или передовой философии, или, в частности, социальной философии, – всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным.

Мы будем рассматривать социологию как определенную научную дисциплину, которая, как и всякая иная наука, имеет по меньшей мере три составных части: эмпирию, теорию и методологию. Вне этих трех моментов она перестает быть наукой.

Оказывается (я постараюсь вам показать это на протяжении всего курса), исследование прежде всего сталкивается не с тем, кто будет проводить анкету и как ее составить, а с тем, какую действительность, какую сферу общественной жизни анкета изучает, каковы закономерности движения в данной сфере. Это приводит нас к вопросу о социологической теории – именно социологической, потому что данные теории философской или экономической, очень важные и полезные, часто оказываются недостаточными для объяснения, почему, например, в одной области страны движение преступности идет по другой кривой, чем в соседней области. Никакие об-

шефилософские закономерности здесь не действуют. Не могут они объяснить нам и того, например, в какой степени и какие этнические барьеры сохраняются в нашем обществе.

Развитие эмпирических исследований приводит к тому, что должна быть теория, пригодная для такого исследования. И если мы, социологи, немало говорим, что у нас исследования организованы плохо, квалифицированных кадров мало, то скоро мы будем говорить о том, что теория общественных процессов, подлежащих исследованию, разработана еще хуже, а подготовленных кадров еще меньше.

Что касается методологии этой науки, то под методологией мы понимаем способ получения знаний, принципы движения от эмпирии к теории и обратно. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать социологию во всех трех ее составляющих, которые оказываются взаимно связанными.

Видимо, пора уже сказать, как определяется эта дисциплина. Хотя определения, строгие и точные, не многого стоят, но в данной области, может быть, это положение спорно, определение нужно для того, чтобы с ним работать.

Самым удачным, на наш взгляд, определением будет следующее: «Социология – это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии».

В этом определении выделим три наиболее существенных момента: «системы», «функционирование», «эмпирическая наука».

Под системой в данном случае подразумевается взаимная связь элементов, соотносящихся таким образом, что изменение одного из них влечет изменение другого. (Это определение не очень строгое, но для нас сейчас достаточное.) Когда мы рассматриваем взаимоотношения газеты и читателя – это система, где два элемента при помощи целого ряда переходных связаны друг с другом. Это одна из систем массовых коммуникаций. Когда мы рассматриваем общество, расчле-

ненное на социальные группы, классы, слои, то оказывается, это не просто совокупность целого ряда образований, а некоторая система взаимосвязанных элементов, обуславливающих друг друга. Когда мы анализируем правовую жизнь общества, то видим, что есть социальные нормы, действующие в данном обществе, а также определенные нормы контроля и санкций по отношению к выбивающимся из этого порядка, – все это образует определенную, нормативную систему общества.

В отличие от других общественных наук, социология рассматривает не отдельную сферу деятельности общества, а нечто более целостное: общественную жизнь как систему отношений и отдельные сферы как части этой структуры.

Известно, что ни один человек не живет и не действует только в сфере труда. Очевидно, ни один человек, независимо от профессии, не живет только в сфере юридических или моральных отношений общества, каждый одновременно живет и действует и в сфере производственной, и в сфере нормативной, юридической, моральной, эстетической и т.д. Но из всех общественных наук только социология ставит вопрос о социальных взаимоотношениях как целостной системе, независимо от отдельных сфер, в рамках которых движутся отдельные традиционно сложившиеся общественные дисциплины. Рассмотрение общества как целостной системы, а отдельных его элементов как подсистем, связанных с системой, – один из специфических признаков социологии.

Отсюда вытекает и характерная особенность социологического исследования – в разных явлениях общественной жизни обнаруживать устойчивые элементы, функциональные «узлы» такой системы – социальные институты, социальные группы и организации, социальные действия, социальные роли и т.д. При научном анализе общества такой подход позволяет определить механизм «работы» общественных систем разного типа и условия их изменения.

Однако это не значит, что социология обязательно рассматривает только общество в целом, – она может рассматривать отдельные, как будто бы даже частные детали. Может быть социология города, спорта и т.д. Но сколь бы узким ни был предмет данной социологической дисциплины, какой-то отрасли социологии, она рассматривает ее в отношении к общей системе общественного поведения, т.е. признак систематизированного подхода к общественной жизни сохраняется и действует.

Например, если мы рассматриваем журналистику как один из аспектов массовых коммуникаций, как одну из сторон общественной жизни, то социология изучает ее не только с точки зрения деятельности профессионального журналиста, но и под углом зрения места массовой коммуникации в жизни общества, в передаче культурной информации от поколения к поколению, в изменении данной общественной структуры и т.п.

Второй специфический признак социологии связан со словом «функционирование». Пояснить значение этого слова можно следующим образом. Сейчас получил распространение термин «живая система». Он справедлив по отношению и к человеческому организму, и к сообществу организмов, и к человеческому обществу. Живые системы воспроизводят себя, восстанавливают на новом материале формы своего существования в будущих поколениях и т.д. Всякая живая система функционирует, поскольку в ней происходят процессы, направленные на поддержание и возобновление ее элементов, жизненно необходимых функций. Приходят и уходят поколения, изменяется техника и знания людей, а общественная структура живет как целое, сохраняет свою целостность, иногда укрепляет ее, а иногда, правда, уменьшает эту целостность. Здесь происходят процессы усвоения людьми социальных норм, процессы отдачи, в том числе и творческой, и ряд других процессов, которые укрепляют, де-

лают более стойкой и более гибкой наличную совокупность отношений. Подобно тому как функционирует живой организм, функционирует и общество. Это функционирование и есть главный объект социологического исследования.

В этом отличие социологии от наук исторических, изучающих крупные общественные изменения в их необратимости. История изучает то, чего повторить нельзя, экспериментально нельзя проверить, она изучает лестницу, которая не имеет начала и конца. Социология изучает главным образом повторяющиеся циклы деятельности общества. Метод социологии отличен от исторического, и в этом нет ничего страшного, но некоторым критикам социологии тут видится нечто ужасное.

Сложное положение социологии у нас состоит в том, что, не достигнув такого уровня развития, как в некоторых зарубежных странах, она находится не только в центре внимания, но и в центре критики, к тому же и не вполне объективной. Вот недавний пример. Не так давно в одной из центральных газет появилась обширная статья, посвященная анализу современного состояния социологии. Видимо, она была продиктована лучшими намерениями, но результаты оказались весьма неудачными. В ней говорится, что на Западе для нужд буржуазного общества сложилась социология, изучающая, как функционирует сложившаяся общественная система, стремящаяся эту систему укрепить. Но нам, рассуждает автор статьи, такая социология не нужна, мы – общество изменяющееся, динамичное, живем завтрашним днем и поэтому, мол, нечего заниматься изучением функционирования нынешней системы. Намерения здесь благие, может быть, даже революционные, но результаты довольно плачевны. Ведь задолго до этой статьи утверждалось: раз наше общество бурно развивается, то нам не нужен правопорядок, порядок на производстве, в человеческих отношениях и пр.

Сейчас совершенно ясно, что при таком подходе никаких

перспектив реализовать нельзя. Если мы не будем понимать, что общество – сложный организм, который живет и функционирует и должен это делать лучше, чем до сих пор, и если мы не изучим конкретный механизм его действия, то никогда не сумеем этот механизм улучшить и вперед далеко не уйдем. Такой вывод выстрадан длительной историей нашего общественного развития, иногда даже конвульсивного развития. И поддаваться сейчас довольно дешевым рассуждениям о том, что нам надо смотреть только вперед, а не заниматься совершенствованием существующего общества, было бы весьма вредным и, независимо от намерений, могло бы служить ретроградным точкам зрения.

Поэтому подчеркиваю, что характерным предметом социологии является функционирование общества, или, лучше сказать, механизм этого функционирования. Только на основе анализа такого механизма можно социологически подойти к пониманию социальных изменений и процессов.

И наконец, социология – эмпирическая наука, т.е. такая наука, которая во всем опирается на опытные исследования действительности, отдельных ее сторон, на эксперимент, систематические наблюдения разных типов. По существу все, что делает социология, – это либо систематизированные наблюдения, либо специально поставленный эксперимент; и вся масса средств социологической техники от анкеты и интервью до более или менее сложных социальных экспериментов входит в эту категорию.

Откровенно провозглашая своей задачей эмпирическое исследование общества, социология тем самым пытается осуществить старую мечту многих социальных мыслителей. Ее ярко выразил Сен-Симон, который говорил, что изучение общества нужно поставить в ряд опытных наук. Давно существовала мечта (мы рассмотрим, какие изменения она переживала) сделать социологию примерно такой же по своему построению, как физика, биология, астрономия, механика

или иная из эмпирических наук. Ведь от наук эмпирических мы отличаем науки абстрактные, типа математики и логики, развивающиеся иными путями. Можно еще выделить и связать с абстрактными науками науки методологические, типа методологий науки (отчасти это относится к логике), типа философии, которая занимается не установлением эмпирических закономерностей, а главным образом исследованием методов движения научного познания.

Раз социология оказывается в ряду эмпирических наук, она разделяет все плюсы, а отчасти и все минусы эмпирических дисциплин. Она опирается на методы экспериментальные, следовательно, ограничена возможностями нынешнего состояния этих методов. Более того, всякая наука видит то, что зримо при помощи ее микроскопа. Социология тоже видит в обществе далеко не все – и не должна видеть все, она видит то, что доступно ее эмпирическим щупальцам, систематическому наблюдению, современным формам социального эксперимента. Она видит механизм массовых процессов, может видеть довольно многое в механизме коммуникаций, в механизме «социальной мобильности» (таким термином называется изменение положения отдельных групп людей как в рамках страны, так и в социальной структуре). Однако «пока» еще экспериментальные средства социологии не позволяют проникнуть, например, в глубину творческой лаборатории человека, – вероятно, общие средства, предназначенные для исследования массовых процессов, здесь не годятся. И в этом нет чего-нибудь удивительного, какого-либо принципиального порока социологии. Повторяю, всякая эмпирическая наука имеет ясно очерченные рамки своего применения, в отличие от абстрактных наук типа математики или философии, которые таких рамок не имеют.

Этим четким признанием своей ограниченности социология родственна другим конкретным наукам, потому что физик, биолог, химик, астроном знает, где его средства действ-

вительны, а где они оказываются не действующими. Это вовсе не признание бессилия, а наоборот, признание собственной научности. Только такая далеко не научная дисциплина, как религия, провозглашает себя обладательницей полной и универсальной истины.

Но как и всякая эмпирическая, опытная, конкретная наука, социология имеет и свою теорию, строит свои гипотезы, в том числе и весьма абстрактные схемы (теперь говорят – модели) для изображения определенных сторон общественных процессов. Эта теория непосредственно опирается на систематическое наблюдение и эксперимент, проверяется ими, поэтому мы можем сказать, что это – эмпирическая теория.

Именно эмпиричностью социологии объясняется ее внимание к функционированию общества. Дело в том, что эмпирически проверить, повторить при помощи какого бы то ни было эксперимента законы человеческого развития, смену общественных формаций, очевидно, нельзя, эти явления выходят за рамки социологического зрения. Значит, всемирно-исторические законы остаются на долю исторических дисциплин и философии (на долю исторического материализма). Они также проходят определенную проверку практикой, но это всемирно-историческая практика. Социология имеет дело с практикой в более узком смысле слова, с практикой экспериментальной, специально организуемой для научных целей. Только эмпиричностью методов социологии определяется и характер многих ее теоретических построений. У нас нет единого ключа, при помощи которого можно сразу открыть все механизмы общественной жизни, единого принципа, из которого их можно вывести. Существует, конечно, проверенный философский принцип примата общественного бытия по отношению к общественному сознанию, но для нужд анализа механизма общественной жизни этого недостаточно, т.к. то, что подтверждается в масштабе огромных социальных пространств, не всегда подтверждается в рамках отдель-

но взятой социальной ситуации, отдельно взятого механизма социальных изменений и т.д. И теории, которые существуют в социологической науке, носят частный характер, пригодный для отдельных ее областей.

Иногда это служит поводом для упрека социологии в узости: вы, говорят, проводите исследования, требуете людей, денег, а обнаруживаете, что на данном заводе рабочие расставлены не лучшим образом, что данная газета использует полосы не так, как она должна использовать для более глубокого воздействия на читателя. Казалось бы, это слишком мелко, почему бы социологии не заниматься более крупным, фундаментальным? Но разве социология должна дать подтверждение давно известным философским истинам?

Представьте себе, что физики строят ускоритель-синхрофазотрон, стоящий многие миллиарды, его строят много лет, а чего добиваются? Расщепят какую-то сотню атомов. И вот, приходит некий человек и говорит: чем заниматься мелким делом, лучше бы занялись подтверждением материальности мира или доказали, что он состоит из атомов. Но материальность мира известна со времен Демокрита, и атомистическая структура тоже известна примерно с того же времени. Строить синхрофазотрон для того, чтобы проверить эти положения, не нужно, его строят для другого, может быть, частного, но крайне нужного, для развития теории и практики.

Для чего же нужна социология? Конечно, прежде всего бросается в глаза ее практический эффект. Она может помочь в улучшении организации труда, а благодаря этому и в повышении производительности. Если бы мы сумели использовать известные достижения индустриальной социологии, это дало бы не меньший эффект, чем строительство десятка доменных печей, потому что можно было бы улучшить отдачу производства. Если бы мы сумели использовать в работе наших массовых коммуникаций то, что уже известно социологам о методах воздействия на читателя, об интересах

аудитории и т.д., мы, вероятно, могли бы на двадцать, пятьдесят и более процентов повысить эффективность массовых коммуникаций. Это, конечно, практический эффект, измеряемый даже не деньгами.

Именно этого прежде всего ждут от социологии наши практические работники – плановики, экономисты и др. Однако то, что социология сегодня может дать, практически относится к отдельным, сравнительно небольшим и простым социальным процессам. Ожидают (более или менее справедливо), что социология не только поможет улучшить воздействие печати на публику или работу на данном предприятии, но совершенствовать управление обществом, сделать его более эффективным.

Для таких целей социология, вероятно, будет приспособлена, но не целиком и не сейчас. В области, иногда называемой социальной инженерией (сознательное планирование и строение социальных отношений), социология пока что действует в частных ее приложениях. Существует спор, не слишком ли будет опасно такое всестороннее научное планирование социальной жизни, человеческих отношений. Имеющиеся сомнения, безусловно, основательны, но они пока относятся не к сегодняшнему состоянию социологии, а к будущему.

Наконец, нельзя забывать, что всякая наука имеет и чисто теоретические задачи, которые при своем решении не дают ни одного рубля, а, наоборот, много требуют, но они необходимы для углубленного научного познания. Сейчас все экспериментальные науки принято делить на прикладные и фундаментальные. В физике, технических дисциплинах расходы на фундаментальные исследования год от года растут и составляют в настоящее время около 10% расходов на науку в целом; это немало, если учесть, что фундаментальные исследования никакой прибыли в ближайшем будущем никому не сулят, а только дают расширенное познание о космосе,

микром мире и т.д. Видимо, в общественных науках, в том числе и в социологии, тоже необходимы фундаментальные исследования, которые не дадут быстрых результатов.

Конечно, превращать социологию в панацею всех нынешних проблем было бы смешно, т.к. ведет к преждевременному разочарованию и неверным акцентам. Это не средство решить все и вся. Решать нужно только то, что можно решать сейчас, и готовиться к тому, что может быть решено через 10–20 лет. Существуют другие науки, кроме социологии, другие сферы деятельности, и, работая в области социологии, необходимо добиваться сотрудничества разных областей знания.

Конечно, социология, как и любая другая социальная дисциплина, не может остаться в стороне от идеологических проблем. Борьба идеологий – очень сложная разновидность современной борьбы на мировой, а отчасти и на внутренней арене. Но сейчас совершенно очевидно, что побеждать в этой борьбе с помощью громкого крика и брани нельзя, а уважать нашу страну и нашу науку будут тем больше, чем серьезнее мы будем думать и более строго исследовать наши собственные проблемы. Место социологии в этой борьбе – это прежде всего место научного мышления о нашем обществе. Мы сможем доказать наши преимущества, если докажем, что умеем смелее, глубже, серьезнее, точнее анализировать общественные проблемы современности.

ЛЕКЦИЯ II

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Социологическому изучению доступны самые разнообразные явления общественной жизни. При этом особенность социологии состоит в том, что она подходит к ним с определенных позиций, и только то, что удастся увидеть ее «глазами», становится предметом анализа. Есть, скажем, такой термин, как социальный факт. Явления, рассматриваемые социологами, для краткости называются социальными фактами. Но их надо найти или определенным образом построить.

Предположим, мы имеем ряд фактов, которые могут быть или не быть социальными.

Первый факт: убийство, которое произошло сегодня в 2.30 ночи на Большой Полянке.

Второй факт: большинство из нас едет к месту учебы или работы на городском транспорте.

Третий факт: большая доля рабочей силы в нашей стране занята домашним хозяйством.

Четвертый факт: резкое падение рождаемости и быстро увеличивающийся процент разводов за последние годы.

И последний, пятый факт. Читатели одной из газет высказали мнение, какие рубрики в газете им кажутся слишком маленькими, а какие – очень большими, при этом маленькими им кажутся рубрики происшествий, а большими те рубрики, где описывается движение за коммунистический труд.

Пока это просто перечень разных фактов нашего общества, они еще не социальные, на них можно смотреть с разных позиций.

Представим себе, как можно подобные явления рассматривать. Всякий факт находит то или иное выражение в чело-

веческом сознании, представляющем собой довольно сложную конструкцию, в которой есть в основном два этажа. Первый – называемый массовым сознанием, – это представление людей, не занимающихся специально изучением данного факта.

Другой этаж общественного сознания можно назвать специализированным сознанием. Оно может быть научным или практическим.

Возьмем один из фактов. Произошло тяжелое преступление, предположим, убийство. Как отражается этот факт в массовом сознании? Обычно в виде разговоров: «Как это ужасно! Когда милиция положит этому конец» и т.д.? Но есть сознание специализированное, есть работники милиции, которые должны заниматься данным фактом. Если этот факт – убийство, то милиция обязана найти преступника. Она рассматривает факт под своим углом зрения – как момент в дежурном журнале в данном отделении милиции.

Что представляет названный нами факт для юристов? В основном повод для применения определенной статьи Уголовного кодекса или повод для его усовершенствования, если в нем такой статьи нет.

А как рассматривает данный факт историк? Поскольку само по себе это явление малозначительное, если только не убит Распутин или не умер тайным образом Александр I и т.д., постольку историк специально данным происшествием заниматься не будет. Он может лишь сказать, что нового тут ничего нет, ибо людей на улицах убивали и 100, и 150, и 250 лет тому назад. Историк, следовательно, возводит такой факт, как преступление, в привычную для него систему представления, пронзенную одной стрелкой: сегодня, вчера, позавчера. Он сопоставляет то, что было сегодня, с тем, что было вчера, и с тем, что произошло в далеком прошлом. В данном случае задача историка указать, что истоки названного факта относятся не к сегодняшнему дню и не к вчераш-

нему, а берут свое начало в эпоху родового строя. Он относит факт к какой-то ступеньке лестницы времени.

Таким образом, историк дал нам некоторое утешающее сознание, что не у нас началось такое зло, как убийство, и передал факт следующему специалисту – философу.

Философ определил, что всякое преступление, в частности убийство, есть пережиток прошлого. В данном случае философ мыслит по схеме, которую ему дал историк. Он знает, что такое явление родилось не сейчас, а возникло очень давно. Это, бесспорно, очень правильный вывод и его также нужно учитывать. Во-первых, он заставляет нас отрицательно оценивать такой факт как явление, противоречащее нашему обществу, и, во-вторых, дает некоторое представление о том, что в будущем такие вещи не будут проявляться и т.д. Дальше философское сознание пойти не может и не должно. Это, видимо, не его функция.

Предположим далее, что существует сознание экономическое. По поводу отдельного преступления экономист мало что может сказать, хотя может подсчитать, какой ущерб хозяйству страны приносят преступления вообще. (Правда, он это не подсчитывает, но в принципе сделать может.)

Есть еще один специалист, очень нужный, хотя его постоянно недооценивают, – статистик. Но что скажут статистики в нашем случае, мы не знаем, потому что судебная статистика у нас практически не публикуется. Статистик может сказать, сколько преступлений существует, где они существуют, каковы они и т.д.

И наконец, как может рассмотреть этот неприятный факт социолог? Он не может повторять сказанное милицией, экономистом, философом, историком или статистиком. Социолог получает тот или иной факт от них и анализирует его в связи с тем, что делается в обществе, а именно: представляет его не как единичный случай, а как один из моментов механизма действия общественной системы, причем в нашем

примере – это тот механизм действия, когда факт явился следствием нарушения социальной нормы.

Данные о количестве преступлений довольно любопытны, т.к. обнаруживают некоторые закономерности, которые не так просто объяснить. Статистик их получает, а объяснить не может. Например, есть данные, что число некоторых преступлений резко уменьшилось за последние десятки лет. Это неплохо. Но хулиганство выросло в несколько раз. И уже 70 лет в России остается стабильным количество некоторых преступлений, например, тех, которые возникают из-за ревности, зависти, мести и т.д. Приблизительно с 80-х годов прошлого века из года в год их число на миллион человек остается постоянным. Здесь имеется загадка, которую не разрешит ни юрист, ни статистик. Видимо, ее решение зависит от социологов. Но пока ответить на этот вопрос в деталях нельзя. Есть и некоторые другие формы постоянства. Известно, что преступления совершаются разным оружием (речь идет об убийстве), часть – огнестрельным, часть – холодным, часть – другими предметами. Оказывается, соотношение преступлений по разрядам использованного оружия остается устойчивым почти 200 лет. Но приблизительно 20% убийств совершается огнестрельным оружием со времен Великой французской революции. Статистика, которая была проведена в Курской области, показала, что сейчас этот процент такой же. Существуют, скажем, трость, камень, палка. При помощи этих трех предметов в начале XIX века совершалось, по данным французской статистики, 19% всех преступлений. Сейчас трости нет. Поэтому в наших судебных описаниях это оружие называется кол, камень, топориче. Так вот, при помощи кола и подобного ему оружия, как показала статистика, совершается 19,5% преступлений¹.

Как сообщают статистики, эти цифры оказываются не менее устойчивыми, чем, например, вращение Земли вокруг

¹ См. В.Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968.

Солнца, которое также меняется очень слабо. Но это одна из загадок, которые ставит данный факт перед социологами. Дело в том, что преступления характерны для разных групп общества по-разному: для города больше, чем для деревни, для крупного города больше, чем для малого, для Москвы больше, чем почти для всех других городов; для людей с низким образованием в принципе процент преступлений выше, чем для людей с более высоким образованием, и т.д. Задача социолога – объяснить или установить связи дальнейшего порядка между характером других сторон жизни и характером преступности. Эту задачу пытается решить социология преступности, или, как ее называют, криминология – учение, которое объясняет главным образом связи преступных явлений с иными явлениями общественной жизни. Мы должны знать, с какими моментами нашей жизни связано нарушение норм общества некоторой частью лиц, главным образом молодежью, потому что $\frac{9}{10}$ всех преступлений совершается людьми в возрасте от 18 до 25 лет.

Кстати, социально-экономические явления непосредственно меньше всего влияют на преступность, здесь действуют факторы культурной, духовной жизни, а иногда и патологии (социальная патология – также закономерное явление). Социолог рассматривает частное с точки зрения целого, с точки зрения общего работающего механизма.

Второй факт выглядит очень просто: мы добираемся до работы на общественном транспорте. Опрос, проведенный в Москве года два назад, показал, что 12% москвичей тратит на это более двух часов из всех затрат дня², причем большая часть времени уходит не на проезд, а на ожидание транспорта или подход к остановке. Человек, по подсчетам Б.А. Грушина, имеет в день около трех часов свободного времени и на эти три часа приходится накладка: 2 часа тратится на

² Здесь и далее в основном данные из книги Б.А. Грушина «Свободное время». Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

транспорт, выясняется, что это не просто случай, а проблема.

Обыденное сознание реагирует на нее просто – ворчит.

Сознание оперативное – работники московского транспорта – отвечает: машин не хватает, дайте больше машин, будем возить лучше.

Юрист в данном случае может сказать, что в некоторых случаях опоздание на работу не является тяжким преступлением, так как связано с транспортом.

Историк отметит, что это явление сегодняшнего дня, эпохи больших городов и коммунального транспорта; ни вчера, ни позавчера этого не было. А нам нужно объяснить, до каких пор это будет и как можно жить в таких условиях, учитывая, что в Москве через несколько лет будет в 5–6 раз больше автомобилей.

Философ, пожалуй, заметит, что это слишком маленький вопрос для его внимания.

А экономист? Он подсчитает расходы горючего, расходы времени, ресурсов на транспорт и может дать удачную, очень важную схему рационального размещения маршрута и т.д.

Социолог рассматривает этот вопрос в связи с тем, куда люди вообще тратят время и почему у них его не хватает? Социолог видит в этом огромные потери человеческого времени, причем потери почти исключительно без пользы. Он анализирует этот факт в связи с общей схемой распределения времени и потребностей в нем в обществе. Оказывается, что в нашем обществе 52% людей утверждает, что времени им не хватает. Больше всего испытывает недостаток во времени интеллигенция, которая работает вне производства (80%). В Москве не хватает времени 68% людей, самая большая нехватка времени у женщин, им не хватает времени больше, чем мужчинам. Людям в возрасте до 25 лет больше всего не хватает времени, 64% из них страдает от недостатка времени. Самая страдающая от недостатка времени категория – женщины в возрасте от 25 до 29 лет, 72,5% из них утверждают,

что времени не хватает.

Социолог ставит вопрос о том, куда люди тратят время и почему его не хватает? Сначала обнаруживается сумма явлений, известных экономисту. Оказывается, что времени людям не хватает потому, что отвратительно поставлено обслуживание, несколько часов в день уходит на приготовление пищи, на выстаивание в очереди и т.д. Экономисты знают, что более четверти детей не имеет мест в детских учреждениях и т.д.

Но есть еще и другая сторона проблемы: время люди распределяют по-разному и нуждаются в нем также по-разному. С одной стороны, домашнее хозяйство съедает у нас огромное количество сил – миллиард человеко-часов. Есть категория людей, тратящая на домашнее хозяйство больше трех часов в день. Ясно, что среди этой категории женщин больше, чем мужчин. Из мужчин всего 1,9% тратит больше 3 часов в день на ведение домашнего хозяйства, а из женщин – 44,9%, т.е. почти половина. Это показатель того, что быт у нас устроен крайне нерационально. Из этого следует целый ряд предложений по улучшению службы быта. Но дело не только в этом. Один из важнейших выводов, к которым приходит автор исследования (Б.А. Грушин), заключается в следующем: главная задача состоит не в том, чтобы сокращать рабочий день, а в том, чтобы спасти для людей свободное время. Большинство опрошенных предлагает не сокращение рабочего времени, а улучшение службы быта, чтобы высвободить то время, которое считается свободным, а на самом деле оказывается загруженным.

Продолжим анализ этого факта. Простой учет того, на что тратится время, привел еще к одному выводу. У нас в стране учится гораздо больше людей, чем в других странах, и это одна из самых положительных черт нашего общества. Можно представить себе дело так: тот, кто не имеет образования, старается его получить, а тот, кто имеет, – более или менее

им доволен. На самом деле картина противоположная, данные опроса показывают: из лиц, не имеющих среднего образования, учится 29%, из лиц со средним образованием – 38%, а из людей с высшим образованием – 47%. И это не единичный факт, а общая характеристика развития потребности человеческого рода. Вспомним поговорку «аппетит приходит во время еды», т.е. потребность возникает по мере того, как она удовлетворяется: у человека средне образованного она меньше, у человека, получившего большую порцию образования, она больше.

Таким образом, анализируя затраты времени на транспорт, социолог превращает этот факт в социальный, рассматривая его как сложнейшую социальную проблему, и это открывает ключ к следующим проблемам.

Обратимся к третьему факту: к росту числа разводов. Этот факт лишь недавно стал достоянием общественности, потому что только с прошлого года наша государственная статистика стала публиковать эти данные. Если в 1940 году разводы составляли 1,1% на 100 тыс. населения, то в 1965 году – 1,7. Это довольно большая цифра, которая ставит нас по этому показателю на одно из первых мест в мировой статистике. Это пока простой факт, но вызывающий эмоциональную реакцию. Из плохой литературы и посредственных фильмов можно составить мнение о том, что в этом есть нечто сомнительное, что это чуть ли не признак социального разложения. В массовом сознании возникает любопытство, некоторое недоумение, а иногда представление, что в этом есть нечто дурное, иногда мы сталкиваемся на практике или читаем в газете, как при помощи милиции пытаются регулировать семейные отношения, – здесь перед нами явно лишнее вмешательство «сознания оперативного».

Как реагирует на это юридическое сознание? Оно может предложить более рациональный порядок развода, усынов-

ления и т.д.³

Историк встроит этот факт в свою историческую лестницу из трех этажей, а выявить, почему процент разводов колеблется, он не может.

Философ ответит, что это пережиток прошлого, что ничего полезного в этом нет, а даже есть опасность морализации.

Экономисты скажут, что это не их дело, а статистики выдадут цифры⁴.

А вот на социолога в данном случае валятся все вопросы. Он проведет серию опросов, анкет, интервью. Американские социологи давно открыли такую закономерность: процент разводов в США почти точно изменяется в соответствии с процентом работающих женщин. От социолога требуют выяснить мотивы, отделить явления, неизбежные для данного развития общества, связанные со стремлением людей добиться более достойной семейной жизни, от явлений нравственного распада. Взятый в таком аспекте сам факт роста числа разводов становится социальным.

И, наконец, разберем последний из наших фактов. Б.М. Фирсов писал в «Журналисте» о проведенном в г. Тарту эстонскими социологами исследовании интересов читателей местной газеты. 23% читателей считают, что газета слишком много пишет о соревновании и движении за коммунистический труд. 73% читателей утверждают, что слишком мало пишется о происшествиях. Это только цифры. Как можно анализировать этот факт? Массовое сознание скажет одно из двух: либо газету читают в основном пошляки, либо ничего не скажет.

Оперативное сознание, видимо, промолчит, философы, историки и юристы тоже, потому что подобных опросов не делали и сравнивать, как меняются вкусы людей, не с чем. Экономисты и статистики вообще не любят данных такого

³ Недавно принят новый Закон о браке и семье.

⁴ См. сборник «Народное хозяйство СССР».

рода, считая, что это не их функции. В нашем перечне видов специализированного сознания нет журналистики, т.к. она, на наш взгляд, не особый вид сознания, а главным образом способ изображения.

Таким образом, факт опроса читателей остается целиком в распоряжении социологии и отчасти журналистики. Им придется выяснить многое. Если считать, что мнение читателей верно, то газету нужно перестраивать. Но сначала необходимо выяснить, какие категории читателей высказываются и каковы их желания. Может быть, надо лучше писать о коммунистическом труде, может быть, люди жаждут не просто сведений о происшествиях, а более полезных знаний? Задача социологов – соотнести эти цифры со структурой вкусов или потребностей аудитории, в данном случае читателей газеты. Кроме того, надо иметь в виду, что газета ставит перед собой и задачи воспитания масс.

Короче говоря, оказывается, что здесь есть довольно серьезное поле для внимания социолога и сознательно мыслящего журналиста.

Мне хотелось показать на этих примерах специфику социологической точки зрения на мир. Иногда употребляется, по-моему, очень удачное выражение американского социолога Райта Милса «социологическое воображение», специфика которого состоит в том, что все явления оно старается привести к некоторому общему знаменателю. Этот общий знаменатель – место таких явлений в механизме действия социальной системы.

В обществе мы всегда имеем дело с людьми, которые что-то делают, думают, чувствуют, действия и помыслы людей существуют только вместе. Но для специальных задач исследования общества, а также для практики руководства отдельными его сторонами необходимо разделить дела и мысли, рассматривать общество иногда по его делам; а иногда по замыслам, мнениям, настроениям людей. Дела – это резуль-

таты стремлений людей.

Способ, при котором общество изучается по реальным фактам, объективным данным, называется социологическим или объективно-социологическим, а способ, когда о положении общества, общественных процессах судят на основании мнений, настроений, помыслов, стремлений, желаний людей, называется социально-психологическим. Поясним на примере: имеется раздел статистики, называемый «моральной статистикой» – сколько в обществе браков, разводов, данные о рождаемости, смертности, переселении из других городов и т.д. Все эти данные, сообщаемые статистическими учреждениями, чисто объективные; они не зависят от мнения, желания, настроения людей. При рассмотрении количества часов, затрачиваемого людьми на домашнее хозяйство, мы также оперируем с чисто объективными показателями, которые можно даже регистрировать какими-нибудь приборами, но когда идет опрос с целью выяснения мнения и настроения людей, то мы уже вторгаемся в область социальной психологии. Но никакое сколько-нибудь серьезное исследование не проводится при помощи только одного из этих методов. В работе приходится использовать оба метода, которые, как правило, взаимно связаны. Поэтому в настоящем курсе трудно специально выделить социально-психологические проблемы; мы не будем рассматривать их отдельно.

Может возникнуть следующий вопрос: если слушатели не изучали психологии, не имеют достаточного представления, что за процессы происходят в сознании одного человека, как же можно понять что-либо в социально-психологических процессах, происходящих в сознании и настроениях общества?

Отвечая на него, отметим, что нас выручают два вот каких обстоятельства.

Происходящее в общественном сознании значительно отличается от того, что происходит в индивидуальной голове, и

не только отличается, но его значительно проще видеть.

Во-первых, мы «человеческую голову не видим», какие элементы ее приводят в движение – тоже не видим. У нас есть память, мы мыслим и запоминаем, можем догадываться или восстанавливать тот или иной процесс в памяти. А происходящее в общественном сознании можно видеть, потому что каждый элемент здесь оказывается зримым. Скажем, процесс общения на лекции с аудиторией – это один из видов коммуникации общества, все элементы которого как будто на ладони. Вот почему изучать деятельность социального сознания, настроения и мнений масс несколько проще.

Во-вторых, Н. Винеру – изобретателю кибернетики – принадлежит афоризм: «Человеческое общество подобно волчьей стае, глупее, чем отдельный человек». Что значит этот парадокс, почему «глупее»? Человек – самое сложное существо из всех известных, а, может быть, и самое сложное из всех существующих систем. Человек – существо социальное, устроен очень тонко, а знаем мы его довольно поверхностно.

Когда люди действуют в обществе, то они способны действовать вместе, потому что их действия стандартизованы, а многочисленные индивидуальные различия теряются в группе, организации, толпе и т.д. И общество действует, как студенческая группа, как армейское подразделение, как организация, которая имеет некоторую единую цель, единый способ устройства. При этом многообразии желаний, помыслов и отклонений людей в значительной мере нивелируется, теряет свое значение. Благодаря этому легче узнать движение армии, чем отдельного солдата, армией управлять легче, чем отдельным человеком. Эта закономерность серьезно описана психологами, биологами, кибернетиками и имеет большое значение при анализе обществ. Вот почему социолог знает человека значительно хуже, чем общество.

Один из самых надежных способов выявить особенности социологического метода в изучении общества состоит, очевидно, в том, чтобы проследить, как этот метод формировался, т.е. выявить «внутреннюю логику» истории социологической мысли. В данном курсе такой задачи не ставится, она требует особой работы. Отметим лишь некоторые принципиальные моменты в этом не слишком долгом, но довольно сложном процессе.

Развитие социологии с момента ее появления как отдельной дисциплины в середине прошлого века и до сегодняшнего дня можно в некотором смысле сравнить с движением от алхимии к химии. Известно, что алхимия оперировала очень большими категориями субстанций (земля, вода, огонь, воздух), преследовала чрезвычайно широкие цели, искала философский камень, рассчитывая с его помощью спасти человечество.

Примерно с таких широких и претенциозных попыток начинала социология, когда впервые появилось это название. Известно, что химия не нашла философского камня и выбросила все эти четыре субстанции и весь средневековый мусор, зато химия построила полимерные пластмассы, выделила изотопы из урана и сделала много других мелких, крупных, иногда опасных, чаще – необходимых вещей. Примерно так движется и социология.

Существует вульгарный предрассудок, будто всякое знание об обществе так или иначе относится к социологии. Если считать так, то социология берет начало от питекантропа, т.к. всякий человек более или менее социолог, потому что он должен что-то думать о своем положении в обществе, решать какие-то социальные дела и т.д. Разумеется, это науки не составляет.

Наука начинается всегда там, где кончается сфера деятельности здравого смысла, где обычный здравый смысл нам

ничего больше сказать не может. До тех пор, пока люди могли жить в обществе и устраивать свои дела, не имея специальной более или менее строгой дисциплины о механизме общественного движения, социологии не было и она не была нужна. Но когда привычные механизмы ориентации людей в обществе начинают отказывать, возникает необходимость в социологии или в целом ряде дисциплин социологического типа.

К началу прошлого века физика, химия, биология, астрономия, несколько позже и психология существовали как отдельные науки, стремясь к объективному, максимально бесстрастному, незаинтересованному описанию реальности.

К тому времени перестали искать бога в природе и конечную цель развития мира, серьезные науки этим уже не занимались. Учение же об обществе было иным, и, вообще говоря, разница между природным и социальным знанием не исчезла до сих пор, хотя в некоторых пунктах ее удастся преодолеть.

В чем же существенная разница? В том, что внимание человека к обществу всегда отличается от его внимания к природе. В обществе человек живет и имеет дело прежде всего с нормами жизни, с ее ценностями. Поэтому в обществе человека всегда интересовало и интересует в основном, как нужно жить, что является нормой в социальных отношениях, что – отклонением от нормы, что добро, зло, красота, правда и т.д. Все это ценностные категории, и, в отличие от изучения природы, отношение человека к обществу всегда было заинтересованным, ценностным, нормативным, и на этом строилась резкая разница двух типов знания: природного и социального.

Научный подход к обществу возникает лишь тогда, когда ставится задача – подойти к общественной жизни с такими же объективными критериями, с какими естествознание подходит к природе.

Эта задача, как известно, была поставлена Марксом. В «Капитале» функционирование и развитие буржуазного общества рассматривается как «естественно-исторический процесс». Анализ капиталистической системы служил средством разработки важнейших принципов категорий социологического исследования общества. Таковы, например, понятия об обществе как системе, о социальных группах, интересах, механизме конкуренции, социального управления и т.д. При этом собственно социологическая сторона его воззрений и методов ни самим Марксом, ни его ближайшими последователями не рассматривалась отдельно от общей теории исторического процесса и социалистической революции. Не требовалось поэтому и специального термина вроде «социология», а когда, к концу XIX века, он вошел в широкое (хотя и не вполне строгое) употребление, – под социологией часто понимали и философию истории и всю совокупность обществоведческих дисциплин – марксисты по праву смогли характеризовать свои воззрения на общество как точку зрения научной социологии. Пользуясь этим понятием, В.И. Ленин в своей книге «Кто такие друзья народа?» подчеркивал, что научный подход к обществу означает анализ общественных явлений с «естественно-научной точностью».

Для марксистов материалистическое понимание мира и общества явилось «естественной» предпосылкой научного исследования механизма социальной жизни; социологическое исследование общества выступило закономерным продолжением или дополнением анализа его истории. Вопрос о том, как наиболее эффективно сочетать историческое, философское, социологическое знания об обществе, и сейчас еще оживленно обсуждается в нашей научной литературе⁵.

Различными путями подошли к выводам о научном исследовании механизма общественной жизни представители

⁵ См. статью Г.В. Осипова «Социология как наука» в сб.: «Социальные исследования», вып. 2. М.: Наука, 1968.

ряда влиятельных в буржуазном обществе XIX века течений научной, философской, социальной мысли. Понятно при этом, что различие путей прямо или косвенно сказывается и на различии результатов, их истолкований и т.д.: определенные «родимые пятна» своего философского и социального происхождения всегда несут не только социологические воззрения различных школ, но отчасти и применяемые ими методы исследования, прошедшие практическую проверку, но отсюда вовсе не следует, что можно отождествить родимые пятна с «телом» науки, объявить результаты исследования или его методы ошибочными лишь на том основании, что исследователи или их учителя придерживались неверных, устаревших философских взглядов или консервативных политических ориентации. Во всех случаях надо уметь видеть научное содержание воззрений, научное значение методов исследований. В конечном счете историю социологии как науки определяет развитие именно этого содержания. Важно подчеркнуть, что возникновение и развитие социологии как науки происходило – и сейчас, конечно, происходит – не только под самым активным влиянием успехов естествознания, психологии, логики, но и в связи с новыми требованиями общества к социальному знанию.

Потребность в научном, следовательно, максимально объективном и строгом анализе явлений общественной жизни – это вовсе не потребность любознательного ума. Она возникает уже в развитом буржуазном обществе вместе с формированием сложных систем промышленной, государственной и военной организации, с бурным ростом массовых коммуникаций и т.д. Научное знание об обществе растет и пробивает себе дорогу через чащу иллюзий, привычек, предрассудков, идеологических фикций и пр. арсенала «старого» социального мышления именно потому, что оно оказывается (или кажется) практически нужным. Конечно, сама эта «практичность» может иметь разное значение: здесь и со-

вершенствование организации труда, и манипулирование общественным мнением и т.д., поэтому вокруг проблем использования социологического исследования сегодня идет такая же сложная социальная и идейная борьба, как и, скажем, вокруг проблем использования ядерной физики. В условиях нашего высокоорганизованного социалистического общества теряют значение многие из таких острых проблем – например, те, которые связаны с эксплуатацией трудящихся, с капиталистической конкуренцией, милитаризмом и т.д. Зато приобретает все большее практическое и теоретическое значение разработка социологических проблем планирования, научной организации производства, пропаганды и др. Поэтому социологические исследования в социалистических странах получают в последнее время широкую общественную поддержку и государственный размах.

Историю социологической мысли нельзя представить себе как последовательное развитие какой-либо единой концепции или школы. На каждом этапе выступают и противостоят разные как по своим установкам, так и по своей методологии течения.

С некоторой долей условности можно схематически выделить три основных этапа в формировании и развитии социологии как научной дисциплины.

Первый из них охватывает время приблизительно с 40-х до 80-х годов XIX века. За эти десятилетия формируется материалистическое понимание общественной жизни. В те же десятилетия развертывают свои научные программы социологи-позитивисты – О. Конт и Г. Спенсер, которые провозгласили необходимость создания социологии как особой науки, но фактически не смогли ее создать.

Второй период развития социологической мысли (с 90-х г. XIX в. примерно до 20-х г. XX в.) можно охарактеризовать как период формирования специфически-социологических методов мышления и соответствующих категорий. В эти го-

ды определяют свои позиции функциональная школа (Э. Дюркгейм) и школа социального действия (М. Вебер), «социологизм» противопоставляется «психологизму» (Г. Тард и др.). Важно подчеркнуть, что далекие по своим социально-политическим и философским ориентациям от научного социализма и прямо выступающие против него представители признанных в буржуазном обществе социологических течений вынуждены были признавать марксизм, так или иначе считаться с его положениями. Это заставляет нас вспомнить ленинское замечание о месте марксизма на «столбовой дорожке» общественной мысли человечества.

Кстати, «практика» эмпирического социологического исследования с самого своего зарождения отнюдь не была чужда марксистской мысли. Исследование «Положение рабочего класса в Англии», использование Марксом статистики труда в «Капитале», анализ политических сил во французских революциях и многие другие классические марксистские работы – образец подлинно научного социологического анализа общественных явлений. Третий этап – с 20-х г. XX века по настоящее время – это в основном этап развития социологии как эмпирической дисциплины, широкого распространения и совершенствования методов и техники конкретного социологического исследования. В центре внимания социологов на Западе оказываются проблемы социальной организации труда, мобильности общественной структуры, городской жизни, действия массовых коммуникаций, пропаганды, малых групп и т.д. – т.е. прежде всего прикладные, актуальные для общества темы. Интерес к общетеоретической мысли падает, и на этом фоне выдвигается на первый план – в США, а позже и в Западной Европе – школа структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), стремящаяся опереться на наследие М. Вебера и Э. Дюркгейма, используя определенные выводы психоанализа, а позже и кибернетики. Эта школа подвергается резкой крити-

ке со стороны таких, не очень четко очерченных течений социологической мысли Запада, как бихевиоризм, «конфликтная» социология и др.

К сожалению, в течение длительного времени социологические исследования не получали должного развития в нашем обществе, которое больше других нуждается в строго научном анализе. После революции у нас были начаты важные социологические исследования труда, досуга, быта, деревни, однако с конца 20-х г. эта работа почти целиком была свернута. В этом сказалась общая идейно-политическая обстановка того времени, соображения «авторитарного» порядка («вдруг будет обнаружено нечто нежелательное?»), предубеждения против «буржуазных методов».

С конца 50-х г. начинается новый период развития социологии в нашей стране – формируются научные центры, ведется подготовка кадров, проводится ряд серьезных исследований; многочисленные дискуссии и сама практика исследований ведут к признанию важного места социологии в ряду общественных наук, обслуживающих нынешние и перспективные интересы социалистического общества.

Можно полагать, что по мере того как молодая наша социология будет становиться на ноги, она не только сумеет наиболее эффективно приложить и применить к решению своих задач все то богатство знаний и методов, которое накоплено социологами разных стран, но и внесет свой вклад в разработку таких проблем теории, методологии и методики социологического исследования, которые ранее не могли быть решены или даже поставлены. По времени выход нашей социологии на простор совпал с новой и чрезвычайно важной тенденцией, характерной для сегодняшней социологии в мировом масштабе, – широким применением математических методов и моделей, использованием электронно-вычислительной техники в изучении общественных явлений.

У нас сделаны первые заметные шаги в этом направлении⁶.

Можно надеяться, что в обозримом будущем оба этих новых момента – широкое использование социологии для нужд социалистического общества и математизация социологического знания – разовьются и сблизятся настолько, что будут основания говорить о четвертом периоде истории социологии, начиная приблизительно с конца 50-х годов нашего века.

⁶ См. «Количественные методы в социальных исследованиях». Серия: материалы и сообщения. Материалы совещания, прошедшего в г. Сухуми 17–20 апреля 1967 г. (Информационный бюллетень ССА, № 8–9, М., 1968).

ЛЕКЦИЯ III

ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА

Читатели «Литературной газеты» недавно могли следить за странным спором философов, логиков, антропологов на тему – что такое человек и представляет ли он нечто единое с утюгом.

Если отвлечься от способов ведения этого спора, его цели и некоторых других, не слишком, на наш взгляд, интересных моментов, то останется некоторое «жемчужное зерно»: человек ли сам по себе или человек вместе с утюгом, ботинком, паровозом и прочими вещами составляет человека?

Выражаясь менее фигурально, нас интересует, что входит в понятие человеческого общества, можно ли ограничиться рассмотрением самих по себе «человеков», личностей или нужно рассматривать что-либо еще.

Постановка вопроса насчет «утюга» не нова, и думается, что она даже не является спорной. Существуют два понятия человека: первое – (в довольно узком смысле) человек как индивидуум, который ходит по улицам, работает у станка, спит в кровати, и второе – человек как общественное существо, когда слово человек пишут с большой буквы. Человек, который строит заводы, ведет войны, устанавливает и свержает социальные системы и т.д. и этот «общественный человек», как писал в свое время Маркс, не изолированный индивид, а «мир человека, государство, общество». Итак, реальность, имеющая общественное значение, – это «мир человека».

Что же входит в «мир человека»? Очевидно, какое-то множество людей, которые работают, думают, действуют, встречаются, ищут и т.д. Но не только это. В «мир человека» входят вещи, созданные людьми и составляющие необходимый элемент человеческой жизнедеятельности.

В мир, где человек живет и работает, входит еще и третий элемент – правила, нормы, директивы, которым подчиняется отдельный человек и при помощи которых он ориентируется, может пользоваться вещами, общаться с другими людьми и т.д.; сюда входят, конечно, все интересы и стремления общественного человека.

Маркс писал, что люди в обществе занимаются «производством своей общественной жизни». В это производство общественной жизни по расчленению, применяемому Марксом в «Немецкой идеологии», входят три элемента: производство людей, производство вещей и производство форм общения.

Производство людей в обществе – это производство людей как существ общественных, т.е. людей, обладающих определенными знаниями, навыками, привычками или, иначе говоря, определенной культурой.

Производство вещей нужно человеку для удовлетворения его личных, общественных, в том числе и каких-либо нерациональных потребностей. Вещи: одежда, паровозы, статуи, стихи и т.п., – которые человек сделал и вне себя поставил, есть не просто куски вещества, а предметы, воплощающие какие-то человеческие нужды, какой-то уровень человеческой культуры.

Третий элемент – формы общения. Сюда входят все способы, при помощи которых люди общаются друг с другом. Строго говоря, и к природе человек относится через какие-то данные ему культурой требования, нормы, привычки, потому что только состояние культуры определяет, что человеку нужно, что он от нее берет. В понятие «формы общения» входят не только экономические формы, т.е. экономические отношения, но и все прочие способы коммуникаций между людьми.

Эти замечания относительно человека и вещей необходимы, потому что и сейчас существует иногда путаница, когда

сбрасывают со счета то обстоятельство, что мир человека — не только люди, и никогда он не может состоять только из одних людей, т.к. в мире человека обязательно есть и вещи, и формы общения, и ценности, и нормы, и социальные институты, к которым человек также относится как к вещам, вне его находящимся.

Нужно заметить, что тема о человеке, об обществе не очень популярна в современной социологической литературе, причем по простой причине: хотя термин «социология» начинается с части слова, которая означает «общество», его значение наиболее туманно и старомодно. По мере развития социологического знания оказалось, что общество — это такая материя, которую подержать в руках и рассмотреть через микроскоп социологических исследований не удастся. Вот почему эта категория почти вышла из употребления и кроме как на обложках разных книжек, касающихся социологии, не встречается, а если и встречается, то в значении фигуральном, подсобном. Это не случайный момент, а один из элементов того процесса, который превратил алхимию социологии в химию и кое-что из больших надежд оставил в скобках.

Откуда возникает какая-то неясность, почему туманно привычное нам понятие общества? Будем рассуждать так: что такое общество? Человечество или наше советское общество, европейская цивилизация или японский феодализм — общество, или какая-то форма общения представляет собой нечто вроде общества? Границы здесь не будут четкими, и при дальнейшем рассмотрении мы не будем искать внешние границы общества, гораздо интереснее внутренние границы.

Например, допустим, нам надо узнать, что такое обыкновенная вода. Можно описать, где она течет и где ее нет, но это будет внешнее описание, не дающее представления о том, что такое вода. Представление же о воде мы получим, когда узнаем, из каких элементов она состоит и как, какой структурой они связаны. Именно этот тип внутренней связи

самой воды и определяет, что она такое и куда она может течь.

Применительно к обществу нас должно интересовать то же самое. Но как надо искать ту единицу или внутренний кусочек, по которому можно определить общество? Существовало довольно много попыток найти такую единичку, особенно лет сто назад, когда стала очень модной клеточная теория.

Если рассуждать об этом любительски, то очевидно, что клеточкой должен быть человек – отдельно взятый человек, который думает, действует, стремится и т.д., потому что все общество в конечном счете состоит из людей. Однако это неверно, и человек клеточку не образует по той причине, что общество – это не только множество людей, а люди, которые работают с определенными вещами, пользуясь какими-то нормами, правилами, законами, т.е. формами общения. В отдельно взятом человеке мы этого не обнаружим.

Другие попытки найти элементарную единицу общества, довольно модные сейчас в социологии по причинам сугубо практическим, заключаются в том, чтобы найти некую единицу связи между людьми. Некоторые говорят, что такой связью является малая группа – 3–5 человек, а отношения между ними, взаимная связь, уважение, власть, традиции и многое другое – это все, что бывает в обществе. Другие, более «радикально» мыслящие утверждают: зачем искать малую группу из 3–5 человек, когда достаточно взять двух и видеть в их взаимодействии некую маленькую модель всего, что происходит в обществе.

Такие подходы практически оказываются популярными, потому что в рамки социологии довольно просто укладываются именно отношения пары лиц или отношения внутри малой группы. Но это еще не оправдывает сведения всего общества к сумме таких взаимодействий.

Один французский социолог шутил по этому поводу, го-

воря, что есть мода в науке (он имел в виду американцев) такого порядка: потерявший часы в темном переулке ищет их под светом фонаря, потому что там светло. Но потерянное в темноте не всегда найдешь на свету. Видимо, нужно распространить свет и на другие области.

Для наших сегодняшних нужд анализ общества через отдельную клеточку, через отдельного человека недостаточен, он ничего не дает (хотя для некоторых узкопрактических целей может пригодиться). Да и весь «дух» современной науки, в том числе и науки об обществе, побуждает нас к объяснению части через целое, к умению видеть в ней элемент системы.

Надо начинать не с клеточки, не с человека, а с единицы куда большей – с самого общества как некоторой целостной системы.

Что это значит? Постараемся дать самую общую характеристику того, как эта система устроена, как она работает.

Можно говорить о том, что общество является, выражаясь языком современной науки, одним из видов живых систем. Пока известны два их вида: биологический организм и организм социальный (вероятно, когда-то станет известным и третий – искусственный, электронный организм).

Живая система отличается от любой другой, например, от системы работающей машины, тем, что в ней не только определенные элементы связаны в нечто целое, но и тем, что она постоянно обменивается веществами с окружающим миром. Общество тоже все время забирает в себя какую-то часть внешней природы, что-то отбрасывает в природу, что-то производит. Поэтому его можно назвать открытой системой. Но общество не только открытая система, она еще и живая. Такая характеристика может быть объяснена следующим образом: общество-система, организованная в двух измерениях, – в пространстве и во времени. Организованность общества в пространстве означает, что огромные мас-

сы людей работают вместе, сплочены общими задачами и потребностями, общими нормами социальной жизни.

Организованность общества во времени заключается в том, что общество не состоит из одного и того же субстрата; одно поколение сменяет другое, и каждое следующее поколение застаёт определенные готовые формы жизни и продолжает их, застаёт готовые вещи, сделанные людьми, и нормы, при помощи которых люди строят свои отношения и отношение к вещам. И так постоянно, поскольку данная общественная система цела. Известно, что системы не только поддерживают себя, но и разваливаются, перерастают в другие или вообще уничтожаются, как какая-нибудь Золотая орда.

Не только общество, но и любой биологический организм тоже организован в пространстве и времени, в нем есть множество клеток, органов, тканей, которые подчинены чему-то целому и которые сменяются, одни отмирают, возникают новые, но все они оказываются вплетенными в общую целостность. Нечто подобное происходит и тогда, когда живет колония организмов, например, какой-нибудь муравейник и т.д.

Фундаментальная особенность общества заключается в обеспечении преемственности организации. В биологической системе, скажем, человеческом организме, преемственность организации во времени объясняется действием определенных биологических аппаратов – аппарата размножения и аппарата, передающего по наследству признаки через генетическую систему. Благодаря действию этого сложного, хитрого и сейчас во многом уже известного механизма оказывается возможным то, что поражало ученых многие столетия: последующие организмы дублируют родительские и тем самым продолжают себя в роду.

Кроме генетической системы, существует еще система наследования поведения, система инстинктов (передается

тоже генетически), которая объясняет подавляющее большинство способов действия любых животных, вплоть до самых высших.

Решающее отличие человеческого общества от живых систем в том, что никаких генетических внутренних структур в организмах, которые бы передавали принципы общественной организации, не существует. Человек сам по себе, человек с точки зрения его биологического устройства, в том числе и генетического аппарата, никакими свойствами для передачи по наследству общественной организации, знаний, навыков, умений и проч. не обладает. Каким же образом обеспечивается такая передача? Это происходит благодаря тому, что накопленная человеком в процессе его жизни информация, знания, умения, навыки, привычки, нормы и т.д. откладываются в культуре, составляют ее содержание и запоминаются, выучиваются следующими поколениями в процессе обучения.

Только малая часть того, что животное умеет и делает, есть продукт обучения, да еще частично – развития заложенных задатков. Для человеческого организма соотношение совершенно иное: сравнительно мал объем полученного человеком по наследству, биологически, и огромен размер того в поведении человека, что он приобретает в обучении, получает от культуры через специальную, только у людей существующую систему неорганического хранения информации.

Между прочим, это соотношение можно выразить в некоторых числах. Существуют способы измерения количества информации, заложенной в разных системах, – живых, искусственных и т.д.; измерение информации основывается на учете возможного разнообразия действий. Минимальное разнообразие (включено или выключено, да или нет) оценивается одним битом информации; большое разнообразие всех возможных действий дает большое количество битов, информация дается в двоичных единицах – битах.

Подсчитано, что в яйцеклетке млекопитающих, следовательно, и человека, может быть записано примерно 10^9 – 10^{12} бит информации. Это – объем памяти, которым обладает клетка, такое разнообразие действий она может «запомнить».

У человеческого мозга объем памяти совершенно иной: он измеряется цифрой 10^{15} – 10^{20} бит. Разные источники подсчитывают это по-разному, по самому минимальному счету мозг может помнить в 1000 раз больше информации, чем яйцеклетка, а по самому большому – в 100 млрд раз больше.

Можно представить себе, что сама по себе наследственная информация в яйцеклетке – нечто объемистое, потому что вся структура человеческого тела, вся механика действий его органов, вплоть до черт лица, передается через яйцеклетку, зафиксирована в этой информации. Но огромная часть того, с чем имеет дело человек, его мозг, не может быть получена по наследству. Откуда же человек это получает? Говоря строго, все способы знаний, умений и т.д., как угодно они ни были бы закреплены, составляют культуру, и человек получает громадное количество информации в процессе жизни благодаря тому, что приобщается к человеческой культуре. Но в данном случае необходимо точно определить само слово «культура», потому что оно часто понимается по-разному.

Под словом «культура» мы понимаем всю совокупность выработанных людьми на протяжении жизни ряда поколений способов, при помощи которых человек действует. Поясним это следующим образом: перед нами обыкновенный предмет – стул. С точки зрения практической на него можно сесть или использовать каким-либо иным образом, но можно рассматривать его как элемент культуры. В этом случае нас будет интересовать, какие человеческие потребности, умения, знания, навыки в нем воплощены. Здесь будут и человеческое умение обрабатывать дерево, склеивать, красить его и т.д., и человеческая потребность в том, чтобы, предположим,

сидеть на стуле (люди восточных культур сидят на коврах, на полу, а мы без стульев, хороших или плохих, не обходимся).

Так и любой предмет, норму, знание в обществе мы можем оценивать двояко: во-первых, для чего оно нам нужно и, во-вторых, какая культура в этой вещи воплощена. Допустим, мы попадем на Марс и найдем там какие-нибудь каменные топоры, с помощью которых можно, например, колоть кокосовые орехи, то есть использовать их утилитарно. Но скорее всего мы этого делать не будем, а станем рассматривать их как показатель определенного уровня существующего (или существовавшего) там общества, его знаний, умений, привычек, способов организации, то есть культуры. Точно так же можно рассматривать и любую другую вещь, в том числе и самого человека.

Но следует сделать оговорку: очевидно, что в понятие способов действия, воплощенных в культуре, входят и способы производственного действия, способы работы людей в условиях общественного производства. Для ряда специальных задач, и прежде всего той, которая стояла перед Марксом, нужно было из всех элементов культуры выделить один – производственную культуру как определяющую – и рассматривать, как она влияет на все остальные элементы. Решение Марксом этой задачи привело к понятию материальных отношений в обществе и во многом положило начало научному анализу общества.

Но не всегда существуют только такого рода задачи. Бывают задачи иного типа, и, в частности, для социологических исследований недостаточно ограничиться тем, чтобы фиксировать зависимость от хозяйственной жизни других ее сторон. Часто необходимо видеть более сложные взаимодействия, взаимодействия потребностей и форм их удовлетворения, способов организации человеческого общества и соответствующих им норм поведения, а также многое другое, где далеко не всегда и не все может объясняться прямо из спосо-

ба производства.

Маркс и Энгельс критиковали как вульгаризацию так называемый экономический детерминизм, стремление все свести к экономике или вывести из нее. Правда, экономический детерминизм и у нас имел некоторое влияние и с ним до сих пор приходится сталкиваться.

Итак, при таком понимании «культуры» мы получаем возможность анализировать самые разные явления общественной жизни с точки зрения того, как они организованы, где и чему служат, с точки зрения их культуры.

Выше говорилось, что организованность общества может рассматриваться в двух измерениях – во времени и в пространстве. Здесь существует несколько уровней организованности. Что это за уровни? Самый верхний назовем обществом, хотя этот термин не особенно популярен в социологии и не очень конкретен (поэтому иногда говорят, что высший уровень социальной организации – это социетальный уровень). Несколько ниже – социальный институт.

Социальным институтом в социологии принято называть нечто подобное органу в живом организме: это узел деятельности людей, сохраняющийся стабильным на протяжении определенного периода времени и обеспечивающий стабильность всей социальной системы. Институтами в обществе называют обычно некоторые особые виды деятельности: государство, церковь, пожалуй, и войну можно рассматривать как особый общественный институт.

Каждый такой узел общественных связей обладает некоторой собственной организацией и специальными людьми, ее поддерживающими. Если есть государство, то есть чиновники, специально на государство работающие. Более того, если есть социальные институты, то существует и стремление их развивать.

Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое называется в сатирической публицистике законом Паркинсона. Этот анг-

лийский социально мыслящий сатирик вывел следующий закон: всякая организация, единожды созданная, находит сама для себя работу и поэтому стремится расширить собственные рамки действий, т.е. не для определенных работ существует организация, а наоборот. Паркинсон приводит такой пример: когда-то Англия была царицей морей, а потом перестала быть ею. При этом количество морского флота в Англии резко уменьшилось, роль его в жизни страны сократилась, а между тем штат английского морского министерства вырос в несколько раз. Паркинсон утверждает, что это один из примеров единожды созданной структуры, стремящейся расширяться. Таким свойством обладают почти все социальные институты (точнее – соответствующие им организации).

Следующий уровень организации общества, с которым имеет дело социология, – группа. (Группы бывают самого разного типа – большие, малые, поэтому лучше сказать – не группа, а группы.)

Следующий уровень – индивид, отдельно взятый человек. В какой-то степени он может рассматриваться как личность.

Таким образом, существует некоторая иерархия форм организации общества. Можно представить, что в далекой первобытности, в час икс человеческой цивилизации, таких уровней организации не было, видимо, была первичная группа, действовавшая как целое, из которой не выделялся индивид и которая не содержала никаких особых институтов. Но никто не видел «нулевого» состояния общества и этой некоей воображаемой реконструкции, которая нужна бывает иногда для разных теоретических целей.

Уровни организации общества обладают очень характерным взаимным соотношением. Дело в том, что каждому уровню соответствуют свои нормы культуры, определенная общественная память. Индивид может запомнить одну часть (или форму) социальной информации, группа – другую, институт – третью, общество – четвертую. Поэтому, говоря о

культуре, надо учитывать, что она не сосредоточена в одном месте, а существует на разных уровнях и в разных формах.

При этом наблюдается такая взаимосвязь: самое сложное, богатое и подвижное образование в этой иерархии находится внизу.

Самое богатое и сложное социальное образование, наименее понятное и наиболее трудно управляемое – индивид; самое простое, легко предсказуемое и легче управляемое – общество на социетальном уровне. Почему так получается? Хотя бы потому, что индивид наполовину социальный и наполовину биологический, он – сжатый в комок итог органической и социальной эволюции. Далекое не все, что есть в обществе, есть в индивиде, но в нем, наверное, есть больше, чем в других уровнях общества. Вспомним афоризм Н. Винера – «человеческое общество, подобно волчьей стае, глупее, чем отдельный человек».

В данном случае имеется в виду довольно простое явление. Объем памяти у общества меньше, чем у человека, ее подвижность, способность перестраивать свои способы действия в целом гораздо меньше, чем у отдельного человека.

Американский психолог Джордж Миллер, интересующийся математикой и кибернетикой, анализировал, с какой скоростью перерабатывается информация на разных уровнях организации. Он рассмотрел, кроме трех уровней, о которых говорилось выше, еще два или три, интересных только для биолога, и вывел такие числовые соотношения. Оказывается, в отдельно взятом органе, в нервной системе скорость преобразования информации от 50 до 4000 битов в секунду. Это говорит об огромной скорости работы нервной системы; с такой скоростью индивид работать не может. По Миллеру, скорость переработки информации человеком составляет 6 битов в секунду. Если взять поведение группы (правда, имеются в виду не всякие группы, а экспериментальные, малые, подвергавшиеся специальному анализу), то у них ско-

рость переработки информации – 3 бита в секунду (на уровне социетальном, где действуют специальные каналы связи, Миллер считает возможным допустить 3–4).

Кстати, это еще один довод, что надо начинать социологию не с индивида и его действий, а сверху, а потом переходить к чему-то более сложному.

Существуют течения философии и социальной мысли, специальность которых состоит в критике общества. Этих критиков удобнее всего называть «романтиками» в социальной философии. Их точка зрения заключается в том, что все вещи, институты сковывают человека, навязывают ему способы поведения. Социальные институты можно рассматривать как вещь, существующую вне отдельного человека, так же как вся материальная цивилизация, с которой человек мало что может поделать; ему приходится приспосабливаться и рассматривать ее как нечто неизбежное. «Романтики» утверждают, что это есть признак упадка общества, нечто нетерпимое и подлежащее отмене.

Вполне очевидно, что такой способ рассмотрения общества при всех добрых намерениях его сторонников абсолютно бесплоден. Рассуждая подобным образом, можно прийти к утверждению, что лучше всего люди жили бы и общались друг с другом «по-человечески» в обществе без всяких институтов, законов, «вещей». Это фантазия. Люди становятся людьми именно потому, что некоторую часть своих социальных отношений и своей культуры они могут записать объективно, записать в каких-то «вещах». Происходит процесс, который на языке гегелевской философии назывался словом «опредмечивание», когда человеческая деятельность, ее нормы и привычки выражается в предметах, скажем, в предметах культуры или государстве (тоже «предмет»).

Иногда в современной литературе употребляется то же самое слово, но немного в латинизированном виде – «реификация» («реус» – вещь, предмет). Реификация – превращение

в предмет. Человеческие отношения, продукты человеческого ума и даже продукты человеческого сердца превращаются в вещь. Вы спросите, при чем тут сердце? Но «не продается вдохновенье», а рукописи продаются, да еще как продаются!

«Романтическая» точка зрения рассматривает этот процесс как нечто отрицательное, нежелательное, а дальше идут мечты о том, как бы вернуться в это состояние, когда человек общается с другим, как с человеком, а не как с вещью.

Но что же, собственно, было раньше? Никакого царства свободного общения всесторонне развитых, красивых и т.п. личностей не было; даже в прекрасной Элладе, которую мы знаем в немного подрисованном виде, ничего подобного не наблюдалось. Первичность, с которой начинается человеческое общество, – это система, где люди намертво были связаны друг с другом обычаями, нормами, обязательными для всех и предписывавшими каждому человеку его роль.

Был ли период, когда люди свои знания передавали из уст в уста, а не в реифицированной форме, периодом освобождения человечества, или же это был период гораздо более тяжелого порабощения, чем сейчас? Скорее второе.

Объем того, что люди могли запомнить и устно друг другу передать, был очень мал. Отсутствие записей и воплощения знаний в другой форме превратило хранение накопленной информации в исключительно трудную процедуру. Хотя говорят, что это был период личных зависимостей, личных связей, но на самом деле личности в нашем современном понимании этого слова не видно было ни в первобытном обществе, ни в патриархальном, ни при феодальных или азиатских формах человеческой организации.

В ситуациях, когда люди были чем-то единым вместе с произведенными ими вещами, а формы общения людей были намертво запечатлены в структуре человеческих личностей, личности не было. И только когда люди научились часть знаний выражать через книги, через материальные предметы,

они освободились для других занятий, в том числе для того, чтобы быть более человечными, более развитыми.

Сам по себе факт разделения человека и вещественных продуктов исторической деятельности, в частности социальных институтов, – закономерный факт развития человеческого общества.

Хотя все институты и организации, когда-либо создаваемые у людей, обладают неприятной способностью размножаться, способностью обслуживать самих себя, тем не менее без внешне записанных норм поведения, воплощенных в таких узлах, структура человеческого общества, попросту говоря, не держалась бы. Институты представляют собой закономерные элементы всего устройства общества, и только благодаря им общество представляет нечто целое. Как и в человеческом организме – уберите органы, разделение и дифференциацию клеток, – и получите безжизненную, бесформенную массу. То же самое и с человеческим обществом: оно может жить только в условиях определенного типа организации.

Одну и ту же общественную структуру можно описать по крайней мере тремя разными способами, и это будет одна и та же структура общества.

Во-первых, показать, какие институты действуют в обществе. При помощи таких описаний мы отличаем наше общество от общества 20-х годов, от общества феодального, первобытного и еще какого-нибудь.

Институтам соответствуют или законы, если это – государство, или моральные нормы, или какие-то иначе записанные нормы действия, и все общество можно описать на институциональном уровне.

Во-вторых, любое общество можно рассматривать на уровне групп, тогда оно предстанет как соотношение разного типа групп. Кстати, описание на уровне групп у нас довольно популярно. Иногда его называют социальной структурой.

Сюда входит соотношение классов данного общества, но не только классов. Группы гораздо многообразнее, а социально-экономические классы, рассматриваемые в марксизме, превращаются в очень важный вид групп.

В-третьих, если «спуститься» еще на одну ступеньку социальной организации и рассматривать общество на уровне индивидов, то практически все в обществе можно представить себе следующим образом: существуют люди и существуют некоторые роли, которые они должны исполнять. (Как по Шекспиру: «Мир – театр, а мы – его актеры».) Очень распространенный в современной социологии прием состоит именно в том, чтобы рассматривать окружающий человека мир как совокупность ролей, которые он должен играть. Общество в таком случае предстает как список действующих лиц некоей пьесы, хотя автор пьесы и количество действий в ней остались неизвестными, но основные роли есть, они могут меняться по ходу дела, но так или иначе сохраняются и требуют исполнения. Эти роли могут определять положение человека в социальной иерархии, его отношение к характеру производства, престиж отдельно взятого человека, т.е. практически все, что угодно.

Итак, общество можно описать по-разному, на уровне институтов, групп или индивидов.

Еще лет сто пятьдесят назад предпринимались примитивные попытки рассматривать общество под углом зрения того, какие человеческие потребности оно воплощает. Милль, Бентам и другие теоретики индивидуализма старались подойти к определению общества, используя такую схему. Позже эти попытки перекочевали в современную социологию и в некоторые работы наших экономистов. В одной работе недавнего времени предлагался такой способ исчисления потребностей общества: сколько человек имеет – числитель, его желания – знаменатель; все это надо помножить на

некоторый коэффициент – и отсюда получается размер потребностей.

Может быть, так можно подсчитать потребность в ботинках или хлебе, то есть в чем-нибудь практическом, да и то не всегда. Фокус общественной жизни состоит в том, что люди мало знают, что нужно обществу, а потребности общества включают такие вещи, о которых отдельный человек понятия не имеет (вооружение, символические системы, религия и др.).

Потребности обладают удивительным свойством: они растут по мере их удовлетворения («аппетит приходит во время еды!»). Может быть, можно определить потребность в ботинках сегодня, но измерить, сколько нужно человеку и обществу, нельзя, потому что по мере удовлетворения эта потребность оказывается растущей. Разбирая пример со свободным временем, мы столкнулись с парадоксом: больше всего нужно образование тем, кто уже имеет образование, и больше всего в свободном времени нуждаются те, кто уже его имеет.

Более того, потребности вовсе не возникают из абсолютной нехватки. Скажем, американская действительность сейчас показывает такое соотношение: негры на Севере с большей энергией добиваются гражданских свобод, чем негры на Юге. Это имеет много объяснений, но самое существенное состоит в том, что на Севере видят больше и могут больше сделать, человек же, имеющий мало, малым и довольствуется.

Все это заставляет вспомнить знаменитую формулу Оскара Уайльда, который говорил, что у человека есть две трагедии: первая – когда он не имеет того, что хочет, а вторая – когда он получает то, что хочет; и только вторая – трагедия настоящая. Но это бывает с отдельными индивидами, с отдельными группами. В обществе в целом таких трагедий не существовало, все трагедии были полегче.

Из этого можно сделать вывод, что потребности общества формируются только самим обществом, они обладают удивительной способностью расти и обладают собственными внутренними закономерностями этого роста.

Здесь мы сталкиваемся с важной особенностью всяких живых систем, в том числе и общественных: они обладают свойствами повышать свою организованность и создавать сами для себя новые потребности.

Маркс написал, возможно имея в виду именно это, что производство новых потребностей – это первое историческое дело. Первое дело работы всякой социальной машины состоит в том, что она сама для себя производит потребности, поэтому и движется дальше.

ЛЕКЦИЯ IV

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Можно предположить, что культура в «нулевой точке» социального движения представляет собой нечто вроде целостного требования – «так-то следует поступать». В дальнейшем произошло расчленение культурного требования на ряд составляющих. Попытаемся проследить и выделить некоторые возникающие в данном случае специфические образования.

Прежде всего, по-видимому, можно считать изначально первым и наиболее целостным элементом культуры – образец поведения (может быть, он когда-либо равнялся вообще всякой культуре).

Образец в культуре указывает такой-то «кусочек» деятельности, которому надо подражать. Это можно видеть на примере воспитания ребенка. (Воспитание – процесс приобщения человека к культуре – ребенка, дикаря, кого угодно.) Первый способ приобщения состоит в знакомстве с определенными образцами, скажем, поступай так, как поступает такой-то взрослый. Не объясняется суть поступка, просто преподносится образец, который считается должным. Образец бывает со знаком плюс или минус – так надо поступать (хорошо), а так не надо (плохо). Это самая примитивная форма культуры, существующая во всякой культурной системе.

На следующей стадии, видимо, можно представить себе другой элемент – норму.

Если образец – целостный кусочек поведения, обозначаемый как положительный или отрицательный, т.е. как желаемое или недопустимое, то норма – требование более детальное, охватывающее не весь «кусочек» деятельности, а какой-то ее принцип, параметр, закон. Под нормами можно понимать всю совокупность самых разнообразных требований, предъ-

являемых данной системой культуры к человеку, а также к группе и институту.

Норма предполагает разрешение, запрещение, обязательность, допустимость, желательность тех или иных действий.

Представление, будто люди хотят того, что вытекает из их потребностей, а общество ограничивает их желания, – неверно. Давно доказано, что сами желания, интересы, потребности социально обусловлены, и здесь тоже действует определенный тип социальных норм.

В каждой культуре можно рассматривать особую разновидность норм – ценности, суть которых – в отношении людей к определенным результатам своей деятельности, предметам внешнего природного мира, отношение отрицательное или положительное.

Проще говоря, ценности – это ориентиры человеческого поведения. Например, когда человек ориентируется по карте на незнакомой местности, то он выделяет крупные деревья, отдельные растения, изменения рельефа и т.п., и путь прокладывает, руководствуясь этими ориентирами.

В социальной действительности, когда человек, группа, институт или даже общественная система ориентируются, происходит нечто подобное, называемое социологами процессом картирования (от английского термина «мэппинг»).

Ценностью, например, в дворянском обществе является сохранение социального престижа. Она очень весома, и так как это общество по ряду причин статично, ценность сохраняет свое значение на протяжении длительного периода. Если сохранение престижа – ценность, то существует ряд средств, при помощи которых оно достигается, например, службой царю. В нашем обществе, например, в качестве ценности выступает уважение к человеку, выработанное современной культурой.

Из этих примеров видно, что ценность есть некоторая цель, хотя еще не прямо определяющая путь и средства. В то

же время в образце поведения нет выделения средств и цели, а есть лишь «кусоч» того, что надо делать. В нашем анализе от одного элемента культуры к другому нарастает расчленение действия на его составные части.

Несколько особый элемент всякой культуры составляют санкции. Ведь общество не только предписывает, что надо делать отдельным его членам или отдельным группам, но и заставляет их это делать. Для этого есть формы, при помощи которых навязывается поведение. Поэтому санкции всегда предполагают какое-то воздействие и возможность сравнить действия данного лица или группы с какой-то принятой нормой, ценностью. Они бывают самыми разнообразными, более или менее жесткими, могут носить явно принудительный или скрытый принудительный (рекомендательный и т.п.) характер.

В культуре современного типа, развивающейся первоначально в капиталистическом, а теперь и в социалистическом обществе, огромное место занимает такая форма хранения социальной информации, как знания (культуру можно рассматривать как кладовую, куда складывается накопленное и завоеванное людьми). В качестве примера знаний мы будем брать научное знание, отвлекаясь от других, менее развитых его форм.

Знание представляет в принципе систему сведений, составляющих какую-то объективную истину, более или менее правильно выражающих в данном случае общественные потребности, поскольку мы связываем знания с культурой.

Так как наука играет все более важную роль в жизни общества, возникает вопрос, какое место занимают научные знания в системе человеческой культуры.

Конечно, по объему это хранилище знаний очень велико, потому что в виде научных знаний можно сохранить гораздо больше содержания, чем, скажем, в головах отдельных людей или в каких-то других видах хранения информации; это

хранилище представляет собой определенную систему. Но знание и наука самостоятельной роли в системе культуры до сих пор не играют и вряд ли когда-нибудь будут играть.

Дело в том, что знания – это кладовая, хранилище, а вопрос о том, кто и как может этим воспользоваться, – совершенно особый.

На ранних ступенях развития культуры объективного знания не существует. В обществе действует только нормативная информация: так нужно, так не нужно поступать, за это хвалят, а за это ругают. Сначала ребенка учат необходимости соблюдать такие-то существующие правила, затем стараются научить, что правила отражают какую-то объективную необходимость, а в определенном возрасте начинают объяснять, каковы закономерности формирования правил. Так или иначе общество всегда предписывает, как эти знания употреблять.

Поскольку культура есть совокупность некоторых требований, правил действия, которые необходимо освоить для того, чтобы быть в обществе, то напрашивается весьма содержательное сравнение культуры с языком.

Для того чтобы человек мог действовать разумно и выступать как взрослый член общества, ему нужно владеть действующими в данном обществе правилами мышления, правилами языка. Примерно так же происходит и овладение культурой, ее языком.

Необходимо сделать маленькое отступление. Существует довольно упрощенное представление, что люди всегда жили в обществе, а так как в процессе труда им встречались задачи, которые нельзя было решить без коллективных действий, они должны были помогать друг другу. Вероятно, многие видели в Историческом музее картину А. Васнецова, как дикари убивают мамонта, загнав его в яму. Но действительно ли люди спланировали в процессе такого типа охоты? Ведь чтобы ее организовать, они уже заранее должны были со-

ставлять какую-то сплоченную группу и владеть способами такой охоты. Кроме того, как ни много было мамонтов, весьма сомнительно, чтобы охота на них была главным занятием наших предков. Данные этнографии, а также документы более древние свидетельствуют, что они скорее всего занимались собирательством, охотой на зверей меньших, чем мамонты, а это не требовало толпы.

Необходимость жить обществом возникает хотя бы потому (может быть, в этом главная причина, такое предположение весьма серьезно), что иначе храниться и передаваться социальная информация из поколения в поколение не может. «Первичная» супружеская пара, т.е. Адам и Ева, плоха не только потому, что ее не было, но еще и потому, что эта система не обеспечивает хранения информации во времени. Без этого в условиях, с которыми сталкивался первобытный человек, его цивилизация через два-три поколения потерялась бы в песке. Вот почему она должна быть способна поддерживать какую-то совокупность культурных элементов – знаний, норм, требований, передавать их из поколения в поколение. Обеспечить это, видимо, можно только при определенной совместной деятельности по хранению и передаче накопленного опыта. Поэтому обосновано допущение, что именно необходимость сохранения и передачи накопленного опыта – в том числе трудового, производственного – делает человека общественным человеком.

Это отступление очень важно: если человек входит в общество благодаря культуре, то процесс воспитания каждого отдельно взятого человека, например ребенка, есть прежде всего процесс его приобщения к культуре. Отсюда следуют по крайней мере два практических вывода:

во-первых, задача любой школы не только в том, чтобы вложить в голову ребенка какое-то количество знаний, научить считать, писать и т.д. Основная задача всей системы школы и вообще социального воспитания – приобщить чело-

века к готовой культуре, включить его в систему культуры, научить пользоваться ее языком;

во-вторых, – проблема перевоспитания разных «отклоняющихся», как говорят в социологии, элементов; в этом, как известно, существует много накладок и упущений, многие из которых связаны с вульгарным представлением, будто стоит заставить человека работать, и он будет человеком.

А практика и опыт крупных педагогов подтверждает, что дело здесь не просто в труде, а в отношениях людей, в той системе культуры, к которой приобщается человек в работе.

Сравнение культуры с языком может быть продолжено следующим образом. Представим, что существует два типа языков. Один – обыденный, разговорный (русский, турецкий, испанский, китайский и т.д.) – это совокупность знаков, определенным образом организованных в систему, которая позволяет людям общаться.

Но люди общаются не только благодаря знанию одного и того же языка. Более того, люди знающие, например, русский язык, еще не обладают достаточными условиями для общения, им еще нужно понимать друг друга, вкладывать в разные категории языка одно и то же значение.

Что это значит? Люди не только должны договориться, что будут называть стол – столом, стул – стулом и будут спрягать эти существительные по определенным правилам. Для общения им нужна также некоторая общность культуры, норм поведения, определенных ценностей. Можно не соглашаться, но надо одинаково понимать. В противном случае общения не будет.

Для совместной деятельности люди должны обладать не только обычным, как говорят, «лингвистическим» языком, но еще и языком морали, права, философии и т.д. – «языками культуры».

О языках культуры писал Маркс. В «Немецкой идеологии» есть очень интересное и важное замечание о том, что

если первоначально, на каких-то древнейших стадиях развития общества, все такие языки были непосредственно вплетены в процесс материальной деятельности, то в дальнейшем они выделились.

А сейчас даже утверждают, что можно представить себе все правила, начиная от этических и кончая эстетическими, философскими нормами и т.д., в виде правил неких языков, своего рода «грамматики» культуры. Обучение человека культуре таким образом состоит в том, что он овладевает новыми и новыми языками. В обиходе иногда считают развитым человека, знающего больше одного лингвистического разговорного языка. Если же говорить более серьезно, то показателем развития человека, видимо, может служить число тех языков культуры, надстраивающихся над обычным языком, которыми данный человек пользуется, а также то, насколько сознательно, расчлененно он ими пользуется.

Возможность сопоставления культуры с особым типом языков, с типом знаковых систем представляет основу для формирования новой области знания – семиотики. Она стремится рассматривать все языки – обычные и культуры – как знаковое поведение.

Как можно представить процесс расчленения культуры? Изначально мы допускаем, что существует некоторая целостная совокупность требований, а потом происходит расчленение деятельности. Например, где-то в «точке ноль» имеет место человеческая деятельность, передаваемая из поколения в поколение при помощи образцов – «делай так, как я делаю», затем наступает расчленение на деятельность и ее нормы, которые в свою очередь потом расчленяются на ценности, цели, на некоторую совокупность средств и многое другое, каким-то путем подлежащее объективному научному изучению и описанию в виде знаний.

Первым моментом этого процесса было, видимо, отделение деятельности от нормы. В ходе этого процесса и про-

изошло выделение самого по себе языка, разговора, общения. При каких-то примитивных видах человеческой жизни – это заметно не только на древних примерах – язык почти не нужен. Действие стандартно, повторяется. Есть отличный японский фильм о жизни рыбацкой семьи – «Голый остров». Фильм немой. Режиссер решил, что в тех условиях жизни японским рыбакам для общения язык не нужен, нет необходимости специально о чем-то говорить, – столь устойчивы, примитивны формы их деятельности. Можно предположить, что на примитивном уровне культуры вообще так было, а потом на какой-то точке происходит отделение нормы.

На каком-то последующем этапе (неважно, происходило ли это последовательно) нормы деятельности как бы отрываются от самой деятельности и приобретают некоторую самостоятельность, их можно записать в виде языка. Слова языка обладают такой самостоятельностью, что их можно выделять, даже если они ничего не означают, их можно произносить безотносительно к тому значению, которое с ними связано. Нормы символизируются. Символ – вторичный знак, при помощи которого изображается другой знак. Расчленение норм приводит к тому, что действует знак, буква, слово, изображение, которые нужны не сами по себе, а потому что нужен знак.

В человеческой культуре постоянно происходит процесс символизации всего ее содержания. Нормы человеческой деятельности, ценности выражаются не прямо через требования, а в виде некоторых символов, которые иногда нужно довольно долго и сложно расшифровывать. Скажем, есть символ – «надо поступать благородно». Его содержание весьма туманно, и в разные времена в это требование вкладывается разное содержание.

Но символ сохраняет особую жизнь, иногда заставляет ориентироваться на него целый слой людей. Любая норма, любой образец поведения могут превращаться в символ.

Выше говорилось о первобытной культуре, которая передается при помощи образцов. Но к образцам обращались не только во времена первобытного общества, к ним обращаются и сейчас. Мы вспоминаем образцы поведения тех, кто делал революцию, нес в нашу страну культуру, науку, литературу и т.д.

Но здесь образец играет совершенно иную роль. Когда мы вспоминаем Пушкина, или молодого человека, создавшего Павку Корчагина, то это не значит, что все должны поступать именно так. Не тот век, не та ситуация. В данном случае образец играет роль символа таланта, мужества, а не требования просто подражать.

Символизация приводит к любопытному явлению: в роли символа выступают вещи сами по себе как будто бы бессмысленные. Самый яркий пример подобной символики – религия и очень сложное поведение, с ней связанное.

Ученый, подходящий ко всему с меркой истины или неистины, знает, что это ложь, мифы, выдумки, нереальность. Все это совершенно очевидно и спорить с такой позицией трудно, во всяком случае у нас. Но в то же время нельзя отрицать, что эти абсолютно пустые, ложные символы сыграли огромную роль. Причем они не только мешали людям, но и кое-что указывали им, что-то одобряли, осуждали, требовали. В этом функция всякой религии, мифологии, любой фантазии, поскольку она социально значима.

Почему ложные сами по себе вещи могли играть реальную роль в истории? Потому что они использовались людьми символически. Например, христианство поднимает на щит образ страдающего Христа. Но было бы нелепостью рассматривать его как пример для непосредственного подражания. Религиозный образ использовался символически, чтобы вдохновить на терпение, ожидание каких-то улучшений, духовного совершенствования и т.п. Вообще, люди – единственный вид существ, которые могут «дополнять» на-

учную истину при помощи ложной информации, заблуждений и лжи. Дело в том, что они порой в этом нуждаются. Вспомним: «Тьмы низких истин нам дороже все возвышающий обман».

Отметим еще один момент в культурном процессе – институционализация. Чтобы культура существовала, чтобы принятые в данном обществе образцы, нормы, ценности, санкции могли поддерживаться, их надо где-то хранить. Чтобы санкции действовали, их необходимо не только знать, но и навязывать. И на определенном этапе развития общества, когда оно становится сложным и не может в массе своих членов держать все это богатство, появляются специализированные органы, предназначенные для хранения элементов культуры и навязывания их людям. Появляются соответствующие институты – семейные, церковные, государственные, – которые используют и применяют в своей области определенные элементы веры, ценностей, санкций. Происходит институционализация культуры. И в настоящее время мы встречаемся с культурой, которая может изменяться и передаваться через специальные институты. В большинстве обществ церковь теряет значение, а государство, армия, семья, полиция – эти институты весьма действенны и какие-то элементы принятого обществом поведения, культуры сохраняют.

Специальные «культурные» институты охватывают не всю область культуры, а какие-то определенные ее участки, которые не могут быть переданы диффузным образом. Культура в институционализированной форме на протяжении всей человеческой истории была связана с одним видом нормирования: институты фиксируют главным образом разрыв в исполнении общественных норм и карают за отступления от них. Короче говоря, основным орудием социальных институтов (это больше всего относится к государству) является запрет и санкции за отклонение от норм. Социальных институ-

тов, фиксирующих позитивные образцы поведения и выполнение позитивных норм, известно меньше.

Исторически позитивные нормы в основном давала семья, сейчас в определенной степени и общественное воспитание, также берущее на себя такие функции. Но всегда первичен запрет, и известные нам с глубокой древности своды законов, будь это законы Хаммурапи или «Русская Правда» – в первую очередь фиксируют то, чего нельзя делать.

Так, например, правило «не убий», «нельзя убивать». Раньше было «нельзя убивать своих». В авестинском праве (Двуречье) была норма – нельзя грабить и убивать у себя. А вообще-то можно. Потом эти нормы несколько видоизменились, обобщались, например, в ветхозаветном Декалоге, в «10 заповедях» – нельзя убивать. Но это все равно запрет. Любые кодексы, любое законодательство, начиная от «Русской Правды» и кончая нашим кодексом последнего года издания, – все они предусматривают запреты. Это очень любопытная деталь. Они как бы предполагали, что «правильные» образцы поведения сами собой соблюдаются, а соответствующие институты занимаются карой за их нарушение.

Много позже возникает специальный институт, занимающийся формулировкой позитивных требований. В нашем обществе это воспитательная функция государства, существующая с момента создания социалистического общества.

Не так обстоит дело в буржуазных государствах, которые заведомо не хотели давать позитивную ориентацию индивидуумам. В разных манифестах первого периода развития капитализма устанавливалось: человек свободен делать что угодно, но сейчас идеологи Запада думают, какие позитивные ценности для людей можно сформулировать, как этого добиться. Чисто запретная роль многих социальных институтов все меньше оказывается полезной, колючая проволока перестает быть важным моментом социальных институтов, – правда, это медленный и противоречивый процесс.

Выше отмечалось, что социальные нормы – понятие довольно широкое. В нормах можно выделить два серьезных, очень резко различимых момента. Во-первых, социальная норма определяет какие-то стремления людей, социально закрепленные, желания, интересы, потребности, созданные обществом¹.

Во-вторых, социальная норма определяет возможности или «нормы-рамки».

Нормы в обществе действуют так, что у людей возникает определенная цель: желание трудиться, обогащаться, служить государству, отличиться и т.п. Эти цели, если рассматривать поступки человека в рамках общества, всегда прямо или косвенно навязаны человеку обществом. А «нормы-рамки» определяют возможное или невозможное. Допустим, капиталистическое общество навязывает всем своим членам стремление к обогащению, являющееся одной из важных частей всей культуры капитализма и сыгравшее огромную роль в формировании и развитии этого общества, но существуют и определенные рамки, которые накладывают границы на возможности человека обогатиться. Действуют эти рамки по-разному, иногда они заметны больше, иногда – меньше. Например, в крепостном обществе ясна невозможность для крепостного стать помещиком, в буржуазном обществе действует неявная рамка, определяющая для подавляющей части людей невозможность подняться до определенных высот, потому что действует ряд ограничений.

В разные времена, в разных системах культуры, в разных обществах на первый план могут выступать либо первый элемент социального нормирования, либо второй. Причем скорее всего во всем, что мы знали до сих пор, выступал второй элемент – запреты, «нормы-рамки». Правда, идеалы буржуазного индивидуализма, просветительства про-

¹ Видимо следовало бы более строго различать ценности как атрибут культурной ориентации и нормы – элемент социальной организации.

возглашали примат цели, считая, что рамки как-либо образуются. Из этого вышел ряд конфликтов, и совершенно очевидно, что пока примата цели в обществе не получилось.

Поэтому наше общество и является первым, в котором формулирование определенных целей действия выступает в качестве главного составляющего нормативной системы.

Некоторый разрыв между целями и рамками, между желаемым и действительным – реальный факт любого общества, в том числе и нашего. Например, у нас в последнее время проводился ряд исследований по ориентации школьников. Оказалось, что подавляющее большинство оканчивающих школы мечтают пойти в вузы. Это определенный факт, причем естественно воспитанный всем духом развития нашего общества. Общество отвечает за то, что огромной массе своих молодых членов оно внушило такое желание, такую цель.

Но всем известно, что существуют весьма жесткие ограничения в этом отношении. Приблизительно только пятая или восьмая часть оканчивающих школы имеет возможность поступить в вуз.

Это порождает целый ряд личных и групповых конфликтов, имеющих определенное общественное значение.

Этот вопрос в последние годы широко обсуждается в периодической печати и в специальной социологической литературе. Некоторые товарищи ставят вопрос следующим образом: нужно ли нашему обществу допускать разрыв между целями и рамками, в данном случае приема в вузы? Не лучше ли будет со школьной скамьи ориентировать детей не на высшее образование, а на работу, и только в порядке исключения – на продолжение образования.

Но дело не только в разнице желаний и реальности в смысле получения образования. Если взять желаемую профессию, то и тут довольно резкий разрыв.

Исследования новосибирского социолога В.Н. Шубкина² дают следующую картину: в одной своей работе он нарисовал две пирамиды: одна острием вверх, а другая острием вниз; пирамиды наложены друг на друга; верхняя пирамида – возможности общества, нижняя – желания людей, желания школьников старших классов.

К примеру, обществу сейчас прежде всего нужны официанты, а из числа школьников меньше всего желающих заниматься именно этим трудом. Потребность же общества в космонавтах сейчас не слишком велика. А между тем у школьников стремление к этой интересной профессии весьма велико.

Возникает вопрос – нельзя ли воспитать школьников так, чтобы исключить возможность конфликта (таких пирамид), чтобы школьники росли с реальным представлением, кем они смогут быть. Тут есть в какой-то степени здравый элемент, относящийся к трудовому воспитанию, к некоторым неверным акцентам в нашей воспитательной ориентации. Но дело не в этом... Вероятно, целиком снять конфликт нельзя. Невозможно воспитать людей так, чтобы они довольствовались только тем, что им достанется, приглушать у них желание идти дальше, расправлять свои крылышки. Разрыв двух элементов культуры – желаемого и возможного – в той или иной форме неизбежен.

Продолжая ту же мысль, можно представить себе такую схему: существуют три возможных соотношения между двумя элементами нормативной системы в разных типах общества.

1) Полное совпадение целей и рамок, желаний и возможностей. Где и когда это возможно? Конечно, в обществе са-

² См. «Количественные методы в социальных исследованиях». Серия: материалы и сообщения. Материалы совещания, прошедшего в г. Сухуми 17–20 апреля 1967 г. (Информационный бюллетень ССА, № 8–9, М., 1968).

мом примитивном, когда отдельный человек не выделен из общины. Это можно проверить любыми данными о феодальном обществе, где довольство людей своим положением наибольшее, хотя, разумеется, жизнь очень трудна. Дело в том, что в феодальном обществе крестьянин не мог быть больше никем, как крестьянином, естественно, что его обыденные мечты ограничиваются тем, чтобы помещик с ним обращался не слишком грубо. Видимо, в этом обществе нет таких «пирамид» и таких противоречий, потому что нет возможности выбора. А раз так, люди привыкли поддерживать существующий образ жизни, а это показатель стабильности общества, его застойности.

2) Полное неравенство, когда желания людей абсолютно не соответствуют возможностям. В целом такое общество жить не может, оно развалится. Видимо, это может быть не с целым обществом, а с отдельными его слоями, группами людей и то в период разлома, когда, предположим, существует Гамлет, мечтающий быть человеком, а реальная ситуация такова, что он может быть только справедливым убийцей (или сравните ситуацию Турбиных у М. А. Булгакова). Это частное явление для общества, а не универсальное его состояние.

3) Наиболее реальное положение: цели, каким-то образом шире рамок, но существует некоторая возможность выбора, например, профессии, социального положения, образа действий и т.д. В данном случае неизбежен конфликт, и общества отличаются разным характером подобного неравенства.

Это ведет нас к вопросу, каким образом осуществляется вообще контроль общества над человеком.

Выше отмечалось, что в систему культуры неизбежно входят санкции – средство для навязывания отдельным людям и группам норм деятельности данного общества. Оно может быть самым различным. Элемент культуры, когда выработанные образцы, нормы поведения навязываются, причем явно, зримо, называют иногда механизмом социального

контроля. Социальный контроль – это и есть управление человеком, группой, институтом со стороны социальной системы.

Любое общество всегда – явно или скрыто, жестко или гибко – навязывает отдельным членам и группам свои ценности и нормы. Из этого не следует, что отдельный человек или группа всегда суть марионетки, и поэтому общество отвечает за их дела. Различие форм контроля весьма существенно.

Например, в исследованиях по бюджету времени различают рабочее время и свободное. Свободное время – это время, когда человек как будто бы сам располагает собой. (При этом в свободное время не включается время, затрачиваемое на переезды, питание и другие обязательные нужды.)

У нас в последнее время на работу ежедневно затрачивается 7 часов, в пересчете на неделю меньше – шесть часов с минутами. А отдых на одного человека, его свободное время в среднем – 3 часа. Предполагается, что эти три часа совершенно свободны, допустим, их можно тратить на подготовку к экзаменам, посещение театров, прогулки, чтение и т.д.

Но опять-таки эта свобода относительная. Сами способы употребления свободного времени – театр, кино, книги, т.е. возможности использования свободного времени, созданы обществом, они имеются в наличии и из них выбирают – пойти ли в театр, или почитать книгу, или провести вечер со знакомыми. Человек сам не создает их, они создаются для него. А привычки, обычаи нашего круга знакомств – ведь это тоже не наш свободный выбор! Получается, что возможности использования нашего свободного времени навязаны нам данной системой культуры и организацией нашего общества. Но навязаны по-разному. Рабочее время навязано так, что мы никогда не уйдем от этого. А использование свободного времени навязано иначе.

Здесь интересно различать два типа: контроль жесткий

(динамический) и контроль, который можно назвать статистическим. Статистический контроль предлагает множество вариантов, которые можно выбрать, сочетать, но в рамках которых мы всегда находимся.

Если феодальное общество предписывает жесткий социальный статус каждому из своих членов по определенным ступеням: это дворянин, это крестьянин, это наследный принц и т.д., то общество буржуазное в менее явной форме, а общество социалистическое в более явной форме распределяет своих членов по отдельным социальным позициям не жестким образом, а статистически. Скажем, через 10 лет 20% членов нашего общества будут заниматься сельским хозяйством, 35% служить на предприятиях, 40% работать у станков и т.д. Кто и как – это детали, которые вызываются отдельным сочетанием желаний, неудач и пр., а распределение в целом задано статистически, потому что здесь действует механизм случайного выбора, подобный тому, который изучается в статистических отделах физики.

Можно привести еще и такой пример. В условиях общества, которое известно на протяжении большей части человеческого существования, имела место очень жесткая форма контроля за действиями и мыслями отдельных людей. Если сравнивать, то дело происходит по формуле: шаг вправо, шаг влево – считается побег, огонь открывается без предупреждения (т.е. малейшее отклонение от принятой нормы – преступление против общества).

Не только из жизни австралийских дикарей, но и из других, более близких нам эпох, известно, что в определенных ситуациях обществу приходится жить на таком осадном положении. Но в современном обществе, если оно стабильно, прочно стоит на ногах и пользуется достаточным доверием большинства членов, нет необходимости в жестком навязывании действий и образа мыслей. Навязывание происходит всюду, но происходит иначе. Гайд-парк в Лондоне – место,

где могут свободно выступать ораторы любых направлений, слушать их может кто угодно, нельзя лишь пользоваться усилителями, так как это мешает говорить соседям, да ругать правящего монарха. Почему британский парламентаризм может допускать это? Для него это не имеет никакого жизненного значения.

Образ мыслей и действий навязывается в буржуазном обществе не обязательно путем контроля за каждым отдельным поступком, а монополией правящих групп на средства производства, печати, массовых коммуникаций, которые большинству населения недоступны. Определенный стандарт поведения и мышления навязывается, а отдельные детали не играют роли. Это другой тип социального контроля. Конечно, он не абсолютный, потому что в случае необходимости может быть и контроль за каждым, особенно если возникает сложная ситуация.

Нигде, ни в одной культуре в чистом виде цельной культуры мы не найдем.

Отдельные части общества имеют свою особую культуру. Это предполагает систему норм, ценностей, ассоциаций, присущих не всему обществу, а отдельной его части, у которой существует своя особая культура: в деревне, у студентов, школьников, у каких-то организаций и т.д. Итак, в рамках целостной культуры существуют особые культуры (их называют субкультуры), иногда плохо с нею уживающиеся. Бывают ситуации простого сочетания двух совершенно разных культур, скажем в период властвования Золотой орды. Это не очень характерная форма жизни и мало интересная для нас. А вот вопрос, как в общей культуре возникают особые культуры, как они сталкиваются и сочетаются, представляет особый интерес.

ЛЕКЦИЯ V

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Аристотель в свое время называл человека «зоон политикон», т.е. «общественное животное», имея в виду, что люди всегда живут в группах, и вне своей группы человек вообще не человек. У него же можно найти рассуждение о том, что человек, почему-то оказавшийся вне пределов своего города, рода, племени, теряет всякие человеческие признаки и к нему можно относиться, как к животному.

Это исторически верно. Известно, правда, что человек может жить, думать вне той группы, к которой принадлежит, поступать как обособленный индивид, выступать против своей группы и т.д. Делает ли это человека в меньшей степени общественным, скажем, в меньшей степени групповым созданием? Если более внимательно рассматривать любой человеческий поступок, даже самый индивидуальный, если оценить отдельно взятую мысль, то всегда окажется, что этот поступок ориентирован на какие-то общественные, групповые цели или исходит из побуждений, которые человек позаимствовал от группы, или, наконец, человек думает при помощи языка, данного ему определенной социальной группой. Всякое действие человека, в том числе и мысленное, если и не прямо, то косвенно общественным является всегда.

Что же представляет собой группа, диктующая человеку его способ действия, способ мышления?

В некоторый период, отдаленный от нас, можно было бы представить универсальную единицу группы, которая охватывает все стороны человеческой жизни, предположим, что-то вроде первобытной общины.

Этот способ возвращения к гипотетическому прошлому, несколько раз применяемый нами, можно назвать генетиче-

ской реконструкцией. Можно представить себе, что эта родовая община охватывала все общество. Она – высшая власть и последняя инстанция авторитета для человека (правда, авторитет выводился из священных источников, но это не столь важно). В таком не слишком приятном и подавленном состоянии полностью отсутствуют какие бы то ни было конфликты между желаниями и возможностями, индивидами и группами, все слито, цельно, индивидов нет, существует группа как некоторая единая масса.

В обществе, которое мы видим перед глазами, положение гораздо сложнее. Мы все относимся к группам, и все эти группы разного типа.

Существует, скажем, такое разграничение групп – на малые и большие. Малой группой принято обозначать такую, которая держится благодаря непосредственному контакту друг с другом. Это группа друзей, студенческая группа, рабочая бригада, небольшое воинское подразделение и т.д. Здесь действуют непосредственные личные контакты. В группах, насчитывающих 100, тысячу, десять тысяч человек (большой завод, факультет, университет), очевидно, такой контакт невозможен, люди связаны друг с другом через различные организации: деканат, цеховое начальство и т.д. Такие группы называются большими, и общество тоже может рассматриваться как очень большая группа.

Другой способ деления групп – на формальные и неформальные. Формальными группами называются обычно такие, в которых существуют некоторые правила их организации. Например, политическая партия. Она имеет устав, программу, распорядок внутренних отношений. Эта группа формальная, здесь отношения вполне оформлены. Группа работающих на предприятии тоже, конечно, формальная группа.

Неформальные группы – те, где никакие инструкции, уставы, распоряжения отдельно не зафиксированы. Это либо кружок друзей, либо, скажем, нация; в подобных группах нет

каких-либо формальных устройств, поддерживающих их организацию.

Еще один тип деления групп – на «объективные» и «субъективные» группы. «Объективными» можно считать такие группы, в которых положение людей задано независимо от их воли и сознания, например, социальные классы. Социальный класс – группа, в которой положение людей зависит не от их желания, а от их положения в системе производственных отношений. «Субъективные» (или социально-психологические) группы – это такие, которые существуют благодаря определенным сознательным действиям людей. К субъективным группам принадлежат и кружок друзей, и политическая партия, и какое-либо научное общество, и т.д.

В каждую часть такого деления попадают явления совершенно разные по происхождению и значению, но такова уже особенность всякого формального деления.

Попытаемся более содержательно подойти к тому, что, собственно, представляют собой группы. Это сразу заставляет сделать вывод, что в данное понятие вкладываются, по крайней мере, четыре различного типа содержания.

Во-первых, группы «номинальные» – их объединяет общее имя, общая категория. Такого вида группировки очень часто встречаются, например, в социальной статистике и в разных других дисциплинах, когда нужно разделить изучаемое множество людей, причем деление производит исследователь. Если мы выделим группу молодых людей в возрасте от 22 до 25 лет и рассмотрим род их занятий, вкусы, привычки и т.д., то в такой группе можно выделить, например, людей ростом выше двух метров, или, скажем, тех, у которых холерический темперамент. В каждом случае выделение делается извне, отсутствует то, что может объединять людей.

Во-вторых, типологическая группа – множество людей, обладающих определенным общим признаком, причем они могут его осознать. Предположим, можно рассматривать со-

циальные классы как типологическую группу. Рабочий класс осознает свое единство благодаря тому, что рабочие занимают одно положение в производстве. Типологической группой может быть, например, группа национальная или студенческая и т.д. Люди, принадлежащие к типологической группе, могут сказать: «Мы – студенты, мы – японцы», а люди, принадлежащие к номинальной группе, такого «мы» не имеют, потому что выделяются чисто искусственно для специальных целей. (Никто не скажет: мы люди, носящие 43-й размер ботинок.)

В-третьих, – ассоциация – тип группы, в которой существует взаимодействие людей, причем они не только обладают каким-то отдельным признаком, но и связаны друг с другом так, что действие одной части как-либо влияет на действие другой. Очевидно, что люди 22–25 лет взаимодействием не отличаются. Студенты, например, уже представляют часть чего-то взаимодействующего: они живут в вузах, взаимодействуют с учителями, родителями и т.д. Но это еще не ассоциация. Ассоциацией они могут быть тогда, если выступают в виде студенческого союза, где будет взаимная связь. Ассоциацией может быть политическая партия, общественное движение, к ней может относиться и группа друзей, и, конечно, малые группы, потому что в них существует взаимодействие.

Необходимо подчеркнуть, что только такие группы, которые являются единицей взаимодействия, представляют единицу действия, могут действовать, а не только числиться как группы. Если можно отнести класс к типологической группе как множество людей, занимающих одно положение в производстве, то класс, выступающий на политической арене, борющийся за свои интересы, – это уже ассоциация, нечто взаимодействующее.

Четвертый тип групп – организация.

Организация – такая группа, которая имеет общие при-

знаки и взаимодействие между ее членами, причем взаимодействие обеспечивается объективно. Дело в том, что может быть ассоциация, которая основывается на чистых интересах; иногда это бывает группа друзей, в иногда – маленькая политическая партия, где членство обеспечивается только сознанием, осознаваемыми интересами людей. Другое дело, когда человек, предположим, поступает работать на завод; может быть, он поступает для заработка или просто потому, что ему кто-то велел так сделать, или по другим причинам. Независимо от того, насколько он полностью осознает последствия своего поступка, он оказывается в определенной группе людей, – у нас иногда называют ее трудовым коллективом. В данном случае речь идет о персонале предприятия, организованном довольно сложным образом, так как там есть целая система групп. Человек, попадающий в эту организацию, волей-неволей оказывается членом определенной группы, участником определенного взаимодействия людей.

Организация в современном обществе – это весьма распространенный и важный вид групп. Если опять-таки обратиться к признаку взаимодействия, то организация таким признаком обладает, причем в высокой степени, потому что, даже независимо от желания людей, она подчиняет их определенному взаимодействию.

Из названных типов групп реально действующими в обществе являются последние две: ассоциация и организация.

Может ли осуществляться переход людей из одного типа группы в другую? Сначала я приведу анекдотический пример. Вы помните, у Конан-Дойля есть оригинальный рассказ из серии о Шерлоке Холмсе – «Союз рыжих». Вообще говоря, люди, обладающие данным цветом волос, в обществе представляют собой чисто номинальную группу, потому что это внешнее выделение, не создающее каких-либо связей. Но что произошло дальше с «союзом рыжих»? Благодаря определенной заинтересованности у людей, обладающих такой

окраской волос, появилось сознание своей общности. Тем самым можно эту группу отнести уже к типологической. Это была не просто совокупность рыжих, а некоторый союз, и, следовательно, между ними возникли, – правда, не развились по известным причинам, – взаимоотношения, возникло взаимодействие. И только крах всего предприятия помешал создать реально действующий союз, то есть организацию со своими порядками.

Для примера возьмем социальный класс, который сначала можно рассматривать как чисто типологическую группу и который представляет собой единство признаков, но отнюдь не единство действий (рабочий класс в начале капитализма, крестьянство при феодализме). Однако в определенных условиях класс может приобрести классовое сознание, он может выступить как некая единая и взаимосвязанная сила, причем это достигается только деятельностью определенных организаций – партий, профсоюзов и т.д.

Однако отметим, что в процессе такого превращения происходит некоторое изменение самого предмета. Дело в том, что типологический класс – это все люди, занимающие определенное положение в производстве. Но, как хорошо известно из истории, никогда целый класс не действует; в классовой борьбе действуют определенные отряды, части класса.

Поэтому в ассоциации и организации объединяется не класс, а отряд класса, люди, выступающие от имени класса; возникает реально действующая группа, по составу отличающаяся от типологической. Это очень важная проблема в марксизме, впервые ею занимался Ленин, который очень убедительно показал, что выступать на политической арене и бороться за определенные интересы должен не класс, а партия от имени класса – боевая, организованная и не совпадающая со всем классом, иногда даже отчасти противоречащая его настроениям, если масса пассивна и отстала. На этом строится теория и тактика ленинизма.

Нас интересует вопрос о том, как группы живут в обществе. Есть группы неустойчивые, кратковременные, которые возникают и распадаются значительно быстрее, чем меняются человеческие поколения. Благодаря этой неустойчивости они не имеют ни организации, ни определенного типа культуры. К неустойчивым группам можно отнести, скажем, случайные встречи людей. (Конечно, они определяются нравами и типом культуры в данном обществе.)

Другой тип короткоживущих групп – толпа. Она главным образом интересует не социологов, а психологов, потому что это такая группа, в которой нет какой-нибудь устойчивой социальной структуры, а действует масса чем-то обычно возбужденных, неорганизованных людей, существует коллективная психика, взаимодействие настроений. Это толпа паническая, разъяренная, линчующая, бунтующая и т.д.

Толпа, по мнению некоторых психологов начала века, например Гюстава Ле-Бона, является первоначальной формой человеческого объединения. Это неверно. Люди могут опускаться до толпы. Многие виды человеческих групп в определенной ситуации могут превращаться в беспорядочную, неорганизованную и объединенную только некоторыми настроениями толпу. Толпа – самый неразумный вид группы. В толпе люди жить не могут, а могут лишь временно находиться. Выведен ряд закономерностей толпы: заразительность поведения, ее высокая эмоциональность. Неустойчивая толпа легко изменяет свое настроение: может хвалить, громить и т.д.

Как возникает множественность групп, из которых состоит общество? Происходит ли разделение какого-то единого социального целого на массу групп или же отдельные люди собираются и образуют какие-то группы? Очевидно, что существуют оба процесса, по-разному соотносящиеся друг с другом.

Есть и третий процесс, когда по-разному сложившиеся

общности людей приходят к какой-то форме совместного существования.

Получается три типа группообразующих процессов: 1) общество делится; 2) ранее отдельно существовавшие группы почему-то оказываются вовлеченными в его кругооборот; 3) люди объединяются в группы.

Группы, представляющие собой продукт расчленения какого-то единого целого на взаимодополняющие друг друга элементы, называются функциональными. В данном случае речь идет не о распаде общества, а о том, что выделившиеся в процессе разделения труда группы остаются элементами целого. Это можно сравнить с разделением функций внутри биологического организма. (В биологическом организме нет распада на группы, нет борьбы, в обществе есть.) Пока общество живет и работает как нечто целое, любую форму функционального разделения можно рассматривать как необходимость для действия целого организма.

Каковы типы функционального членения групп?

Во-первых, социально-экономические группы. К ним относятся прежде всего классы, являющиеся продуктом разделения труда в обществе.

Во-вторых, группы профессиональные, которые различаются не по их отношению к собственности, а по типу работы.

В-третьих, группы локальные. К ним относят город и деревню, районы индустриальные и сельскохозяйственные. Каждый из районов – не только особая сфера производства, но и расчленение общества, когда его структура как бы развернута просто по территории.

Наконец, ранговые группы, возникающие при существовании низшего и высшего, начальника и подчиненного, обладающего властью и зависимого и т.д. Ранговые группы существуют, по-видимому, в любом обществе, начиная с первобытного, когда выделяются группы людей, обладающие властью, и появляется необходимость сосредоточить

функции управления обществом в руках определенных групп. (Известно, что это было связано с культом, с частной собственностью и т.д.)

В развитом обществе, где понятие власти и влияния разделяется на экономические, культурные, политические компоненты, имеется очень сложная серия ранговых групп. Например, на производстве в зависимости от функций управления производством есть инженеры, мастера, рабочие и т.д.

Существуют некоторые объективные закономерности перехода функциональных групп в различные типы ассоциаций. Можно представить, что проще всего сознаются и легче всего фиксируются в сознании ранговые соотношения, отношения высшего и низшего. Кстати, с этим, по-видимому, связано и то, что в социальных дисциплинах больше и раньше фиксировалась «вертикальная» зависимость – господа, рабы, подчиненные. С этим были связаны определенные интересы не только познания, но и борьбы, общественного преобразования. Вот почему другие виды функциональных групп иногда оказывались в тени, и в примитивном представлении структура общества сводилась к иерархии господства и подчинения, хотя это совершенно неверно. Каждая из групп, возникающая при различных формах общества, может пройти по разным стадиям организации. Профессиональные группы могут и просто перейти в ассоциацию, когда появляется некоторое единство, скажем, типа профессиональных организаций людей. Локальные группы в определенных условиях также могут превратиться в единицу социального действия, когда осознаются их интересы и возникает определенная местная организация.

Очень интересны различия между реальными соотношениями людей и этими соотношениями в их представлениях. Существует и детально прослеживается социологами некая шкала социального престижа, имеющаяся, по-видимому, во всяком обществе. Можно представить, что в феодальном об-

ществе общественный престиж и общественные позиции, наоборот, совпадали друг с другом и специальной проблемы не было. Сейчас в развитом капиталистическом обществе существует совершенно определенная шкала осознаваемых рангов, которые несколько отличаются от реального соотношения разных общественных групп.

Различные вопросы, предлагающие ответить, к какому классу и какому общественному слою люди себя относят, показывают, что реальные представления людей о себе не соответствуют их реальному положению.

Оказывается, что часть людей, работающих и живущих, с нашей точки зрения, на зарплату, относят себя к высшим слоям общества, некоторые капиталисты, например, считают себя трудящимися и т.д. На объективные отношения людей как бы накладывается сетка отношений субъективных. Для того чтобы зафиксировать отношения классов, нужно полностью отбросить все самооценки, что, к примеру, с огромной научной строгостью и последовательностью осуществил Маркс в «Капитале». Но социологи не ограничиваются этим, потому что их интересует не только расположение общественных групп, имеющих социально-экономическую базу, а взаимодействие всех типов групп. Поэтому они должны выяснить соотношения реальных, объективных отношений людей и их представление об этих отношениях.

Интересно, что сейчас на классическую экономическую базу классового членения капитализма (буржуазия, пролетариат, переходные группы) накладываются новые типы общественного членения.

Во-первых, в структуре современного буржуазного общества на первый план выдвигаются так называемые средние классы. Этот термин расплывчат, малоудачен, охватывает главным образом группу служащих и чиновников, хотя различие между служащими предприятий и чиновниками аппарата не всегда существует. В США, например, на разных го-

сударственных или частных службах занято столько же людей, сколько непосредственно в самом производстве. Причем явление это довольно новое. В начале нынешнего века в США только 7% населения составляли служащие и чиновники, сейчас – 25%. Такая же картина в Западной Германии: соответственно 5% и 22%. Общество как будто начинает жить не за счет работающих, а за счет служащих, хотя всем ясно, что служащий не производит материальных ценностей, но в то же время и не живет за чей-то счет, а трудится, служит. Подобное явление существует всюду, в некоторой степени оно наблюдается и у нас. В некоторой потому, что у нас не происходит абсолютного сокращения других самостоятельных групп, а в США заметно абсолютное сокращение рабочих и, конечно, фермеров – известный процесс ликвидации фермерства за счет роста не совсем понятного, не укладывающегося в старую схему классового анализа, слоя служащих. По-видимому, выделять эту группу можно не потому, что она связана с каким-то типом собственности, а потому, что служащий занимает место в общественной «машине».

Оказывается, что деление людей по их месту в машине государства и общественного обслуживания важно. Оно не заменяет социально-экономических различий старого типа, а как бы накладывается на них. Кстати, многочисленные наблюдения в США свидетельствуют: сейчас для большей части населения наиболее привлекательно не обладание крупной собственностью, а выгодный пост, дающий устойчивое жалование, что более надежно, чем какая бы то ни было форма собственности. Это новое явление, с одной стороны, связанное с изменением типа государственного организма, переходом капитализма на государственно-монополистические рельсы, а с другой – с тем, что в обществе происходит более сложный процесс развития обслуживания, в том числе научного обслуживания, проектирования. Сюда относится и

сфера рекламы. Это, видимо, процесс неизбежный, начинающий действовать и в нашем обществе. Система отношений групп в процессе обслуживания, работа государственной машины иногда становится более существенной, более весомой, чем система отношений, связанная с существованием различных социально-экономических групп.

Поэтому, если для классического капиталистического периода структура групп относительно просто и легко укладывается в рамки классов, а все остальное можно вывести из классового положения, то сейчас ситуация гораздо сложнее: нельзя многообразие позиций людей вывести только из их классовой принадлежности, это было бы огрублением не только применительно к буржуазному обществу, но также и к нашему.

Отношения периода классического капитализма можно представить как монополию собственности у одних и отсутствие собственности у других. Монополия собственности дает монополию власти, культуры, досуга и т.д. Сейчас в буржуазном обществе происходит некоторое размежевание типов монопольных «владений»: существуют не только группы, обладающие монополией богатства, но и специальные обособившиеся группы с монополией власти, поскольку приобрел самостоятельность в некоторых пределах государственный аппарат; есть и монополия знаний. Соответственно происходят изменения и в престижных отношениях.

В обществе, кроме системы реальных отношений, существует параллельная, но не дублирующая их система психологических отношений, т.е. представлений людей об их взаимоотношениях, которую социолог со счета сбрасывать не может. Американские исследователи неоднократно изучали престиж разных занятий. Суть исследования состояла в том, что группам определенным образом задавался вопрос, каким занятиям отдается предпочтение, а потом на основа-

нии сопоставления данных каждое занятие определялось баллом.

Вот как выглядит в некоторых своих пунктах эта таблица (так называемая «шкала престижа занятий Норта-Хатта»):

1. Судья Верховного суда США	96 баллов
2. Врач	93
3. Губернатор штата	93
4. Член федерального правительства	92
5. Дипломат	90
6. Мэр крупного города	90
7. Профессор колледжа	89
8. Ученый	89
15. Архитектор	86
20. Ядерный физик	86
21. Священник	86
27. Социолог	82
35. Школьный учитель	79
57. Почтальон	66
78. Шофер такси	49
30. Чистильщик обуви	33

Интересно, что выдвигаются группы по занятиям, а не по роду собственности: банкиры в 1947 г. находились на 10 месте, а в 1963 г. – на 24 месте. Богатство еще не делает престижа! Директор крупной корпорации в 1963 г. занимает 16 место, а был на 18. В 1947 г. ядерный физик находился на 18 месте, хотя в то время США обладали монополией на атомную бомбу и в обществе вокруг проблемы атомного оружия был поднят шум. Теперь престиж ученого резко вырос, он перешел с 7 места на 3, а между тем губернатор штата со 2 места спустился на 5.

Шкала престижа устойчива, т.к. проверялась во многих слоях общества в разное время; она не соответствует реаль-

ному взаимоотношению людей, но накладывается на них и вызывает определенную ориентацию людей, их интересов.

Это еще раз подтверждает, что в обществе происходит процесс расчленения на монополии собственности, власти, знания и т.д., так же разделяются и группы, занимающие достаточно высокое положение в данной общественной формации. Показательно обособление группы, обладающей монополией власти. Не капиталисты непосредственно управляют обществом, а специальные чиновники, государственные кадры рекрутируются из того же самого слоя и превращаются таким образом в замкнутую группу. Хорошее исследование об элите в современном американском обществе – книга демократически мыслящего американского социолога Райта Милса «Властвующая элита», изданная у нас в 1959 г. Райт Милс доказывает, что в американском обществе сложилась совершенно новая правящая группа, которая будто бы не имеет ничего общего с классовой группой. Сенаторы, конгрессмены, чиновники ведущих ведомств, связанные друг с другом многими узами, практически никого не пускающие в свою среду, превратились в особую группу, своего рода новый тип касты. Правда, у Милса, по-видимому, преувеличено мнение, что элита полностью отменяет классовые перегородки. Элита собственности существует, и взаимоотношения собственников сохраняют свой смысл. Но наряду с ней и в связи с ней возникает монополия знаний. Врачи, ученые, особенно ядерные физики, занимают самые верхние места в шкале престижа. Все это говорит о высоком авторитете знания в обществе. Чем обладают врач и ученый? Монополией знания.

Но вот характерная черта, показанная Милсом и другими исследователями: в обществе, чрезвычайно нуждающемся в интеллектуальных услугах, с высоким весом науки в общественном мнении и в реальном соотношении общественных сил, третируется сама монополия знания, глубоко презирает-

ся интеллект, интеллектуализм и интеллигенция. Больше того, можно сомневаться, существует ли такая группа интеллигенции. Она имеет тенденцию размываться. Оказывается, что к ней принадлежат прислужники, чиновники военных и прочих ведомств, обладающие высоким знанием. Это не люди, указывающие обществу путь, а ученые-слуги, готовые дать совет государственному деятелю. Это явление иногда называют антиинтеллектуализмом. Оно проявляется в названии «яйцеголовых», «длинноголовых», как презрительно называют ученых, профессоров в США, – их не любят, терпят, платят им, чтобы они строили соответствующие реакторы, лечили кого надо и т.д. Получается, что в обществе, где так нуждаются в науке, ее терпят, но не любят¹. Этот парадокс в меньшей степени заметен в Англии, Франции и других странах.

Чтобы не повторять известные материалы по классовой структуре и классовым отношениям в социалистическом обществе, мы ограничимся рассмотрением только некоторых моментов, касающихся особенностей взгляда социолога на эту структуру, поскольку ему важны не только социально-экономические различия, но и многие иные, важно взаимодействие разного типа различий. В нашем обществе имеется система отношений классов, система соотношений групп, отличающихся по отношению к государственной собственности, объему культуры и знаний, положению в системе управления. Все эти группы обладают некоторыми отличиями от наблюдаемых в буржуазном обществе... Старые эксплуататорские отношения у нас уничтожены, а соответствующие им психологические, политические, юридические барьеры за 50 лет сломаны; но различия в функциях групп, разумеется, остались.

В нашем обществе происходит процесс быстрого развития профессий и, вероятно, в будущем он продолжится. В

¹ Этому вопросу посвящена статья И.С. Кона. «Новый мир», 1968, № 1.

связи с этим возникает вопрос: как совместить этот процесс, скажем, с проблемой разносторонности личности?

Другой сложный вопрос – существование групп, отличающихся друг от друга по положению в системе управления обществом. Социалистическая демократия реализована в том виде, который способствует потребностям и возможностям современного общества. Это не поставило всех людей в тождественные отношения к государству, ибо хотя в нем, разумеется, нет ни высших, ни низших граждан, но есть люди, выполняющие управленческие функции разных рангов. Необходимость такого института, как государство, в большом и сложном обществе типа нашего, наверное, будет существовать долго. Вообще, общество никогда и нигде в условиях современного производства, культуры и средств общения не может быть объединением одинаковых индивидов, чем-то вроде мешка с равными картофелинами. Если бы общество было таким, то это не общество, а стадо баранов, стаду же, как известно, необходим пастух и, конечно, кнут. Общество всегда бывает как-то организовано и предполагает определенное расчленение. (Кстати, сравнение с баранами – Марксово, он писал о «бараньем обществе», «бараньем сознании» первобытности).

Ведь когда мы ставим задачу создания социально однородного общества, то, по-видимому, речь идет об уничтожении неоднородностей, свойственных прошлой формации и ненормальных, враждебных нам. Но неоднородность функциональная, ранговая, профессиональная, более того, различия локальные жить будут, и общество должно ставить задачу более эффективной организации групп в рамках этих различий.

Можно ли поставить у нас вопрос о субъективной шкале отношений между социальными группами, в данном случае о шкале престижа? К сожалению, у нас не проводилось достаточно представительных исследований, которые могли бы

послужить основой для построения шкалы, скажем, привлекательности занятий: такие исследования носили частный характер, главным образом в связи с выяснением будущих профессиональных ориентации школьников и молодежи. Поэтому, естественно, что выяснились не все позиции, существующие в обществе, но некоторые результаты, полученные в Новосибирске нашими коллегами, представляют определенный интерес.

У них получается такая шкала престижа профессий: на первом месте – профессия радиотехника, на втором – машинист тепловоза, на третьем – сварщик, на четвертом – научный работник, на пятом – сталевар и т.д. У женщин на первом месте – научный работник, на втором – врач, на третьем – учитель, на четвертом – маляр, на пятом – экономист, на шестом – портные. Строили шкалу в обратном порядке и выясняли ранг непривлекательности. Для мужчин самая непривлекательная работа – подсобные рабочие, грузчик, землекоп, такелажник, работа на лесозаготовках, почтальон, фельдшер и медсестра. Для женщин подсобные рабочие, грузчики, землекопы, такелажники, рабочие лесозаготовок, работники животноводства, полеводства, машинисты катков и т.д.

Теперь введем понятие социальной мобильности, весьма важное для понимания социальной структуры, структуры функциональных групп общества. В социологии категория социальной мобильности означает способность определенных лиц или групп передвигаться от одной профессии к другой, одного общественного слоя к другому, одной локальной группы к другой (или, в более общем виде, – от одной социальной позиции к другой). Различаются мобильность внутри поколения и мобильность между поколениями. Мобильность внутри поколения – это переход в процессе жизни взрослого человека с завода в институт, из колхоза на завод и т.д. Мобильность между поколениями – это переход, сделанный

один раз в жизни при становлении, скажем, человека как взрослого работника, переход, предположим, из деревни в город, на учебу и т.д. Разные общества отличаются друг от друга разной мобильностью. Понятно, что мобильность свойственна только обществам современного типа, буржуазному и социалистическому. В обществах феодальных или патриархальных никакой мобильности практически не было. Существовало пожизненное закрепление человека за одним типом деятельности, одним местом действия, одной культурной группой. Так как способ, при котором общество командует индивидами, изменился, то изменился и характер «прикрепления» людей к родам занятий, местам жительства, определенным типам культуры и т.д.

Различается мобильность горизонтальная и вертикальная: горизонтальная – передвижение от одной профессии к другой, вертикальная – от одной общественной ступеньки к другой. Оба термина недостаточно удачны, т.к. не охватывают всего явления.

ЛЕКЦИЯ VI

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ (продолжение)

Для каждого общества характерна своя схема расстановки людей по социальным группам, функциям, рангам и своя система ее регуляции.

Для общества традиционного устойчивого типа, скажем, феодального, характерно принудительное, пожизненное закрепление людей за определенными социальными функциями, на определенных ступенях общественной иерархии. В буржуазном обществе принятой формой регуляции всех общественных отношений, в том числе и положения в разных группах, является принцип конкуренции. Считается, что каждый может занять любое место в общественной жизни в зависимости от того, сумеет ли он растолкать локтями конкурентов. На деле этот способ подняться на высоты культуры, науки или управления далеко не всегда эффективен для всех, очень часто не менее важно происхождение, имущественное положение, культурное прошлое родителей, семьи и т.д. Поэтому и формируется элита с монополией на овладение культурой, наукой, искусством и управлением.

В нашем обществе действует принцип свободного выбора своей ориентации, существует определенная степень планового воздействия на эти процессы. В соответствии с планами определяется, сколько нужно специалистов соответствующей профессии. Но эти планы не всеобъемлющи и не всегда точны.

Но что регулирует распределение людей по разным, пусть даже планово определенным местам? (имеются в виду функциональные группы общества). Наивно думать, что в данном случае действует только конкурс, сравнение одинаковых ин-

дивидов. Люди не бывают во всем равны, а различные общественные группы явно дают о себе знать.

В этом вопросе для нашего общества на протяжении его развития характерны две тенденции. Одна из них очень ярко и сильно действовала на первых порах социалистического строительства. Другая существует в явном виде сейчас.

Во-первых, наше общество, сломив всякие кастовые перегородки, характерные для старой России, дало всему народу сильнейший стимул движения вперед и вверх – к образованию, культуре, к участию в управлении обществом.

На протяжении определенного периода этот процесс поддерживался специальными мерами – классовым отбором в вузы, системой рабфаков и целым рядом других мероприятий, благодаря которым резко изменилась структура образованных слоев населения и лиц, участвующих в управлении. Большое число выходцев из низов города и деревни, семей рабочих и крестьян заняли очень видные посты во всех областях общественной жизни.

Но совершенно очевидно, что в таком направлении этот процесс бесконечно продолжаться не может. До тех пор пока наше общество развивалось в большей степени экстенсивно, производство расширилось за счет вовлечения новых рабочих рук. Точно так же требовали новых масс людей культура, наука, управление. В современном развитом социалистическом обществе такой процесс долго происходить не может, т.к. возникают более сложные явления, поэтому внимательно и трезво разобраться в подобных процессах – одна из задач нашей социологии. До недавнего времени почти все учащиеся по окончании школ желали поступить в вузы: вот данные одного из исследований: 93% школьников из семей служащих и 76% из рабочих семей, но из этих групп попали в вузы соответственно – 82% и 10%.

Какого-либо открытия в этих данных нет, весь вопрос в том, как их объяснить и каковы дальнейшие пути решения

этой проблемы.

Объяснение в данном случае довольно простое. Так как у нас в вузах действует конкурс, то лучшие шансы у лиц с большей культурой, а ее имеют абитуриенты из более обеспеченных семей, в городах их больше, чем в деревне.

Социологическое исследование, проведенное года два назад, показало, что в начальной школе 60% учащихся – из семей рабочих, 40% – из служащих. Это приблизительно соответствует распределению населения в городе. В старших классах картина обратная: 40% – из рабочих и 60% – из служащих¹. Происходит перераспределение в 8–10 классах благодаря тому, что культурный уровень семьи, ее материальное положение и в какой-то степени ориентация оказывают свое влияние. Разница между 93% и 76% – невелика, но она существует, потому что учитывается реальная возможность, а также и потому, что, видимо, желания ребят создаются средой, в которой они живут.

Возникает тенденция, развивавшаяся у нас относительно недавно. Когда мы создали большой отряд квалифицированных специалистов в разных отраслях науки, культуры, управления, то возник вопрос, откуда же дальше и каким образом рекрутируются кадры в эти сферы общественной жизни? Вероятно, сюда попадут преимущественно выходцы из культурных семей (снимем слово «интеллигентных»), они имеют большие шансы продолжить то же дело, что и родители.

Кстати, на этот счет интересны данные новосибирских социологов². Сопоставляются профессия родителей (в основном отцов, потому что матери не всегда работают) и

¹ См. «Политическое самообразование», 1967, № 9, 41–42.

² См. «Количественные методы в социальных исследованиях». Серия: материалы и сообщения. Материалы совещания, прошедшего в г. Сухуми 17–20 апреля 1967 г. (Информационный бюллетень ССА, № 8–9. М., 1968).

склонности детей.

Если у отцов (работников промышленности и строительства) 35% детей хотят иметь ту же специальность, то у колхозников – 2%, у работающих в сфере обслуживания – 5%, и, наконец, у работников умственного труда – 60%.

Из детей работников сельского хозяйства рабочими в промышленности хотят быть 88%, в сельском хозяйстве – 12%.

А из детей работников обслуживания хотят работать в промышленности – 56%, в сельском хозяйстве – 4%, в сфере обслуживания – 4%, заниматься умственным трудом – 35%.

И, наконец, из детей работников умственного труда рабочими хотят быть 25%, в сельском хозяйстве – 1%, в обслуживании – 3%; а в сфере умственного труда – 71%.

Надо учитывать, что это ориентации детей, а есть еще и желания родителей, также влияющие определенным образом. И, видимо, в сфере умственного труда желание дать детям большее образование сильнее и эффективнее, чем в сфере физического труда.

Возникает проблема, о которой иногда говорят даже в резких тонах, не существует ли у нас угрозы, что работники умственного труда станут замкнутой группой, которая сама себя воспроизводит, поскольку следующее поколение рекрутируется из собственных рядов, что автоматически закрыло бы путь к продвижению в эту сферу других и тогда могла бы образоваться не только элита, но даже каста.

Но подобные опасения не имеют оснований по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, наше общество нуждается в огромном количестве культурных сил, и нам нужно в несколько раз больше специалистов, чем есть в наличии (хотя более важен уровень квалификации).

Во-вторых, уровень рождаемости, который ниже всего как раз среди работников умственного труда. Из всех соци-

альных групп, действующих в нашем обществе, именно эта группа меньше всего воспроизводит себя. И чем выше образование в ней, тем меньше она себя воспроизводит. В данном случае действует система «одного ребенка на семью». (В целом по этой группе на семью приходится 1,1 ребенка). Это означает, что детей меньше, чем родителей, поэтому они не смогут занять тех мест, которые занимают родители, и возникает необходимость притока сил из других сфер.

Но, конечно, это еще не решение проблемы. Можно представить идеальную мобильность общества, которое представляло бы всем одинаковую возможность и в котором единственным ограничением были бы способности людей. В таком случае можно было бы направлять людей из сферы обслуживания в сельское хозяйство, оттуда – в промышленность, управление производством или науку, затем – в обслуживание и т.д.

Но в настоящее время положение не таково и в ближайшие годы вряд ли изменится, потому что ориентации людей, престиж профессий, условия работы изменяются медленно.

Поэтому возникает педагогическая задача: повышение авторитета физического труда. Один из наших недостатков состоит в том, что уважение к физическому труду воспитывается у нас плохо. Многие наблюдатели не раз обращали внимание, что в обществе, где ценится не труд, а деньги, образованные люди не возражают, чтобы их дети подрабатывали, занимаясь самым простым трудом. У нас этого нет. Подобное явление свойственно не только нашему обществу, но и определенному периоду общественного развития, когда простой труд, особенно в обслуживании, рассматривается как нечто низкое. В силу этого возникла нерациональная с точки зрения общества, но объяснимая традиция предпочтения «белого» труда «черному», причем она не имеет прямой связи с особенностями отдельных занятий.

К сожалению, в нашей стране не проводилось серьезного

изучения этих проблем, но исследования в других странах показали, что существует немало людей, предпочитающих, чтобы их дети получали меньшую зарплату, но сидели за канцелярским столом, чем большую заработную плату у станка.

Такой перекося в сторону предпочтения «белого» труда перед «черным» – наследие времен крепостничества и низкой культуры труда, которая очень долго у нас господствовала, она и сейчас дает о себе знать.

Можно отнести к социальной мобильности и такое явление, как изменение типа интересов у одной и той же социальной группы.

Например, сыновья данного рабочего хотят быть не рабочими, а служащими. Изменения происходят не только в этом, но и в том, чего они хотят добиваться: более высокого оклада, устойчивого положения, высокого общественного престижа, возможностей развития личности или еще чего-нибудь.

Эти изменения касаются ведь не отдельных лиц, а целых общественных групп.

Существуют и изменения во времени. По американским данным, если раньше многие стремились добиться чего-то большего, хотя бы престижа, оклада, то в настоящее время очень сильно стремление сохранить существующее положение, не опуститься ниже и помешать другим подняться выше. Ясно, что это признак стагнирующей системы, застойного общества.

К примеру, в романе Томаса Манна «Будденброки» у разных поколений были разные стремления. Дети первого поколения стремились к богатству, дети второго – к науке, третьего – к музыке. Подобное изменение типа психологии социально важно (пример чисто литературный, но он интересен для пояснения проблемы).

Не менее сложен и другой тип расчленения общества –

этнические группы. К ним обычно относят национальные, расовые, религиозные или близкие по характеру группы. Известно, что 60–70 лет назад всем прогрессивно мыслящим людям и, конечно, почти всем марксистам казалось, что вопрос о соотношении этнических групп и, в частности, о национальных отношениях быстро отходит в прошлое. Казалось бы, с развитием капитализма, ломающим старые барьеры, а тем более с подъемом рабочего движения и с формированием социалистической системы проблема должна была бы исчезнуть. Но она не исчезла, а в некоторых аспектах стала острее, чем когда бы то ни было – в связи с национальными движениями, культурным ростом отсталых ранее национальных групп и такими явлениями, как расизм, фашизм.

Общая схема возникновения проблемы об отношении этнических групп примерно такова. Некогда были обособленные группы, каждая из которых имела свое управление, язык, систему культуры, т.е. свою религию, обычаи, традиции. В результате практически-исторического сближения и смешения народов возникают разные типы взаимодействия между разными обособленными, отчасти теряющими, отчасти совершенно потерявшими эту обособленность группами людей. Получается, что от былой обособленности остаются только отдельные черты, особые признаки: язык, иногда обычаи и религия, иногда типы культуры или просто исторические традиции, и довольно сложны их отпечатки в разных уровнях сознания и подсознания людей.

В каждом случае та черта, на базе которой возникает этническая группа и на базе которой эта группа выделяется, пришла из какого-то прошлого, более или менее отдаленного, она не современна, не является продуктом развития современного общества. Более того, такие черты вроде бы совершенно не нужны, являются для общества дисфункциональными, как будто бы мешают. Но это по схеме, в реальной жизни все более сложно.

В качестве черт, по которым реально различаются этнические группы, выступают как будто бы совершенно разные признаки: язык, религия, раса, иногда какие-то локальные особенности. Все это черты разные по происхождению и действующие неодинаково, но они могут рассматриваться как признаки, определяющие некоторую общность людей и некоторые барьеры между ними.

Каждый из этих признаков никакого отношения к функциональному разделению общества не имеет, не «работает», но может стать реальной основой для разграничения этнических групп, если приобретает какое-то социальное значение, начинает организовывать людей, двигать их побуждениями, мыслями, поступками. Различия превращаются в функциональные, когда определенная этническая группа оказывается «приставленной» к определенным функциям. Например, в США было время, когда негры могли быть только рабами. Возможны и локальные группы: в одном районе живут мусульмане, в другом – индуисты, в третьем – христиане.

Что же может придать современное значение разным признакам, как будто совершенно случайным?

Иногда это значение придается правом, юридической системой или государственной политикой. Скажем, пока существует официальная дискриминация негров, раздельное обучение и т.д., то само это положение заставляет рассматривать их не просто как расовую группу, а как группу, имеющую социальное значение: она того-то лишена, к тому-то стремится, таким-то порядкам противостоит.

Другой механизм, превращающий безразличные для общества вещи в важные, – механизм неофициальный, массовое сознание, привычки, склонности, связанные с былой обособленностью народов. Они сохраняются не только в конституции эксплуататорского государства или в политическом манифесте реакционных политиков, но и в массовом сознании, причем они не всегда сознаются, но в определенных

условиях всплывают.

Известно, что расистами в США является не только кучка реакционных политиков, но, по данным опроса, до последнего времени 75% белого населения южных штатов не считают возможным ликвидировать сегрегацию, например, в школах и не соглашаются с некоторыми антирасистскими мерами, которые вынуждено принять правительство. Несомненно, что это черта массового сознания, причем присущая самым разным слоям населения.

Более того, существует определенная закономерность в социальной психологии групп, благодаря которой остатки или даже явное наследие былой обособленности иногда сильнее среди наиболее угнетенных и задавленных масс. Остатки этой психологии сохраняются в более низких слоях общества (точнее – в средних слоях) сильнее, нежели в верхах, в силу того, что низы менее культурны, менее подвержены современному образованию со всеми его последствиями, это масса людей наиболее недовольных и психологически более всего нуждающихся в «козле отпущения», в том, чтобы было на кого взвалить свои беды.

На том же американском материале видно, как городские низы, будучи сами бедными и угнетенными, нередко считают виновниками своего бедственного положения не тех, кто их в действительности угнетает, а негров, итальянцев или евреев. О сущности подобного психологического механизма хорошо написано в статье И.С. Кона «Психология предвзвешенности»³, в которой на американском материале показано, как возникают, сохраняются и почему устойчивы этнические предвзвешенности.

Нетрудно видеть, что этот «механизм» может и сейчас двигать людьми и даже в большей степени, чем раньше, благодаря некоторым особенностям развития идеологии и массовых движений в современных условиях.

³ См. «Новый мир», 1966, № 9.

Сложившаяся некогда система разделения ролей общества между разными группами населения, группами языков, религий, разрушается благодаря тому, что население смешивается, поднимается шаг за шагом к большему образованию, большей культуре. Этот процесс обостряет этнические отношения. Известно, что для современных расистов главный противник не негр – «дядя Том», а тот негр, который организует политические движения, жаждет равного доступа к образованию и политике, для современных антисемитов противник не мелкий лавочник, а еврей, поднявшийся к высотам науки, культуры, политики. Вот где современные носители этнических предрассудков находят реальных противников. Но это только часть проблемы.

Обострение этнических отношений – побочный продукт иных социальных процессов. Расизм со всеми его фашистскими проявлениями возник не просто из национальных отношений в Европе; эти отношения, почти забытые в начале XX века, в значительной степени были заново воскрешены в условиях фашистского режима.

Механизм существования этнических групп носит несколько особый характер, совершенно отличный от действия групп, имеющих функциональное значение в большом обществе.

Дело в том, что, поскольку сами по себе этнические черты социального значения не имеют, они становятся значимыми только через механизм их осознания, будь то политический механизм или механизм народного образования. Если люди думают о себе как о турках, китайцах, испанцах и т.д. и если официально не выделяют их по такому признаку, то соответствующие группы для общества просто не существуют. Поэтому национальные и другие этнические группы непременно предполагают в качестве черты своего существования наличие какого-то вида осознания.

Для существования современных этнических групп ис-

ходное и ведущее как правило не то, что их объединяет, а то, что их отделяет от других групп. В массовом сознании существуют этнические барьеры, которые отличают одну группу от другой, и само это отличие является действенным, социально значимым. Пока такие барьеры существуют, существует и социальная значимость, снимем барьеры – останутся различия в цвете кожи или в языке, но их социальное значение утратится. Барьер, обособленность приходят из далекого прошлого, но сейчас этнические признаки становятся костяком современного барьера. Совершенно не важно само по себе различие между франко-канадцами и англо-канадцами, фламандцами и валлонами (в Бельгии), индийцами и мусульманами в Индии, белыми и черными в США, выходцами из Южной Индии или Северной Индии; важно, что признак становится костяком этнического барьера, и существует он как айсберг, ведь $\frac{9}{10}$ айсберга находится под водой, и именно это определяет его устойчивость. Так и барьер: на девять десятых он находится в подсознании, и потому достаточно устойчив.

Итак, первая черта этнической группы – барьер, отличающий данную группу от других групп.

Другая черта «этнического» сознания – представление, предрассудок, привычка считать, что одна группа выше другой, белый выше негров (или наоборот).

Этническая обособленность со всеми ее неприятными последствиями может действовать и когда нет рангов, а просто есть барьер. Существуют расисты, утверждающие, что негры, может быть, и не хуже белых, но от них надо жить отдельно. Что касается наличия взаимодействия, а следовательно, ассоциативности, то в этнической группе в определенных условиях, когда она превращается в национальное движение, появляется какое-то взаимодействие, появляется организованность, хотя не все участники группы входят в одно движение. Негритянское движение в Америке стано-

вится организованным, но это не значит, что все негры в него входят.

Есть еще одна особенность этнического барьера. Он оказывается более действенным в интимной сфере и менее действенным в официальной. Опросы на севере и юге США показывают, что предубеждение против негров очень сильно на юге; на севере же хотя и не большинство, но все-таки значительная часть населения считает необходимым разного рода ограничения по линии образования, быта и т.п.

Вот как распределяются эти предубеждения. Сейчас, по данным разных опросов, почти $\frac{9}{10}$ американцев согласны с тем, что негры могут работать на тех же предприятиях, где трудятся белые, могут состоять в тех же профсоюзах. Это уже определенный сдвиг, раньше этого не было. Процентом шестьдесят населения на севере и меньше на юге одобрительно отвечают на такой, конечно, условно поставленный вопрос – «Стали бы вы голосовать за негра, если бы его кандидатура была выставлена в президенты?» На вопрос: «Возражали бы вы против того, чтобы негр жил на одной с вами улице?» не возражают примерно 50%. На вопрос: «Согласились бы вы иметь негра своим соседом по квартире?» положительно отвечают 30%. И самый интимный из этой серии вопрос: «Как бы вы отнеслись к тому, что ваша дочь вышла замуж за негра?» Соглашаются не более 10%. Словом, получается, что чем ближе рубашка к телу, тем выше выступает барьер. В этом ничего удивительного нет. Всюду и всегда бытовая сфера трудно изменяется, и в ней наименее всего сказывается влияние самих лучших идей.

Существуют довольно строгие методы измерения подобных барьеров. Опросы позволяют весьма точно выяснить колебания в высоте подсознательных этнических барьеров. Фактически происходит явное их снижение. (Когда в 1940 году в США ставился вопрос, будут ли голосовать за негра – кандидата в президенты, соглашалось лишь 20%.)

Другой способ определения барьера – изучение выбора привязанностей. Данные официальной статистики о браках между различными этническими группами – тоже очень интересные показатели. (Такие показатели есть и у нас, например, по некоторым районам Средней Азии.)

Наконец, коротко об одном из самых неприятных и сложных явлений нашего времени – тенденции к резкому изменению существующей социальной структуры капитализма, которая характерна прежде всего для фашизма.

Фашизм провозглашает «тотальное» общество, которое будто бы является единым и монолитным и в котором классовые и другие различия второстепенны и неважны. Для этой цели создается миф о нации или государстве. У немецких фашистов на щит поднималась прежде всего нация. Итальянские фашисты выдвигали идею государства, подчиняющего себе все силы, все стремления. Этот миф и связанная с ним целостная система идейных стандартов предназначался для того, чтобы уменьшить силу любых других групп и учреждений, теряющих в фашистском обществе свое значение перед единым государством, которому подчиняется все и которое действует от имени божественной воли или от имени фюрера.

Отсюда возникал весь строй общества, власти, суда, идеологии, когда отдельно не нужно ни правосудие, ни научное мышление, – нужна власть, которая была бы всем: и судом, и разумом, и оправданием. Высшим критерием права, морали, истины оказывался фюрер, его власть. Особенно ясно это было в Германии, где в сущности был установлен культ личности фюрера, культ фашизма.

Нас интересует это общество как попытка создать «бесструктурное» общество, попытка превратить грамотный культурный народ в толпу, в массу, в которой все равны в своем бесправии, в своем подчинении, в массу, которая хотя и считала, что от нее исходит власть, но была бесправной пе-

ред государством, фюрером, перед тотальной машиной фашистского режима.

Для фашизма характерно очень резкое обострение давно забытых и ушедших в прошлое национальных отношений. Расизм не вырос из низов. Это явление, созданное, навязанное массам, сумевшее охватить массы. Не все, может быть, разделяли взгляды, навязанные расизмом, но связанными круговой порукой оказывались все. Это говорит о том, что как бы стары ни были признаки барьера, они как явление далекого прошлого могут оживиться в определенных условиях.

Одним из главных орудий фашистского режима было обращение к «средней» массе через систему пропаганды. Геббельс сумел поставить на службу пропаганды радио в такой степени, в какой до него еще никто не додумался. Печать, радио, кино (телевидения тогда еще не было) – все работало с огромной силой, формируя сознание массы. Ни один лидер раньше не мог обращаться к нации в целом, а Гитлер умел держать у радио часами чуть ли не весь народ. Сила массовой коммуникации выступает в данном случае очень наглядно.

Один из признаков тотального государства – полная ликвидация автономии отдельных общественных групп, сообществ, учреждений. Все должны действовать и существовать только в соответствии с интересами режима. Именно поэтому такое общество называется тотальным или тоталитарным. Все общественные группы, слои общества, интересы, все объединения людей, вплоть до союза филателистов или кружков кройки и шитья – все должны были быть элементами одной машины, подчинены государству.

Это общество нуждалось в интеллигенции, а точнее в высококвалифицированных специалистах. Они строили Освенцим чрезвычайно аккуратно, с большим знанием дела и техническим опытом. Это были те, кто воспитывал детей в немецкой школе. (Кстати, первоначально одной из опор Гитле-

ра была школа, учителя. Из всех слоев общества наибольший процент членства в фашистской партии дало учительство.) Опыт показал, что фашистский режим может использовать интеллигентные силы общества для самых низких, самых реакционных целей. Была тем самым опровергнута мысль, что люди блестящей культуры, знаний обязательно являются передовыми в обществе, могут вести его вперед, давать не только знания, а и нечто благородное, прогрессивное.

Понятие интеллигенции – русское, сложившееся у нас в конце прошлого века. Оно предполагает не только людей знающих, а в первую очередь тех, кто несет просвещение, культуру, трезвое, критическое отношение к существующему миру, кто может создавать духовные ценности: литературу, искусство и т.д. Фашизм показал наглядно, что в обществе может быть довольно большая группа ученых – прислужников, никакими позитивными качествами и высокой культурой не обладающие, а все свои знания и культуру поставившие на службу режиму. Конечно, в Германии было сопротивление, противники фашизма, свои мученики, но все это не меняет общей схемы соотношения сил, которая нас сейчас интересует.

В современном капиталистическом обществе огромные массы людей участвуют в политической жизни, читают газеты, книги, слушают радио, смотрит телепередачи, ходят в кино и т.д., собираются на массовые шествия. Общественная жизнь выглядит жизнью масс, причем масс не организованных, не сплоченных вокруг чего-то лучшего и прогрессивного, а масс «средних».

В этом отношении «массовое общество» во многом родится с обществом, которое создавал фашизм. Можно сказать, что фашизм был первым опытом создания массового общества. В обычном буржуазном обществе на первое место выступает система массового идейного принуждения, массовых коммуникаций, когда можно проводить всякие выборы и

плебисциты, так как народ подготовлен массовой пропагандой.

У Гитлера ведь тоже проводились плебисциты и всегда в его пользу – более $\frac{9}{10}$ голосов были (в 30-х г.) за нацистов.

Массовое общество умеет использовать талант, науку, интеллект, умеет третировать интеллигенцию и превращать специалистов в прислужников не хуже, чем фашизм, оно обладает тенденцией превращать людей разных классов и слоев в зависимых от одного хозяина. Таким хозяином является обычно капиталистическое государство.

В 20-е годы философ Шпенглер, предрекая гибель всей цивилизации, говорил, что единственный «социализм», в который он верит, – это общество универсальных чиновников, общество, где все должны быть чиновниками: на предприятиях, в армии, в деревне. Все это равные чиновники одного единого государства. Но такой «социализм» на деле оказался нацизмом, его реализовал фашизм (и Шпенглер кончил тем, что его поддержал).

Сейчас в буржуазном обществе с большой силой действует тенденция превращения его в универсальную систему чиновников.

В предыдущей лекции говорилось о выдвижении на первый план групп служащих, чиновников, которые уже сейчас составляют чуть ли не половину всего самостоятельного населения. Но дело не только в количестве этих людей, а в том, что вся система идейного убеждения государства как будто смещает сознание людей, создавая ложные иллюзии, изображая всех равно служащими чему-то. В Америке не говорят о «службе нации», говорят о «службе обществу».

Очевидно, что реальное содержание этой тенденции – возрастание роли государства и бюрократии в структуре буржуазного общества.

ЛЕКЦИЯ VII

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ГРУППЫ. МАЛЫЕ ГРУППЫ

В предыдущих двух лекциях говорилось преимущественно о группах, определенных внешне благодаря своему положению в обществе и отношению к другим группам, к барьеру, который отграничил их от иных групп. Внешне определенные группы (функциональные, профессиональные, классовые и т.д. – и нефункциональные, например, этнические) – пока не совсем предмет социологии. Поле их действия – человеческая история. В таких масштабах социолог чувствует себя еще не очень уверенно. Этими группами всегда занимались история и философия истории, исторический материализм. Поэтому предметом социологического анализа являлись главным образом отдельные стороны больших социальных групп.

В отношении функциональных групп, классов можно выделить три позиции социологии;

во-первых, рассмотрение шкалы престижа, ее изменения;

во-вторых, анализ социальной мобильности, характера движения людей по разным группам общества;

в-третьих, изучение социально-психологических барьеров. Выше уже говорилось о важности явления, которое позволяет разграничивать группы «изнутри», по характеру их организованности. В любом общественном действии всегда оказывается, что действующий круг людей – не просто группа, обладающая одними признаками, а группа, так или иначе внутренне взаимосвязанная, обладающая какой-то внутренней структурой.

Что же происходит внутри групп? Сравним с известным естественным процессом – кристаллизацией, когда в жидкости образуется внутренняя жесткая структура, которая пре-

вращает как будто бесформенную массу вещества в стройный, сохраняющий свою форму кристалл. «Кристаллизация», если она происходит с социальными группами, приводит к тому, что группа становится способной к определенному социальному действию.

Этими группами действия, по принятой терминологии, будут ассоциации, если налицо взаимодействие членов группы; ассоциации могут переходить в организации, которые характеризуются тем, что люди не только взаимодействуют в рамках группы, но в ней существует определенный специальный механизм, обеспечивающий порядок, стабильность, устойчивость.

Например, журналист обращается к некоторой совокупности читателей или слушателей – «аудитории». Аудитория представляет собой, конечно, определенную группу людей, причем определенность может быть и внешняя, и внутренняя. Допустим, готовится статья или телепередача в расчете на подростков 13 лет: аудитория в данном случае выделяется как номинальная группа людей, обладающих определенными признаками. Но на практике коммуникация приводит к тому, что аудитория – это не только часть людей, обладающих определенными признаками, они могут осознавать общие интересы. Если собрать вместе данную аудиторию, то это будет не только группа людей, которым столько-то лет, но группа людей, которые заинтересованы, например, в приключенческом кинофильме, показанном по телевидению.

Если подобные интересы устойчивы, если контакт со зрителем, слушателем, аудиторией регулярен, то возможно появление организации, например, специального союза молодых телезрителей.

Переход группы во внутренне определенную группу – очень важное явление, – если его нет, то контакта не получится.

Итак, группа действия отличается внутренней структу-

рой. Структура – это взаимоотношения внутри данной группы, которые обеспечивают ее стабильность. Каковы эти взаимоотношения?

Группа, предположим, может быть объединена одной идеей, т.е. какой-то совокупностью ценностей, правил, норм, ориентации, и люди связаны с этой идеей сознательным усвоением, уважением, почитанием, даже преклонением, если это религиозная идея, в последнем случае возникает культовая группа.

Такая форма связи людей в рамках группы в общем-то недостаточна для гибкой, активной и долго живущей группы. Одной только общности интересов, закреплённой в самой сильно действующей идее, недостаточно. Группы обычно, во всяком случае при своем длительном существовании, создают некоторую структуру, состоящую в самом простом виде из лица, исполняющего функции руководителя. В социологии употребляют термин «лидер», это лицо, воплощающее нормы, правила, требования данной группы и связанное с остальными ее участниками. Может быть более сложная структура: в обществе, когда нет «лидера», могут быть иерархии управления, т.е. ступеньки, разделяющие функции управления. На любом большом предприятии таких ступенек бывает много. Кроме того, происходит разделение функций еще и внутри управляющего механизма. Допустим, не существует одного лица или группы лиц, берущих все управление на себя. Одни вырабатывают программу деятельности, другие контролируют ее выполнение и т.д., т.е. происходит то, что известно в развернутом виде в такой большой организованной группе, как государство или крупная промышленная единица,

В буржуазной литературе обычно рассматривают корпорацию как высокий тип организации. У нас, в силу особенностей нашего общества, планового и централизованного, наиболее общим типом организации является, конечно, государ-

ство. Но его отдельные более или менее самостоятельные подразделения, в частности хозяйственные объединения, обладают тоже такими признаками организованных групп.

Механизм организации состоит из двух элементов: есть некие «центры» – специальные люди или специальные, каким-то образом записанные идеи, хранящиеся в головах людей, в книгах, на перфокартах и т.д., и есть отношения к этим центрам групп – отношения в виде уважения, послушания, почитания, внимания и т.д. со стороны отдельных участников групп. Не будь одного из этих двух элементов, по видимому, организации группы не получится.

По типу организации группы делятся на формальные и неформальные. В обоих случаях речь идет о группах, каким-то образом организованных, но самое главное в том, как они организованы. Слово «формальный» понимается иначе, чем в обиходном употреблении (поверхностный, бюрократический и т.д.). В данном случае формальное – это то, что имеет обозначенную, закреплённую структуру, причем установленную не в самой группе, а заданную ей обществом или группой большего масштаба. Допустим, государство – это, конечно, формальная структура, и люди, объединённые в нем, обладают очень ясно выраженными функциями. Тут есть специальные лица, занятые управлением, и особые механизмы передачи команд по системе управления в государстве, и специально записанные и закреплённые нормы (право) и т.д. Все это как бы отдельно от массы людей, зримо. По отношению к индивиду – сознательному или бессознательному (неважно даже – одобряет он данное государство или нет) – вся система специальных органов, порядков – внешне данная, так же как стены комнаты, как закон тяготения. Это и есть формальная структура.

Формальная структура отличается рядом особенностей. Она внешняя по отношению к отдельным членам группы и выражена либо в определенных людях, либо в особых нор-

мах, особых учреждениях. Формальная структура имеет и такую особенность: она, как иногда говорят, безличная в рамках формальной структуры – производственной, государственной, военной и т.д., – т.е. участвуют не люди с их многообразными желаниями, интересами, вкусами, а исполнители определенных функций. Когда кто-то приходит в государственное учреждение, то обращается не к Ивану Ивановичу, а к руководителю какого-то отдела и излагает ему соответствующую просьбу. Перед ним прежде всего носитель определенной общественной функции, а примет он или не примет человеческое участие в том или ином деле, конечно, важно, но это все же вторично. Всякий формальный механизм тем и отличается, что он предназначен прежде всего для исполнения функций.

В данном случае нет какой-то оценки или элемента осуждения. Достоинство государства и подобных ему устройств, выработанных человеческим обществом, в том и состоит, что их деятельность, правила не зависят от вкусов, своеволия, привычек, доброты или недоброты отдельных лиц.

Если бы дело было иначе, государство работало бы плохо. Когда личные пристрастия, вкусы, симпатии отдельных работников начинают играть слишком большую роль в деятельности механизма, то ясно, что он находится в нездоровом состоянии.

Можно выделить еще одну черту нормальной группы – универсальность. Формальная структура может быть большой и захватывать сколько угодно людей, память ее практически не ограничена, она может запомнить столько, сколько нужно для управления самым большим числом людей (правда, слишком большой механизм становится иногда таким же громоздким и плохо управляемым, как и очень большие организмы – всякие динозавры и пр.).

Особенность формальной структуры состоит в том, что она очень строго подчинена заданным функциям. Правда,

кто задал эти функции, как они могут быть заданы, насколько рационально заданы, – это вопрос довольно хитрый. Предположим, что они существуют заданными.

Изменить эту структуру не всегда просто, но в рамках заданных функций формальная структура бывает достаточно гибкой, управление может быть жестким или более гибким, формальная структура в этом отношении обнаруживает большое разнообразие.

Сопоставим с формальной структурой неформальную. В ней порядок держится на личных отношениях членов группы друг к другу, на личном авторитете, знакомстве, т.е. он неотделим от конкретных лиц.

Если в формальной организации нормы записаны в каких-то кодексах или в специальных учреждениях (иногда известных только юристам, потому что в современном государстве формы его юридической регуляции настолько разнообразны, что никто не знает, какие параграфы кодексов существуют), то в неформальной группе никаких отдельных записей нет – есть человеческая память, привычки (скажем, человеческая совесть – термин, звучащий, быть может, не очень строго, но имеющий реальный смысл). И внутри этого механизма записаны всякие нормы, порядки и т.д., поэтому в неформальной структуре нет особого аппарата для их закрепления, контроля и т.д.

Очевидно, неформальная группа не может быть такой широкой, такой многообразной, как формальная. Она имеет какие-то внутренние рамки – то, что человек может запомнить, к чему он может привыкнуть, поэтому неформальная группа бывает устойчивой либо когда, она сравнительно небольшая, и это приводит к вопросу о так называемых малых группах, либо когда бывает временной.

Временная группа возникает очень часто. Это может быть аудитория, к которой обращается публицист один раз, или группа, объединенная общими интересами, а не какими бы

то ни было формальными структурами. Если, предположим, это аудитория, регулярно посещающая лекции, то уже нужен деканат и старосты, чтобы организовывать такие регулярные мероприятия, то есть некоторая формальная структура.

Временная неформальная организация может быть и в тех случаях, когда возникает какое-либо массовое движение – политическое, национальное, религиозное, когда люди поднимаются благодаря общим чувствам возмущения или радости. Так возникают, правда, не так часто, стихийные манифестации. В нашей истории последнего времени я знаю только один пример – 9 мая 1945 года, когда люди стихийно вышли на улицы. В других случаях это требует организации. В начальный период развития освободительного движения – крестьянского, рабочего, национального – могут возникать группы, которые поднимаются как стихийная сила, благодаря, например, общему чувству возмущения, но такие группы вряд ли способны сделать многое. Иное дело группы, которые ведут лидеры – лица, известные всем. Вспомним точку зрения Вебера на два типа руководства: 1) руководство харизматическое, когда ведет личность своим авторитетом, личной властью, и 2) «рациональное» или рутинное руководство, где существует устойчивый механизм управления, и смена лидеров его не ломает. Важно, что всегда возникает формальная структура, возникают должности, возникает механизм управления этой группой, и, только благодаря этому процессу, движение сохраняется как организованное. Появляются партии, профсоюзы, специальная армия, тайные или открытые организации, разным образом выбранные или назначенные. Они могут бороться во имя хороших и нехороших целей, прогрессивных или непрогрессивных – это другое дело, но закономерность одна: из неформальной группы всегда возникает формальная, возникает определенная система управления, определенный механизм управления.

Практически в реальной жизни почти нет таких групп,

которые были бы организованы только формально или только неформально. В любой области человеческой деятельности две системы отношений – формальная и неформальная – накладываются друг на друга. И так же, как любое движение, если оно устойчиво и организовано, рано или поздно создает какую-то формальную структуру, так и в любой формальной системе, группе, будь то государство или предприятие, неизбежно возникает целая серия неформальных, личных отношений между людьми.

В формальных группах отношения между людьми опосредованы отношением к государственному аппарату, нормам, лидеру, каким-то правилам. Если группа довольно большая, то может быть отношение к одному лидеру, которого все знают и за которым идет большая масса людей. Немного иначе обстоит дело в малых группах, где вообще все друг друга знают.

К малой группе в социологии относят те группы, где не просто мало людей, а где отношения отличаются от отношений в большой группе. В малой группе возможен непосредственный и устойчивый личный контакт между всеми. Это такая группа, где не существует никакой надобности закреплять нормы лидерства в виде каких-то специальных органов, специальных лиц; в ней непосредственные, «живые» отношения между людьми определяют и авторитет, и симпатии, и пр., а нормы жизни достаточно просты, стабильны и устойчивы, чтобы они могли храниться в рамках самой группы, поэтому не нужны никаких законов, никаких властей и т.п.

Количество людей в таких группах бывает разным, может быть и три, и два человека, пять, шесть, редко больше десятка (самое минимальное число – два). Но есть одно любопытное число, иногда говорят, загадочное число – семерка. В одной ученой книге, в строгом психологическом исследовании с серьезным математическим аппаратом имеется заголовок

«Удивительное число семь»¹. Число 7 определяет объем непосредственной человеческой памяти. Память можно рассматривать как некий «сундук», куда можно многое сложить, но потом нужно доставать, а это не так просто. Непосредственная память – это то, с чем мы оперируем, не «лазая в карман», и в ней укладывается в среднем семь разных предметов (более точно 7 ± 2). В среднем нормальный человек, не обладающий особенными способностями, может, например, поддерживать разговор, контакт с 7 ± 2 людьми.

Можно привести еще ряд примеров из других областей, и все они дают возможность сделать вывод, что это приблизительный размер оперативной человеческой памяти. Оказывается, что оптимальным размером малых групп является 7 ± 2 . Это накладывает какой-то отпечаток на сами принципы функционирования малых групп.

Что же может быть малой группой? Какое человеческое объединение держится на относительно малом и устойчивом числе личных контактов? В современном обществе это небольшой кружок товарищей, иногда рабочая бригада, иногда студенческая группа. Если говорить об армии, то минимальное воинское подразделение обычно измеряется этим числом. Практика показала, что это наиболее эффективное сочетание: меньше – слишком мало, неустойчиво; больше – надо делить на части и назначать управление в каждой из частей.

Есть примеры более сложные. Например, семья – это малая группа, формальная группа или неформальная? Вообще семья в современном обществе – образование как бы многослойное. Дело в том, что она, во-первых, очень стара и, во-вторых, ее современный объем и функции сравнительно новы. Исторически семья – родственная группа, которая всю деятельность людей концентрирует в своих рамках, направляя воспитание, обучения, характер работы и проч. Такой

¹ «Инженерная психология», изд. Иностранной литературы, 1965 г., статья Джорджа Миллера.

семьи почти нет в современном обществе. Есть так называемая атомарная или элементарная семья, т.е. родители и дети, причем детей немного. Атомарная семья наиболее характерна для всего современного общества, в том числе в принципе и для нашего, хотя не для всех республик. По объему она подходит под малую группу.

Конечно, здесь играют большую роль неформальные отношения; личные связи, контакты. Но семья не возникает по одному доброму желанию людей и не руководствуется только ими. Определенное влияние на структуру семьи, на ее функции, на распределение обязанностей между ее членами и т.д. оказывают традиции соответствующей культуры и субкультуры; существует, кроме того, юридическая, внешне заданная структура, потому что есть какие-то обязанности родителей перед детьми и детей перед родителями, отношения супругов, которые законодательно закрепляются. Так что это не просто группа, основанная на личных отношениях, хотя последние, конечно, имеют значение.

В любой организации, самой формальной и самой большой, мы находим и сеть неформальных отношений, и прежде всего сеть малых групп. Например, студенческий курс – это довольно большое количество людей; обучаясь вместе, они, по-видимому, друг друга знают и какие-то личные отношения у них существуют. Их недостаточно для того, чтобы курс держался как курс, он внешне управляется. В рамках этой большой группы есть целая сеть групп, которые выделяются по знакомству, интересу, склонности, совместной работе и т.д.

Как сочетается формальная и неформальная структура, скажем, в рамках студенческих групп или производственных бригад?

Студенческая группа и рабочая бригада определены внешне, ибо есть какой-то порядок их деятельности, уставные требования, есть формальная структура: староста или

бригадир, их помощники, контролеры или учетчики, люди, выполняющие какие-то другие функции.

Значит, в рамках этой структуры имеются отношения некоторых лидеров к членам группы. Кроме того, существуют личные, неформальные связи между всеми членами такой группы, ибо в рамках бригады, студенческой группы все друг друга знают.

Кроме того, внутри формальной группы или бригады независимо от чьих бы то ни было установлений возникают малые группы, товарищеские отношения, объединяющее 2–3–5 человек в кружки друзей, и т.д. Это неизбежная форма кристаллизации, которую принимает человеческое множество.

У нас проводилась одна экспериментальная работа по исследованию малых групп на производстве, где сравнивались две бригады. В одной бригаде, кроме формальной структуры, была очень сильно развита неформальная, то есть большинство ее членов нерабочее время проводили вместе, в рамках этой группы развивались дружеские контакты. В такой ситуации возникает сочетание и довольно близкое слияние формальной и неформальной структур. Как это влияет на характер деятельности, например, данной бригады? Исследование показывает, что в данном случае проще было воспитать честное отношение к труду, потому что все стремились выполнить обязательства бригады и т.д. В другой бригаде ситуация была несколько иная: люди контактировали главным образом во время работы, а другие интересы у них были вне группы. Исследователь утверждает, что в данном случае дисциплина была хуже, а преследовать общие цели в выполнении обязательств труднее.

Однако в условиях, когда не различаются товарищеские и официальные отношения (употребим такие термины, чтобы не повторять – формальные и неформальные), для общества существуют не только некоторые плюсы, но и минусы. В

бригаде, где личные отношения совпадают с формальными, имеется больше условий для того, чтобы, например, иногда искусственно завышать или занижать нормы, строить отношения к бригадиру или бригадира к подчиненным на личных симпатиях; от этого не всегда выигрывают производственные интересы. Например, иногда бывает не так просто добиться, чтобы бригада перешла на новый режим работы, потому что кое-кто этому может сопротивляться.

С такими фактами столкнулись американцы, которые больше всего заинтересованы в том, чтобы бригады выполняли одно: работали и делали больше. С точки зрения американских индустриальных социологов, совпадение формальных и неформальных структур скорее вредно, чем полезно, потому что от такой группы многого добиться нельзя.

В одном из недавних американских исследований проверялось такое соотношение: относительный консерватизм настроений и образа жизни у жителей южных и северо-восточных штатов. Известно, что на юге больше показателей консерватизма. Один из них – наличие довольно высокого барьера предубеждений в отношении негров и других меньшинств, а также в отношении современной моды, танцев и т.д. Одним из пунктов такой «лакмусовой бумажки» консерватизма, по мнению американских социологов, служит реакция на вопросы, где людям интереснее – на работе или вне работы, проводят ли они свободное время с теми людьми, с которыми работают, или нет?

На первый взгляд вопрос кажется странным, и нужно немного подумать над такой его постановкой, чтобы объяснить, чем она вызывается.

В условиях современного американского общества, где рабочее время сравнительно невелико (6–7 часов в день), возникает стремление – «свое» отработать, а остальное время – свободные контакты. Возникает и стремление резко разделить сферы контактов: одни – коллеги по работе, другие –

люди, встречающиеся по интересам. Предполагается, чем более «современна» жизнь, тем эта разница существенней.

Для нашего общества это не совсем применимо, и в наших нынешних условиях принято скорее считать плюсом совпадение формальной и неформальной структур, потому что они подкрепляют друг друга.

Малые группы открывали социологи несколько раз. Скажем, Ч. Кули первым заговорил о существовании таких групп, но почти независимо от него их открывали чисто эмпирически. Когда, например, исследовали отношения рабочих в Хоторне (Э. Мэйо и др.), то обнаружили, что в цехе, кроме формальной структуры и отношения рабочих к собственной работе, конвейеру, администрации, обязательно существуют неформальные группы, которые очень влияют и на характер работы, и на характер времяпрепровождения рабочих и т.д. Когда Уайт исследовал уличную банду в «Корнerville», то он обнаружил, что там есть группа с очень строгой дисциплиной, лидером, порядком и т.д., причем сравнительно малая. Наконец, когда исследовали массовые коммуникации (Кац, Фестингер и ряд других), то обнаружилось, что влияние газет, радио, телевидения идет не прямо к каждому отдельно взятому человеку, одним из промежуточных барьеров выступает малая группа и именно через нее происходит влияние на отдельного человека. Оказывается, человек воспринимает то, что ему дают в рамках группы, учитывая ее вкусы.

Пытались даже создать теоретическую схему группы, вывести ее структуру в таком чистом виде, чтобы можно было применить к разным случаям. Наиболее известная попытка принадлежит Ч. Хомансу. Хоманс лет 15 назад выступил с теорией «малой группы», считая ее образцом всякой человеческой группы. Он утверждает, что в любых малых группах можно выделить четыре главных элемента: 1) деятельность – группа действует, скажем, учится или работает вместе, но эта

деятельность направлена на решение кем-то поставленных, откуда-то взятых задач; 2) взаимодействие – взаимное влияние определенных лиц в процессе этой деятельности; 3) чувства или, как иногда переводят, сентименты – пристрастия, симпатии, антипатии и т.д., то есть все психологические элементы, связывающие людей; 4) нормы, при помощи которых данная группа поддерживает свою стабильность, порядок и т.д.

Эта схема довольно абстрактна и, в силу этого, относительно широко применима. В любом рабочем, учебном, военном, административном, научном коллективе можно выделить такого типа элементы. Хоманс попытался выделить несколько правил, определяющих взаимное воздействие этих элементов. Правила эти, по-моему, не очень содержательны, в них нет ничего особенно интересного. Например, чем больше деятельность, тем больше взаимодействие, или чем больше совместной деятельности, тем больше взаимной привязанности и тем больше сентиментов. Но это более или менее известно из воспитательной практики и т.д.

Кстати, к фамилиям ученых, приходивших к понятию малой группы, можно добавить А.С. Макаренко. Педагогика привела его к убеждению, что силами, при помощи которых формируется индивид, является первичная группа детей, детский коллектив.

Для Хоманса группа – это некоторое количество людей, связанных четырьмя элементами. Скажем, у рабочей бригады внутренняя норма – стремление не увеличивать производительность выше определенного уровня, иначе администрация будет все больше и больше жать, – норма взаимного покрытия, иногда оказывающаяся очень вредной для общества, а иногда – полезной, в зависимости от того, в каких условиях это происходит.

Деятельность людей, каждый из которых как-то связан с другим при помощи таких связей, Хоманс рассматривает по

образцу рыночных отношений, по принципу: даю, чтобы ты дал. И здесь возникает какое-то «равновесие»: если Джонс оказал услугу Смиуту, то Смит «платит» ему чувством уважения, его деятельность «оплачивается» сентиментами и т.д. Конечно, схема в общем не очень плодотворна.

В практической работе чаще всего употребляется не такая схема, а куда менее теоретическая, но зато практически пригодная, которую предложил американский психолог и социолог Морено. Около 20 лет назад он выступил с нашумевшим рекламным произведением «Могут ли люди выжить?», где доказывается, что люди могут выжить, если поддерживают правильные взаимоотношения в микрогруппах. В работе Морено есть элементы рекламы и совершенно несостоятельные теоретические положения, например, будто люди страдают, идут на социальные конфликты лишь потому, что они сталкиваются с неприятными им людьми, с которыми не хотят работать, и из-за этого в конце концов возникают войны и другие несчастья.

Эти рассуждения, безусловно, несостоятельны, но Морено интересен прежде всего предложенной им схемой, при помощи которой можно изучать, как относятся друг к другу люди в рамках малых групп.

Его известный опыт состоял в том, что он изучал, как рассаживаются рабочие в столовых. Оказалось, что они рассаживаются по симпатиям. Морено предложил, учитывая такие склонности, более удачно расставлять рабочих в цеху. Он пытался доказать, что можно расставлять людей так, чтобы они контактировали с теми, кто им нравится, а это повышает отдачу, улучшает настроение рабочих. Такой прием оказывается в какой-то степени практически полезным.

У нас написано немало книг и статей о том, что это не изменяет природы капитализма, природы его отношений и т.д. Это верно. Но люди живут не только в условиях большого общества, они живут и в «микросреде», и тут климат, воз-

никающий во взаимоотношениях с соседями, – не шуточная вещь.

Более интересны, конечно, не сами предложения, а то, как это делается. С легкой руки Морено, Бейлса, Хейра и др. вошло в практику изучение группы двумя способами. Во-первых, с помощью матриц для изучения взаимодействий в группах (социоматрицы). Задается серия вопросов: С кем из данной группы вы хотели бы жить вместе? С кем вы бы хотели вместе работать, проводить свободное время и т.п.

Получается, скажем, так, что человек А два раза выбирает человека Б, пять раз человека В. Человек Б пять раз выбирает человека А и ни разу не выбирает человека В; человек В три раза выбирает человека А и четыре раза – человека Б. Строится таблица (матрица) и рассчитывается, что получается: А выбран 8 раз, Б – 6 раз, В – 5 раз. Кто пользуется наибольшей популярностью в рамках данной группы? Очевидно, человек А – у него наибольшее количество выборов. Благодаря такой системе можно определить, например, кто пользуется наибольшим авторитетом, уважением, симпатией в рамках бригады или студенческой группы.

У нас применяли подобные методы к бригадам. Оказалось, что далеко не всегда наибольшим уважением пользовался бригадир. Предлагали менять бригадиров, администрация соглашалась, во многих случаях это приносило положительные результаты. Полезно бывает определить и изменить структуру так, чтобы формальный глава совпадал с лидером.

Другой способ измерения отношений внутри группы – графическое изображение при помощи элементов теории графов – называется социограммой. Например, имеется группа из 5 лиц; благодаря разного типа опросам выясняются взаимные связи лиц. Затем элементы и связи этой системы изображаются на чертеже (получается нечто вроде многоугольника, звезды, ломаной линии).

Малые группы обнаруживаются с удивительным упорст-

вом в любой форме человеческой деятельности, в какой угодно области.

Значительная часть современной техники управления людьми в промышленности, в военном деле строится на том, что пытаются воздействовать на неформальные малые группы, направить их так, чтобы они не противоречили интересам администрации и командования.

Американцы после Второй мировой войны провели целый ряд исследований и показали, насколько важно для руководства иметь неформальный контакт с подчиненными, иметь так называемые человеческие отношения. Сложилась целая теория поддержания добрых, неформальных отношений между людьми. Это называется иногда громкими словами – гуманизацией труда, но на самом деле речь идет о приспособлении отношений, складывающихся на работе, к нуждам фирм.

Но вот любопытная проблема. Оказалось, что в условиях распада общества, кризиса, который переживают целые большие группы, малые группы обладают удивительной стабильностью.

Американцы исследовали причину стойкости немецкого сопротивления в последние месяцы войны. В феврале, марте, в апреле 1945 года немецкие войска, молодое поколение, мобилизованное в фольксштурм и подпольные подразделения, упорно дрались, причем абсолютно бессмысленно, потому что уже было ясно, что война проиграна. И американских социологов заинтересовал вопрос, чем руководствовались немцы. Они собрали показания своих офицеров, спрашивали пленных и выдвинули мнение: когда государство рушилось, а нацистская партия развалилась, остались малые группы, и солидарность людей в рамках малых неформальных групп была главной причиной продолжающегося отчаянного сопротивления, в котором уже не было никакого смысла.

Кстати, еще более явно подобные факты прослеживались

у японцев. Некоторые подразделения японской армии многие годы, чуть ли не 15–20 лет после окончания войны, скрывались в джунглях, не желая признать, что война проиграна, император капитулировал и т.д. Однако вряд ли можно считать убедительным утверждение, что в данном случае главным образом проявлялось влияние малых групп. Скорее всего сказывается не только сила связанности людей (хотя это очень «крепкий орешек» в общественно-социальном «размоле»), но и факторы иного порядка.

Возьмем литературный пример. В повести немецкого писателя М. Грегора «Мост» рассказана история о том, как группа мальчишек, брошенных на произвол судьбы теми, кто их вооружил, абсолютно безнадежно пытается удержать мост против американской дивизии; они храбро сражаются, но сама задача совершенно бессмысленна, потому что всё происходит в последний день перед капитуляцией. Автором нарисована очень реальная и сильно действующая картина. Однако здесь на первом плане не сама по себе группа мальчишек и их вера в воинский долг, который уже не имеет смысла, вера в генерала, который предал их, вера в фюрера, которого уже нет в живых. Это устойчивая система связана не с малой группой, а с идеологической, нормативной системой большого общества, она их держит, и потом разваливается.

Важно подчеркнуть, что малая группа не является моделью всего общества. Исследователи малых групп (например, Хоманс) считают, что в малых группах на взаимодействии 2–3–7 лиц можно проверить все закономерности социальной жизни, считают, что это клеточка-ячейка, которую можно распространить на все общество. Это, наверно, потому, что малая группа никогда самостоятельно не действует: она производит то, что ей задано (в цехе, бригаде) извне, преследует цели, которые не сама выдумала, подчиняется каким-то нормам, идеалам, ценностям, предрассудкам, которые возникли

не в рамках 3–5 человек, а в обществе.

Поэтому ни мерить общество по малой группе, ни составлять общество из малых групп нельзя, но считаться с их наличием необходимо. И не только для задач теоретических, чтобы проверять, как может строиться взаимодействие людей, но и для практических, чтобы лучше подобрать, скажем, солдат в одно отделение, рабочих в бригаду, лучше сгруппировать студентов и т.д. Здесь практика анализа малых групп оказывается пригодной, и у нас есть определенный опыт в этом деле².

Итак, прочность малых групп связана с тем, что они могут какую-то часть норм деятельности, какую-то часть порядков сохранить благодаря личным отношениям. Коллективно сохраненного, как правило, оказывается достаточно для функционирования такой малой группы.

² См. Н.И. Лапин. Проблема неформальной группы в «индустриальной социологии». Сб. «Социальные исследования», вып. 2. Изд. «Наука», М., 1963.

ЛЕКЦИЯ VIII

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ

Проблема личности – самая сложная для социологии, а также для других областей знания, которые ею занимаются. Наверное, нет другой такой области, в которой средства научного познания были бы столь грубыми, несовершенными и недостаточными, как при изучении личности. Это определяется многообразием и сложностью самого объекта, а также тем, что проблема личности – одна из самых «больных» в наше время. Многие другие социальные проблемы решаются проще, быстрее, увереннее тех, которые затрагивают личность.

При разборе малых групп – удивительно устойчивых, универсальных – мы могли легко обнаружить некий «твердый орешек», благодаря которому малая группа оказывается устойчивой и с неумолимой силой возникает в любой ситуации. «Твердый орешек» – это личность, потому что держится малая группа личными связями и личной структурой.

Человека изучают с разных сторон: им занимаются физиология, анатомия, статистика, учитывающая действия множества людей в рамках общества, государства города и т.д., его изучают работники торговой сети как потребителя, экономисты как производителя и потребителя, философы как явление природное и в то же время особое в ряду иных природных и социальных явлений, его изучают и психологи. Психологическая точка зрения и методы психологического анализа ближе всего к социологическим, хотя они и не совпадают. Психологи рассматривают человека как сознательно действующее, думающее, чувствующее существо, анализируют его интересы, способности, темперамент. В дальнейшем нам придется говорить об использовании отдельных методов психологического анализа в социологическом подходе

к личности. Но задача социологии – увидеть в человеке то, что позволяет ему играть определенную роль в общественной системе, что составляет его социальную натуру, что позволяет ему быть активным, самодействующим центром общественной деятельности.

Мы говорим: человек, индивид, личность. Личность – не совсем то же самое, что человек, так как человек изучается разными науками и по-разному. Личность – не то же самое, что индивид, потому что индивид – это отдельный конкретный человек с плотью и кровью, мыслью и страстью, идеями, стремлениями и заблуждениями и т.д.

Когда мы говорим о личности, то рассматриваем человека как единицу, играющую социальную роль, как особую совокупность социальных связей и отношений.

При сопоставлении личности с обществом говорят, что личность служит обществу, а общество – личности. Получается своего рода некоторая пара взаимодействующих элементов, достаточная, если рассматривать общество как то, что «вокруг» человека. При анализе социологическом подобное противопоставление не годится, потому что сам человек – элемент общества, его частичка, причем одна из самых важных. Поэтому правомерно личность сопоставлять не с обществом, а с группой, институтом, социальными нормами, культурой как системой ценностей и т.д. Личность – не нечто противопоставляющееся обществу, а сама – плоть от плоти и кровь от крови общества. Это положение старое, давно известное в науке, высказанное в самой резкой форме впервые Марксом: необходимо рассматривать самого человека как существо общественное, а не противопоставлять его обществу.

Но сказав: человек – часть общества, – довольно легко прийти к иллюзии: достаточно изменить окружающую среду – и вместо одного человека получишь другого. Известно, что это не получается так просто. Практика нашего 50-летнего

строительства показала, что из всех элементов, доставшихся нам от общества прошлого, структура личности – самый трудно поддающийся воздействию и медленно изменяющийся элемент. Теоретически это можно было доказать и раньше, но самой практикой все показано очень серьезно и убедительно.

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год писал, что натура человеческая глубже, чем общество, и источники зла, дурного, греха, как он выражается, лежат в самой сердцевине человека. Самая простая реакция на подобные аргументы – отбросить их, сказав – это неверно. Между тем это не совсем неверно, хотя бы потому, что мы видим, как трудно, медленно изменяется человек в желаемом направлении, насколько наивны воззрения о том, что достаточно дернуть за какую-нибудь общественную ниточку, и человек целиком сразу повернется в другую сторону.

Возникает вопрос: можем ли мы, отбросив мистическую сторону рассуждений Достоевского, попытаться взглянуть на личность всерьез, во всей ее глубине, в ее многоплоскостности и многослойности? Может ли это сделать такая дисциплина, как социология? В некоторой мере, наверное, может.

Здесь нужно обратить внимание на следующие моменты, которые объясняются вполне строго, научно и которые без обращения к потусторонним силам и всяческой мистике говорят о сложности личности, а также о характере этой сложности.

Во-первых, из всех известных науке объектов личность – объект наиболее сложный. Почему? Потому что в ней есть некоторая грань между биологическим и социальным, причем эта грань не уничтожается по мере того, как мы поднимаемся к высотам культуры, по мере того, как биологическое существо человека, его физиологическое устройство, чисто естественные желания и потребности входят в определенную рамку социальных законов, моральных требований, эстети-

ческих категорий и т.д.

Больше того, иногда напряжение на «границах» социального и биологического может быть очень высоким. Социальное и биологическое – образования самые сложные, в природе нет ничего сравнимого с ними, и личность, находясь на границе двух огромных миров, занимает особое положение по сравнению с другими объектами. Социальные группы такой природы не имеют, социальный институт, система, типы связей – все это значительно более однопланово.

Личность – самый индивидуальный объект из всех, которые может рассматривать наука. Это значит, что многообразие личностей больше многообразия минералов, молекул, атомов, элементарных частиц, социальных групп, общественных формаций, исторических эпох и вообще всего чего угодно.

Это достаточно очевидное утверждение, но все же постараемся пояснить его.

Можно отметить в организации неживой, а потом и живой природы следующую закономерность: чем сложнее данный объект (предположим, элементарная частица, атом, молекула, кристалл, минерал, планета, разные формы одноклеточных, многоклеточных и т.д.), тем больше в нем индивидуальности, многообразия и отличия от других объектов. Однородные элементарные частицы друг от друга не отличаются: атомы же отличаются, по Менделееву, их может быть 100 с лишним вариантов, не считая изотопов; минералов могут быть тысячи; живых существ – сотни тысяч. В социальных образованиях можно выделить целый ряд разновидностей социальных групп; например, марксизм выделяет 5 типов общественно-экономических формаций; некоторые исследователи (английский историк Тойнби), рассматривая типы культуры, выделяют два с лишним десятка цивилизаций. Вариантов же Человека столько, сколько существует людей. Это происходит благодаря сложности самой орга-

низации человека, следовательно, и личности.

Правда, все это многообразие наука рассматривать не может и ищет средств для его ограничения. Мы рассматриваем человека как участок общественной деятельности, как актера, играющего социальную роль, а это приводит к тому, что мы берем социальные типы, а не все многообразие типов индивидуальных.

Сложность и многообразие личности ведут к максимуму изменчивости, максимуму подвижности в этой системе. Никакие другие социальные образования не могут быть столь изменчивы, как личность. Но, когда мы рассматриваем, как возникают изменения в обществе, оказывается, что огромную роль играет выбор обществом из многообразия людей, характеров, типов тех, которые нужны для данной эпохи. Так общество выбирает себе лидера – человека, удачно выражающего своим складом ума, подготовкой, характером то, в чем нуждается в данный момент определенная группа. Общество может выбирать и получать все ему необходимое благодаря тому, что налицо богатый выбор личностей, типов действий, интересов и т.д.

«Человек – общественное существо». Так говорил Аристотель, это повторял Маркс. Подобная точка зрения, из которой и мы исходим, требует очень интересного уточнения. О каком обществе идет речь? Ведь общества «вообще» не бывает. Оказывается, сложность и глубина человеческой личности во многом объясняются тем, что человек – не только продукт данного, наличного, «сегодня» существующего «на дворе» общества, нынешней системы нашего воспитания, идеологии, нашего государства. Прямо или косвенно личность аккумулирует то, что накоплено людьми на протяжении их истории. Это происходит по-разному. Во-первых, в некоторой степени сама структура наследственных способностей человека, устройство его мозга, психики сформировались не сегодня и не формируются заново каждый день,

это – продукт всей истории человеческого общества.

В этом устройстве последовательно находят свое выражение разные слои культуры, разные ступеньки, по которым шло человечество, которые можно иногда обнаружить в специальной ситуации (например, в ситуации некоторых психических заболеваний), в индивидуальном сознании.

Но эти «слои» находятся и в структуре общественного сознания, т.е. в культуре общества, его памяти, в действиях личности как существа общественного.

Но дело не только в том, что некоторые стороны личности, скажем, связанные с устройством психики и организации человеческих способностей, формируются не сегодня, не вчера, а последние 2–3 миллиона лет. Дело еще и в том, как человек становится человеком. В процессе, когда человек «обучается на человека», он испытывает влияние не только школы, газеты, т.е. того, что мы ему сознательно, направленно сегодня даем по разным каналам. Иногда на человека очень сильно воздействует система обычаев и традиций, привычек и предрассудков, которые в этом обществе сложились не сейчас, не сегодня, не в последние 50, а в последние 500 и более лет и которые существуют и действуют донныне.

Поскольку человек – не только продукт наличного строя, а всей истории общества, он оказывается более глубоким и более сложным, чем наличное общество. И если мы посмотрим на человека с этой стороны, то отпадет обвинение Достоевского в том, что мы не желаем видеть человека в его глубине. Нельзя сказать, что мы умеем видеть всю глубину, но, пожалуй, подойти к ней наука может.

Из сказанного следует, что, очевидно, нелепо представлять индивида как часть данного, наличного общества, думать, что он может целиком раствориться в обществе. Если бы это было возможно, личность была бы просто ликвидирована. Личность в некотором смысле «старше» общества, потому что меняются – и довольно быстро – системы общест-

венные, политические, воспитания, а весь исторический опыт, запечатленный в личности, так быстро не меняется.

Эта проблема – не только академическая, она имеет свои очень современные и даже политические выходы. Мы знаем такую общественную систему, которая заявляла, что человек – ничто, существует только масса. Правда, вместо «массы» предпочитали говорить – народ, нация, раса. (По-немецки «фольк» – народ, нация). Гитлер в 1933 году в одной речи заявил, что личность преходяща и только народ является бессмертным.

Идеология нацизма – самое яркое и последовательное выражение тех мнений, согласно которым личность приравнивается к абсолютно незначающему элементу в общественной массе, называемой в данном случае нацией, народом, «фольк». С их точки зрения ложен буржуазный индивидуализм, который понимает личность как нечто самодовлеющее, ложна христианская религия, потому что считает личность самостоятельной единицей, ложен и марксизм, потому что рассматривает как единицу классы, которые действуют, борются и добиваются своих интересов. «Истиной» является для фашизма представление о том, что выступает в мире только «народ» или «нация». На деле в таком мировоззрении «народ» – мифическое образование, потому что с реальным народом это имеет мало общего... Но реальным было тотальное государство, система, в которой личность не имеет права ни на отдельные интересы и мнения, ни на какие-то отклонения от того, что существует в данном обществе. Из этого вытекали практические выводы – человек полезен, пока годится для данного строя, не годится – долой человека, и ни закон, ни мораль, ни совесть – ничто не должно остановить руку палача. Высший принцип – это принцип «пользы» для данного государства, представленного правящей бандой, фюрером и т.д.

Как же сложность личности может находить свое отраже-

ние в науке? Очевидно, мало сказать, что личность – высшая ценность, или что она – центр активности общества и т.п. Надо попытаться увидеть в ней некоторую структуру, ряд взаимосвязанных, взаимодействующих сторон. Попытаемся представить себе социальную структуру личности с той оговоркой, что нас интересует не все в человеке, а только то, что доступно и интересно социологии. Мы рассматриваем личность как социологический предмет, отключаясь от психологического разнообразия характеров, индивидуальных способностей и т.д.

Во-первых, личность есть элемент памяти общества, того богатства знаний, умений, навыков, которые оно накопило на протяжении своей истории. Эти знания хранятся не только записанными в книгах или на перфокартах, но еще и в головах людей. Это очень важная «клеточка», в которой общество хранит то, что им добыто.

Во-вторых, личность – это какой-то узел культуры, т.е. тех норм и требований, которые предъявляются в обществе к любой группе, институту, ко всему, что в обществе существует и действует.

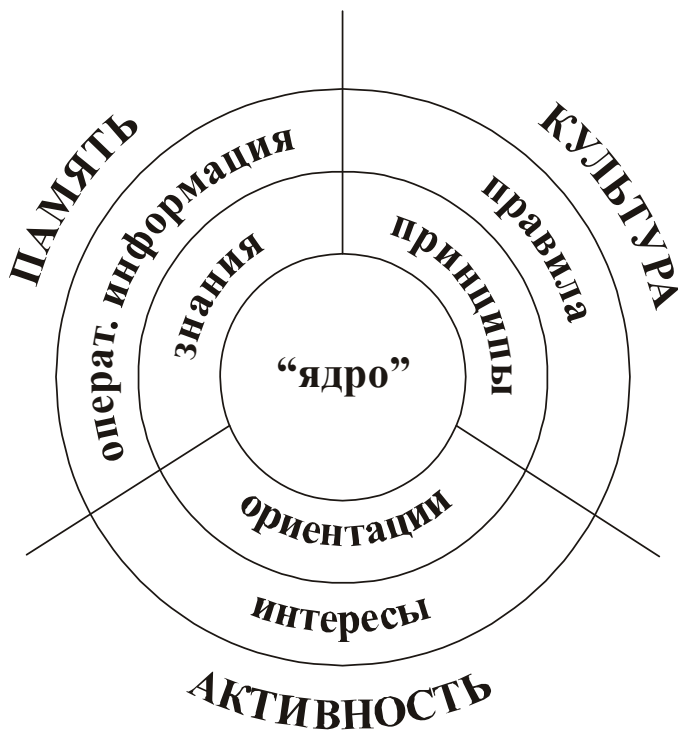
В-третьих, человек не только хранит в себе некоторую долю норм, правил и т.д., человек активен, т.е. он имеет определенные потребности, чего-то требует от общества, среды, ближних и добивается удовлетворения этих потребностей. Благодаря этому он выступает как некоторая активная сила, активный центр в обществе.

Наконец, личность – не просто некоторый элемент памяти общества, культуры или активности; личность – это «твердый орешек», сочетающий в себе в течение довольно длительного периода времени и память, и культуру, и активность в чем-то едином и неразрушимом.

Известно, что знания меняются, тем более меняется текущая информация. В то же время, если человек остается человеком, остается личностью, то некоторая совокупность

знаний где-то в глубине человека должна быть нерушимой, должны быть какие-то определенные устои – назовем их убеждениями, – которые не меняются, если изменяются иные составные части памяти (или изменяются в ином масштабе времени).

Это дает основание изобразить социальное поле личности следующим образом. Представьте себе три концентрические окружности.

Ближе к центру выделена та часть хранимой в личности общественной информации, которая меньше всего изменяется и которая задает некоторый тон для всего процесса вос-

приятия и переработки информации. Назовем ее «убеждениями». Более внешний круг – «знания», самый внешний круг – «оперативная информация».

Мы живем в среде, меняющейся постоянно, каждый час и каждую минуту, получаем новые сведения, т.е. на оперативном уровне постоянно течет некоторый поток чего-то нового. Но существуют знания, которые не меняются так быстро, и именно благодаря им мы можем оперировать с быстротекущими новостями. Ведь нормы нашего языка устойчивы, поэтому мы можем менять слова, фразы, строить их по-разному и т.д. По мере развития науки могут меняться и знания, и их объем, однако, пока существует личность, где-то в ее глубине должны быть определенные прочные отношения к миру – мы назвали их убеждениями, т.е. чем ближе к некоторому центру, тем плотнее, устойчивее «содержание» личности.

Внешние слои могут быть малоустойчивыми именно потому, что существует некоторое ядро. Разрушится ядро – разрушится память, нельзя будет воспринимать и текущую информацию. Подобные «слои» есть и в психологической структуре личности. Известна психическая болезнь – амнезия: человек теряет память, берет вещь и не знает, куда положить, иногда забывает, для чего пришел в университет, что читал год назад. Подобный термин применим также и к общественной памяти.

В том секторе нашей схемы, который мы договорились соотносить с культурой, тоже можно выделить разные по устойчивости слои. На поверхности существуют, скажем, правила тактического порядка, определяющие наше поведение на улице, в разговоре, дискуссии, на работе, правила, быстро меняющиеся в связи с обстановкой. Для того чтобы мы могли ими пользоваться, нужно знать некоторые более глубокие и устойчивые принципы. Предположим, это будут принципы поведения, позволяющие отличать вредное от полезного, учитывать меняющуюся обстановку и подчинять текущее

поведение более существенным требованиям.

Принципы тоже могут меняться, заменяться новыми, более глубокими, или нарушаться. Но личность есть личность, если у нее существует более устойчивое ядро этих принципов. Назовем их, например, установками. (Я не уверен, что в данном случае все термины самые удачные, но пока будем ими пользоваться.) Короче говоря, и в этой сфере личности легко обнаружить разные слои. Наконец, в активности личности тоже можно выделить разные слои. Предположим, где-то на поверхности быстротекущие, меняющиеся желания. (Под желаниями имеются в виду желания самые обыденные: хочется есть или идти, нужно встать, сесть или что-то написать и т.д., т.е. то, что меняется, течет, отражает весь поток жизни в сфере активности человека).

За этими быстротекущими желаниями где-то более глубоко, ближе к воображаемому нами центру, существуют интересы более устойчивые, менее подверженные изменению – интересы к знаниям, ближним, работе, интересы политические, научные и т.д.

А в глубине личности, ближе к воображаемому центру, мы можем обнаружить ориентацию.

В социологии употребляется термин ценностная ориентация, при помощи которого обозначается устойчивая направленность человека, более или менее устойчивое отношение личности к определенным элементам культуры (причем, как мы уже видим, это могут быть и культурно-значимые предметы, и вещи, и символические структуры-идеалы, знания и т.д.). Ценностными ориентациями являются приобретаемость, образование, продвижение по службе. Но можно найти и более глубокие ориентации – на сохранение существующего положения или на стремление к его изменению и т.д. Как соотносятся разные типы и уровни ориентации, мы сейчас обсуждать не будем.

Известно, что достаточно легко дать ученикам некоторый

объем информации, но трудно дать знания, которые остаются прочно. Еще труднее перевести знания в убеждения, чтобы они вошли в структуру личности. Перед журналистом, работником массовых коммуникаций стоит та же проблема – «пробиться» через поверхностные слои личности в глубину, подействовать на наиболее устойчивые ее стороны. То же самое с проблемой активности и ориентации личности.

Можно представить, как формируются разные слои личности. Некоторые знания, сначала быстротекущие, в дальнейшем, в процессе учебы откладываются и становятся фундаментальными. Каким-то образом – механизм этого процесса мы сейчас не будем рассматривать – они проникают в само ядро «атома», в ядро личности и откладываются в виде глубоких и устойчивых убеждений.

Главная задача воспитания состоит в том, чтобы знания провести до «ядра», обогатить его, и, если оно достаточно прочное, тогда легче получить новые знания, работать с оперативно текущей информацией, но если нет твердой установки, то набирать новые знания очень трудно, они теряются, ничто их не связывает. Если у человека есть совокупность прочных убеждений, то все, что приходит к нему извне в виде новых знаний или сведений, на любом уровне он воспринимает в свете своих убеждений.

Поэтому человека, имеющего определенную структуру личных убеждений, довольно трудно переубедить, и всякое новое знание он старается уложить в старую схему. Это хорошо, поскольку обеспечивает цельность личности человека. Он – человек, если в нем есть что-то твердое, иначе – это бесформенный комок текущей информации.

Перейдем к другой стороне той же схемы, посмотрим на нее чуть-чуть иначе. Дело не только в том, что в одном кольце более устойчивые, а в другом – менее устойчивые знания. Дело еще и в том, как они расчленены.

Текущие знания (для простоты будем говорить только о

знаниях) обладают такой особенностью: они расчленены на малые части, с ними легко оперировать, их можно переставить, рассмотреть в обратном порядке, выделить любые куски, они, как кубики, из которых можно строить все, что нам угодно.

Глубинные же знания мы воспринимаем в виде знания некоторых законов. Эти знания не состоят из отдельно взятых кусочков. Если они глубокие, то представляют некоторый связанный и целостный комплекс, который не так просто разрушить.

Что касается убеждений, то их разрушить иногда труднее, чем ядро атома, не только потому, что они устойчивы, но и потому, что они целостные, неделимые.

Вообще говоря, убеждения у каждого из нас – это некоторый шаблон, та готовая рамка, при помощи которой мы подходим к разного типа знаниям и тем более к оперативной информации.

Если мы раньше говорили о ядре и оболочках как о структурах разной степени устойчивости, то теперь выделяем шаблон, или, как говорят в социологической науке, стереотип.

Стереотип – это шаблонное, устоявшееся, однотипное отношение к чему-либо. Может быть стереотип знаний, установок, интересов, желаний и т.д. В человеческой деятельности стереотипами наполнена любая ее сторона.

Вульгарные попытки критиковать стереотипность поведения, противопоставлять ее полной индивидуальности – нелепы. Без стереотипа нельзя обойтись по очень простой причине: все быстротекущее, новое, необычное, получаемое нами, мы можем усвоить только тогда, когда уложим в некоторые рамки своей личности, например когда назовем каким-то словом, а слово – уже стереотип. Называя, мы уже тем самым раскладываем по полочкам, выделяем важное и неважное, сегодняшнее и вчерашнее, идеальное и материальное, т.е.

укладываем действительность в некоторые рамки. Наше знание мира строится так, что поступающую извне информацию – от других людей, природных явлений, иных частей общества – мы укладываем в рамки стереотипов, в рамки шаблонов. Чем глубже к ядру личности, тем шаблоны более крупные. Не только квартиры строятся из блоков, но знания и человеческая память тоже. Если бы мы загружали нашу память отдельными песчинками знаний, то потом не разобрались бы в них, не смогли бы работать. Чем ближе к «ядру», тем блок больше, тем меньше расчлененности.

Личность в большей или меньшей степени обладает самосознанием. Это означает, что в нашем отношении к миру, в нашем рассуждении, в языке существуют специальные способы, при помощи которых мы знаем и изображаем себя, нашу память, нашу культуру, нашу активность, и с этими изображениями, моделями, говоря более строго, можем оперировать. Это и есть наше самосознание. По хорошему выражению французского мыслителя Тейяра де Шардена, «животное знает, а человек знает то, что он знает». Он знает о своем знании. Когда мы говорим – животное знает, то предполагаем, что какие-то свойства внешнего мира, условия жизни моделируются его нервной системой. Животное имеет свои желания, правила поведения, которые как-то в его мозгу записаны. У человека также все «записано» где-то в 10 миллиардах клеточек нашего центрального нервного аппарата. Но, кроме того, у нас еще другое – сами знания. Мы думаем о том, что мы думаем. Мы думаем о наших мыслях, можем их анализировать. Мы иногда знаем, когда мы знаем, и знаем, когда не знаем. Могут быть знания о тех законах, которым подчинены человеческие знания. Это уже третий этап – логика, философия.

Какое отношение это имеет к нашей схеме? Дело в том, что разные «слои» личности могут сознаваться по-разному и здесь важна следующая особенность. То, что находится

«снаружи», мы узнаем скорее и легче, чем то, что находится внутри. Очень просто представить себе, что мы хотим в данный момент: есть или пить, читать или идти. Эти текущие желания очень просто (хотя и не всегда) сознаются и так же просто укладываются в обычную схему размышлений. А вот то, что у нас в глубине, что мы усвоили в школе или институте, в семье или кругу друзей, сознается меньше, сознается хуже, хотя роль в наших знаниях играет большую. Наконец, меньше всего и хуже всего сознаются те блоки, те стереотипы, которые находятся где-то возле «ядра». Нужны специальные научные приемы, чтобы при анализе личности выделить глубокие ее интересы и желания, сделать осознанным то, над чем сам человек, как правило, не задумывается – на что ориентировано его поведение, каковы самые твердые установки, определяющие его способ действия, отношение к нормам общества.

В данном случае мы сталкиваемся с вопросом о том, что сознательно и что бессознательно в жизни людей вообще.

Постановкой этой проблемы наука обязана Фрейду. Он больше всех говорил и писал о том, что необходимо признать наличие огромного слоя бессознательного во всей человеческой жизни, в человеческом мышлении. Ему же мы обязаны, наверное, и тем, что эта проблема получила запутанную форму и даже несколько одиозный характер.

Некоторая болезненность интереса к имени Фрейда существовала всегда и не только у нас. Его то слишком хвалили, то очень ругали, то вообще забывали, а это как раз способствует определенному интересу. Недавно «Литературная газета» еще раз неудачно попыталась поднять нечто вроде дискуссии на тему, нужно ли обращаться к психоанализу. Выступали очень наивные сторонники Фрейда – а раз есть наивные сторонники, то достаточно и вульгарных противников.

Нас сейчас интересует не эта дискуссия, а сама постановка вопроса о бессознательном.

Фрейд считал, что в человеческой личности имеется три слоя. Один слой – который мы совершенно не осознаем и в котором как-то отмечается прошлый опыт человека, биологические желания, бессознательные переживания, – составляет огромную часть человеческой личности. Это некоторое «Оно»¹, нам неизвестное и оказывающее на нас огромное влияние.

Далее, на этом океане бессознательного держится сравнительно узкий слой, – как бы «земная кора» на бушующей лаве – слой сознательного, того, с чем мы оперируем, – это наше «Я» (Ego). Фрейд приводит такое сравнение: «Оно» – лошадь, а «Я» – всадник. Всадник на необузданном коне пытается сохранить свое господствующее положение, но должен считаться с настроением и бегом лошади.

Третья часть личности по Фрейду, – «сверх Я» – (Super-Ego), – это выше «Я» и диктует нашей сознательной личности («Я») какие-то рамки ее поведения. «Сверх Я» – это то, что создано культурой, – идеалы общества, его нормы, мораль, все, с чем человек старается считаться.

Эта схема использована Фрейдом во многих работах, занимались ее и его ученики. Видимо, это не просто вымышленное построение, в нем есть много содержательного.

Прежде всего, важным является представление о том, что в нашем сознании, в нашей культуре (будем рассматривать сознание как элемент культуры) существует большая доля бессознательного. Это привычки, обычаи, установки, которые мы обычно не обсуждаем, принимаем их от других, они воспитываются в нас, и мы не замечаем, как это делается. Вся сфера столкновения социального с биологическим, рождающая много сложного, темного в человеке, тоже возникает на уровне бессознательного.

Далее, очевидно, что существуют наши действия, мнения, желания, которыми мы управляем и которые подчиняем ка-

¹ Фрейд употребляет латинский термин Id.

ким-то целям. Это – сознательная сторона. Очевидно также, что наши идеалы, нормы нравственности, знания и т.д. берутся из существующего в обществе, в данном классе, в данной системе.

Но что в «трехэтажной» схеме личности нерационально?

Во-первых, представление о четком разделении всего мира личности, всего мира человеческого сознания и желаний на сознательное и бессознательное. Причем к бессознательному относятся явления самого разного порядка: привычки, навыки, обычаи, установки, заученные и вошедшие в кровь и плоть, и что-то, возникающее на стыке социального и биологического, и то, что, может быть, является результатом неосознанного восприятия и т.д. В таком представлении нет четкости, нет определенной системы, здесь – хаос. И от того, что мы этот хаос называем одним словечком «бессознательное» или «Оно», мы мало нового об этом узнаем.

Кстати, приведу один современный пример. У нас в печати появилась информация об особом виде кино, который в экспериментальных целях разрабатывается на Западе (не знаю, были ли такие опыты у нас). Вы сидите в зале и смотрите картину, например, обычный авантюрный «вестерн». В ленту вмонтированы кадры, рекламирующие новый сорт мыла, но вы этих кадров не замечаете по той причине, что их всего 1–2–5. А кино, как известно, построено на принципе – заметить можно то, что находится перед нашими глазами не менее 0,1 секунды, т.е. нужно не менее 20 кадров. И «мыльную» рекламу, вписанную в самые драматические минуты индейских скачек или автомобильных гонок, никто не замечает. Тем не менее она бесследно не проходит. Если проверить, что покупают люди, выходящие из кино, то оказывается, большая часть идет и покупает новый сорт мыла, о котором раньше не говорили и не писали. Если спросить, откуда взялся интерес к этому мылу, они не скажут. Такой способ воспринимать информацию называется субпороговым, и, по-

видимому, его открытие говорит о том, что многое в нашем сознании накапливается на уровне неосознанного, того, о чем не думали, не должны думать и т.д. Это «неосознанное» не нужно называть одним словом, потому что оно относится к разным явлениям².

² Недавно (1968 г.) издана обстоятельная монография Ф.В. Бассина «Проблема бессознательного», где дан разбор широкого круга фактов и концепций.

ЛЕКЦИЯ IX

ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

В предыдущих лекциях говорилось, что культура как совокупность норм, требований и т.д. – сложное образование, и рассматривать его можно по-разному. Для наших целей достаточно будет выделить три «этажа»: современный, традиционный и биосоциальный. Что это значит?

Существуют некоторые нормы, требования, связанные с биологической сферой деятельности человека, с питанием, размножением, поддержанием температуры и т.д., которые влияют на жизнь общества. Чисто биологического в личности нет, и поскольку это человеческая личность, поэтому условно назовем такую сферу жизни биосоциальной. В любой культуре, конечно, есть место для этой стороны, иначе человека как живого существа нет. Но весь вопрос, как это связано с другими элементами.

Современная культура – это то, что дает нам нынешнее общество: знание в виде науки, эстетические ценности, моральные нормы и прочие правила, которые несут нам современная школа, воспитание.

В традиционной же сфере лежат традиции, привычки, предрассудки, возникшие во времена племенной, феодальной иерархии. Именно здесь корни религиозных отношений, разного типа нравственных норм, обычаев и многого другого.

При не очень большом насилии над материалом (а насилие над материалом всегда бывает) можно представить себе, что подобные слои имеются и в человеческой личности.

В школьных учебниках и в популярных книжках, где описывается работа мозга, обычно есть такой рисунок: в человеческом мозгу расположен некоторый «человек», но немножко странный – у него очень большая рука, большой палец очень сильно развит, нога – маленькая, язык очень боль-

шой и т.д., т.е. человеческое тело представлено в пропорциях, в которых оно «интересует» мозг, требует его «внимания».

Можно считать, что в структуре личности отражается – тоже в соответствующих пропорциях – вся структура, все уровни культуры.

Можно представить разные ситуации, когда, в силу каких-то событий в жизни общества или человека, нормальные соотношения слоев и его личности (культуры в личности) разрушаются.

Возьмем очень простой и обыденный пример. Есть некоторые виды болезней, которые изучают психиатры, когда высший контроль над деятельностью человека выключается, но сохраняются многие черты сознания. И получается, что как бы послойно, как одежда, снимаются с человека слои сознания и культуры.

К традиционным уровням культуры, восходящим к далеким временам (отпечатки низшей культуры, следы старых отношений), относятся семейно-бытовые традиции, религиозные отношения, народные обычаи. Где-то над этими уровнями располагаются запечатленные в личности современного типа нравственные отношения, эстетические и т.д. Если происходят какие-то общественные кризисы, то личность и культура могут претерпевать определенные изменения.

Возможны такие ситуации, когда в обществе в условиях социального или хозяйственного кризиса, непосредственно затрагивающего высший культурный слой, выступает наружу, активизируется какой-то более традиционный слой. Можно было наблюдать, например, оживление религии после войны во Франции, Италии, Германии, в некоторой степени и в нашей стране. Тут играли роль разруха и расшатывание «светских» политических и идеологических систем.

Сами по себе действия биосоциальной сферы в обществе не существуют. Они каким-то образом должны преломляться

и через систему традиций и через систему современной культуры. Иногда говорят, что человек в некоторой ситуации теряет человеческий облик. С отдельным человеком подобное бывает при опьянении, но это не предмет социологии, хотя, увы, и социально важное явление. Есть явления опаснее. Мы говорим иногда о зверствах – зверствах фашистов, колонизаторов и т.д., о бесчеловечном поведении, о массовом садизме не просто как индивидуальном психосексуальном извращении, а именно о системе массового поведения. Примеры хорошо известны.

Но неверно с самого начала сравнивать садизм человека с повадками зверей. Зверства могут совершать только люди. Никакого тигра обвинить в безнравственности нельзя. Что же представляет собой явление, которое мы называем «зверством»? Видимо, здесь есть перенос некоторых ситуаций, скажем, ситуации, когда убийства, мучения являются чем-то естественным, из сферы дочеловеческой в сферу современных действий людей. Когда один человек, в результате, каких-то извращений в психике, – убийца и садист, это явление психопатологии, а не социологии, но когда существует армия, партия (фашистская), государственная система, превращающая систематическое уничтожение людей в одно из своих основных занятий, мало сказать «Зверство», это уже сфера глубоко социальная. В подобных случаях происходит как будто перенесение отношений «низшего» яруса в высший и облачение его в современные формы.

Еще один пример смещения разного уровня культуры – месть, стремление отомстить обидчику. Вряд ли найдется общество, в правовой и нравственной системе которого нельзя было бы найти идеи возмездия, отмщения, «смерть за смерть», «кровь за кровь», «око за око» и т.д. Хотя с этим правом борются очень давно, начиная с Ветхого Завета, где сказано, что отмщение берет на себя бог («мне отмщение и Аз воздам»), а люди должны иными принципами руково-

дствоваться, тем не менее и сегодня можем прочесть заметку о суде над бандитами под заголовком «Возмездие». Как будто, убив негодяя, можно возместить потерю другого человека или миллиона людей, которых он загубил. Ни одно животное подобных отношений, по-видимому, не имеет. Животное может убивать, но не мстить. Мечь – явление чисто человеческое. Думаю, что его можно объяснить «сшибкой» разных уровней социологических и биологических интересов личности. Стремление разделаться с обидчиком связано с идеей об искуплении вины кровью и т.п. (не всякая мечь, к счастью, кровавая).

Все это иллюстрирует одну мысль – сложность, многослойность, многоуровневость такого явления, как личность.

Теперь мне бы хотелось развить одно положение, которое уже упоминалось.

Речь идет о социальной роли. Когда мы говорили о том, какие стороны личности рассматривает социология, то, в частности, указывали, что социология интересуется человеком постольку, поскольку он может сыграть определенную социальную роль. Но эта социальная роль предполагает свою совокупность действий такого человека: как он может и должен действовать. Тут две стороны: пассивное действие (восприятие культуры, усвоение социальных норм) и любое активное действие. Термин «социальная роль» широко ввел в социологию Ральф Линтон лет 30 тому назад, но понятие «роли» употреблялось и раньше; существовало и такое понимание деятельности человека, как исполнения роли. Это понимание можно найти у Маркса в «Капитале» и в некоторых других его работах.

Впрочем, есть и более древние источники. У Шекспира в «Как вам это понравится» говорится, что «весь мир – это всего лишь сцена, а мужчины и женщины – это актеры, они имеют свои выходы и уходы и в одно и то же время могут исполнять по несколько ролей». Характеристика точная!

Обычно в социологических книжках, когда говорят о ролях, прежде всего ссылаются на это место у Шекспира. Великий драматург правильно оценил структуру деятельности человека в обществе.

Когда актер поступает в театральную труппу, его предупреждают, что он должен будет играть какую-то из наличных ролей. Имеется список действующих лиц, текст пьесы. Может быть роль короля, убийцы, шута, первого, второго любовника. Что происходит с новобранцем в труппе? Либо он оказывается пригодным, либо не годится (третий вариант: роли нет, занята, но это уже проблема перенаселения и безработицы, исходим из предположения, что роль есть).

Когда человек вступает в жизнь, когда кончает учиться или приезжает в новую местность, страну или меняет свой социальный статус, – женится, становится отцом, – происходит примерно то же самое, что с актером, записывающимся в труппу. Он на сцене, перед ним список ролей и нужно выбрать одну. Иногда он выбирает (иногда выбирают за него).

Проще всего представить ситуацию: человек выбирает профессию, жизненное призвание. Перед ним список: он ему задан, не выдуман; это профессии, где есть, скажем, вакантные места. Предположим, если дело происходит в Британии, то вакантного места короля нет, но есть другие: он может быть ученым, посудомойкой, домохозяйкой, мясником и еще кем-нибудь. Этот список реальный, выбрать можно только из существующего списка. Когда школьник, рабочий, служащий становится студентом, то перед ним опять определен выбор ролей. Есть роли зубрилы, ленивого студента, невнимательного или формального учащегося, мыслящего учащегося, чудака, общественника и т.д. Вступая в компанию, даже если она имеет ограниченные цели – провести время, отдохнуть, – вы можете выступить в роли шутника, молчальника и т.д. Весь набор возможностей, которые перед человеком открываются, можно трактовать как сумму ролей.

(Но если вы идете по скользкому льду и имеете перед собой выбор двух возможностей – упасть или не упасть, – это не ролевая ситуация, потому что нет текста, нет набора требований к исполнителям, есть просто выбор).

Каждая роль в обществе задана, предписана человеку. Задан и набор каких-то качеств, нужных для исполнения данной роли. Если мы опять-таки возьмем театр, то известно, какими качествами должен обладать Гамлет, какими – Клавдий, какими – Горацио и т.д. А для любой из заданных общественных ролей требования тоже предписаны, даны.

Можно играть роль хорошо или плохо. Это естественно для театра, но естественно и для общества. Хорошая или плохая игра зависят прежде всего от способности актера и, во-вторых, от того, как он относится к роли – нравится она ему или нет. Он может даже это не осознавать, но такое отношение у него всегда есть. Социологи, занимающиеся ролевой ситуацией человека, различают обычно два ее аспекта; ролевое ожидание и ролевое исполнение.

Если вернуться к театру, то здесь есть ролевое ожидание, т.е. есть роль Гамлета, как она написана Шекспиром. Но ее играли у нас Мочалов, Самойлов, Смоктуновский, и каждый из них, конечно, исполнял эту роль по-разному, это зависит от способностей, таланта, умения.

Одна из проблем, связанных с деятельностью людей в общественной системе, состоит в том, что между ожиданиями (или, как пишут социологи, экспектациями) и исполнениями никогда не бывает отношения тождества, а всегда – знак неравенства, причем неравенства самого разного порядка.

Не только у режиссера (и аналогично – у общества) имеются ожидания в отношении того, каково будет исполнение. Есть ожидания и у отдельного актера. И тут совпадения не бывает. Если взять реальную обстановку, то и человек получает не совсем точно то, что бы ему хотелось, и общество

получает от него не совсем то, что ожидало.

Я уже приводил ссылку на исследования наших социологов по поводу профессиональной ориентации. В данном случае нас интересует вот какая деталь. Человек начинает учиться, затем работать по специальности, которая ему нравилась, он выбрал ее в соответствии со своими желаниями. И вот оказывается, что все-таки почти всегда сам рисунок его роли не такой, каким казался молодому человеку, вступающему в жизнь: то ли сложнее, то ли грубее, то ли тяжелее, то ли еще что-нибудь. В этом удивительного ничего нет.

Эта примитивная форма ролевого конфликта, видимо, существует всегда. Конечно, не только при выборе профессии – в той или иной степени при любом выборе. Вопрос, конечно, в том, что этот конфликт иногда может быть – больше, иногда меньше, иногда может быть настолько резким, что приводит либо к тому, что пьеса вообще никуда не годится, либо к тому, что человек не способен исполнить ни одной из ее ролей. Оба исхода тяжелы и огорчительны.

Подобных примеров не так мало в обществе. Определяется это в большой степени тем, что люди не знают, как выбрать правильно роль, не знают, по каким признакам ее оценить (оклад, интерес, город и пр.), и тем, что выбор делает не столько человек, сколько за него – обстоятельства.

Это один пример ролевого конфликта. Есть более сложные и, пожалуй, более интересные: в 1956 г. во втором выпуске сборника «Литературная Москва» был опубликован рассказ А. Яшина «Рычаги», который резко критиковали, и он вряд ли перепечатывался. Смысл рассказа следующий: группа колхозников собирается на партийное собрание; пока оно еще не началось, они говорят о том, что жизнь трудная, люди в работе заинтересованы плохо, требуют то, что выполнить нельзя, оплата низкая и т.д. Но когда открывается собрание, те же самые люди начинают говорить иным голосом и совершенно иначе: утверждают, что рады взять высо-

кие обязательства, что с энтузиазмом их выполняют – то есть дается буквально противоположная оценка обстановки. Они теперь выступают не как люди, а как «рычаги». Но закончилось собрание, в торжественной обстановке приняли резолюцию, колхозники идут домой, и опять они превратились в людей, говорят о том, что их волнует, о реальной ситуации. (Заканчивается рассказ тем, что съезд партии – дело происходит перед XX съездом – должен решить эти противоречия.) Рассказ критиковали за неправильное обобщение частных случаев, сгущение красок и т.д. Но сейчас нас интересует не эта проблема, тем более что в рассказанном А. Яшиным нет сегодня ничего нового. Дело в расхождении ролей людей – вот что нас интересует... Вот люди на собрании – у них роль людей, говорящих официальным языком официальные вещи, то, «что полагается». Бывают такие ситуации в разного рода официальных местах, к сожалению, это факт. Другое дело, когда эти люди говорят друг с другом, с глазу на глаз. Все они знают друг друга, они из одной деревни, и им не перед кем говорить неправду, никто все равно не поверит.

Это пример ролевого конфликта, более сложного и более ненормального, чем те, о которых говорилось выше.

Кажется, что, когда люди на собрании, они играют роли, действуют согласно каким-то предписаниям; одни в роли просителей, другие в роли внимательно слушающих, третьи – в роли клакеров. А вот вышли с собрания – они просто люди, маски сброшены.

А социологически это неверно, потому что, когда люди выступают честно, вскрывают то, что извращено и лицемерно выглядит, это тоже «социальный заказ», не обязательно записанный официально. И если люди выступают как критики собственного ханжества, собственного лицемерия – это тоже общественная роль, и форма критики, и ее содержание, и поведение людей не случайно, не индивидуально, а пред-

писано обществом.

Это любопытное обстоятельство можно определить как дублетность некоторых социальных ролей.

Почему дублетность?

Потому что там, где имеется роль обманщика, всегда в дополнение найдется и роль разоблачителя; где есть роль тюремщика – найдется и роль беглеца из тюрьмы; где есть роль папы римского – всегда найдется роль еретика, подрывающего авторитет папы с его универсальной правотой.

Еще одна, более простая ситуация. Вероятно, вам приходилось слышать, как говорят: «Будь же человеком», «Поступи хоть раз по-человечески». О чем тут идет речь? Многие на улице могли слышать разговор, скажем, когда милиционер остановил машину, шофер нарушил правило, начинается нотация и т.д. При этом водитель почти всегда попросит милиционера, чтобы он был человеком, учел, что красный свет плохо виден, дорога плохая и т.д. Что в данном случае понимается под просьбой «поступить по-человечески»? Это значит поступить в нарушение установленного правила, не штрафовать и отпустить с миром. Когда студент просит пересдачи, он просит «поступить по-человечески», т.е. отступить от установленных правил. Это представление о том, что есть «формальное» и «человеческое», оно связано с тем, что правилами все не охватить, и «человеческое» выглядит как отступление от правил. Но ничего несоциального здесь нет, «человеческое» – это тоже социальное, тоже роль, и она является как бы дополнением к официальной. (Мудрец потому и мудрец, что вокруг него столько простоты.)

Иногда в социологической литературе вопрос ставится так, что различия человека и роли, человека и маски, которую он надевает, есть продукт современного общества, запутавшегося в собственных противоречиях. Так говорят буржуазные публицисты и философы, в нашей литературе подобная постановка вопроса не часто, но встречается. В ней

есть одно невольное, наверное, тоже «гуманистическое» преувеличение. Почему гуманистическое? Потому что предполагается, будто есть нечто хорошее, «человеческое», и нечто нехорошее, не «человеческое».

При этом как будто забывают, что было раньше.

Какова была система отношений личностей и социальных ролей, скажем, 100, 500, 100 000 лет тому назад? Я не собираюсь рассказывать вам историю, но представлять себе схему отношений действительно нужно. Было ли это царство людей, которые действовали самостоятельно, творчески, не считаясь с шаблоном, стереотипами, разумеется, ничего подобного не было и быть не могло. Человек был пожизненно закреплён за определённым местом в обществе. И если человек с рождения мог играть только одну роль: крестьянина, дворянина, наследного принца, монарха, то, разумеется, в голове человека в то время не возникала мысль, что одно дело человек, а другое – какая-то роль. Человек был един. Поскольку не было выбора, оставалось терпеливо исполнять свою роль. Когда возникает выбор, когда рушатся кастовые и сословные перегородки, когда человек может выбирать между разными типами деятельности, может выбирать профессию, положение в обществе (конечно, только в какой-то степени выбирать), возникают и ролевые конфликты. А вместе с тем возникает и личность как активно действующий центр в обществе, где человек и роль различимы!

Практически личность и группа «едины» в обществе первобытном, феодальном – эта ситуация тянется в разных видах и формах до Нового времени. Личности ещё нет; нет «Я», а есть «МЫ». Маркс говорил, что первобытные люди, во-первых, совершенно не выделялись из общины и, во-вторых, почти не отличались друг от друга, т.е. чертами лица и складом характера, наверное, отличались, но для общества выступали лишь как участники родового коллектива, одной группы.

С развитием капитализма произошла целая революция в отношении человека и роли: появился выбор, а вместе с ним и явное различие человека и роли, актера и пьесы.

Роль человеку может быть задана двумя путями. В одном случае мы с вами ее добываем. Скажем, вы стали студентом и достигли этой цели своими усилиями, знаниями, в общем, чем-то добились. Другие типы ролей – это такие, которых не достигают, а которые даются природой или обществом. Скажем, мужчины и женщины, молодые и пожилые, принцы и парии. Эти роли, как говорят социологи, предписаны, заданы, не достигнуты.

Мы живем в обществе, где можно играть несколько ролей. Попробуйте подсчитать, сколько ролей играет каждый из вас. Речь идет о деятельности человека в разных сферах жизни: работе, служебной и общественной, учебе, увлечении музыкой, друзьями и т.п. В данном случае разные роли, по-разному исполняемые. Существует множественность ролей, человек может играть разные роли в разных ситуациях.

Это, собственно говоря, иная сторона того факта, что человек выступает в разных общественных группах. И только благодаря тому, что он играет разные роли, у нас возникает представление, что есть в нем нечто, отличное от всех этих «масок», которые дают ему возможность быть врачом, ученым, общественным деятелем и еще кем-то, – есть некое «ядро», делающее его человеком. Маркс говорил, что только в развитом обществе, где очень сильна общественная зависимость человека, он может обособляться как личность.

ЛЕКЦИЯ X

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Роль в театре, как известно, нужно выучивать, необходимо «вжиться в роль», а вступление человека в общество – по существу процесс приобщения его к «пьесе», правилам «игры». Говоря более серьезным языком, это освоение человеком норм, культуры, знаний, всего того, что определяет характер деятельности данного общества.

Человек – существо общественное, но он таким не рождается, он рождается только с определенными задатками, а все остальное получает в процессе включения в разные типы человеческих групп, в разные типы действия социальных норм.

Этот процесс называется в социологии термином «социализация».

Прежде всего отметим, что этот процесс намного сложнее, чем обучение в школе или в театральной труппе, где выучивается роль. Дело в том, что в социализации функции ученика, и в особенности учителя строго никогда не определены и не могут быть определены. Школа, которая учит человека его социальным ролям, – это фактически вся жизнь.

Но, разумеется, нам мало такого определения. Следует выделить разные типы, разные виды обучения.

Один вид обучения – семья или шире – группа людей, непосредственно окружающая вступающего в жизнь человека и ближайшим образом передающая ему установки, нормы культуры данного общества. Это – малая группа, которая выступает в данном случае в роли первичной.

Вообще существует точка зрения, что всякая малая группа обязательно первична, хотя в нормальной жизни, в большом работающем обществе мы общаемся не обязательно только с ближайшими в семье, с товарищами, а также с теле-

визором, газетой, оратором на митинге, официальными лицами и т.д.

Но это – зрелое общество и зрелый человек. А путь человека в общество, путь социализации, видимо, всегда лежит через малую группу ближайшего окружения.

Кроме этого, существует иной тип школ, воспитывающих людей. Это вся система образования и воспитания – школьного, политического, идеологического, прямого и косвенного. Здесь играет роль не только семья, но и товарищеская компания, в том числе и «уличная».

Что входит в процесс социализации? Если мы имеем дело с обычной школой, то она дает человеку знания и прежде всего знания. Она имеет дело, следовательно, с одной третьей частью того «круга» личности, который я вам изображал, в меньшей мере – с другими его частями. Другая школа, Школа с большой буквы, Школа жизни – система специальных и неспециальных институтов, групп, отчасти и социальных ролей, воздействующих на процесс социализации, влияет на все три части нашего воображаемого круга личности: на знания, нормы, активное отношение к жизни, на воспитание интереса, желаний, ценностных ориентации.

В плохих школах плохие учителя считают, что научить детей – значит дать им много информации об устройстве Земли, правилах умножения и т.д. Эта установка ориентирована на зубрежку, но объем того, что можно вызубрить и запомнить, не велик. Все прекрасно знают из опыта, что $\frac{9}{10}$ вызубренного не удерживается в человеческой голове и забывается на другой день после сдачи очередного экзамена. Хорошая система состоит в том, что зазубривается не масса сведений, а некоторые правила, некоторые научные законы, законы нахождения этих законов. И если это получится, можно удержать, накапливать и оперативные знания, оперативную информацию, которая быстро меняется. Хорошая школа отличается от плохой тем, что она прежде всего вос-

питывает центральную часть личности, ту, что ближе к «ядру», где убеждения, принципы знаний, а затем нанизывает на эту ось меняющиеся знания, быстротекущую оперативную информацию.

Человеком образованным является не тот, кто держит массу оперативной информации и обладает громадной памятью, а тот, кто умеет эти знания получать и работать с ними. Скажем, нам совершенно не обязательно помнить содержание Большой Советской энциклопедии, нам надо знать, как найти в ней нужную справку.

Я недавно читал заметку в газете об одном человеке с уникальной памятью, который может выполнять устно огромное количество математических действий, может запомнить содержание самой большой книги и прочесть ее по памяти в обоих направлениях – с первой страницы до последней и с последней до первой и т.д. Человек этот окончил два факультета, а сейчас занимается важной работой – возглавляет отделение потребкооперации в одном селе. Видимо, ему трудно работать иначе. Феноменальная память здесь ничего не дает.

Задача школы направлена на то, чтобы воспитывать методы обращения со знаниями, а потом дать и сами знания. В «школе жизни» дело обстоит сложнее, влияние направлено на все элементы личности, но принцип остается таким же: плохая школа воспитания заставляет человека выучивать совокупность правил уличного движения, этикета и т.д. Видимо, более совершенная школа человеческого воспитания в смысле приобщения человека к культуре состоит в том, что влияние направлено на формирование устойчивых, близких к ядру личности привычек, обычаев, норм, а потом уже на это можно нанизывать, на этом фундаменте строить знания разных нормативных систем.

Процесс социализации повторяется в жизни человека много раз, во всяком случае, можно социологически рас-

сма­три­вать це­лый ряд про­цес­сов, име­ю­щих от­но­ше­ние к лич­но­сти, под уг­лом зре­ния со­ци­а­ли­за­ции.

Пред­по­ло­жим, при­хо­дит кре­стьян­ский па­ре­нок из де­рев­ни в го­род и пе­ред ним встает осо­бый мир, где кро­ме то­го, что он уже знал, кро­ме язы­ка, ко­то­рый он осво­ил, су­ще­ствует своя си­сте­ма тра­ди­ций, пра­вил жи­зни, своя си­сте­ма зна­ний, ко­то­рые нужно за­по­мнить, свои при­выч­ки, свои ин­те­ре­сы и т.д. Для то­го что­бы осво­иться с жи­з­нью в го­ро­де, э­тот кре­стьян­ский па­ре­нок дол­жен про­йти про­цес­с со­ци­а­ли­за­ции, дол­жен ка­ким-то об­ра­зом ус­во­ить и пе­ре­варить со­во­куп­ность тех зна­ний, нор­м, при­вы­чек, ко­то­ры­ми здесь лю­ди жи­вут, ина­че он не при­спо­со­бит­ся к жи­зни, ина­че он не смо­жет жи­ть.

Да­лее, до­пу­стим, юно­ша по­сту­пает учить­ся и из се­мьи или из дру­го­го го­ро­да при­ез­жает в уни­вер­си­тет. Э­то опя­ть­таки про­цес­с со­ци­а­ли­за­ции, по­ско­ль­ку нужно при­вык­нуть к по­ря­дку, от­но­ше­ниям, нор­мам, ин­те­ре­сам, су­ще­ст­вую­щим в сту­ден­че­ской сре­де или, ши­ре, в сфе­ре уче­бы, в сфе­ре, да­ле­кой от ро­дно­го го­ро­да, и т.д.

Или, пред­по­ло­жим, че­ло­век всту­пает в сфе­ру се­мей­ной жи­зни. Э­то то­же своя сре­да, и (боль­шей ча­стью не­ожи­дан­но для учас­тни­ков) ока­зы­ва­ется, что там су­ще­ствует це­лая се­рия сво­их осо­бых зна­ний, нор­м, ин­те­ре­сов, ро­лей, ко­то­рые нужно осво­ить.

Сле­до­ва­тель­но, со­ци­а­ли­за­цию можно рас­сма­три­вать в раз­ных мас­шта­бах.

Все-та­ки «ге­не­раль­ная ли­ния» со­ци­а­ли­за­ции – э­то ли­ния, ко­то­рая ве­дет от ре­бен­ка к взрос­ло­му че­ло­ве­ку. Но в ней су­ще­ствует ряд ру­бе­жей или, го­во­ря язы­ком ди­а­лек­ти­ки, ка­че­ст­вен­но раз­лич­ных сту­пеней, ка­ж­дая из ко­то­рых име­ет не­ко­то­рые свои осо­бен­но­сти. Самой вы­со­кой, са­мой су­ще­ст­вен­ной сту­пень­кой, как пра­ви­ло, яв­ля­ется та, ко­то­рая от­де­ляет жи­знь че­ло­ве­ка в ра­мках не­по­сред­ст­вен­но ма­лой груп­пы, се­мьи, то­ва­ри­ще­ско­го кру­га и т.д. от жи­зни че­ло­ве­ка в ра­мках

большой группы, где он имеет дело не со знакомыми и близкими ему людьми, а с людьми, связанными официальными ролями, общими интересами. Хронологические рамки этого порога – период перехода от подростка к юноше, когда птенцы вылетают из гнезда. Птицы, вылетая, знают то, что их ждет вне гнезда, потому что их память наследственна. Человек же не может получить в «гнезде», т.е. в первичной семейной и товарищеской группе, и малой части того, что ему надо будет в мире активной жизни.

Эта «высокая ступенька» – явление недавнего времени, современного общества. В обществе традиционном, скажем, в старой крестьянской семье, подобной ступеньки нет, потому что весь жизненный цикл человека происходил в той же среде, в том же кругу его близких родственников: здесь и быт, и производство, и детство, и старость. Сейчас положение иное, и барьер между периодом «монополии» личных связей и периодом господства безличных связей в жизни человека очень заметен.

Конечно, существование высокого порога не обязательно означает кризис, трагический разрыв. В нормально работающем обществе этого не должно быть. Установки, которые воспитываются в рамках семьи, не противоречат тем, которые должны быть в «большом обществе», т.к. существует и взаимопроникновение, потому что человек, воспитываясь в школе, в семье, узнает не только то, что есть в этой школе, но осваивается с некоторыми принципами гражданской жизни, общественной жизни, с нормами «большого мира».

В условиях ненормальных, скажем, в так называемых «тепличных условиях», когда «малый» мир искусственно отгорожен от большого то ли по неумению воспитателей, то ли по другим причинам, скачок этот для человека может быть болезненным, с этой ступеньки можно упасть и больно ушибиться.

Переход от непосредственно личных отношений к отно-

шениям безличным влечет за собой изменение в способах отношений человека к нормальной жизни, в способах получения знаний, приобретения интересов.

Если начать с последнего, то сначала мы видим более или менее стабильные рамки интересов данной семьи, данного товарищества, интересов, направленных на удовлетворение первичных потребностей человека в еде, жилье, человеческом общении, в малых радостях и т.д. Это относительно просто и относительно стабильно.

Вся динамика интересов общества, проявляющихся в личности, разворачивается на второй «ступеньке». Здесь простор для безграничного развития интересов, безграничной тяги к знаниям, культуре (а также к власти, обогащению и т.д. – в зависимости от обстоятельств). Эти стремления по-разному направлены и по-разному сильны в разных системах общества.

Взаимодействие этих двух сфер интересов в нынешних условиях может быть болезненным. Во-первых, сама первичная малая группа разобщается, стабильного семейного очага нет по причинам достаточно известным. Сюда вторгается всеми своими элементами, всеми своими колесами и гусеницами большая жизнь, вторгается (что очень существенно) массовая коммуникация в виде прежде всего телевизионного экрана, который воспитывает детей и приобщает их к миру интересов не в меньшей мере, чем улица, и порою больше, чем школа.

Вот эта ситуация не во всех деталях изучена, особенно в нашем обществе. Но очевидно, что «порог» превращается в более или менее условную конструкцию.

Посмотрим, что здесь происходит с характером отношений людей. Первичный тип отношений – это отношения в первичной группе: сначала семья, потом семья плюс товарищеская компания. (Где-то вмешивается детсад, школа, но мы

пока отвлечемся от этого и выделим принципиальную основу общения.)

Какова в данном случае система правил, действующих на человека? Во-первых, как я уже говорил, эти правила не формальные, а возникающие из структуры отношений семьи и товарищеской группы. Внутри семьи обычно есть глава семьи – высший авторитет, а в товарищеской группе отношения определяются более сложно, в конце концов сопоставлением престижа, там тоже имеются свои лидеры, но они менее важны (это сейчас относится и к семье).

Существует точка зрения (Ж. Пиаже), согласно которой ребенок сначала выступает как «эгоист» и его действия направлены на удовлетворение только собственных потребностей, он не думает и не может думать об интересах других людей. Позже, к 5–7 годам, ребенок начинает учитывать интересы товарищей, и характер его поведения изменяется. Он перестает быть эгоцентричным, становится «социоцентричным», т.е. его действия определяются обществом. Наступает первый период социализации.

В английском языке слово «игра» имеет два синонима – («плей» и «гейм») – очень интересны различия между ними: когда ребенок болтает ручками и ножками беспорядочно и как будто бы для собственного интереса – это «плей», а когда имеются правила игры и довольно строгие, нерушимые – это «гейм». Если вы наблюдательны, то знаете, что на этой ступеньке детского развития правила игры более святы и тверды, чем потом нормы общества, которыми пользуется человек». (Там их множество и, кроме того, есть принцип относительности.) На первом этапе социализации нормы общества – это абсолют, позже появляются нормы условные, нормы, подверженные суду разума, авторитеты тоже становятся более или менее условными.

В дальнейшем для некоторых аналогий нам понадобится представление об этих двух типах регуляции поведения че-

ловека в процессе социализации, поэтому рассмотрим их несколько подробнее.

Не только ребенку на какой-то стадии его вступления в жизнь, но также человеку на каких-то первичных стадиях приобщения к другому типу культуры (будь то крестьянский паренек, пришедший в город, или малаец, приехавший в Лондон) приходится переживать такую ситуацию: сначала система норм, данных в личном общении и абсолютная система авторитетов, потом ломка, релятивизация норм и авторитетов. Иногда этот процесс является болезненным.

У В. Катаева в «Белеет парус одинокий» есть такая сцена. Петя Бачей подслушал разговор взрослых во время революции 1905 года и разгрома России в войне с Японией. Взрослые – тетки, папаша говорят, что война проиграна, а царь – дурак, при этом здорово достается и папаше, который не понял обстановки. Для Пети, как утверждает Катаев (а это – реальное наблюдение), разговор был как бы ударом по голове, от чего весь мир перевернулся. Раньше у него было твердое убеждение, что папа – самый умный человек, и вдруг оказывается, что папа наделал глупостей; раньше самым высшим существом был царь, а оказалось, что царь – ничтожество, дурак и т.д. Вы знаете, что этот личный кризис выбился у Пети в целую систему представлений, критических, революционных и т.д., но сам переход от абсолютности законов к их относительности оказался болезненным.

Переходы от абсолютных норм к относительным, по-видимому, происходили и в истории общества. Вероятно, период абсолютности социальных норм – это период, когда они выступают как священные. Видимо, первичная форма, в которой люди осваиваются с общественной нормой, с социальным законом, такая, когда людям кажется, что они святы. Священно – это значит, что нет более высокого авторитета, чем данное требование, нет высшего авторитета, чем общи-

на, этого требующая, нет высшего разрешения и высшего запрета.

Вы знаете слово «табу», т.е. священный, нерушимый запрет. Регулирование человеческих отношений при помощи табу – это система запретов, которые не обсуждаются, не осмысливаются, их не нужно оправдывать. В примитивном сознании на каждом шагу встречаются табу: нельзя трогать, нельзя называть и т.д.

Даже идея, что запрет исходит от Бога, что запрещено то-то и то-то с определенной целью, – эта идея пришла много позже, и потом, задним числом, стали связывать это табу с Богом, духами и т.д.

Социальные нормы священны в первобытном, патриархальном, феодальном обществе – примерно до периода формирования современного буржуазного общества, пока в связи с изменениями экономической структуры не появились идеи «общественного договора», рационально обоснованных норм человеческой жизни.

Поскольку человек живет в «малом мире», пока он действует в сфере непосредственно личного общения, вся совокупность нужных ему норм, правил и т.д. записана в самих отношениях людей, в межличностном общении. Здесь не требуется никаких сводов законов, кодексов, уставов. Вся совокупность отношений, в том числе и обязательных для человека норм и указаний о том, что пользуется авторитетом, кого и как нужно слушаться, – все это «записано» в самой живой системе межличностного общения.

Когда человек выходит из малого мира в большой, открывая двери в человеческий космос, ситуация становится гораздо более сложной. Перед ним возникают правила, выработанные обществом и ему ранее не известные.

Человек сталкивается с миром, который наполнен разными предписаниями, запретами. Предположим, путник свернул с сельского проселка на шоссе, установленное столбами

с указующими предупреждениями, запрещающими надписями. Возникает вопрос – как к ним относиться? Существует, видимо, два типа отношений. Один – когда человек вынужден заучивать эти правила. Можно научиться разумно пользоваться сводом законов уголовного кодекса, правилами движения, воинским уставом, т.е. уметь разбираться во всей массе правил и с большим или меньшим опозданием наводить ту статью закона, которая в данном случае полезна и нужна.

Другое дело, когда человек не просто выучивает правила, а как будто бы привыкает к ним, причем привыкает так, что они переходят из внешней сферы личности во внутреннюю сферу его устойчивых привычек. В этом случае о них не надо думать. Этот процесс «опривычивания» действий происходит в человеке много раз.

Возьмем очень простой пример: человек учится читать. Сначала он по складам, по буквам складывает слова. Это трудный процесс, над каждой буквой нужно думать, как правило, он утомляет, и человек получает мало удовольствия от такого чтения. Перелом происходит тогда, когда слова начинают складываться автоматически, когда вырабатывается навык чтения – человек начинает активно интересоваться смыслом, и чтение доставляет удовольствие. (Есть люди, которые этого барьера так и не преодолевают за всю жизнь.) Когда мы читаем, то не задумываемся, как нужно складывать слова из букв, правила усвоены, вошли в привычку, вошли «внутрь человека».

Этот процесс, когда нормы входят во внутренний мир человека, становится его внутренним Я, носит название интернализации. Этот процесс сложный, он не всегда может происходить так просто, как при обучении чтению.

Культурному и воспитанному человеку нет надобности, встретившись на улице со знакомым, думать, что нужно сделать, – он автоматически произносит приветствие; ему не

нужно размышлять, как поступить, если он столкнется в дверях с женщиной, – нужно уступить дорогу. Тут работает «автоматика».

Но может ли так произойти со всеми элементами культуры? Можно ли всю совокупность общественных норм интернализировать в человеческой личности?

Некоторые мыслители в прошлом считали, что это возможно и что рано или поздно наступит такой момент, когда не нужны будут в человеческой жизни какие-либо законы, предписания и запреты, когда люди смогут вместе с воспитанием впитывать в себя все правила человеческой жизни и им подчиняться.

Самый известный и красивый пример такой теории – это Телемская обитель, которую построил брат Жан, сподвижник Гаргантюа, после победы над королем Пикрошолом.

Телемская обитель – «антимонастырь», монастырь наоборот. Если в монастырях были запреты, тут не было запретов, тут все всё могли. Если там был строгий порядок и строго предписывалось людям, что нужно делать, то здесь было единственное правило, написанное на дверях монастыря: «Делай, что хочешь». Как ни странно, это правило в нашей теоретической литературе трактуют иногда в таком смысле: вот, мол, каков лозунг буржуазной анархии и морального разложения – «Делай, что хочешь». Но Рабле пояснил, что означает эта надпись на дверях Телемского аббатства. Принцип был прост: разумный и воспитанный человек и так хочет лишь того, что полезно всем, поэтому таким людям не надо предписывать устав и сочинять ограничения, они и так знают, как и что делать. Этот принцип, на котором был построен весь утопизм, начиная с Рабле, Мора, – утопизм, искренне веривший, что достаточно снять с человека то, что его давит, и все будет в порядке: разумный, воспитанный человек будет таким, каким нужно, и все проблемы решатся.

Но известно, что этот «антимонастырь» не был построен

никогда и нигде. Не только государство, но и никакая маленькая община не существовала с надписью на дверях – «делай, что хочешь». Почему? Хотя бы потому, что совокупность правил и норм, с которыми люди имеют дело в обществе, не только не имеет тенденции упрощаться, а наоборот, усложняется по мере роста и усложнения современной жизни. И вряд ли есть шансы, что все эти усложнения можно записать в сфере личного общения людей, что человек может их не только запомнить, но и усвоить как нечто свое, внутреннее. Вряд ли есть подобные шансы, по крайней мере пока мы имеем человека нынешнего, с нынешним объемом головы и его памяти.

Но обязательна ли такая задача – всю совокупность норм загнать в привычки?

Ведь если мы можем интернализировать такие элементы моральных норм, как, например, уважение к человеку, к чужой личной собственности, запрет воровать, – это как будто просто и здесь можно будет когда-либо обойтись без милиции и уголовного кодекса. Но ведь кодекс предусматривает не только простые запреты, но и весьма сложные правила квалификации преступлений, наказаний, способы ведения судебного разбирательства и т.д. У современного общества очень сложная, многообразная, а отчасти и запутанная нормативная система, потому что никто ее с самого начала в плановом порядке не строил. Это реальность, от которой мы вряд ли сможем уйти.

Это относится и к любым другим нормам, начиная от правил уличного движения, распорядка в цеху, воинского устава и т.д., которые полностью интернализировать нельзя.

Поэтому надо учитывать, что нормы в «большом мире» усваиваются и будут усваиваться двумя путями: во-первых, через интернализацию и, во-вторых, через заучивание норм, внешних по отношению к человеку. Здесь нередки конфликты, и само соотношение внешних и внутренних норм до-

вольно сложно.

Одна из особенностей усвоения человеком норм состоит в том, что в ходе социализации происходит не только усвоение самой нормы, но и фиксируется некий контролер, который следит за исполнением норм. Такой контролер – экзаменатор, в конце школьного обучения встречающий школьника и сопоставляющий его знания с теми, которые требуются по программе. Контролер – это судья, народный контролер и масса других лиц (социальных ролей), проверяющих, насколько наше поведение соответствует принятым в обществе нормам, насколько не соответствует, и что из этого следует. Это – внешняя система контроля.

В 40–50-х годах в печати и художественной литературе шла активная дискуссия о том, можно ли на заводе отменить контролеров и доверить рабочим самим определять качество изделия. Проблема эта частная, а из нее пытались сделать большую, даже моральную проблему. Очевидно, там, где рабочий может контролировать качество своего изделия (токарь, слесарь), многое зависит от того, хороший он рабочий или плохой. Хорошие рабочие даже имеют личные клейма. Но на заводе, где изготавливаются радиолампы, даже хороший рабочий не может сам контролировать качество лампы, для этого нужен специальный цех, специальное оборудование и длительная проверка.

Этот пример интересует нас сейчас лишь в плане подхода к проблеме «внутренних» и «внешних» контролеров.

«Внутренний» контролер приобрел, как известно, в литературе (меньше в науке) такое имя, как совесть. Это понятие редко попадает в поле зрения современных научных дисциплин. Живуче иногда и сейчас наивное представление о том, что человек, взятый отдельно от общества, – умный, добрый, а всякий запреты его портят. Когда-то утописты считали, что в «золотом веке» люди жили по совести. Этого не было. Первобытные люди руководствовались обычаем, кото-

рый был обязателен для всех и каждого. Важная деталь примитивного образа мышлений – отсутствие представлений об ответственном человеке, который сам контролирует свои действия. Была ответственность перед общиной, позже – перед богом, даже не столько ответственность, а нечто вроде автоматизма действий, где каждый индивид был кусочком общины и действовал по ее установкам.

В старых текстах нет представления о том, что человек отвечает за свои дела и контролирует их. Историк античной литературы В. Ярхо сравнил «Илиаду» и «Одиссею», и оказалось, что в «Илиаде» все действия – и победы, и поражения, и ошибки – объясняются настроением и взаимной дракой богов на Олимпе. Человек даже упасть не может, чтобы это не было выражением случившегося на Олимпе. Человек здесь марионетка и, разумеется, не может быть ни правым, ни виноватым. Единственное, что надо – слушаться богов, они наказывают заслушание. В «Одиссее» же есть идея человека, который сам ошибается. Таким образом, идея ответственного человека не исконна, она родилась вообще-то не так давно, где-то на переходе от «Одиссеи» к «Илиаде» – а это VIII в. до н.э. В Ветхом Завете речь идет все время об ответственности рода человеческого за грех народа и непослушание богу. Только позже, к Новому Завету, в христианстве сформировалась идея, что человек сам отвечает за добро и зло. Здесь уже есть мысль о том, что о человеке нужно судить по его собственным поступкам, а не по тому, к какому роду и племени он принадлежит.

Если оставить эти тексты, а взять реальную историю, то увидим, как в далекие времена вырезали целые города – не потому, что они виноваты – а просто они чужие, их можно грабить, и здесь не искали виновных.

Идея ответственности человека рождается долго, мучительно, трудно, и она до нынешнего времени еще несколько проблематична.

В дни празднования юбилея Шекспира (1964 г.) академик Н.И. Конрад опубликовал в «Новом мире» статью, в которой рассматривал Гамлета с точки зрения возникновения совести. Гамлет говорит, что с появлением совести все стало неладно в Датском королевстве, ибо человек сам пытается судить о правильности своих поступков. Классический, настоящий (не «кинематографический») Гамлет предстает перед нами, как утверждает академик Конрад, первым героем, которого начинает мучить совесть. У него совесть приобретает огромное значение двигателя и контролера поступков. Академик Конрад, проводя ряд сравнений, утверждает, что именно в период Шекспира не только был сочинен образ датского принца, но сама идея совести начала входить в общественное сознание.

Почему же идея ответственности человека, идея «внутреннего контролера» до сих пор мучительно трудно входит в сознание общества? Видимо, потому же, почему мучительно трудно пробивает и отвоевывает право на самостоятельное существование человеческая личность вообще, ее индивидуальность.

В общине, – первобытной, патриархальной, в сословном строе личность была растворена и только так существовала. В период, когда рушится патриархальщина, феодализм и появляется индивидуальный человек с его инициативой, возникает иллюзия, будто человек может быть разумным, свободным, отдельным, рождается вся совокупность индивидуалистических иллюзий раннего буржуазного общества – и Телемское аббатство, и все другие прекрасные утопии.

В этот период рождается и мысль о большом и растущем значении ответственности человека. Практически дело свелось к личной инициативе и предпринимательству. Не получилось ни Телемского аббатства, ни разумного индивидуализма, а реальностью стало «массовое» общество, где огромную роль играет государство, пресса и прочие органы

«внешнего» контроля. А вместе с этим как будто бы уменьшилась и относительно, и чуть ли не абсолютно – роль внутреннего контролера, роль внутренней ответственности.

Дело и в том, что массовое общество это не только период массовых коммуникаций, но период, когда огромные организации, а не отдельные люди делают открытия, совершают перевороты, – тысячные, миллионные организации, где каждая отдельная личность выглядит чуть побольше головки от винтика. Дело и в том, что преступления XX века – это массовые преступления, т.е. те, в которых не только жертвы миллионные, но и преступник представляет собой организованную массу.

Целый ряд дискуссий возник в свое время вокруг вопроса о том, в какой мере действия и ответственность преступника объясняются его положением. Теоретические противоречия сегодня обостряются практической стороной вопроса – массовыми преступлениями.

Никто особенно не обвинял наполеоновскую армию в грабежах, потому что все армии грабили, это было более или менее нормально. Ситуация изменилась потому, что изменились масштабы преступлений, а может быть и потому, что люди стали строже их судить, и мысль о массовых преступлениях, скажем, военных, теперь как будто шаг за шагом проникает в общество.

Когда на Нюрнбергском процессе судили некоторых главарей фашизма, они отвечали в унисон: мы были исполнителями, мы ни за что не отвечали, мы только делали. Когда судили Эйхмана (я не знаю, читали ли вы документы этого процесса), самым показательным было то, как он себя оправдывал. И в ходе процесса, и в заключительном слове он говорил одно и то же: «Я исполнитель, стрелочник, я выполнял приказы, я верен приказу, как миллионы вокруг меня; я не убил ни одного человека и не ударил ни одного из тех 6 миллионов, которых приписывают мне, я просто выполнял при-

каз. Я теперь понимаю, что это были преступные приказы, что Гитлер и его окружение издавали незаконные распоряжения, но я исполнял их так, как исполняли миллионы других; на меня сваливают ответственность за чужие преступления, за вину тех главных преступников, которые ушли от наказания».

Конечно, это не только хитрость человека, пытавшегося как-то оттянуть петлю, которая над ним висела. Универсальный аргумент «сплошной ответственности» (или сплошной безответственности – что по сути одно и то же) фигурировал за последние десятилетия на множестве судебных и несудебных процессах.

Возникает вопрос, кто же был инициатором преступных действий? Как вы знаете, в Нюрнберге и в других местах главные виновники преступлений ушли от ответственности. Если бы сам фюрер оказался на скамье подсудимых, то он, вероятно, сказал бы, что действовал не по собственной злой воле. Но у него не было бы возможности сослаться на какого-то другого человека, он сказал бы, что действовал «по воле народа» или бога. И действительно, этот человек был «слугой» своего образа мышления и своей общественной группы. Спрашивается, кого же тогда судить? В 1945 г. история массовых преступлений не кончилась. Есть «трибунал Рассела», заседавший в Стокгольме, который ищет пути, как осудить американцев за дикую и бессмысленную политику во Вьетнаме. Можно отметить, что в цивилизованном обществе шаг за шагом возникает чувство отвращения и осуждения массовых преступлений.

Как же быть с главной идеей – с ответственностью человека, «внутренним контролером», с совестью человека, которая должна судить о его поступках? Я думаю, что вопрос о внутреннем контролере – это вопрос о праве человека на индивидуальное и самобытное существование. Сейчас это право испытывает влияния двоякого типа. Во-первых, система

общественного воздействия в «массовом обществе» периода империализма его попирает, топчет гусеницами и сапогами, потому что действует не индивид, а масса. Это – одна сторона дела, но если видеть только ее, то о судьбах человечества думать грустно. Но общество так не может жить. Есть и другая сторона: общество нуждается в индивидуальном человеке, особенно общество прогрессивное, развивающееся, такое, каким мы хотим видеть наше. И тут нужен «внутренний контролер», нужна система индивидуальной ответственности. И конструирование этого тонкого механизма оказывается едва ли не самым важным моментом всего процесса социализации личности.

ЛЕКЦИЯ XI

ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Мы уже говорили о том, что в процессе социализации есть одна довольно крутая ступень – период созревания человека, превращения его из подростка во взрослого. На эту самую крутую, юношескую ступеньку приходится большая часть «проблемы поколений» и «проблемы молодежи».

Для любого общества, на любой стадии его развития проблема социализации нового поколения наиболее остра именно в период «ступеньки», когда оно вступает в самостоятельную жизнь. Эта острота вызывается целым рядом «обычных» причин, а также некоторыми «необычными» и специфическими. «Обычные» причины – в изменениях физиологического, психологического порядка, происходящих в годы вступления человека в «большое общество».

Физиологические изменения понятны. Психологические же включают в себя не только приобретение некоторых новых черт в виде уверенности в себе, умения ориентироваться в большом мире и т.д., но и сложную психологическую проблему – самоутверждение личности. Оно достигается, в частности, внутренним разрывом с привычной «малой» средой, разрывом психологическим, происходящим, когда человек становится самостоятельным в выборе профессий, в образе жизни и мышлении, когда ослабевают семейные традиции и возникает большая или меньшая сначала психологическая, а затем и экономическая самостоятельность.

В современном обществе поколения «сосуществуют» реально, а в XVII веке в возрасте 18–20 лет наследник вступал на место отца, так как последний к 40 годам почти обязательно погибал, т.е. смена поколений была чисто биологической. Теперь этого не происходит, потому что срок жизни стал иным.

К «естественному» процессу самоутверждения новых поколений сейчас прибавляется как бы особая «накладка», создающаяся характером движения общества в наши дни, движения чрезвычайно быстрого, в котором интересы, привычки, характер деятельности людей во многом меняются на протяжении немногих десятилетий и даже отдельных лет.

Поэтому переход от одного поколения к другому в некоторой степени связан с переориентацией людей, изменением характера деятельности. Это не значит, что обязательно в данном случае должен быть конфликт (ненормальные ситуации мы заранее исключаем), просто дело в том, что люди переходного возраста, несформировавшиеся, не окрепшие в своих остальных нормах, более податливы, более способны для того, чтобы двигаться по новым руслам, созданным изменениями в общественной жизни (конечно, и увлекаться ими, и преувеличивать их значение). Поэтому перемены в обществе резче всего сказываются на ориентациях молодежи, ее интересах, стиле жизни. Большая часть сравнительно нормально входит в жизнь, преодолевая этот барьер. Существуют разные отклонения, поиски путей, иногда трудные и мучительные, и именно в этот период общество больше всего платит за несогласованность педагогики и действительности, а иногда за отличие жизни и образа мыслей некоторых людей старшего поколения от требований современности.

Одна из форм подобной «платы» – появление ненормальных, с точки зрения общества, явлений. «Ненормальные» – слово широкое, нуждающееся в уточнении. Психологическое самоутверждение и физиологическое созревание в условиях быстрой смены деталей образа жизни и деталей ориентации порождают ситуацию поиска и кризис у некоторой части молодежи. Мы знаем такие явления, которые приобретают в буржуазных обществах характер целых общественных движений, направленных против культуры и традиций общества. Эти движения не колеблют его основ, не являются рево-

люционными в нашем понимании, но существуют практически всюду. Это то, что в Америке называют в последнее время – хиппи, в Германии такого рода молодых людей называют гаммлерами. Они есть во Франции, Дании, Голландии – практически всюду¹.

У нас в силу особенностей нашего образа жизни и мышления сколько-нибудь организованных движений подобного масштаба нет, они невозможны по многим причинам; очевидно, что противоречия, связанные с переводом через возрастную ступеньку, у нас также сказываются иначе. Но в каких-то формах они есть и у нас, и это понятно, если учесть сравнительно быструю смену условий жизни, появление новых интересов и т.д.

Так как общество создает людей по своему образу и подобию, задавая им определенную совокупность установок – познавательных, нормативных и активных, то эти установки оказываются однообразными для множества разных людей. Возникает проблема конформизма.

Совершенно очевидно, что всякое общество, воспитывая людей, независимо от того, думают об этом воспитатели или нет, прямо или косвенно подчиняет их определенным стандартам поведения, мышления, норм, оценок. Эти стандарты существуют всегда, без них невозможно ни мышление, ни общество. По-видимому, они формируются двумя путями. Один – прямое влияние определенной, вместе собранной массы: коллектива, группы, влияние типа личного воздействия на отдельного человека; другой – влияние шаблона, который действует и вне рамок малых групп и личных связей, через дальнюю (в частности, массовую) и косвенную коммуникацию.

Лет 50 назад американскими психологами был проведен следующий опыт. Профессор принес в студенческую аудито-

¹ Студенческое и молодежное движение, волна которого прокатилась по Европе летом 1968 г., требует особого анализа.

рию пузырек с неизвестной жидкостью и сообщил, что в нем содержится сильно и отвратительно пахнущее вещество. Он предложил аудитории проверить свою чувствительность и сказать, когда они почувствуют этот неприятный и резкий запах. Поставил пузырек перед первым рядом. Через несколько секунд из первых рядов сказали, что чувствуют запах, потом – из следующих рядов. В аудитории было человек 150. Через 10 минут запах стал казаться настолько резким, что кто-то упал в обморок. Лишь небольшая часть аудитории ничего не почувствовала. Процентом 80 ощущали запах. Между тем в пузырьке была вода, никакого запаха не было. Любопытная деталь: подобный опыт с людьми того же типа тот же экспериментатор проводил поодиночке – и, как правило, ничего не получалось. В чем дело? Это эффект воздействия аудитории, данной массы на отдельного человека. Поскольку в целом все поверили в то, что запах есть, то никто не хотел оказаться хуже других и признаться, что он запаха не чувствовал.

Многие из вас, конечно, догадались, что это похоже на ситуацию из одной классической сказки, и поэтому ее можно назвать «эффектом голого короля». Этот «эффект» содержит проблему, заставившую задуматься сначала психологов, а затем и социологов: как происходит такого типа коллективное внушение, почему наличие многих людей воздействует на каждого и с огромной силой давит на его сознание, заставляет не только думать, но чувствовать и переживать «как все»?

В несколько измененной форме подобная ситуация возникает в условиях эмоциональной напряженности: в культе, религиозных обрядах, иногда в гражданской обрядности – например, массовых манифестациях, когда существует общее настроение, воздействующее на отдельного человека, захватывающее его в общую струю.

Но это не все и даже меньшая часть того, что предполагается под конформизмом. Более существенное – выработка

интересов, чувствований без прямого воздействия массы на отдельного человека. Воздействие идет по каналам массовой коммуникации: пропаганда, книги, радио, телевидение и т.д.

Для сравнения можно привести возникновение вкусов, например, моды на определенную одежду – процесс, действующий, как все знают, по принципу лавины, он способен в короткое время охватить едва ли не все общество, хотя в данном случае обычно нет непосредственного контакта, и давление группы на своего члена опосредованно.

Общество, которое заставило всех разговаривать на одном языке, возникло не так давно. Единый язык в смысле стандартов грамматических, стилистических возникает с массовым книгопечатанием, причем не с Гуттенбергом, а именно с массовым книгопечатанием. В некоторых странах это случилось недавно, а для других – это современный процесс.

Общество, заставившее всех одинаково одеваться, жить в одинаковых жилищных условиях (точнее, стремиться к ним), тоже существует недавно. Если раньше подобная одинаковость создавалась тем, что люди жили в одних условиях, то в настоящее время происходит сильнейшее давление сферы чисто материальной: стандартов производства одежды, жилищ, автомобилей и т.д. Это стандартное массовое производство с огромной силой штампует не только кузова для легковых автомобилей, но и вкусы публики. Эстетические вкусы и интересы в огромной мере определяются не индивидуальным мышлением и не характером картин, вывешенных в музеях и на выставках, а характером изделий быта, характером «дизайна» (художественного конструирования) – всего, что связано с созданием определенного внешнего вида автомобилей, домов, одежды и т.д.

Определяющая черта общественной жизни сегодня – стремление к унификации вкусов не только в сфере образования, культуры, но и в сфере политических ориентации.

Кстати говоря, одной из причин неосуществленности мечты утопистов-рационалистов о разумном и свободном человеке было то, что человек в современных условиях как будто не может быть или не хочет быть свободным и индивидуальным, он заранее действует по созданным шаблонам – и довольствуется этим. Представление, будто свободные люди свободно определяют политику в какой-то «чистой» демократии, неверно, потому что они оказываются рабами существующего политического давления, подчинены определенным стереотипам мышления, которые воспитываются сознательно. И люди, собираясь вместе, выражают лишь то, что в них уже «заштамповано». Это реальность, составляющая одну из черт «массового общества», столь ярко выраженного в эпоху современного капитализма.

Нет ничего проще как заниматься романтической и сентиментальной критикой конформизма: настал, де, период «штамповых» людей, идей, книг и пр. Научный, более серьезный подход к проблеме прежде всего исходит из того, что никакого своеобразного и индивидуального человека до «человека массового» не было. Реальным был не переход от свободного индивида к индивиду, задавленному конформизмом, а от индивида, задавленного крепостной и прочими зависимостями, к индивиду, которого подчиняют современной системе общения, в частности, системе массовых коммуникаций – в каждом обществе, конечно, на свой лад и со своими целями.

Конформизм не означал и никогда не может означать всеобщего единообразия. Пожалуй, наоборот. В обществе, условно названном нами традиционным, патриархальным, где люди не отличались друг от друга, нелепо говорить о каком-либо конформизме: там нет людей как отдельных деятелей. В современном обществе, когда человек, не связанный своим рождением, сословием, может быть отдельным деятелем, может самостоятельно думать и действовать, когда яс-

но, что люди разнообразны и могут быть такими, – вот тут-то, на это разнообразие накладывается «шапка» конформизма, которая заставляет людей, разнообразных в своих социальных ролях, возрасте, семейном положении, способностях подчиняться единому шаблону в художественных вкусах, моде, спортивных интересах, в своем отношении к каким-либо другим общественным явлениям.

Очевидно, если люди, занимающие одни позиции, имеют один образ мыслей, это не конформизм. Но если мы видим, что в Америке есть рабочий, священник, буржуа, мелкий и крупный, и все они по некоторым вопросам думают одинаково, – это конформизм, подчинение разных единому стандарту, которое угнетает живые силы личности и в конечном счете мертвит общество.

Таким образом, заниматься «глобальной» критикой стандартизации мнений – дело антинаучное и бесполезное. Без стандартов, без определенной шаблонизации типов деятельности и мышления люди жить не могут. Весь вопрос в том, какие это стандарты, где и как они действуют.

Приводившийся пример с языком интересен не только потому, что язык стал универсальным и единым совершенно недавно (сейчас радио и телевидение делают единым произношение в рамках целых стран, чего раньше никогда не могло быть), люди привыкли считать, что они произносят слова ближе к стандарту, чем на самом деле. Например, массовые лингвистические исследования выясняли, как люди в разных областях произносят те или иные русские слова и что они думают об этом произношении. Оказывается, если людей, специально неподготовленных, спрашивать, как они произносят слово «корова», они отвечают, что произносят правильно: «корова», хотя никто так, кроме иностранцев, не произносят (говорят «карова»). Но человек, которого спрашивают, считает, что он должен показать себя «правильно», он знает, что на бумаге написано «правильно», а лингвисти-

ческие значки ему неизвестны.

Эта закономерность универсальная, проверенная массовыми исследованиями за границей и у нас. Людям хочется казаться более стандартными, чем они на самом деле есть. Здесь еще нет особой проблемы, но язык для нас служит образцом тех процессов, которые реально происходят в обществе.

Если не заниматься наивным опровержением конформизма, то придется искать грань, за которой он перестает быть терпимым. Видимо, эта грань тонкая и строго очертить ее в общих словах вряд ли возможно. Если стандарт объединяет разнообразных людей в каком-то единообразном аспекте (например, в языке), но не подавляет их разнообразия, это допустимо, но если происходит подавление всяческих индивидуальностей и групп, превращение их в серую, единую, неподвижную массу, в монолит, который годится для пьедестала, но не годится для живого организма, – это явление болезненное. Если мы рассматриваем проблемы применительно к нашему обществу, возникает вопрос: как может общество, которое ставит своей задачей сознательно руководить общественными процессами, по крайней мере, решающими из них, – это включает и планирование человеческой личности, – как такое общество может противостоять тенденции к конформизму? Ведь она создается самим характером современного общения, который существует, видимо, при различных социально-экономических, политических и прочих условиях. (Сами по себе условия социализма этого не создают.) Противоречие состоит в ограничении сферы конформизма и определении возможностей для разнообразия, индивидуальности и т.д. Подобное противоядие общество может либо искать стихийно, либо попытаться его предусмотреть более планоно.

Что касается стихийного отпора гнетущему конформизму, то им является «бунт», социально-психологический бунт

некоторой части людей. Явления антикультуры, связанные с ломкой молодежи, – типичное выражение бунта против конформизма, против всего устоявшегося, традиционного, шаблонного. Всюду, где существует тенденция к массовому гнетущему конформизму, стихийно возникает и противовес в виде подобного бунта. Видимо, нормальным было бы не такое положение, где, с одной стороны, давящий конформизм, а с другой – беспорядочный, нелепый сам по себе бунт. Это далеко не идеал ситуации. Нормальной является ситуация человеческого разнообразия вкусов, интересов, потребностей и т.д. Видимо, это разнообразие и стоит планировать.

Сейчас большая часть социологов, работающих в США, Англии, Франции, занимается обоснованием права человека на самостоятельность от давящей шапки общества. Это, кстати, не имеет прямой связи с их отношением к социализму; у них свое общество оказывается давящим, гнетущим, и они ищут выхода, в частности, права на бунт, хотя ясно, что оно слишком мало для изменения общего характера ситуации. Право быть чудаком не изменяет общей ситуации, маленькая кучка мятущейся молодежи существует в рамках строго расчерченной решетки; более того, чудаки и бунтари являются «обратным» зеркальным отражением господствующего в обществе. Все эти «качели» не решают центральной и самой сложной проблемы – человеческой индивидуальности в условиях массового общества. Чтобы общество могло успешно двигаться, нужно обеспечить условия для разнообразия людей в достаточно широких пределах, иначе общество не будет единым и может остановиться в своем движении.

Личность может быть своеобразной, может отличаться от других только в обществе очень сложном и взаимосвязанном, в обществе, одна из тенденций которого – шаблонизация этой личности. Это клубок противоречий, которые можно преодолеть практически (где их нет, нет и проблемы).

Наблюдения психологов и педагогов говорят о том, что сознание человека как самостоятельной и действующей личности формируется с формированием сознательного человека в современном мире. Иногда проводят такую параллель: маленький ребенок не говорит о себе «я», а говорит Катя, Петя – в третьем лице, и только с двух-трех лет начинает говорить «я». От этого употребления «я» до действительного формирования «я» проходит много времени. Существуют более интересные данные о том, как в человеке возникает представление, что он есть нечто индивидуальное, нечто «я», отличное от всех прочих «они» и даже от «мы». По-видимому, в рамках старых традиционных форм человеческой жизни это «я» было скорее словом, чем реальностью. (Кстати, многие из старых языков, в частности латынь, этого слова не имели; правда, я не уверен, что это связано с недостаточной индивидуализацией личности, но может быть и так.)

В социологической литературе часто излагается акцепция «зеркального Я», которую можно обнаружить еще у Фейербаха. Человек судит о себе сначала по тому, как о нем судят другие, и, узнавая, хорош он или нет, правильно поступил или неправильно, вначале обращается к другим, «смотрится в зеркало». В дальнейшем человек начинает судить о других, и только на третьем этапе он начинает судить себя сам, как что-то отдельное от других. Эти три этапа, являющиеся одним из примеров процесса, в котором появляется человеческая индивидуальность и человеческое «я», изложены Джорджем Мидом в 1937 году.

Остается остановиться на почти не затронутом еще третьем секторе нашей схемы, условно изображающей некоторые моменты социальной структуры личности. Этот сектор, как вы помните, обозначает ориентацию и характер активности личности.

Мы выделяем здесь тоже три слоя. Самый глубокий –

ориентации, их иногда называют «ценностными ориентациями»; более внешний – интересы, самый внешний – желания или мотивы, что-то быстротекущее (заметим, что термины выбраны отчасти произвольно).

Что можно сказать о развитии этой сферы личности? Что в данном случае можно обнаружить, кроме различий в степени «устойчивости» слоев?

Во-первых, возникает вопрос, откуда берутся и как движутся эти активные интересы людей. Заведомо неверны представления, что человек лишь приспосабливается к окружающей среде, что он представляет собой только клеточку общества и т.д. Человек активен. Личность активна в большей или меньшей степени всюду, причем есть тенденция к возрастанию активности. А активность – это постановка цели, наличие интересов, составление определенного плана своего поведения и стремление его реализовать.

Потребности человека, делающие его человеком, созданы в обществе. Никакие биологические желания сами по себе здесь не действуют и стремлений людей не определяют. Чем больше потребностей возникает на чисто социальной базе, тем более важную роль они играют и тем меньшее значение приобретают сами по себе «древние», биологические элементы или ранние социальные образования. Сейчас значительную роль играют, например, интересы, относящиеся к проблеме свободного времени, культуры, социального престижа.

Существует явление, которое можно назвать, видимо, кумуляцией потребностей, нарастанием потребностей там, где они уже в большей степени удовлетворены. Например, нуждаются в образовании больше всего те, кто получил его, стремятся читать больше всего те, кто больше других читал. Это очевидное и наиболее понятное соображение. Можно привести еще целый ряд зависимостей такого типа, которые могут быть выражены поговоркой – «аппетит приходит во

время еды». Подобное явление социологически значимо: чем больше человеку дано, тем больше ему хочется. Иногда эту зависимость называют «правилом Матфея», поскольку существует известное библейское изречение (из Евангелия от Матфея): «Имущему дастся, а от неимущего отнимется». Таким образом, «правило Матфея» состоит в том, что потребности возрастают по мере их удовлетворения.

Но все ли потребности так могут возрастать и в какой степени это нормально? Порождение новых интересов при удовлетворении старых – характерная черта общества, особенно общества современного, и, конечно, эту черту необходимо развивать дальше для общества будущего.

Мы пока говорили об удовлетворении потребностей, соотнося их с тем, что человек уже получил. Но есть еще одна база для сравнения, ее наличие проверено многими исследованиями социологов, социальных психологов в малых и больших группах. Дело в том, что люди, определяя свои нужды, смотрят не только на то, что уже у них есть и чего нет, а также на то, что есть у соседа, коллеги, сослуживца, киногероя. Мерилом сравнения оказывается достигнутое не ими, а другими (или утраченное другими).

Подобного типа сравнения играют чрезвычайно большую роль в распространении всяческого конформизма вкусов и во многом определяют размер расходов и т.д. Если обратиться к области быта, то приобретается новое платье не потому, что старое неудобно, некрасиво, износилось и т.д., а потому что некто уже такое имеет, новый телевизор покупается не потому, что он удобнее и лучше, а потому что «все» уже имеют и «неудобно» иметь старый и т.д.

Этот процесс был очень хорошо и давно описан человеком, которого сейчас бы социологом не назвали. Помните, как Стива Облонский читал газеты и интересовался политической? Не потому, что его влекло к этому, а просто все читали в его круге, причем именно либеральную газету, и он ее чи-

тал и интересовался тем, чем положено интересоваться, хотя ему было это скучно. И таких Стив всегда очень много.

Я уже несколько раз тревожил добрую память старых мечтателей, сделаю это еще раз. Когда-то Гельвеций говорил, что есть люди, не верящие в бога не потому, что они атеисты, а потому, что вокруг них такая среда. Ему не нравился такой атеизм, он не хотел его принимать и думал, что люди сумеют сознательно отвергнуть церковь. Об этом он мечтал, но не дождался.

Мы уже говорили об одном из наблюдений, которое сыграло важную роль в американской социологии. При изучении положения американских солдат выяснилось, что негры с Юга и Севера США чувствуют себя в армии по-разному: южане – лучше, хотя находятся в целом в худшем положении, чем негры с Севера, но, учитывая положение своих соплеменников дома, в Южных Штатах, видят, что в армии живется лучше. У негров с Севера интересы и запросы больше, потому что они жили в относительно более терпимых условиях. На базе таких наблюдений возник термин «относительная лишенность». В системе человеческих интересов это явление играет огромную роль. Было выяснено, что сопоставление своих интересов с чужими играет столь большую роль, что человека можно считать принадлежащим не только к группе людей, с которыми он работает, дружит и т.д., но некоторым образом и к «посторонней группе», с представителями которой он соотносит свои дела, поступки, желания. Эту группу называют референтной группой.

На что направлены человеческие желания, помыслы и т.д.? Можно представить себе, что все люди в конце концов хотят одного и того же, что у них совершенно однообразные установки, только по-разному выражаемые: все люди хотят жить, продолжать свой род и т.д. Но подобными универсальными и в общественном смысле бессодержательными «ориентациями» объяснить ничего нельзя.

Человеческие ориентации сложились в обществе, изменяются в обществе и направлены не просто на какие-то внешние предметы, но на предметы, которые приобрели некоторое общественное значение, некоторую ценность для человека.

У нас в литературе часто употребляют термин «ценность», причем его понимают не очень строго. Приблизительный смысл этого термина таков: ценность – это те явления, нормы, предметы, к которым человек активно относится, хочет достигнуть или, наоборот, избежать и которые поэтому он как-то оценивает. Это – овладение культурой, знанием, влияние в семье или обществе, утверждение своей личности в ряду других, или в системе общественных отношений, сохранение покоя или тяга к постоянным изменениям и т.д. Очевидно, что круг явлений, которые приобретают общественную ценность, чуть ли не безграничен.

Давно делаются попытки выделить некоторые основные типы ценностной ориентации личности.

Известны попытки Томаса и Знанецкого – типология «четырёх желаний», которые движут людьми (желания к самосохранению, приобретению богатства и т.д.). В эмпирической социологии не столько выясняется, каковы типы этих ориентации, сколько разрабатывается методика выявления довольно условно намеченных ориентации. Предлагаются разные варианты, но я не взялся бы изложить какой-нибудь известный вариант как достаточно серьезный и устойчивый.

Во многих американских исследованиях принята схема, при помощи которой стараются выделить типы ориентаций человека. Схема эта принадлежит Дж. Оллпорту – наиболее видному исследователю личности в американской социологии. Спрашиваемым предлагается длинная серия высказываний, из которых они должны выбрать удовлетворяющие их. Вопросы, например, ставятся так: «Предполагая, что вы имеете достаточные возможности, кем бы вы предпочли

быть: а) банкиром, б) политиком»; «Позволительно ли таким большим художникам, как Бетховен, Моцарт, Вагнер, быть эгоистами»? «Какая наука полезнее для человечества: а) математика, б) теология»? и т.д. Цель вопросов – выявить некоторые склонности, самими людьми не осознаваемые. По полученным ответам на несколько десятков вопросов строится шкала «очков», а по сумме очков оцениваются ориентации людей. По поводу каждого пункта можно спорить, но шкала оказывается в чем-то полезной, потому что годна для практического отбора кандидатов на разные должности; видимо, устойчивые склонности есть и при большем числе вопросов они могут быть обнаружены.

В нашей литературе использовались разные схемы ценностной ориентации личности. Например, в сборнике «Социология в СССР» в статье В.Б. Ольшанского выделяются типы рабочих: один ориентирован на заработок, другой – на служение обществу и т.д., хотя сомнения относительно того, что интересы людей можно разделить строго по таким полочкам, довольно основательны. В книге ленинградских социологов «Человек и его работа» сделан обширный анализ ориентации молодых рабочих, причем ориентации выделялись при помощи серии таких вопросов: чем бы люди хотели заниматься, если бы у них было больше возможностей. Этот способ выявляет людей, желающих отдавать больше усилий общественной работе, творчеству, посещению кино, семье и т.д. Некоторых читателей книги смутило, что наибольшая ориентация оказывается на семью – 41,6% указывают, что желали бы больше внимания уделять семье. Затем идет ориентация на образование, общественную работу, производство, приработок. И опять-таки можно спорить, даже, может быть, с большей энергией, о том, выделены ли главные переменные, вокруг которых вертится жизнь человека, выражает ли эта ориентация то, чего у людей просто нет, или нехватка относительна ввиду того, что у них велики потребности? Если

41% утверждает, что они желали бы больше внимания уделять семье, это еще не всегда означает жажду семейственности; просто у людей не хватает времени для налаживания нормального быта. Это очень трудный вопрос, особенно для молодежи с еще не налаженной жизнью, бытом т.д. Если, например, у человека очень острая необходимость в квартире, потом у него этой необходимости уже не будет или почти не будет – в наших условиях нет массового безграничного роста в этом отношении, а есть некоторая относительная насыщенность, – и, видимо, такого рода нужды, как бы остры они ни были, могут быть удовлетворены. Это, конечно, не ориентация человека, определяющая всю его жизнь. Существуют ли вообще такие устойчивые черты, существует ли разница между человеком, всю жизнь ориентированным на общественную работу, и человеком, ориентированным на личный интерес?

Мне кажется, что такие противоположности не всегда можно обнаружить, а делить людей по такому принципу не всегда стоит. Для анализа разного рода социологических проблем, которые у нас существуют, надо учитывать и способности, и активность в работе, и степень интереса к чтению, и степени нехватки свободного времени, и многое другое.

Маркс заметил однажды, что богатый человек – это нуждающийся человек, богат тот человек, у которого много потребностей. Эта мысль очень хорошо объясняется материалом, разбираемым нами. Богатство личности определяется не тем, насколько человек доволен, а тем, чего человек хочет добиться; одна из сторон этого богатства – многообразие потребностей человека.

По-видимому, из богатства потребностей нужно вычестить некоторую долю потребностей элементарных, первичных, потому что, если у человека не хватает на еду, квартиру и нет элементарных условий, это уже не богатство, а беда челове-

ка, у него притупляется интерес к чему-либо другому. И только на основе удовлетворения элементарных потребностей будут возникать другие интересы.

Таким образом, богатство определяется соотношением желаний с их удовлетворением минус удовлетворение первичных и элементарных потребностей.

Другая сторона богатства, указанная Марксом, – это богатство «человеческих отношений, или, говоря современным языком социологии, это богатство социальных ролей, которые играет и которые может выбирать человек, это многообразие групп, в которых человек может состоять, а также многообразие референтных групп, с которыми он может соотносить свои интересы. Богатым оказывается не тот, который может удовлетвориться малым, согласно буддистской мудрости. (Буддизм – система мировоззрения и отчасти религия, одним из устоев которой является рассуждение: беда человека возникает тогда, когда у него много желаний; так как удовлетворить их нельзя, то счастье человека может быть в отказе от этих желаний.) Эта мудрость имеет свою этическую ценность и красоту. Но имеет она и «грязно-практическую» сторону, проявившуюся на современном Востоке, а еще более ярко в современном Китае; несмотря на всю сумму хаоса и беспорядка, Китай – одна из самых довольных собой в мире стран («минимум желаний»...)

Сказанное представляет собой только беглый и схематичный обзор отдельных сторон проблемы личности².

² См. И.С. Кон. Социология личности. М., 1967.

ЛЕКЦИЯ XII

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Задача сегодняшней лекции, подводящей итог наиболее общей части нашего курса, состоит в том, чтобы проанализировать два, на первый взгляд, существенно различных явления: социальные действия и социальные процессы, т.е. рассмотреть, как общество «работает».

Действие имеет место, когда налицо деятель – определенный человек, группа, общественное движение, ставящие перед собой определенные цели и достигающие их затратой сил, времени и т.д. Здесь ясно наличие действующего лица (в социологической литературе употребляется термин «актер») и целесообразности, направленности, организованности происходящего. При этом нужно иметь в виду, что не всякий поступок человека есть социальное действие, а лишь тот, который имеет общественное значение, или поступок, рассматриваемый под углом зрения его общественного значения, значения в какой-то работающей социальной системе.

Социальные процессы – это явления, в которые нельзя или только с большой натяжкой можно обнаружить действующее лицо. Социальный процесс подобен движению воды, когда несутся водоросли, щепки, попавшие туда организмы – все вместе, здесь нет деятеля. Социальный процесс – это процесс, предположим, перехода от доиндустриального общества к индустриальному, от безграмотного к культурному, процесс роста знаний в обществе, влияния науки на общество и т.д.

Маркс подчеркивал, что социальные процессы следует рассматривать как естественно-исторические процессы, совершающиеся силой естественного закона, где, разумеется, все одинаково подлежат его действию и никто в отдельности

не является его господином.

Это различие кажется почти очевидным, однако строгая черта, которая делит эти две формы деятельности общества, скорее всего должна быть пунктирной, потому что существуют интересные с научной точки зрения переходы и процессы, которые можно рассматривать как действие, и наоборот.

Я уже отмечал следующее обстоятельство: двигаясь от отдельных поступков к социальным действиям (и дальше – от социальных действий к социальным процессам), можно обнаружить, что чем дальше в этот «лес», тем, может быть, и «больше дров», но зато многообразие «дров» резко сокращается. Разнообразие поступков человека фактически безгранично, а социальные действия человека или организованной группы значительно больше ограничены в своих возможностях, потому что лишь часть поступков превращается в социальные действия. Больше того, если рассматривать действия индивида и организованной группы, то окажется, что чем дальше мы уходим от индивида к организованной группе, тем меньше вариантов деятельности, которые они могут избрать. Варибельность же социальных процессов, их многообразие еще менее широко. Вероятно, все типы процессов, которые сейчас наблюдаются на земном шаре в самых разных областях и странах на самых разных исторических ступеньках, можно уложить в десяток, дюжину, две дюжины социальных процессов. Чем «дальше» (от действующего лица), тем меньше многообразие. Разумеется, это выгодно для науки, потому что удобнее изучать, оценивать, классифицировать.

Существует серьезное различие между двумя типами процессов. Во-первых, есть процессы, в результате которых данная общественная система остается сама собой: каждое новое поколение, вступая в жизнь, овладевает накопленными знаниями, нормами, обычаями, обучается пользоваться или

создает заново такие же орудия производства, орудия коммуникации, жилища и т.д. Благодаря этому общество «работает» как заведенная машина при смене поколений. Этот процесс можно назвать процессом функционирования.

При огромном количестве изменений, появлении новых поколений, новых орудий и новых знаний в обществе, по видимому, остаются стабильными некоторые основные «параметры» – основные его общества, основные работы, тип организации и т.д.

В любом обществе, на самой высокой, самой сложной стадии его развития можно выделить процессы функционирования. Предположим, в нашем обществе, весьма подвижном, с быстро меняющимися условиями жизни, запросами, ростом потребностей, количественным и качественным изменением структуры научного познания, техники и т.п., все же можно рассматривать процессы, благодаря которым общество воспроизводит основы нашей жизни, собственности, права, мировоззрения и т.д., т.е. остается из поколения в поколение в некоторой степени стабильным.

Такое воспроизводство стабильности общества, видимо, существует всегда. Если бы ломались, менялись из года в год или из поколения в поколение все параметры движения общества, то оно не могло бы существовать как нечто организованное. Из этого вытекают, кстати, и некоторые практические соображения. Иногда бытует такая точка зрения, вроде у нас не может быть стабильности, поскольку практически обстоятельства все меняют, все идет вперед, к лучшему, то не может и не должно быть стабильной системы нравственных норм, стабильной системы законности. Но если бы это было так, то нечему было бы и двигаться вперед.

Второй тип социальных процессов отличается от названного тем, что в ходе изменений появляется нечто существенно новое не просто в людях, средствах, материалах, которыми пользуется общество, но и в самих основных показателях,

параметрах его развития. Проще всего видеть это благодаря появлению в обществе новых потребностей, новых запросов, при этом в некоторых условиях новизна, видимо, является безграничной. Этот тип процессов, в ходе которых общество не только воспроизводит себя, но и воспроизводит новое, создает некоторые новые собственные потребности, можно назвать процессом развития.

В обществе, которое мы знаем сейчас, есть оба процесса. Но в истории человечества были общества, в которых весьма трудно заметить какое бы то ни было развитие; вся их деятельность могла бы быть описана только при помощи функционирования: это общество первобытное, патриархальное, по существу всяческие формы феодализма и близких к ним общественных структур; формы, которые из века в век, из поколения в поколение воспроизводили сами себя.

Такой тип организации общества направлен в прошлое, будущее для него – повторение прошлого, задача состоит в том, чтобы повторять без ошибок. Всякие отклонения, нарушения способов действия (сюда попадают и изобретения и новые мысли) в таких обществах не только не полезны, а даже социально опасны. Допустим, что и тогда в умы людей приходили столь же новаторские, оригинальные идеи, как и теперь. Но система жизни в статичном, только функционирующем обществе с железной необходимостью отсекает новые идеи, иногда при этом отсекает вместе с головами, в которых они появились. Благодаря этому общество остается статичным.

По словам «Коммунистического манифеста», одна из исторических задач буржуазного способа производства состоит в том, что он покончил с застоём общества. Очень велико различие между статичным, функционирующим обществом и теми обществами, где явно видно развитие, – социалистическим и капиталистическим. В них нет и по целому ряду причин не может быть статичности. Каждое новое поколение

не только создает те же самые средства, орудия производства, но и явно их изменяет, в них существует внутренне неизбежный рост параметров движения. Прежде всего это находит выражение в росте потребностей. Новые запросы на знания, технику, культуру играют такую роль в жизни общества, что оно двигаться по старым путям не может. Больше того, если в этих условиях возникает ситуация враждебности изменениям, новому, а какие-то структуры в обществе оказываются противостоящими тенденциям нового, это общество может оказаться в весьма опасном положении. Если для общества «традиционного» типа всякое новшество есть опасность, то для современных типов обществ, наоборот, отсутствие новшеств представляет собой опасность, и способность воспринимать и реализовать новые способы действия и мышления – важнейший фактор в борьбе двух систем.

Эти два типа движения общества, которые можно различить в истории и выделить в любом и ныне существующем обществе, не исчерпывают того, что на самом деле происходит в реальной человеческой жизни, в жизни народов, стран, материков и проч. Матушка-история имеет гораздо больше типов своего существования, причем типы эти – назовем их историческими – ни в какую схему не укладываются, потому что есть структурно разные явления, разные культуры и цивилизации, взаимовлияние, появление одного и уничтожение другого.

Несколько замечаний к проблеме развития. Не все общественные потребности и условия, в которых живет и которые само для себя создает общество, могут развиваться до бесконечности. Существуют некоторые пределы «насыщения» общества: его можно насытить жилищами и пищей, одеждой, книгами или источниками информации так, что в данный момент в него больше просто «не влезет». Этот процесс «насыщения» иногда называется термином «сатурация».

Очевидно, что некоторые элементарные естественные,

утилитарные потребности человека как будто проще всего насытить, и в развитом, достаточно индустриальном обществе человеческие потребности в питании, одежде и т.д. могут быть насыщены или уже сейчас насыщены. Возможность развития, практически бесконечного, создается тем, что насыщение, сатурация одной потребности («постройка одного этажа») создает условия для построения следующего этажа, появления вторичных, третичных потребностей и т.д.

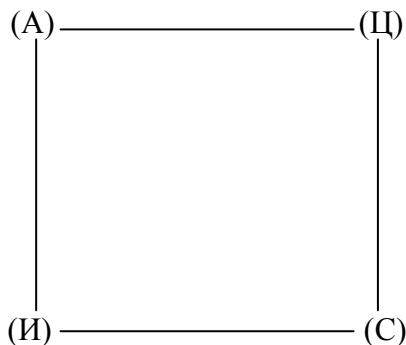
Существует очень распространенная схема, при помощи которой можно связать действие и процесс. Эта схема часто повторяется при анализе одного из самых характерных процессов буржуазного общества – процесса экономического рыночного взаимодействия. Суть схемы вы, наверное, знаете: каждый человек преследует какие-то свои цели; существует много миллионов действий людей, эти действия, сталкиваясь друг с другом, при отсутствии какого-то заранее придуманного плана этих действий, т.е. когда они не являются частями большего направленного действия, создают тот процесс, который имеет место в обществе, – процесс его обогащения, роста или распада, поддержания своих параметров в заданных пределах, регуляции цен, зарплаты, вкусов и т.д.

Эта схема оказывается ограниченной, когда мы поставим вопрос: а откуда берутся эти многообразные и в разные стороны направленные действия? Я уже несколько раз в течение курса обращался к очень живучей схеме, согласно которой в некотором далеком от нас периоде существовали такие условия, когда люди были свободны, независимы и действовали как хотели, а уже потом многообразие действий связывалось железным узлом в некую навязанную всем необходимость. Но подобная схема исторически невозможна. Не было ситуации свободного, свободно мыслящего и действующего человека. С самого начала человеческой истории действия людей были определенным образом направлены, потому что потребности общества, структура общества, его культура суще-

ствовали раньше, чем начинал действовать каждый отдельный человек. И если попытаться представить ход событий более реально, то сначала нужно видеть не сознательные действия, а процессы функционирования рода, племени, общины, первичной общественной группы, в которых не выделены отдельные социально значимые действия. И только много позже при определенных условиях выделяются действия отдельных людей как производителей, собственников, воинов и т.д. Это приводит к мысли, что в самом действии нужно разобраться более подробно и что представления о принципиальном различии действия и процесса не так уж и строги.

Перечислить возможные варианты действий нельзя, потому что их больше, чем вариантов процесса. Если процессы можно уложить в одну-две дюжины вариантов, то не знаю, сколькими сотнями или тысячами вариантов можно исчерпать социальные действия – может быть их не тысячи, а десятки тысяч. Поэтому путь, к которому старается прибегнуть социология, состоит в выделении некоторых типов действий.

Сначала рассмотрим «квадрат», который предложил Т. Парсонс – наиболее крупный из ныне живущих американских теоретиков социологии. Он представляет себе, что многообразие действий может быть уложено в четыре типа в зависимости от того, к чему эти действия стремятся:

По углам этого квадрата обозначены стремления – четыре главных типа стремлений, четыре главных типа направленности действий. Наиболее сложное и развитое – «целенаправленное действие» (Ц). На другом углу квадрата – «адаптация» (А) – речь идет о действиях, направленных на приспособление к существующим условиям. Ниже адаптации – «интеграция» (И). Интеграция – это вхождение индивида в группу, подчиненную определенным нормам и ценностям, или вхождение данной малой группы в большую группу. Это некоторый частный вид приспособления, но примененный к группе. Наконец, последний тип действий – сохранение заданного порядка и преодоление отдельных нарушений в этой системе (С).

По мнению Парсонса и его школы, все разнообразие человеческих действий можно уложить в эти «четыре угла». В принципе это действительно можно сделать, более того, едва ли не всякое действие можно рассматривать сразу с позиций всех «четырех углов». Мы можем рассматривать действия человека, стремящегося или к обогащению, или знанию, или культуре, или власти, – это действия целенаправленные. Мы можем рассматривать, далее, действия человека, который стремится приспособиться к наличным требованиям жизни; для этого ему нужно получить образование и определенные условия работы, т.е. можно те же самые действия рассматривать под углом зрения адаптации к наличной культуре, к группе. Наконец, образование можно считать и фактором сплочения, интеграции общественной системы. Что касается упорядочения и преодоления напряженностей, то от человека и его действий этого требует всякая функционирующая система.

Можно любые действия отдельного человека, отдельной группы или какого-нибудь организованного общественного движения, начиная от самого частного явления, скажем, поступления на работу, и кончая, предположим, социальным

переворотом, разложить по этим четырем углам: все достаточно четко раскладывается. (Есть усложнения к этой схеме – она может делиться на четыре части, потом еще на четыре части, но это нас сейчас не интересует.) Схема не дает типов целей, не дает типов адаптации. Ведь цели могут быть разными: может быть цель культурная и цель увеличения власти, богатства и др.

По этому квадрату мы пока «ходить» не будем, выделим только следующий момент. Наиболее характерное и важное для социального действия – это наличие у него определенной цели. Рассмотрим проблему цели, проблему, которая, собственно говоря, и является определяющей для самого понятия социального действия.

Там, где есть цель, есть и тот, кто эту цель ставит и выполнения ее добивается. Этим как будто действие резко отличается от процесса. Раз есть цель, то все другие элементы действия оказываются средствами, направленными на достижение этой цели.

Чтобы действие человека было целесообразным, он еще до начала действия должен знать цель, которая определяет последовательность разных шагов и необходимых средств.

Кроме того, чтобы действие было действием, чтобы оно контролировалось человеком, должны быть еще эталоны, или образцы, модели для сравнения действия с тем, как должно быть.

Возьмем простой пример. Вы хотите получить высшее образование. У вас есть цель, есть до того, как она реализована, она задана кем-то (кем – это отдельный вопрос). Для реализации этой цели вы приезжаете в Университет, учитесь, выдерживаете разные лекции, зачеты, нагрузки. В конечном счете цель достигнута, если все идет по порядку. Для того чтобы контролировать это действие, существуют некоторые эталоны (большей частью они находятся в руках деканата), при помощи которых сопоставляются отдельные элементы

ваших действий, проверяются ваши знания, усердие, движетесь ли вы к этой цели или нет. Поскольку в данном случае этот процесс определяется не вами, а администрацией, получается, что эталон в малой степени в ваших руках.

Предположим, мне нужно подойти к этой стенке. Я сопоставляю свои шаги с тем, что мне осталось. Кроме эталона, мне нужны еще средства контроля, при помощи которых можно сравнить, насколько данный отрезок соответствует тому, каким он должен быть, а главное – здесь измеряется расстояние до цели и оцениваются шаги, которые еще нужно предпринять.

Кстати говоря, подобная структура действий (ее можно нарисовать более сложной) особенно очевидна тогда, когда люди стали сочинять программу действий не для себя, а для машин, когда им пришлось в строго научном виде выразить то, над чем раньше специально ломать голову не приходилось. Например, когда надо заставить станок-автомат выполнять систему актов, приходится придумывать, каким образом задать цель, где ее нужно записать в этом станке, какие создать эталоны, чтобы станок-автомат мог сопоставлять промежуточные результаты с тем, к чему он «стремится», и т.д. Для этого есть соответствующие способы контроля, при помощи которых эталон мог бы прикладываться к реальному процессу и на основании которого можно судить о том, что следует с процессом произвести.

Но когда мы говорим о действии, то сначала возникает проблема: откуда собственно берется цель действия, каким образом средства как бы подчиняются цели? Вероятно, было бы правильно считать целесообразным действие только тогда, когда человеку, социальной группе цель не просто задана так, как станку-автомату. Есть некоторые цели, которые человеку просто заданы в виде его биологических потребностей, да и не обязательно только биологических, – в некоторых условиях развития человеческого общества, в некоторых

формах культуры заранее задано, какого уровня знания, власти человек может достичь, задано его положением в касте, общине, короче говоря, это не предмет его выбора. По-видимому, в таком случае вряд ли можно говорить – или только с очень большой натяжкой можно говорить, – что есть цель и есть реализация цели. Здесь просто есть «толчок», который дается наличной культурой, и человек катится, как бильярдный шар, в заданном направлении.

О цели, наверное, можно говорить в том случае, когда мы можем эту цель выбрать, когда у вас есть некоторое разнообразие, предположим, в самих целях или в средствах для их достижения. Можно себе представить знаменитую ситуацию рыцаря из сказок, стоящего у камня, на котором написаны три варианта действия, один другого хуже, потом происходит выбор, и в сказке все кончается хорошо. По-видимому, только там, где мы приходим к этому «камню», к развилке дорог, возможна какая-то цель, возможно дальше и сознательное действие человека. Если нет этого выбора, видимо, нет и действия, есть лишь простой процесс, подобный падению камня или движению бильярдного шара.

Но оказывается, что действий, основанных на выборе, не так много, и поэтому граница между действием и процессом опять-таки выглядит откровенно пунктирной.

Ситуацию, когда у нас есть некоторая заданная наперед цель и ей подчинены промежуточные шаги человеческого действия, можно назвать ситуацией управления. Слово это пришло в науку не из правовых дисциплин, где управление – это деятельность того, кто дает приказ. Здесь имеется различие между обиходным и строгим употреблением слова. «Управление», как оно нужно нам и как оно может «работать» в социологии, в данном случае приходит не из юриспруденции, а из кибернетики, которая очень интересна потому, что позволяет определить, как же строить действие, направленное к определенной цели, какими должны быть эле-

менты этого действия.

То явление, когда цель «командует» средствами, называется управлением. В обществе мы постоянно встречаемся с огромным количеством процессов, которые можем назвать процессами управления. Если существует система идеалов, норм, моральных требований, которая задается каждому отдельному человеку, и, следуя этим нормам, идеалам, мы движемся по пути, являющемуся для данной общественной системы направлением ее движения, – это тоже управление, способ, с помощью которого общество «навязывает» людям и группам некоторое направление деятельности.

Можно выделить четыре способа, при помощи которых задаются цели. Первый – самый простой – «директивный» способ. Например: армии ставится задача занять населенный пункт Н. через два часа. Можно директивно управлять предприятиями и т.д.

Второй способ – «идеологический» – когда идеи, убеждения, нормы, ценности и т.д. определяют движение людей к некоторой сформированной обществом цели.

Третий способ – «педагогический» – воспитывать культурных с точки зрения данного общества людей, который носит в себе определенные элементы идеологии, привычек, морали, мировоззрения данного общества, я на одной из лекций приводил пример с Телемской обителью у Рабле. Это общество целиком педагогически управляемо, воспитывает разумных, добрых людей, которыми не надо командовать: будучи хорошо воспитанными, они правильно действуют.

Четвертый тип управления – «конкурентный». Он требует некоторого пояснения. В чем здесь дело? Это управление через нечто неуправляемое, управление через стихию, правда, в каких-то заданных рамках. Возьмите самый обыкновенный пример: рынок в условиях частнокапиталистического хозяйства. Как будто бы каждый является на этот рынок, имея свои задачи, и все они разные. Происходит столкновение

разных интересов и стремлений каждого к своей выгоде, в результате которого возникает некоторое интегральное направление общего движения. Скажем, здесь складывается, по Марксу, средняя норма прибыли, цены товаров, вкусы людей, которые определяются рыночным механизмом. Этот механизм конкурентного типа до последнего времени играл очень важную роль во всей структуре капиталистического общества, причем не только в структуре рыночных отношений, потому что существовала и конкуренция вкусов, политических партий и течений. И в условиях этой конкуренции выявляется, кто победит, кто (или какая средняя) оказывает влияние на общество, и тем самым выбирается некоторый вид направления для общего движения, будь то в литературе, в обществе, или ряд направлений применительно к разным слоям общества или разным уровням его культуры и т.д.

Конкурентные механизмы интересны для нас потому, что мы столкнулись с необходимостью использовать их шире, чем до сих пор. Во-первых, здесь существенна доля всех проблем нынешней экономической реформы, которая должна, в частности, создать заинтересованность отдельных предприятий и отдельных работников в том, чтобы работать лучше. Речь, конечно, идет о конкуренции иного типа, чем конкуренция никак не связанных частных собственников, — связи у нас прочны, — о некотором типе соревнования, в котором избираются наиболее эффективные типы действия.

Возьмите, скажем, такой процесс, как формирование вкусов у публики. Этот процесс может управляться по-разному. История нашего общества достаточно богата, чтобы в ней найти примеры всех четырех типов управления, например, художественными вкусами. Когда дается директива считать то-то и то-то хорошим или плохим, — все ясно и просто, но не всегда такая директива действует. Существует система идеологических механизмов, то есть система философии, морали, этики, эстетики, действующая на людей и определяющая, что

именно красиво и что некрасиво. Можно воспитать вкусы у человека или, во всяком случае, в какой-то степени воспитать. Кроме того, вкусы могут формироваться и в некоторой степени формируются в более или менее свободном столкновении разных вкусов, когда становится ясным, что может влиять на общество, а что не может, что и на кого воздействует, и т.д.

Конечно, конкурентный механизм требует издержек. Всякий рынок предполагает больше товаров, чем можно купить, иначе не будет действия механизма. Этот конкретный механизм предполагает отсутствие карточной системы. Если я прихожу в магазин и по карточке получаю предписанное, то здесь нет выбора. Но если я прихожу в книжный магазин, где есть множество изданий, и выбираю то, что мне нужно, — действует механизм, который отбирает. Конечно, приходится печатать больше книг, чем их расходуется, и это вызывает неудовольствие, происходит накладка из-за «расточительности» такого механизма.

В структуре социального действия нас интересует проблема соотношения цели и средств (вопрос об эталоне и контроле мы пока оставим в стороне). Необходимо ввести еще одно понятие — программа. Программой удобно называть план будущих действий, который приведет к достижению определенной цели. Следовательно, программа включает в себя описание и целей, и средств, поэтапно или как-то иначе соподчиненных друг с другом для того, чтобы цель можно было достичь. Каждое социальное действие — это, по видимому, действие, имеющее свою программу.

В заключительной части лекции я хочу перейти к совершенно фантастической ситуации. Года три назад у нас был опубликован рассказ американского фантаста К. Саймака, который назывался «Поколение, достигшее цели»¹. Напомню его содержание. На огромной ракете путешествуют в дале-

¹ «Знание – сила», № 1, 1965 г.

кую галактику к какой-то далекой обетованной земле несколько сот людей. Полет рассчитан на много десятков и сотен лет. За это время десятки поколений должны сменить друг друга, чтобы добраться до цели. Я не помню, почему надо было эту ракету послать: не то на Земле гибла цивилизация, не то с чисто исследовательскими целями. Но создатели программы этого путешествия столкнулись со следующим вопросом: как можно побудить людей на протяжении сотен и тысяч лет лететь в очень ограниченном пространстве ракеты, чтобы поколения сменяли друг друга и продолжалась нормальная жизнь. Программа была составлена с большой хитростью. Люди совсем забыли, что их движение имеет определенную цель. Для них жизнь в этой ракете была всем, она казалась единственно нормальным способом существования. Они забыли, что была Земля, откуда отправились в путешествие их далекие предки, и что где-то через N поколений будет другая планета с другой цивилизацией. Для них сама по себе жизнь, процесс функционирования в рамках ракеты, была целью — здесь сосредоточивались их радости и горести. Кстати, одной из очень жестко стоявших там проблем была проблема регуляции количества населения, поэтому был введен такой порядок: супружеская пара могла завести ребенка только в случае, если кто-то умирал, — нельзя было допустить перенаселения. Действия этих людей не имели никакого отношения к наперед поставленной цели: они выполняли стабильную программу функционирования. Для того, чтобы люди могли довольствоваться примитивной жизнью, они забыли грамоту, у них не было книг, существовала лишь примитивная форма религии, которая поддерживала порядок. Одним из табу был запрет брать книги в руки, — иначе они узнали бы, что с ними происходит, и, вероятно, погибли бы от отчаяния. Когда же наступил момент посадки, в силу действия ряда автоматических устройств, части людей дали книги, и они сумели разобраться в рычагах управления.

Это сопровождалось бунтом, потому что остальные были возмущены и преследовали «гносных еретиков». В конце концов корабль садится, но люди не хотят из него выходить, потому что только в нем и привыкли жить. Однако оказывается, что все было предусмотрено – появляется угроза, что корабль будет наполнен ядовитыми газами, людям придется из него уйти и поселиться на планете.

Эта фантазия, как и многие другие, очень интересна с чисто социологической точки зрения. Конечно, в реальном обществе нет такого разделения цели и средств, как в рассказе К. Саймака. Но именно это расчленение нужно нам, чтобы представить, как же на самом деле эти явления сочленены.

Реальный социальный элемент фантазии К. Саймака состоит в том, что люди не выдержат пути, если будут знать, что он очень долгий. По-видимому, характер человеческих представлений зависит от длительности активной жизни человека; поэтому цель должна быть зримой, и только тогда за нее люди будут бороться. Поэтому возникают аберрации, имевшие место, наверно, во всех великих движениях прошлого. Люди представляли себе цель значительно более близкой и значительно более совершенной, чем она могла быть.

Отнюдь не Клиффорд Саймак, фантаст, а человек вполне трезвого и организаторского мышления – Кромвель – говорил, что дальше всего пойдет тот, который не знает, куда идет. Он со знанием дела говорил, что если бы его бойцы, его парламентарии знали, что будет в результате их борьбы (а достигнуто было сравнительно небольшое изменение существующего порядка, причем и монархию не убрали), то, по-видимому, они не сделали бы ни шага в его поддержку. Людям нужна была иллюзия близости великой цели. Примерно в том же самом духе высказывался и другой весьма практический и циничный деятель: Наполеон говорил, что руководитель должен торговать надеждами, как купец на рынке

торгует своим товаром, должен дать каждому из людей, которых ведет за собой, надежду, причем близкую, осязаемую, зримую (помните – «маршальский жезл в ранце солдата»?). Если он этого не сделает, очевидно, данный руководитель, как и торговец, прогорит.

В человеческой деятельности само средство часто выступает в роли цели (может быть, фантастической), и последовательный переход от одного средства к другому представляется достижением некоторой цели. Как вы помните согласно В. Парето, люди, чтобы попасть в цель, должны метить выше цели; некоторая почва для таких соображений имеется.

Искусственный разрыв между средствами и целью возможен только в фантастическом рассказе. На деле он невозможен, нет такого положения, чтобы имелась цель действий, до которой можно было бы добраться любым путем. Это могло бы быть в том случае, если бы существовала машина времени, если бы, скажем, в 2000 г. уже был построен некий светлый град и нужно было бы только до него добраться. Тогда бы цель оправдывала любые средства, можно было бы расталкивать соседей локтями и топтать сапогами, желая достичь этой цели, – и все было бы просто и понятно, потому что цель хороша. На деле такой ситуации нет. Избранные средства прямо или косвенно влияют на цель. Этому жесткому уроку история учила людей много раз, никогда не научая. Гегель хорошо говорил, что уроки, которые люди хуже всего учат, – это уроки истории. (Это, впрочем, одно из условий того, что люди продолжают существовать. Если бы они делали все мрачные выводы из исторического опыта, мало кому захотелось бы продолжать попытки.)

Существуют различные варианты исторического движения, каждый из которых может представляться как последовательность действий, подчиненных определенному варианту цели. «Рыцарский камень», на котором высечены три воз-

возможности и мимо которого приходится проходить каждому человеку, любому общественному движению, любой организованной группе, обозначает разные пути, и цель зависит от того, какие это пути, или пользуясь введенным нами термином, от программы зависит и результат. Когда мы выбираем путь, то выбираем не просто путь, ведущий к цели, а выбираем программу действия; программа же действия сочетает и средства, и цели, и эталоны, и условия их реализации и т.д. Выбор действий – это, видимо, выбор программы. Такой выбор возможен в человеческой жизни, мы его делаем, и это составляет основу свободы и сознательности нашего действия.

В обществе, в системе общественных действий, в социальных процессах не существует отдельно взятого бытия и отдельно взятого сознания. Существуют люди, группы, движения – субъекты социального действия, и существуют их действия, – не сознание, не мысли, не чувства, а именно действия, действия при помощи определенных форм сознания, при помощи определенных мыслей, на фоне каких-то переживаний и т.д.

Нас интересует, следовательно, проблема сознательности действия. По существу, вопрос о сознательности действия, если ставить его вполне социологически, – это вопрос о том, какой программе подчинены те или иные человеческие действия, где эта программа записана, записана ли она, условно выражаясь, в голове или в записной книжке, или в своде законов, или в неписаном моральном кодексе, а иногда и в записанном кодексе; что это за программа, каким образом в ней соотносятся цели, средства, эталоны, системы контроля за применением этих эталонов и т.д.

Вы знаете, что в философском плане, во всемирно-историческом масштабе люди сначала действуют, а потом думают. Однако в каждый отдельный момент люди не могут действовать, если у них нет плана этого действия, они не мо-

гут производить, если у них нет знаний, как нужно производить, что нужно производить, при помощи каких орудий и т.д. И эти рассуждения, наверное, можно применить к любому акту человеческой жизни.

ЛЕКЦИЯ XIII

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ (окончание)

Согласно Гёте «в начале было дело». Можно истолковать это положение следующим образом. На некоторой гипотетически реконструируемой стадии развития человечества единицей активности служит действие, которое не существует отдельно от его программы, программа дана в самом этом действии. (Чтобы представить, что это такое, надо вспомнить, чем являются наши привычки, обычаи, т.е. акты такого типа, в которых осмысление, сознание отдельно от самого привычного действия обычно не выступает. Но это только для сравнения. Реконструируемое действие отличается от любой привычки).

На следующей, более развитой, стадии человеческой истории происходит расчленение действия на два элемента: на программу и само действие. Программа содержит указания о том, что нужно делать, как нужно делать, при каких условиях и т.д. Программа может существовать и в самом действии в виде нашего желания осуществить какое-то действие, в виде привычки, моральной нормы.

Но можно иметь отдельно программу действия, т.е. можно знать, как сделать. Видимо, эта ситуация более сложна, чем гипотетически реконструируемая «первичная». Я не могу ручаться, что исторический ход развития был именно таким – от цельности к расчлененности, но это не так важно. Можно представить, что и на животном уровне существует некоторое расчленение действия и программы – программой будет инстинкт или система условных рефлексов.

Нас интересует другое – где хранится и что представляет собой программа, выделенная из действия? Культура в том понимании, как она в этом курсе излагалась, сравнима с про-

граммой действия, т.к. культура – это совокупность норм, знаний, способов действий, но, пожалуй, культура – не одна определенная программа, а некое хранилище программ действия, множество разного типа программ действия, свойственных данному обществу. А когда мы анализируем действие как нечто целостное, то имеем в виду одну программу или некоторую строгую связь, взаимоподчинение программ, иерархию программ.

Напомню, что человеческая культура, а значит и ее составные элементы, в том числе и те, которые можно рассматривать как отдельные программы действий, могут храниться в двух формах. Во-первых, в некоторой вещественной форме, имеющей полезное значение. Достигнутые человеческим знанием, навыки, желания и потребности могут храниться в предметах, сделанных людьми, хотя бы в столе, ноже, современном автоматическом станке и т.д. Сами по себе эти вещи могут рассматриваться как предметы культуры, как воплощение некоторой совокупности элементов культуры. Конечно, это реализация, «запись» определенной программы. Мы уже видели, что обыкновенный стул есть воплощение некоторой потребности общества, в том числе и потребности эстетической, некоторого уровня умения, знания и т.д. Это не только реализация программы, но и элемент самой программы, ведь возможна задача делать то же самое, по тому же образцу.

Другой вид хранения культуры и программ социального действия – специальные хранилища, в которых только культура и может храниться и при помощи которых нельзя ни сидеть, ни рубить, ни пилить. Что это такое?

Это языки, совокупность знаковых систем, созданных людьми. Все языки – это системы знаков, продуманных или сложившихся в ходе развития, но созданных для определенной цели – служить средством общения, передавать от человека к человеку, от поколения к поколению, из района в рай-

он определенную совокупность средств культуры, определенные программы действия. Другой «цели» язык не имеет. (Это, конечно, не значит, что «цель» кем-то придумана, в «естественных» языках этого нет.)

Я говорю о «языках» во множественном числе, потому что речь идет о языке обыкновенном и в то же время о «языках культуры», т.е. языке науки, этики, физики (более узком, чем язык науки). Каждый из этих языков – специальная система слов, понятий, т.е. знаков. Они по объему уже, чем, скажем, русский, потому что в них участвует только часть русского языка. Именно поэтому, в частности, в специальных языках виднее их нормативность и целенаправленность, а, следовательно, их способность быть средством коммуникации.

В опубликованном «Литературной газетой» рассказе А. Моравиа «Коммуникабельность» речь идет о значении в человеческом общении болтовни, как будто ни к чему не обязывающей. По существу смысл рассказа в том, что и в сфере «ничего не значащего» разговора люди определенного круга или культуры оказываются в области для них свойственных этических отношений, более того, при помощи такого разговора они скорее добиваются взаимопонимания, чем в разговоре «содержательном».

Нас интересует та часть культуры, социальных программ, программ действия, которая воплощена в разных типах языков. Это приблизительно то же самое, что называется общественным сознанием – совокупность всех знаний, всех умений и всех норм действия в обществе, воплощенных не в вещах, а знаковых системах, в науках, философии, религии и т.д.

Я несколько раз давал перечень схематического порядка: знания, опыт, требования, навыки и т.д. При внимательном рассмотрении содержания таких программ, по-видимому, можно обнаружить те же самые три элемента, которые мы

выделяли, во-первых, при анализе культуры, во-вторых, при анализе личности.

Во всякой программе социального действия прежде всего можно обнаружить, разумеется, некоторые нормы этого действия, т.е. предписания о том, что нужно делать и как нужно делать. (Эталон-цель и эталон-средство или промежуточная цель.)

Можно допустить, что где-то там, в туманной гипотетической первоначальности, все содержание программ сводится к указанию, что делать и чего не надо делать. (Мы взяли у полинезийского народа словечко «табу» – безусловное, священное запрещение. Для разрешения слова не придумали очевидно потому, что люди больше думали о запретах, чем о разрешении, – в этом, кстати, большой смысл.)

На некоторой следующей стадии, видимо, произошло выделение другого элемента программы, элемента оценочного, который содержит не прямой приказ, что нужно делать, но оценку действий и объектов действий, хороших или плохих, – короче говоря, появляется элемент ценности.

Третий элемент всякой программы, более поздний по происхождению, чем первый и второй, – это знание.

Развертывание программ действия по этим трем составным элементам можно представить и на истории индивидуального развития от ребенка до зрелого человека, т.е. в процессе онтогенеза человека, и на истории развития общества (филогенез).

Сознание человека начинается не с совокупности понятий, и тем более не с совокупности разных слов и терминов, объясняющих эти понятия. Первые проблески человеческого сознания выражаются в том, что ребенок различает вещи полезные и вредные, то, что приносит пищу, и то, что приносит боль. Это элементарное, свойственное не только человеку различие. Отсюда вытекает общий способ ориентации – делать то, что нравится, то, что связано с принятием пищи, и

т.д. и избегать неприятностей. Тут нечто вроде нормы, из которой пока не выделяется оценка, так как нет различия «должного» и «хорошего».

Когда такое различие возникает, весь мир делится на хорошее и плохое. Эта стадия интересна не только потому, что она очень хорошо видна (первые этапы, может быть, смутны, их можно вообразить), но и потому, что она имеет место не только в детском возрасте. Эта стадия состоит в том, что мир разделяется по признаку значения для индивидуума, т.е. оценивается, делится на хорошее и плохое или, выражаясь детским языком, на «бяку» и «цацу». Это первичная форма деления, позволяющая ребенку ориентироваться в мире, сохраняется на всем протяжении развития человека. И как бы ни были велики наши знания, как бы ни была расчленена нормативная сфера, «детская» оценка существует и называется даже там, где ей не стоит быть. Например, в науке, которая по природе своей стремится к строгому изучению, описанию, анализу предметов, общества, природы – даже сюда, по ряду причин (вытекающих из недр человеческой личности и из некоторых особенностей общественной жизни) привносится ценностная оценка, стремление выделить хорошее и дурное, полезное и вредное, хотя это часто бывает искусственным.

На более высокой ступени развития индивидуального сознания появляется предметное сознание, т.е. не только представление, что есть хорошее и плохое по отношению к субъекту, но представление о том, что существуют отдельные вещи (стол, яблоко и т.д.). Это сознание предметно, поскольку оно «говорит» о самих предметах, а не об интересах и не о том, что должен делать человек. Создается последовательная расчлененность действия. (Из действия выделяются нормы, отсюда ценность, и дальше выделяется знание.) Хотя полного разрыва не существует, но различие есть, и благодаря тому, что мы отделили знание от ценности, ценность от нормы, норму от действия, мы получили возможности ду-

мать, а если бы не было разделения, мы могли бы только действовать, руководствуясь той программой, которая в этом действии заложена.

Теперь обратимся к расчленению сознания в истории человеческого общества.

Можно представить себе состояние сознания далекой первобытности, где не существует отдельно взятых этих трех элементов, где сознание еще не является чисто логическим и индивидуальным. Маркс говорил о состоянии сознания этого периода, как о «бараньем состоянии». Здесь отдельный индивид не выделяется из первичной группы, не выделяется в том также смысле, что его действия не подвергаются осмыслению, люди действуют по программе, которая почти целиком задана в самом способе жизни. Это сознание «стадное», опять-таки по терминологии Маркса. В данном случае это не только гипотетическая реконструкция, но историческая, в какой-то степени она подтверждается археологическими и этнографическими данными.

На следующей стадии развития сознание выступает в виде идеологии. Идеология – это сознание, имеющее непосредственное значение для общества и определяющее – что полезно и что вредно и как надо поступать. Первичная форма такого сознания – это форма религиозная, где высшим хранителем, высшей инстанцией является бог или священный мир. Эти санкции и требования священны, они выходят за пределы реальности, сверхъестественны.

Первичные идеологические системы очень ярко нормативны. В древнейших религиях имеются предписания о том, что нужно делать, чего не нужно делать, есть ясно выраженная нормативная система, которая священным образом санкционирована, а какие-либо объяснения, в том числе и мифы, – продукт более позднего времени.

Позже идеологическая система усложняется. Появляются отдельные виды регулятивных систем, которые берут на себя

ту или другую форму оценки и предписания, т.е. появляются формы сознания.

Это значит, что первичное деление на «полезное» и «вредное» раскалывается на отдельные элементы, из него выделяется целый ряд систем, в которых есть также положительное и отрицательное, но по-своему расположенное. Выделяется этика, различающая «добро» и «зло», а также целый ряд религиозных систем, различающих «священное» и «проклятое» действие и дающих свою оценку всему, что происходит в мире; на какой-то стадии выделяется эстетическое сознание, делящее мир на «прекрасное» и «безобразное», и другие подразделения. Кстати, существует много данных о нераздельности этического и эстетического подхода к миру на какой-то стадии развития. Можно видеть такую неразделяемость в мировоззрении древних греков, которое всегда казалось образцом в определении добра и красоты (на деле в образцы оно мало годится). В философии и в обыденном сознании прекрасное и доброе примерно одно и то же. Кстати, это можно проследить на истории языка: доказательством служит наличие такого слова, как «лепо» (с которого начинается. «Слово о полку Игореве»: «Не лепо ли ны бяшетъ...»), оно означает и красивое, и хорошее. Но это только иллюстрация того явления, что различные оси членения мира в сознании когда-то совмещались, а потом разошлись. Об этом расхождении много написано, с ним связано немало противоречий позднейших цивилизаций (доброе может быть некрасивым, полезное – дурным и т.д.).

На более поздней, вернее, совсем недавней стадии в общественном сознании получает все более самостоятельное значение знание, т.е. языки науки, в конечном счете – и науки об обществе.

Необходимость объективного исследования общества понимали давно. Но вы знаете, что вопрос о возможности объективного анализа общественных явлений, безотносительно

к интересам отдельных лиц, групп, классов, политических систем и т.д. – очень сложен. Не только потому, что возникают внешние требования и запреты; симпатии и антипатии существуют среди людей, внутри ученой среды, и это неизбежно.

Поэтому, если когда-то с большим трудом знание об обществе сумело оторваться от нормативного (от этики), а еще раньше от религиозной системы, то и ныне остается проблема объективности знаний. От общественной науки ждут оправдания того или иного порядка или процесса – это совершенно закономерно. Мы не случайно изучаем общество, все мы люди с определенными симпатиями и антипатиями и ждем от социологии, что она будет вести человечество к лучшему будущему, а не только давать бесстрастные и холодные описания.

Мы очертили три элемента, содержащихся в разного рода социальных программах, и теперь можем перейти к характеристике современных программ социального действия.

Процесс роста общественного человека, процесс социализации можно представить себе как вхождение в новый мир; чтобы играть свою роль, человек должен овладеть культурой, научиться пользоваться теми программами действия, которые есть в хранилище человеческой культуры. Мы сейчас примерно в таком же положении, как человек, попавший в большое хранилище Ленинской библиотеки, где много миллионов томов, больших и малых, в которых записаны, по существу, все накопленные человеческие знания, и не только знания, но и все нормы и программы действия.

Как расставлены эти «книги» на «полках»? Прежде всего можно выделить некоторые «этажи», на которых хранятся разные программы и регулятивные системы, определяющие характер человеческого действия. Таких этажей три. Самый верхний и «новый» – это этаж специализированного сознания, где хранится накопленное человеческое знание, а также

правила, инструкции и т.д. в области науки, правила современной морали, выраженные в книгах, записанные в моральных кодексах, экономических программах. Это расчлененное по своей форме и максимально современное по времени проявления сознание.

Ниже расположен другой «этаж», который, мне кажется, по своей площади несколько больше. Это сознание не специализированное, а массовое – знания, ценности, нормы, привычки и предписания в том виде, как они живут не в специальных дисциплинах и не так, как они излагаются в учебниках, а как они живут в сознании человеческого общества, в сознании групп людей, массы. Массовое сознание своими корнями уходит к началу общества, и потому обычаи и привычки, мнения и предрассудки, которые хранятся в массовом сознании, весьма консервативны. Тут расчленения знания и норм нет, нет и расчленения отдельных норм: этическое и эстетическое, этическое и религиозное здесь сравнительно мало различимы.

Третий (если считать «сверху») этаж самый глубокий – такого рода хранилище, где содержатся языки, которых мы не сознаем, о которых не думаем, которых не расчленяем, это «социальное подсознание». Здесь, видимо, хранится или то, что спустилось сверху вниз, или то, что накопилось «внизу», на грани социальной и биологической.

Существуют ориентации людей, которые очень трудно отделимы от их желаний, страстей, от их весьма глубоких предубеждений или склонностей, настроений или склонностей, настроений или чувств. Здесь сознание и настроения неотличимы. Это какой-то общий фон, который не выходит на поверхность, но так или иначе влияет на другие этажи. Между этими этажами существуют связи – «лифты» и «телефоны». Можно представить себе, возвращаясь к приему гипотетической реконструкции, что эти три этажа не возникли с самого начала, они – продукт развития и расчленения

некоторого целостного хранилища.

Когда стало ясным, насколько реально «заданы» человеку элементы его действия и сознания, то ряд исследователей поставил вопрос: а думает ли вообще отдельный человек?

Если мы знаем, что система разного рода языков, в том числе морали, философии, науки и т.д., создана обществом и задана любому человеку и любому поколению, и задан даже сам способ нашего общения, умение «читать» и толковать книги культуры, то что остается человеку? Некоторая часть социологов, кстати, раньше всех Дюркгейм и его последователи, выдвинула мысль о том, что нужно рассматривать не человека, а действия общества и коллективное сознание, «коллективную душу», как они выражались.

Один немецкий психолог, анализирувавший роль языка в человеческой жизни, сделал такой парадоксальный вывод: поскольку содержание наших мыслей, направленность их, интересы заранее даны обществом, неверно говорить даже, что человек думает, надо говорить не «мы думаем», а «в нас думается». В русском языке нет такого удачного выражения, а в немецком языке есть безличный оборот типа «Es regnet», «Es denkt» (думается). Конечно, это парадокс, хотя и не лишённый основания.

Действительно, все формы, способы думания навязаны нам, как и нормы языка. Однако человек все-таки не просто пользуется языком, а может кое-что разбирать. Вы помните Петрушку у Гоголя, который умел читать, но читал все подряд, и можно предположить, что этим умением читать он оперировать не мог, у него в голове ничего не оставалось, все проскакивало. Но люди отличаются от Петрушки тем, что читают не все подряд, некоторая доля прочитанного или узнанного остается в голове. В отличие от Петрушки, обыкновенный человек обладает способностью разбираться в том, что он читает, ориентироваться в этом колоссальном книгохранилище и сохранять в голове некоторую часть богатства

культуры, и, что более важно, оперировать этим богатством, используя его для своих нужд. Это можно сделать лишь при-ведя богатство в систему, которой можно пользоваться и в большей или меньшей степени варьировать в зависимости от обстановки.

Эти две особенности (хранение и умение оперировать) позволяют измерять ум человека, его ответственность за свои действия.

Умение оперировать культурой предполагает умение правильно выбрать нужное. Поскольку человек умеет это делать – он как индивид чего-то стоит. Умение хранить и использовать накопленную в штабелях сознания и подсознания информацию дается с очень большим трудом, не сразу и всякий раз в очень ограниченном масштабе.

Но умение отдельного человека хранить накопленную информацию зависит не просто от того, насколько он умен. Это умение показывает уровень человеческой цивилизации. Ведь не только читатели, но и библиотеки бывают плохие и хорошие. В хороших библиотеках книги хранятся так, что можно сравнительно легко выбрать нужную, а в плохой валяются в куче, которую всю надо перебрать, чтобы найти необходимое.

Первобытное хранилище памяти, как мы можем его представить и как знаем из разного рода источников, похоже на библиотеку без каталога, книги в беспорядке расставлены на разных полках, их надо перевернуть целиком, чтобы узнать, что там хранится, поэтому возможности оперировать со знаниями не существует.

Современное знание отличается от примитивного не только тем, что оно «больше», но и тем, что оно расчленено, и в этом расчленении все большую роль играет наука, система знаний. Поэтому мы можем не просто складывать на «полки» разного рода ценности, нормы, ориентиры, но и анализировать, соподчинять их и т.д. Это, между прочим, за-

ставляет человека отказаться от священного преклонения перед кем-либо и чем-либо.

В заключение вернемся к «трем соснам», вокруг которых мы «ходили» на прошлой лекции: действие и процесс, цель и программа.

Сказанное нами о программах социальной деятельности относится не только к отдельному действию, но и к процессу. В этом процессе формируется, делится на составные элементы общественное сознание, возникает множество целей, возможность их выбора и т.д.

Непроходимой стены между действием и процессом нет, существует возможность двустороннего перехода. Переход от действия к процессу представить себе довольно просто. Мы об этом уже говорили. А что значит переход от процесса к действию? Это предполагает, что процесс подчиняется единому плану, что множество человеческих волей и стремлений направляется в одну сторону и идет к одной цели, и весь процесс превращается в большое по масштабу действие.

Возможен ли такой переход? Мы знаем, что люди могут управлять отдельными элементами своей жизни, своей судьбы, планировать производство, строительство городов, развитие культуры и многое другое. Это понятно. Другой вопрос: можно ли целиком превратить социальный процесс в социальное действие?

У нас несколько лет назад была издана полезная книга – материалы дискуссии во Франции между марксистами и немарксистами разных стран на тему: «Какое будущее ожидает человечество?» Один из участников видел, в частности, великий пример воздействия человека на свою жизнь, пример торжества сознательного планового начала в очень реальной перспективе регулирования пола потомства. Должно быть, вы слышали кое-что по этому поводу, потому что проводятся интересные опыты, вокруг которых, как всегда, есть реклама (опыты акад. Астаурова, который направленно получает у

шелкопряда только женское потомство, необходимое для производства коконов). Говорят, есть перспектива к концу 70-х годов – а к концу столетия вполне бесспорная – по желанию получать потомство желаемого пола у людей. Возможно, что это реально. Но я могу поставить вопрос: что принесло бы это людям? Довольно серьезный вопрос. Каждая семья эту проблему обсуждает, у нее свои желания на этот счет, но эти желания не имеют никакого отношения к тому, что получается. Но если человек может такое желание осуществить, это заставляет серьезно присмотреться к своим желаниям. Генетики грозятся, что они научатся через некоторое время получать по желанию не только мальчиков и девочек, но и гениальных музыкантов, трудолюбивых слесарей и т.д. Поверим им на минутку и опять-таки спросим: насколько это полезно и хорошо?

Есть серьезные сомнения в том, что это упростит человеческую жизнь. Природа регулирует пол механизмом случайного выбора (вы знаете, как получается пол потомства – сочетание X и Y-хромосом). Более или менее случайным образом регулируется появление талантов и бездарностей в обществе. А если мы получим возможность все это устанавливать заранее, возникает вопрос: кто будет устанавливать? Каждое семейство? Получится ли из этого наиболее удобный и желаемый для общества результат? Существует такая ситуация в обществе, что супруги хотят чаще мальчиков, чем девочек. Если бы это желание было удовлетворено, то общество попало бы в состояние тяжелого кризиса.

То же самое и с распределением талантов: сомнительно, чтобы супруги смогли надлежащим образом предусмотреть нужды общества. Но существует и другая опасность. Можно себе представить, что аппарат, который будет регулировать пол, таланты и т.д., вероятно, должен стоять не рядом с домашним холодильником, а, скажем, на базе стратегических бомбардировщиков – а значит и находиться не в руках ум-

ных или неумных супругов. Кто тогда начнет вертеть ручку аппарата? В восторг подобная перспектива не приводит.

Здесь есть достаточно много оснований для сомнений, не хорош ли старый механизм выбора, который с небольшими потрясениями распределяет людей по полам и по талантам и как-то обществу служит? Конечно, нас интересует не фантастическая (пока) ситуация. Вывод, который я хотел бы подчеркнуть, состоит в том, что не всегда сложный, стихийно регулируемый процесс стоит превращать в направленное действие.

ЛЕКЦИЯ XIV

СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

Тема сегодняшней лекции – движение народонаселения.

Движение народонаселения, то есть рождаемость, смертность, браки, разводы, миграцию и т.д., изучает демография, изучает достаточно серьезно, давно и прежде всего методами централизованной государственной статистики. Она нужна экономистам для построения экономических планов и прогнозов, нужна градостроителям, необходима для разного рода государственных служб и оказывается весьма полезной и социологам.

Во-первых, потому, что сам материал, который описывается статистикой (я имею в виду статистику населения), по существу социологический. Здесь перед нами выступают закономерности человеческого общества, но с несколько специфической стороны: общество берется как некая статистическая совокупность, как некий гигантский «муравейник» и описывается при помощи данных, характеризующих состояние этого статистического агрегата.

Не действия людей, не мотивы отдельных поступков, не стремления, а те объективные результаты многообразных действий и стремлений, которые относятся к статистическому целому, интересуют демографию. Несколько раз социология «начиналась» именно с подобного подхода к обществу. Первый раз Кетле пытался создать «социальную физику» (правда, физики не вышло, вышла более или менее научная система демографии). Второй раз Эмиль Дюркгейм подходил к описанию общества как целого через статистику (при анализе самоубийства, аномии). Такие подходы, существуя и сейчас, остаются важными для социологии, прямо или косвенно входя в весь «корпус» знаний об обществе.

Есть, однако, и более тесная связь проблематики, задач, методов социологических и демографических, есть точки, где они либо соприкасаются, либо как бы продолжают одна другую.

Например, известно, что наиболее результативным средством получения сведений о населении считается перепись – одно из самых крупных мероприятий государственного учета. Последняя перепись проводилась у нас в 1959 г., следующая предполагается на 1970 г. А поскольку перепись строится на опросе населения, то проводится методами, которые практически не отличаются от методов работы эмпирической социологии. Учет всего движения населения ведется в милиции, загсах и других органах, учет по документам, следовательно, как будто бы строгий. Между тем перепись проводится по опросу, без всяких документов. Многие, видимо, помнят, как проводилась последняя перепись населения в 1959 году. Работа эта строится таким образом, что сначала проводится сплошная перепись всего населения, а затем при помощи выборочной переписи проверяется, насколько правильной была перепись первоначальная. Перепись, проводимая по опросу, без всяких документов, оказывается более точным и более надежным средством анализа движения населения, чем учет, ведущийся по документам. Ошибки здесь тоже не исключены, могут быть и сознательные искажения, но в целом их оказывается меньше, чем путаницы с документами. Иногда выборка делается специально для проверки. Оказывается, если в рамках нескольких городов или районов опросить не всех, а одну четвертую, иногда одну пятую населения, то по этой выборке можно проверять правильность всего опроса.

В серьезной разработке нашей темы есть целый ряд пробелов. Один из них состоит в том, что государственный учет недостаточен, а публикации его тем более неполны. Несмотря на ряд решений, принятых в последнее время, в печати

редко встречаются статистические материалы, публикуются они медленно и неполно. Например, данные переписи 1959 года известны читателю далеко не полностью, много интересных проблем не выявлено. Недостаточность публикаций связана не только с организационными недостатками. Существуют еще некоторые предрассудки, влияющие на неполноту публикуемых данных, скажем, из области моральной статистики. (Моральная статистика – это браки, разводы, сюда относятся также преступления, самоубийства и т.д.)

Есть и другая причина – число собственно-социологических разработок, относящихся к проблемам народонаселения, у нас, можно сказать, мизерное.

Только в последние годы был проведен ряд исследований, в которых более детально ставятся вопросы о закономерностях миграции населения, перехода из деревни в город, развития городской жизни. Но, к сожалению, изучена пока очень малая часть таких процессов.

Главное, что интересует нас – это какие вопросы ставятся перед социологией народонаселения, в каких пунктах статистический анализ движения населения как бы переходит или должен переходить в анализ социологический. Статистика, даже самая лучшая, последовательная и откровенная, лишенная всяких предубеждений и предрассудков, все-таки, по-видимому, всего сказать не может по самой природе своего метода анализа материала. Например, определяя связи между разными факторами общественной жизни, статистика принципиально не способна выявить причинные связи, а может выявить только те, которые обычно называются корреляционными. Допустим, выяснится, что большой рост городов соответствует уменьшению числа людей, приходящихся на одну семью. Что является в данном случае причиной, а что следствием, из материалов статистических уяснить невозможно. Или, например, сопоставляют занятость женщин и рождаемость. Оказывается, существует тесная связь этих по-

казателей, проверенная во многих странах. Где причины этой связи? Может быть, какой-то третий фактор влияет на эти два или вообще вопрос о причинах в такой ситуации непроверен?

Это проблемы, к которым неизбежно приводят данные статистики движения народонаселения. Возникает необходимость продолжать анализ. Может ли это сделать социология?

Есть, по-видимому, два способа, при помощи которых можно пойти дальше в выявлении общих закономерностей движения населения. Один путь как бы «вглубь», к анализу микропроцессов. Мы имеем, скажем, какую-то тенденцию в развитии семьи, но почему она действует, не знаем. Социолог же может произвести по определенному плану выборку и выяснить, что заставляет супругов, например, ограничивать число детей, искать ту или иную квартиру, жить отдельно или жить вместе с родителями и т.п. Это социально-психологический метод, который во многих случаях позволяет вскрыть внутреннюю структуру действий отдельных людей или групп, которые приводят потом к большим изменениям. Этот метод оказывается иногда хорошим, иногда – нет. Основная его ограниченность не в том, что люди не все говорят. Социологи давно убедились, что люди далеко не всегда знают мотивы своих поступков, и далеко не всегда то, что они скажут, отражает реальную ситуацию. Видимо, сказывается некоторая внутренняя ограниченность методов опроса, связанного с выяснением мотивов действий. Труднее всего через опрос узнаются именно мотивы.

Можно призвать на помощь иной способ – построить некоторую социологическую схему, попытаться представить себе, что за статистическими показателями кроется тот или иной закон функционирования общества, определяющий движение населения. Это макроподход, который вводит движение населения в более общие рамки законов со-

циальной жизни.

Возьмем несколько фактов, представляющих интерес с точки зрения социологической теории и человеческого существования. Первый факт – рост населения мира.

В 1650 г. на земном шаре жило 545 млн человек, 1800 г. – 900 млн человек. Прошло 250 лет, и население даже не удвоилось. В 1900 г. – 1 608 млн, в 1950 г. – 2 509 млн человек, наконец, в 1965 г. – 3 361 млн человек. Это дает нам основание полагать, что сегодня на Земле, видимо, уже 3 500 млн человек.

Эти данные подтверждают, что сами темпы роста последнего времени как будто бы увеличиваются, причем очень быстро. Процент ежегодного роста составлял в 1800 году всего 0,29%, в 1900 году – 0,64%, в 1950 году – 1,10%, в 1965 году – 2,23%.

Если темп останется приблизительно таким, то население мира к следующему столетию, к 2000 году, составит около 8 миллиардов человек. Если этот рост несколько замедлится (а на то есть основания), то население будет составлять 5–6 миллиардов человек. По самым скромным подсчетам наших демографов – кстати, именно советские демографы в силу ряда причин настаивают на минимальных возможностях в этом отношении – это примерно 4–5 миллиардов человек.

Самое простое, с чем можно такой рост сопоставить, – территория Земли и количество ресурсов. На протяжении многих лет в нашей литературе проблема в этом плане ставилась редко и только как бы в одном падеже: для критики мальтузианцев. Имя Мальтуса известно. В 1798 году он написал «Опыт о законе народонаселения», где утверждал, что население растет быстрее, чем средства существования, оно удваивается каждые двадцать пять лет. В этом Мальтус видел главный источник всех бед человечества и, в частности, причину нищеты, страданий низших классов. Идеи Мальтуса много раз опровергались, и от его расчетов практически дав-

но ничего не осталось. Но проблема роста населения, соотношения его с источниками существования тем не менее остается.

Пока что, по данным ученых, в мире явно недостает продовольствия; если учитывать какие-то терпимые нормы, то, как утверждают наши специалисты, продовольствия хватает только для 2 миллиардов человек. Практически эта проблема «решается» так, что три четверти населения мира голодает, а одна часть имеет продовольствия в достатке.

Конечно, проблема эта в принципе разрешима, потому что современная техника, химикаты и прочие средства позволяют либо распахать новые земли, либо поднять урожайность старых и прокормить, по крайней мере, 8 миллиардов человек на Земле. Но для этого нужны, во-первых, огромные капиталовложения, во-вторых, по-видимому, изменение социального строя во многих государствах, в-третьих, еще ряд условий. Поэтому на нынешний день «в принципе» проблемы нет, но фактически на ближайшие десятки лет она существует, тем более что проблема эта имеет очень существенный географический разрез.

За счет чего происходит бурный рост населения мира? Мир делится на две части по характеру движения населения: к одной части относятся развитые страны, ко второй – развивающиеся или слаборазвитые. Сейчас положение таково, что в развитых странах живет 857 млн человек, в развивающихся странах – 2 504 млн человек.

Хотя законы движения населений связаны с законами социально-экономическими, но прямо от них все же не зависят.

В странах Западной Европы, во всей нашей стране, кроме Средней Азии, Закавказья и некоторых других районов, рост населения замедлился. В странах Азии, Африки, Латинской Америки этот рост ускорился и происходит довольно быстро.

По расчетам, к 1980 г. ситуация будет такова: в развитых

странах – 1 015 млн, в слаборазвитых странах – 3 253 млн. Далее, есть основание полагать, что к концу века, к 2000 г., в странах, которые теперь считаются слаборазвитыми, будет проживать пять шестых населения Земли, в крайнем случае, четыре пятых.

В чем дело? Ведь эта проблема ставит нас перед некоторым чисто социологическим парадоксом: страны, обеспеченные пищей, жильем и т.д., имеют сравнительно невысокий прирост населения, в странах же, не обеспеченных ни тем, ни другим, ни третьим, налицо чрезвычайно быстрые темпы прироста. Если в Европе он ежегодно составляет 10, 8, 5 человек на тысячу, то на Востоке 20,27 и т.д. человек на тысячу жителей.

Почему это происходит? Известно, что прирост населения – это разница между рождаемостью и смертностью. Оба фактора изменяются по-разному. Можно получить высокий прирост либо за счет высокой рождаемости, либо за счет низкой смертности.

В странах, которые близки к нашей по типу движения населения, т.е. в развитых странах, наблюдается такая тенденция: рождаемость падает из года в год, и размер падения довольно устойчив. Ситуация у нас выглядит следующим образом. В 1913 г. рождаемость в городах – 30,2, в деревне – 48,8, в 1964 г. в городах – 17,3, в деревне – 22,1. Разница между городом и деревней есть, но главное не это. Важно то, что произошло существенное уменьшение рождаемости, но вместе с тем произошло и уменьшение смертности; т.к. смертность в нашей стране сейчас составляет около 7 человек на тысячу, мы имеем прирост приблизительно 10–11 человек на тысячу.

Почти такая же картина и в других развитых странах.

В государствах, которые мы условно относим к Востоку, произошли изменения другого типа: там за последний десяток лет очень резко упала смертность, гораздо быстрее, чем

это происходило в Европе и даже у нас. Причина в том, что в последние десятилетия получили распространение некоторые весьма эффективные средства борьбы с эпидемиями, отчасти с детскими болезнями – прививки, антибиотики, сульфамиды. Сразу после Второй мировой войны чуть ли не фантастическое действие оказало распространение ДДТ, вещества, к которому сейчас уже и мухи привыкли, но на первых порах оно действовало очень эффективно. В Индии, Пакистане, на Цейлоне за 1–2 года смогли в полтора-два раза снизить смертность за счет резкого сокращения эпидемий.

Все это конечно, хорошо, но здесь проявляется следующая неравномерность развития. Если в Европе, у нас и в Северной Америке в результате длинного и медленного процесса происходит параллельное снижение и смертности, и рождаемости, а в итоге остается несколько низкий, но реальный прирост населения, то на Востоке наблюдается иное явление – резкое падение уровня смертности. Такое снижение, увы, не столько результат изменения культуры, улучшения уровня жизни, успехов в общем развитии, – к сожалению, все это происходит медленно – сколько результат быстрого распространения прививок и антибиотиков. Смертность снижается резко, а остальные факторы жизни остаются такими же: низкая производительность, скученность населения, высокая рождаемость. (Рождаемость уменьшилась, но незначительно.)

Все более возрастающая диспропорция в численности населения на Востоке и Западе заставила правительства многих стран на Востоке задуматься над тем, нельзя ли принять какие-то меры для регуляции этого процесса.

Если раньше у нас долгое время очень подозрительно относились к рассуждениям на эту тему, то в последнее время в нашей литературе не раз серьезно и внимательно обсуждалось, в какой мере допустимо ставить вопрос об ограничении населения. Речь идет не о том, что люди, семьи, родители

могут в наличных условиях так или иначе воздействовать на количество потомства. В культурных странах такие вопросы обычно решаются легче, чем в странах менее культурных. Но ждать, пока этот процесс достигнет должного уровня повсюду в мире, довольно трудно. Людей нужно кормить. Поэтому ставится вопрос: нельзя ли принять какие-то специальные государственные меры, имея в виду широкую пропаганду и выпуск разного рода медицинских средств и т.д.

В этом нет ничего удивительного и ненормального. Удивительными и ненормальными были бы только принудительные ограничения роста тех или других категорий населения, это было бы чем-то вроде реакционного мальтузианства или фашистских мер по истреблению «неполноценного населения». Такие меры, разумеется, ни наука, ни прогрессивное движение принять не могут. Все прочие допустимы. Но беда в том, что они не очень эффективны, потому что и государственная пропаганда, и пропаганда различных медицинских средств наталкиваются на очень сильное и определенным образом направленное общественное мнение. Если на Западе, где рождаемость и так достаточно низкая, противозачаточные пилюли вызывают чуть ли не целую революцию в нравах и семейной жизни (так утверждает печать), то на перенаселенном Востоке они встречают сильнейшее сопротивление, связанное с традициями и привычками населения, его культурой. Проблема государственной политики, статистически регистрируемая, упирается в одну из самых серьезных для социологического анализа проблем – характер культуры общества, направленность обычаев, привычек, предрассудков, убеждений. Мы мало знаем о культуре, еще меньше знаем, каким образом ее можно расшатать. Это один из моментов, который демографию приводит к социологии.

Возьмем более близкую нам проблему: движение рождаемости, смертности и прирост населения в нашей стране. Я беру общие данные, без различия города и села. В 1913 г.

рождаемость – 47 на тысячу, смертность – 30, прирост – 17; в 1939 г. – соответственно – 36, 17 и 19; в 1985 г. – 18, 7, 11. Как видим, все цифры идут вниз, причем за последние годы снижение довольно резкое. В 1963 г. – 14 промилле, в 1964 г. – 13, в 1965 г. – 11 и т.д.

Это явление вызывает тревогу у экономистов, плановиков. Есть некоторые временные факторы, влияющие на такое снижение: в последние несколько лет матерями становятся женщины, родившиеся в период войны, когда прирост населения был мал. Но, видимо, это не все, тем более что за последние годы прирост стойко снижается. Если предположить, что средний возраст вступления в брак женщин 20–23 года, то «пик» как будто бы пройден, а рост населения меньше, чем был. Это влияет и на экономические прогнозы, и на ряд других событий.

Если смертность падает, если снижается рождаемость, то изменяется возрастная структура населения, причем изменяется следующим образом: становится меньше детей и больше стариков, на сто человек населения приходится больше людей старшего возраста и меньше – младшего.

У меня, к сожалению, нет данных по нашей стране, и я приведу для сравнения некоторые данные по другим странам, чтобы показать, какова тенденция процесса. В стране, которая принадлежит к слаборазвитым и имеет очень быстрый темп роста населения, Коста-Рике, картина следующая: на 100 человек взрослых от 20 до 58 лет приходится детей менее 15 лет – 126, подростков от 15 до 19 лет – 25 и людей старше 60 лет – 14. Пожилых людей довольно мало. Если взять страну с малым уровнем прироста населения – Францию, то здесь на 100 человек активного населения в возрасте от 20 до 53 лет приходится детей – 50, подростков – 15, пожилых и стариков – 36. Если тенденция будет соблюдаться (это в некоторой степени относится и к нам), т.е. будут падать прирост и смертность, люди будут жить дольше, пожи-

лых и старых будет становиться все больше и больше.

Существует такой расчет: у нас средняя продолжительность жизни людей, которые сейчас рождаются, для мужчин – 69 лет, для женщин – 73 года (в круглых цифрах). Утверждают, что эти цифры близки к «потолку» нынешних возможностей. Если в большей степени устранить эпидемические болезни, несчастные случаи и т.д., то можно поднять «потолок» до 83 лет. Но тогда на 100 человек работающих окажется 60 человек старше 60 лет.

Между прочим, есть в мире страна, в которой такая модель «старого» населения существует почти в реальности. Тут, правда, процессы сложились несколько искусственным путем – путем воздействия весьма сложных и очень тяжелых для этой страны и всего мира причин международного порядка: речь идет о ГДР. ГДР самая «пенсионная» страна в мире, с самой «старой» структурой населения. Произошло это не только потому, что в ГДР хорошее здравоохранение и обеспечена высокая продолжительность жизни. Там прежде всего действуют причины другого порядка: война, открытая граница привели к тому, что людей активного возраста в стране осталось сравнительно мало. Это источник многих больших проблем.

Далее, постоянное снижение смертности ставит и другие проблемы. Как быть, например, с наследственными болезнями? Если раньше действовал естественный отбор, отсекавший слабых и больных, то сейчас этого нет. С болезнями инфекционными мы боремся достаточно хорошо, а заболевания сердечно-сосудистой системы и наследственные оказываются более сильными. Но здесь мы сталкиваемся уже не только с проблемами здравоохранения, но и с вопросами морали, человеческих отношений, ценности человеческой жизни для общества. Было время, когда таких проблем не существовало, потому что решение было простым: то, что нужно для общества, должно быть, того, что не нужно, не должно быть.

Платон, вероятно, одним из первых писал, что население надо строго ограничивать, чтобы число свободных людей было минимальным. Для этого не нужно допускать незаконных рождений, а уродов и вообще нежелательных детей надо убивать. Мы довольно далеко ушли от таких решений, хотя фашизм, например, применял подобные же методы, с точки зрения его идеологии и устройства не являвшиеся ненормальными.

Теперь пора поставить вопрос: почему падают и рождаемость, и смертность, и прирост населения? И правомерно ли само это почему?

Заранее следует сказать, что применительно к огромному большинству социальных процессов, с которыми мы сталкиваемся, вопрос «почему» не является правомерным. На него можно дать ответ тогда, когда мы имеем дело с движением бильярдных шаров, из которых один ударил, а другой покати́лся. Но уже тогда, когда мы от теоретической механики переходим к физике, имеющей дело с реальным движением частиц, ответить на него труднее. Еще труднее ответить на вопрос «почему», если он относится к обществу, т.к. любое явление, с которым мы сталкиваемся здесь, имеет огромное количество взаимосвязей с другими.

Существует самое простое предположение: не связаны ли демографические изменения с явлениями социально-экономического порядка, не является ли уменьшение числа детей результатом экономических трудностей, классового гнета, войн?

Это, хотя и кажется иногда очевидным, не верно. И мировая, и наша статистика за последнее время показали, что зависимость между уровнем жизни и характером воспроизводства населения – не прямая, а косвенная, скорее даже обратная. Больше всего детей и выше численность семьи не у тех классов и не в тех странах, где обеспеченность высокая, а наоборот, в тех странах и у тех слоев населения, где обеспе-

ченность жильем, питанием, одеждой и проч. низкая. Это давно известный в литературе парадокс, который возникает, когда мы представляем себе, что можно непосредственно переносить на движение населения закономерности социально-экономического порядка.

Вот несколько данных по нашей стране. По опросу в г. Горьком на 100 матерей, имеющих неполное среднее образование, приходится 155 детей, при среднем образовании – 118, при высшем образовании – 100 детей. Получается такая картина: чем выше образование матери, тем меньше у нее детей. Кстати, если на 100 матерей приходится 100 детей, это значит, что воспроизводство не обеспечивается – ведь родителей двое. Это тот знаменитый показатель, о котором я уже говорил: интеллигенция и вообще люди умственного труда сами себя биологически не воспроизводят.

Таким образом, мы видим не прямую, а как бы совершенно обратную связь и с материальными, и с культурными условиями. (Здесь нет данных о доходах, но можно предположить, что уровень образования в большей или меньшей степени соответствует квалификации, сложности труда, оплате труда, уровню жизни и т.д.)

Эта закономерность подтверждена самыми разными данными. Например, у нас по более широкой выборке, которую производили в ЦСУ, изучая семьи служащих, рабочих и колхозников с точки зрения рождаемости, получается следующее: более 4-х детей имеют 9% колхозных семей, 3% рабочих и только 1% служащих; трое детей – 19% колхозников, 12% рабочих и 8% служащих и т.д.

Почему же люди, живущие лучше, имеют меньшее число детей? По-видимому, переменной, определяющей характер этой зависимости, является та же культура, или, точнее, культурность соответствующих слоев и групп. Дело в том, что чем выше образование или чем ближе уровень жизни к городскому, тем выше запросы. И, наоборот, если уровень

жизни ниже, квартирные и прочие условия хуже, то и требования тоже ниже. Приведу условный пример. Вы прекрасно знаете, что в старой деревне, в нищей, грязной и тесной избе копошащиеся на полу дети были явлением обычным, жизненной нормой, не вызывавшей особого удивления. Это могло происходить при сравнительно низких требованиях к культуре. А в семье современной, городской, культурной ребенок без присмотра, за которым нет специального ухода, – нетерпимое явление.

Здесь мы приходим к одной из самых важных в социологическом анализе переменных – к характеру культуры. Характер культуры изменяется медленно, но, изменившись, дает очень много последствий, определяет движение вкусов, интересов, запросов людей, в том числе и в семейной жизни, оказывает очень существенное влияние на естественное движение населения.

Поскольку мы начали говорить о семье, рассмотрим еще некоторые факты. Существует тенденция уменьшения семьи, т.е. уменьшения числа ее членов. У нас сейчас в среднем по стране на семью приходится 3,7 человека, а по переписи 1939 г. было 4,1 человека на семью. В рамках страны это уменьшение довольно существенно. При этом в городе – 3,5, а в деревне – 3,9.

За этим уменьшением семьи, видимо, кроется присущее определенной стадии развития общества движение к так называемой «ядерной», или «нуклеарной» семье. Под ядерной семьей демографы понимают минимально возможную семью, т.е. родительская пара и ребенок. В такой семье отсутствует старшее поколение, братья, сестры, тетушки и т.д. Характерная для деревенского образа жизни большая семья со многими поколениями и косвенными родственниками сейчас уменьшилась и в деревне. А для нынешней городской семьи показательно стремление отделиться от других поколений. Предел, к которому стремится ее развитие, – семья из 3-х че-

ловек. Но такая семья себя не воспроизводит.

Принцип так называемой ядерной семьи наглядно виден тогда, когда мы сравниваем ситуацию нынешнюю с прошлой, общество сегодняшнее с дореволюционным или с Востоком. В Индии городская семья насчитывает 4 человека, сельская – 59 человек. Нетрудно представить, что сельская семья в условиях пережитков общинной жизни – это не совсем семья, а что-то среднее между семьей и родом. У нас подобные явления существуют, например, в Закавказье. В праздничных или траурных случаях сельская патриархальная семья собирается вместе. В городской жизни такого почти не бывает, и это закономерность, о которой следует поговорить особо.

Одна из самых сложных и серьезных проблем движения населения связана с соотношением числа полов. Еще Кетле в «Социальной физике» задумывался: почему в условиях войны мальчики рождаются чаще девочек? Как будто бы с тех пор статистика этот факт не опровергла. Кетле придумал фантастическое объяснение в духе своей теории и того времени: так как общество – это нечто вроде единого организма, который стремится сохранить свою целостность и нормальные условия для развития, то оно пытается восполнить убыль мужчин, являющуюся результатом войны. Примерно так звучат его рассуждения. Рассуждения, конечно, нелепые, потому что у нас нет ни малейших оснований думать, что общество как совокупность населения знает, чем грозит ему недостаток мужчин в будущем, и может как-то воздействовать на регуляцию. Но объяснить эти явления, насколько мне известно, до сих пор всерьез не сумели. Различные ссылки на характер питания и прочие причины не были успешны.

Обсуждать сейчас этот вопрос мы не будем. Отметим просто, что регулятор соотношения полов – один из самых стойких регуляторов, разработанных природой. Как известно, если бы действовал только этот регулятор, то характер

человеческой жизни во многом был бы проще, чем сейчас. В 1900 году, когда люди не умели воздействовать на чужую и собственную судьбу так, как сегодня, схема соотношения лиц разного возраста среди мужчин и женщин имела вид почти равнобедренного треугольника или елочки. Благодаря действию социальных сил, вызванных людьми (главным образом, правда, против их воли и желания), произошли следующие изменения: «елочку» в большинстве стран мира, во-первых, обрезали снизу – это снижение рождаемости, во-вторых, сделали в ней две крупных вмятины – это две мировые войны, которые погубили целые поколения.

Больше всего «елочка» срезана со стороны мужчин. В результате этого создано несколько ненормальное положение, когда среди людей старшего возраста преобладают женщины. У нас в стране женщин сейчас 54%. Этот перевес целиком происходит за счет верхней части «елочки», т.е. за счет возраста старше 30–40 лет. У людей моложе этого возраста в принципе обеспечено равенство полов, что является наиболее удобной ситуацией для развития общества, если бы не некоторые «но».

Первое «но» – это неравномерность размещения населения, которая возникла из-за причин производственного характера и причин географических. С географией мы встречаемся в известной песенке о городах, в которых «незамужние ткачихи составляют большинство». Это характерно, например, для Ивановской области, где раньше, кстати, были не ткачихи, а ткачи. И проблема «гитар» (из той же песенки) стоит довольно серьезно там, где существует резкий перевес женского населения над мужским.

Другой момент неравенства возникает в результате призыва в армию молодежи. Когда Верховный Совет принимал новый военный закон, маршал Гречко, обосновывая изменение призывного возраста, говорил, что оно обеспечивает возвращение 20-летних молодых людей к гражданской жизни,

что более благоприятно для развития семейных отношений. Этот фактор, как видим, тоже учитывается, и естественно, что специалисты, в частности военные, заинтересованы в нормальном росте населения.

Третье «но» состоит в том, что смертность у мальчиков и мужчин больше, чем у девочек и женщин (кроме факторов биологических, говорят¹, что здесь отрицательное воздействие оказывают табак и алкоголь...)

Ряд довольно сложных вопросов для социологии и этики создает проблема браков и разводов. Количество браков в нашей стране в последнее время снижается, а количество разводов растет. Какой-то опасности для общества это, видимо, пока не представляет, но можем ли мы это явление оценивать как хорошее или плохое, полезное или вредное?

Кстати, у нас долгое время не считалось удобным публиковать статистику такого рода, как будто это может нас как-то обидеть и унизить. Между тем вопрос – хорошо это или плохо – с чисто этической точки зрения сложен. Весьма странно, например, «с порога» видеть в подобных данных симптомы отрицательных или неприятных явлений.

Еще сложнее вопрос о социологической точке зрения. Различие, мне кажется, здесь в том, что в задачу этики входит сказать – хорошо или плохо продолжать состоять в браке или расторгнуть его. Словом, речь идет об индивидуальном выборе. С точки зрения социологии задача, по-видимому, состоит в том, чтобы определить социальную норму. Это одна из загадок, которые всегда возникают при анализе социальной статистики: где норма и где патология. Еще Кетле и Дюркгейм пытались указать «нормальную» ситуацию, сказать, допустим, что столько-то рождений или преступлений «нормально», а столько-то ненормально, или что один развод на тысячу браков хорошо, а пять и более плохо. Но где же

¹ См. статью Б.Ц. Урланиса «Берегите мужчин». Литературная газета, 24 июля 1968 г.

мера? Такой меры никто не нашел, и эта проблема была и остается открытой.

По-видимому, вообще критерии нормального и ненормального, которые существуют в биологическом организме, могут быть лишь с некоторой натяжкой перенесены на общество, потому что общество все же не организм, а только некоторое его подобие. Характер единства, функционирования общества во многом отличен от характера единства и функционирования любого биологического организма.

Мы живем в обществе, где существует и юридическая, и во многом реальная свобода брачного выбора, где выбор партнера диктуется взаимными симпатиями, взаимными интересами людей (видимо, из этого вытекает и право на улучшение выбора). Эта ситуация резко отлична от положения в тех обществах, где выбор был очень жестким, заранее детерминированным. В старой деревне девушки не выходили замуж. Их выдавали по сговору родителей. Но и сейчас действует, например, у австралийских аборигенов даже не сговор родителей и не традиция, а очень строгий план соотношения брачных групп, который определяет задолго, на несколько поколений вперед, каков будет брачный союз.

В книге одного путешественника, побывавшего у племен Западной Австралии, описывается ситуация: взрослый австралиец (абориген, местный житель) говорит автору, показывая на маленькую девочку, – «это моя теща». «Как теща? Может быть, тут употреблено не то слово?» «Нет, – говорит австралиец, – это действительно теща». Дело в том, что в их племени получить жену очень трудно, нужно очень долго ждать, нужно, чтобы был выполнен ряд строгих правил, а правила эти заранее определяют, кто кому достанется. Когда эта девочка вырастет, выйдет замуж и родит дочку, то ее дочка должна стать женой этого австралийца. Ему стоило большого труда получить тещу и право через двадцать–тридцать лет на жену.

Иногда полезно вспомнить далекое прошлое, чтобы почувствовать, как мы сейчас свободны в своих действиях.

ЛЕКЦИЯ XV

ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ

В предыдущих лекциях я не имел возможности говорить о таких процессах, как миграция (перемещение) населения. Это одно из очень существенных явлений нашей современной жизни. Миграция идет из деревни в город, из малого города в большой, из Сибири в европейскую часть Союза, в центр, Поволжье или на Северный Кавказ. В работах Т.И. Заславской, В.И. Переведенцева эти тенденции разобраны обстоятельно и серьезно. Один из весьма нежелательных аспектов явления миграции состоит в том, что наибольший отток людей происходит как раз оттуда, куда мы стараемся их переселить: с Целины, из Восточной Сибири.

Возникает вопрос, важно ли всю сумму таких явлений привести к общему социологическому «знаменателю», можно ли найти ось, на которую удалось бы нанизать подобного типа сведения? Видимо, можно, и этим общим знаменателем будет урбанизация.

Урбанизация (от латинского слова «urbs» – город) – это рост городов, распространение городского образа жизни с соответствующим ему типом культуры и связанной с этим типом культуры ценностной ориентации людей.

Можно построить таблицы, которые рисуют связь между падением рождаемости и ростом городского населения. Здесь оказывается нечто вроде пропорциональной зависимости. Такая же зависимость есть между ростом городского населения, ростом числа разводов и увеличением доли женского труда в общественном производстве. Эти процессы оказываются параллельными. Но можно найти параллель и другого типа, например, если брать не городское население, а долю промышленности в экономике страны, т.е. показатель индустриализации.

Возникает вопрос: почему я выбираю урбанизацию, а, например, не индустриализацию, не переход к современному производству, не современную научно-техническую революцию? Дело в том, что урбанизация – процесс наиболее общий, потому что это не только изменение формы занятий людей, не только переход из сельского хозяйства в промышленность, не только изменение характера труда, но и изменение всего образа жизни.

Здесь нужно сделать оговорку: найти самое общее слово, указать некоторый генеральный социальный процесс еще не значит объяснить им все в обществе, так же как нельзя объяснить все, ссылаясь на революцию социальную, техническую или любой другой фактор общественного развития.

В нашей стране в 1813 г. было 18% городского населения, в 1940 г., – 33%, в 1959 г., в период последней переписи, – 48%, в 1966 г. – 54%; сейчас, очевидно, около 55%. Получается, что совсем недавно, примерно в 1961 г. мы перешли грань, когда городское население у нас начало составлять больше половины, попав тем самым в разряд наиболее высоко урбанизированных стран в мире. (В США городское население составляет 70%, в Англии – 78%, в ФРГ – 78%, в Австралии даже 82%. В ГДР и Чехословакии соответственно 73% и 60%).

В 1800 г. в мире было всего 750 городов с населением не менее 5 тысяч, жило в них 3% всего человечества. В 1950 г. таких населенных пунктов стало 27 600, а жило в них уже 30% человечества. Если взять города с населением более 20 тысяч, таких пунктов было всего 200 на весь мир, жило в них 2,4% населения, стало их 5,5 тысячи и живет в них 21% населения. Более крупные центры с населением свыше ста тысяч человек; таких в 1800 году на весь земной шар было всего 45. Жило в них едва ли 1,7% населения. Сейчас их 875 и живет в них 13% населения. Таким образом, более крупные поселения растут быстрее, чем более мелкие.

Особенно быстро этот процесс происходит у нас. За 20 лет, с 1939 г. по 1959 г., городское население увеличилось у нас в два раза: города с населением от 20 до 100 тысяч выросли на 16%, города от 100 до 500 тысяч – на 33%, а города с населением от 500 до 1 500 тысяч – на 49%.

Что получается? Больше всего растут самые большие города. Это означает, что рост имеет тенденцию к аккумуляции, что приводит к дальнейшему разрастанию крупных и крупнейших городов – Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска и др. Большинство городского населения сосредоточено в сравнительно небольшом числе крупных городов. У нас в 71 городе страны живет 38,5% всего городского населения. Эти города, в каждом из которых более четверти миллиона жителей, – главный показатель нашей урбанизации.

Но есть другая сторона этого процесса. В то время как быстрыми темпами развиваются крупные и крупнейшие города, за бортом этого развития остаются многие тысячи так называемых малых городов (малыми городами у нас принято считать города с населением 20 тыс. чел. или меньше). Это небольшие районные города размером с бывший уездный центр, а по украинским масштабам – это большая деревня. В малых городах живет $\frac{1}{4}$ городского населения страны – 29 млн человек. Если в крупных городах возникает проблема перенаселения, избытка промышленности, когда приходится думать, как вывести за пределы города некоторые предприятия, как обеспечить быстроту передвижения на городских трассах и т.д., то для малых городов проблема совсем иная: они почти не имеют перспектив развития. В малых городах из-за нехватки рабочей силы невыгодно строить крупные современные предприятия. К тому же если построить большой завод в маленьком городе, это значит «прицепить» весь город к одному предприятию, что при наших, к сожалению, пока несовершенных путях сообщения еще более усложнит проблему.

В малых городах сейчас есть телевизор, газета, кино, около половины городов имеют водопровод (но большая часть домов не имеет ни водопровода, ни канализации), однако перспективы развития все это не дает.

В нынешних условиях малые города без современной промышленности, транспорта и обслуживания – главный источник неиспользованных трудовых ресурсов. Примерно четверть миллиона людей в таких городах занять нечем.

Существуют более реальные проекты. Известен проект перестройки Суздаля – в нем создается большой туристский центр, и один из наших небольших городов получит возможности для развития. Но так можно решить проблему одного, двух, десяти малых городов, но не десяти тысяч.

Есть проекты строить в малых городах мелкие предприятия, полукустарные мастерские, которые использовали бы труд надомниц (шитье, вязание и т.д.). Но все эти предложения могут быть лишь временным и не очень современным решением вопроса. Видимо, надо подходить к проблеме иначе. Некоторые решения подсказываются самим процессом развития. Происходит ведь не просто рост больших городов, в еще большем масштабе создаются и развиваются так называемые агломерации – совокупности разного типа поселений вокруг больших городов. Большая Москва – не только в границах окружной дороги, а с учетом окрестных городов и поселков – это колоссальная агломерация. В Москве живет 70% населения этой совокупности, а в остальных ее районах – 30%, причем это количество все время растет. За 30 лет – с 1929 по 1959 г. – население Москвы увеличилось в 2,5 раза, а население поселков, расположенных в радиусе 50 км от Москвы, выросло в 8 раз. Подобные агломерации есть вокруг Токио, Киева, Нью-Йорка, Парижа и других городов. В рамках такой единой структуры малые и средние города получают возможность существовать. Из этих городов люди ездят работать и учиться в центр, в них расположены ремонтные и

бытовые предприятия, которые занимаются обслуживанием центра. 40% городского населения мира живет именно в таких агломерациях, а точнее, в 40 крупных городах с пригородами, в каждом из которых больше 400 тыс. жителей.

Таковы почти все данные об урбанизации, приводящиеся в мировой литературе. Ограниченность их в том, что они предполагают подход к городу с точки зрения административной или административно-архитектурной. Между тем проблема урбанизации – это не только проблема городов, а проблема образа жизни. И если измерять урбанизацию, видимо, надо учитывать прежде всего изменения в образе жизни, а это явление довольно сложное.

Понимаемая так урбанизация может быть и в деревне, и в поселке, и даже на отдельном хуторе. Она охватывает все общество. Что же означают эти изменения в образе жизни?

Речь идет об определенных изменениях в характере производства, быта, общения, интересов, запросов, в способах удовлетворения этих интересов и запросов людей. Если речь идет об изменениях, возникает вопрос: по сравнению с чем? Видимо, по сравнению с теми способами жизни, которые были до развития урбанизации, такой образ жизни можно условно назвать «сельским». Это то, чем была наша страна лет 100 назад, из чего она начала выходить 80 лет назад и, добавим, из чего она до сих пор еще не совсем вышла – не только потому, что в деревне у нас живет 45% населения, но и потому, что традиционный, «сельский» образ жизни в целом проявляется в обществе в большей мере, чем это соответствовало бы нынешнему уровню нашего индустриального развития и культурных запросов.

Можно выделить некоторые главные показатели изменений, связанных с урбанизацией.

Во-первых, концентрация населения и концентрация деятельности людей на сравнительно ограниченных участках территории. Это важный признак всякого городского образа

жизни, но он недостаточен. Были довольно крупные города еще в древности и крупные поселения в период первой промышленной революции в Англии, но им было далеко до масштабов современной урбанизации.

Во-вторых, расчленение характера человеческой деятельности. Эта черта для нас более важна потому, что ведет к проблемам строго социальным. Это расчленение можно рассматривать в трех планах: функциональном, временном и пространственном.

В традиционном сельском образе жизни производство и быт, производство и обслуживание, общественное хозяйство и домашнее хозяйство очень мало отделены друг от друга. Если брать не нынешнюю деревню – продукт перестройки и конгломерат разных культур, а деревню столетней давности, известную нам по литературе, то в ней не были отделены друг от друга разные сферы жизни, не существовало расчленения на производство и усвоение культуры, потому что культура, необходимое образование, необходимые сведения для работы приобретались прежде всего в самом ходе производства, где молодежь усваивала традицию отцов. Не характерно было для традиционного сельского образа жизни расчленение типов человеческой деятельности ни по их функциям, ни во времени. Не существовало и пространственного расчленения этих видов деятельности.

А в городе все эти элементы выступают отдельно, существуют особые области деятельности: общественное производство, домашнее хозяйство, передвижение из дома на работу, учеба, развлечения и т.д. Получается, что человеческая деятельность разделена массой перегородок.

Возьмем, например, расчленение деятельности во времени. В городском образе жизни время труда, быта, транспорта отделено друг от друга, здесь впервые появляется категория так называемого свободного времени – трудно уловимая, особенно когда выясняют, от чего и для чего оно свободно;

тем не менее впервые этот феномен появляется в городе. После конца рабочего дня можно быть более или менее свободным, т.е. выбрать способ деятельности. В условиях сельского образа жизни нет ни выбора, ни времени для его осуществления. Сейчас наблюдается заметное влияние на деревню городских привычек (причем влияние этих привычек, стандартов на умы людей опережает их проникновение в жизнь деревни). Людей привлекает городская культура, но в немалой степени и представление о том, что в городе после окончания рабочего дня можно повесить на крючок рабочий костюм и надеть белую рубашку. Это сейчас сильнейший стимул, «выталкивающий» людей из деревни.

Проблема пространственного расчленения деятельности заключается в том, что работа зачастую находится на одном конце города, жилье на другом, театр на третьем и т.д. Соединяет их транспорт, а значит, возникает проблема асфальта, общественного и индивидуального транспорта и т.д. – все то, чего в сельском образе жизни не знали, но без чего город не может обойтись.

Следующий элемент городского образа жизни состоит в определенном развитии форм общения, точнее, в раздвоении форм общения в городе. Что это значит? В традиционном типе жизни эти формы общения традиционные и личные, люди общаются друг с другом, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, способы их общения заданы и привычны.

В условиях города происходит раздвоение, резко выраженное выделение двух существенно разных типов общения – формального и неформального.

Формальное общение – это сфера жизни, где действуют заранее фиксированные правила: правила уличного движения, поведения на предприятии или другие специально разработанные инструкции.

Неформальные отношения – это отношения людей по ин-

тересам, без специальной регламентации (например, товарищеские). Раньше традиционная семья существовала в общих рамках традиций данной деревни, племени и т.д. В городе же получается, что семья – это, с одной стороны, юридические отношения, с другой – личные.

Область неформальных отношений в городе сравнительно невелика. После работы, где они находятся в условиях большого и организованного коллектива, люди оказываются в сравнительно малом кругу семьи, близких.

Ленинградские социологи провели исследование, в котором опрашиваемым были заданы такие вопросы: «Сколько человек вы знаете из жильцов вашего дома; скольких вы знаете по имени и отчеству? о ком знаете, где он работает; кого знаете только в лицо». Оказалось, что обычно каждый знает 8–10 соседей в лицо, имя или фамилия соседа известны гораздо меньше. А о месте работы друг друга знает совсем небольшое количество соседей. Это полная противоположность старому, сельскому образу жизни, где люди живут соседскими коллективами, все зная друг о друге. В городе же можно годами не знать, кто живет с вами на одной лестничной площадке, в этом просто нет необходимости.

Результатом разрушения традиционных соседских и прочих связей является распадение всей системы социального контроля на формальную и неформальную: с одной стороны суд, милиция и т.д., с другой – контроль, осуществляемый, например, в семье. (Кстати, за пределами обеих систем часто остается «улица» с ее проблемами.)

Города – не только центры науки, но и центры сосредоточения преступности. Три четверти рецидивных преступлений совершается в городах. Проституция, наркомания – все это, прежде всего, бывает в городах, где распались старые традиционные связи, а существующие сейчас неполны. Одна из самых тяжелых социальных болезней городского образа жизни (глубоко, правда, проникшая и в деревню) – пьянство.

Конечно, с этим можно бороться, но это вопрос особый.

Характерная черта урбанизированного образа жизни – возможность выбора времени, занятий, форм общения и т.д. Всего этого в сельском образе жизни нет. Человек, родившийся в деревне (напоминаю, речь идет не о нашей нынешней, а о традиционной деревне), будет и работать в деревне, человек, родившийся пахарем, так и останется пахарем. В городе же человек может выбирать профессию, может после рабочего дня распорядиться своим свободным временем. Существует у горожанина выбор и в формах общения. Он может завязывать знакомства с разными людьми в кино, театре или парке, а может и остаться дома. Такой выбор ограничен при сельском образе жизни, а в старом селе его вообще не существовало. Кстати, эта проблема является весьма важной, когда мы говорим о влиянии урбанизации на все общество. Город привлекателен для современной деревни тем, что в нем есть возможности выбора. О преимуществах городской жизни сейчас достаточно хорошо известно. Но тяга к городскому образу жизни гораздо выше, чем реальные возможности его распространения. Поэтому молодежь из деревни уходит в города, и эта тенденция сейчас очень сильна. Манят не сами по себе материальные блага, а способ пользования ими, привлекает отделение быта от производства, неофициального общения от официального.

Теперь еще раз вспомним сложное положение малых городов, которые не ушли окончательно от традиционных форм жизни и не пришли еще к формам жизни большого города. В них нет ни выбора, ни многообразия форм общения и форм деятельности. Эти показатели, характеризующие городской образ жизни, связаны с концентрацией населения на какой-то территории, но для социологического анализа они более важны, потому что раскрывают смысл самой этой концентрации.

Несколько слов о судьбах самой урбанизации. Этот во-

прос имеет, очевидно, и практическую сторону. Дело в том, что города не просто развиваются. Мы их проектируем и строим, причем проектируем на многие годы вперед. Предприятия можно перестраивать лет через 10 или быстрее в зависимости от темпов научной революции, можно менять систему преподавания, издавать новые книги, даже переучивать людей. Но, как показывает практика, целиком перестраивать города очень трудно, и то, что иногда строится на время, стоит очень долго. Сейчас на улицах многих городов можно видеть временки первой пятилетки, которые стоят до сих пор, хотя их строили на два-три года.

Поэтому возникает серьезная проблема – на сколько десятилетий вперед можно проектировать города? У нас очень часто смешивается желание изучить тенденции развития с попытками навязать некоторые типы городской утопии, идеального образа жизни.

Долгое время в развитии нашей науки о городах эта утопия задавала тон. Думали, что пройдет год, пять, десять – и удастся целиком перестроить мир так, чтобы ничего от старого образа жизни не осталось. Примерно в 1929 году наши социологи и архитекторы совершенно серьезно вели дискуссию по вопросу: нужно ли разделять промышленные предприятия и жилые районы зеленой зоной, чтобы она поглощала газы, пыль, шум и т.д.? Сейчас это для нас вещи само собой разумеющиеся. Но в те годы многие авторитеты утверждали, что это бессмысленное занятие, паллиатив, полумеры, свойственные буржуазной цивилизации, потому что там предприятия вредные, дымящие, шумные, а у нас должны быть социалистические предприятия, которые не будут дымить, грохотать, и именно их нужно строить. Вряд ли стоит сегодня критиковать такие взгляды, но они, видимо, отражали действительные умонастроения людей.

В течение длительного времени у нас господствовало представление о том, что нужно придумать более целесооб-

разный способ расселения людей, но что такое «целесообразный», было неясно. Известно, что до недавнего времени у нас строили преимущественно коммунальные квартиры. Кроме жилищной нищеты и бедности ресурсов было и еще одно, «идейное», обоснование: нужно воспитывать в людях коллективизм. Что из этого вышло, все знают. Принудительно коллективная соседская жизнь не приостановила процесса уменьшения семьи и уменьшения роли неформального общения в городе. Круг знакомых неизбежно уменьшается, семья уменьшается, несмотря на то что по ряду причин людям приходилось жить довольно многочисленными группами.

В последние годы, когда мы стали задумываться над путями нашего строительства и критиковать нелепую помпезность 40–50-х годов, возник вопрос: нельзя ли создать «дома нового быта», которые предопределили бы некоторый более высокий тип жизни? По этому поводу было высказано несколько предложений. Одно из них исходило от академика С.Г. Струмилина, лет восемь назад опубликовавшего статью «Рабочий быт и коммунизм», в которой он доказывал, что мы не можем строить дома, исходя только из нынешней семьи и нынешних форм общения, надо предусматривать и коллективное воспитание детей, и коллективный отдых.

Недавно группой архитекторов был выдвинут проект «домов нового быта» для передовиков, ударников труда. Будущих жильцов предполагалось выбирать из людей, выдающихся по своим моральным и производственным показателям. Можно представить себе, что подобные дома могли бы стать образцом будущего. Но что это за образцы будущего, которые приходится ограждать, чтобы туда не попали другие люди, не передовики? Конечно, этот проект оказался под сомнением¹.

Недавно группа молодых архитекторов, социологов, инженеров предложила радикальный проект: ликвидировать

¹ См. дискуссию в «Литературной газете», январь – февраль 1969 г.

города, расселив население по-новому, сравнительно небольшими общинами, в центре которых были бы университет, орган научного управления, дальше – кварталы, где люди работают, потом кварталы, где они отдыхают, где живут. Все это должно смыкаться с зеленой зоной. Проект получил название НЭР (новый элемент расселения). Недостаток его, как мне кажется, состоит в том, что он не учитывает некоторых существенных факторов, которые не позволяют людям жить только в малых элементах расселения.

Сейчас ясно, что проектировать будущее городов на основе примитивных планов вряд ли возможно. Дело не просто в строительстве городов, дело в процессе урбанизации, охватившем всю страну и выражающемся в том, что вокруг городов возникают агломерации из малых городов и поселков, развиваются пути сообщения, транспорт.

Некоторые страны Западной Европы и США дают образец того, как урбанизация может захватить и сельские районы, которые становятся сравнительно малочисленными. Людей, занимающихся сельским хозяйством, немного, а расчленение быта, отдыха и труда распространяется на малые поселки, в том числе фермерские и т.д. Происходит это потому, что существуют магазины, станции обслуживания, транспорт. При наличии обыкновенного автомобиля и хорошей дороги можно из любой точки Московской области через час-полтора попасть в центр города, это возможно и в любой области Союза (кроме Сибири). Конечно, нам еще нужно пройти некоторый путь, чтобы достичь определенных успехов в этой области, но они совершенно реальны на нынешней стадии социалистического развития.

ЛЕКЦИЯ XVI

ОБЩЕСТВО И НАУКА

На прошлой лекции мы говорили, что процесс урбанизации предполагает расчленение человеческой деятельности на различные функциональные элементы. Тема сегодняшней лекции – одно из этих расчленений, играющих сейчас все более важную роль: производство – наука.

С конца прошлого века наблюдается совершенно очевидная (указанная Марксом в «Капитале») тенденция выделения науки из производства и превращения ее в самостоятельный фактор, в самостоятельную производительную силу. Более того, научная деятельность имеет тенденцию быть самостоятельной социальной силой, особой сферой разделения труда в обществе, очень сложно и противоречиво влияющей на все остальное.

Надо сказать также еще об одном расчленении: производство – управление (или организация). Выделение из производства функции управления и функции науки, разделение науки на массу подразделений (планирование, методология самой науки, организация науки и т.д.) занимает все большее и большее число сил, средств, возможностей общества. Выделение организации в отдельную функцию тоже в какой-то степени связано с обособлением науки.

Под наукой нельзя понимать всякое знание. Знание может быть практическим. Знание, хранящееся в виде обычаев, традиций, привычек, – очень важная часть человеческого знания, но в данном случае оно не только неотделимо от действия, но и очень мало отделено от норм, ценностей, других частей культуры, неотделимо от человека. Такое знание нельзя считать научным.

Наука – знание объективированное, т.е. знание внешнее по отношению к человеку, его нуждам, желаниям, потребно-

стям; это некоторая «вещь», которой человек может оперировать.

Наука предполагает отделение знания от непосредственного процесса производства, отделение его от нормативной, или иначе от идеологической стороны, т.е. некоторую беспристрастность, объективность, направленность на предмет изучения.

До появления современной науки, т.е. примерно до XIX в., в обществе действовали рядом два разных типа знаний:

1) наука как «любознание», как сфера занятия очень узкой группы людей, значимого, может быть, для философии или для отдельных областей типа мореходства;

2) другая и большая часть знания выступала в практической форме, в форме производственных навыков или культурных элементов типа обычаев и т.д.

С прошлого века, – что, видимо, явилось результатом первого промышленного переворота и развития индустрии, – наука выделяется; при этом «любопытное» знание все более спускается на практический уровень; практическое же знание выделяется из производства и превращается в науку как особую сферу общественной жизни, науку социально значимую.

С этим превращением связаны очень многие изменения в общественной жизни и сознании. Поставим следующий вопрос: в какой степени люди стали умнее после того, как наука выделилась, стала играть особую роль и занимать особое место в обществе? Ум как отдельного человека, так, наверное, и общества можно мерить, в частности, тем, сколько «вмещается» в голову, иначе говоря, объемом знаний, которые может удержать индивидуальная или социальная память. Очевидно, что память общества и в принципе память отдельного человека сейчас неизмеримо больше, чем сто, пятьсот, пять тысяч лет назад, больше потому, что большее разнообра-

разие сведений можно удержать, большее разнообразие принципов деятельности человека и общества можно теоретически изобразить и т.д. За счет увеличения самого по себе объема памяти? Относительно общества это еще можно утверждать, потому что можно, например, ставить на полки новые книги, правда, их все меньше успевают читать. Рабочий, реальный объем общественной памяти тоже, по видимому, имеет свои границы. Что касается памяти человеческой, памяти отдельного индивида, то она имеет совершенно определенные рамки, и ее объем вряд ли увеличился.

Что же в таком случае изменилось? Совершенно явно изменилась форма хранения «социальной информации», изменилась благодаря тому, что произошел переход от практических знаний к знаниям, имеющим предметную форму, с которыми человек может обращаться, как с вещами. До тех пор, пока человек хранил и передавал из поколения в поколение знания в практической форме, требовались огромные усилия, чтобы запомнить правила поведения, обращения с орудиями труда, – это требовало практически всей жизни человека. Иными словами, информация хранилась в виде целостных, громоздких, нерасчлененных кусков, ее приходилось брать целиком и упаковывать в весьма ограниченный во времени и пространстве объем. Разумеется, вмещалось не так много и получалась очень неподвижная форма хранения, потому что информацию можно было использовать лишь в том порядке, в каком она пришла – целостными кусками. Этот малоэффективный способ хранения информации условно можно назвать «традиционным». Здесь новшества были не только не полезны, но и опасны, потому что все могло разрушиться, если вынут один камень из этой структуры.

Современные знания, которые «упаковывает» наука, сложены иначе: они расчленены на составные части, которыми человек может оперировать. Благодаря этому не нужно хранить знания вместе с действием, можно держать знания от-

дельно и эффективно их «упаковывать». Можно отдельно хранить и использовать поверхностные сведения и принципы науки. Математик не запоминает все, что подсчитано до него, это бессмысленная затея, он знает принципы математических действий, умеет ими пользоваться, и в итоге, не перегружая голову всякими сведениями, получает нужные ему практические результаты.

Есть и другие возможности. Если, например, нам нужны некоторые поверхностные сведения о том, что такое топологическая алгебра, то их можно уложить в голове, не изучая соответствующих принципов. Этот способ легче, и большинство знаний мы так и держим в голове. В современный мир наука вносит этот новый и весьма экономный принцип «упаковки» знаний, рационального хранения социальной информации.

Но дело, конечно, не только в хранении. Центральная задача, как всегда, в человеческой деятельности, состоит не просто в том, чтобы уложить в голове и хранить какую-то информацию, а в том, чтобы с ее помощью действовать, а здесь важен план действия. Раньше план действия существовал в привычной форме вместе с действием. Развитие науки в принципе дает возможность рационально планировать производство и другую деятельность. Имея планы действий, люди могут оперировать с ними, подбирать наиболее выгодный и осуществлять с наибольшей пользой то, чего на предыдущем этапе развития человечества не было.

Нельзя сказать, что этот принцип максимально эффективной «упаковки» знаний и максимальной рационализации плана действий уже реализован.

От принципов перейдем к фактологии. Факты говорят о чрезвычайно быстром росте обособленного, опредмеченного, отделенного от норм, желаний, выраженного в объективной форме знания.

Во-первых, о количестве сил, занятых в науке. В нашей

стране 40 лет назад, в 1928 г. в науке и научном обслуживании было занято 82 тыс. человек, в 1946 году, спустя почти 20 лет, – 362 тыс. человек, в 1966 г., еще спустя 20 лет, – 2 741 тыс. человек. Это примерно 2,3% всей рабочей силы, занятой в стране. Это больше людей, чем у нас работает на железных дорогах, и примерно столько же, сколько в некоторых важнейших отраслях промышленности. (Разумеется, это не значит, что у нас 2,7 млн ученых, общество «лопнуло» бы от такой нагрузки. Это лица, занятые в науке и вокруг нее. Но это доказывает, что наука равна огромной области промышленности.)

Вот данные по США (они не совсем строго сравнимы): в 1800 г. – 1000 чел., работающих в науке, в 1850 г. – 10 тысяч, в 1900 г. – 100 тысяч, в 1950 г. – 1 миллион. Здесь, по-видимому, тоже учтены не только ученые, а и люди, занятые вокруг науки.

Существуют подсчеты роста научных публикаций, количества изобретений. Многие специалисты (в том числе и у нас) утверждают, что существуют количественные закономерности этого роста. Рост науки измеряется или числом научных работников, или числом публикаций, или числом изобретений.

Обнаружен следующий принцип: число ученых в мире, по крайней мере в главных странах, удваивается каждые 10–15 лет; каждые 10 лет, если учитывать всех занятых в науке; каждые 15 лет, если считать специалистов с учеными степенями; каждые 20 лет, если иметь в виду крупных, известных ученых. Так или иначе, какие бы из этих цифр мы ни приняли, движение науки может быть изображено кривой, которая называется экспликатой.

Показателем этой закономерности является так называемый принцип «современности науки». От 80 до 90% всех ученых, которые были когда-либо на земном шаре, живут сейчас, – это результат их количественного роста. Если ве-

речь этим расчетам, хотя они, по-видимому, все же немного искусственны, то «принцип современности» действовал и во времена Исаака Ньютона: видимо, подавляющее большинство ученых были его современниками. И так же было в 1800 г., сто лет спустя и т.д.

Оказывается, бывает полезно подсчитать, на кого, на чьи статьи, на какие журналы ссылаются в научных работах. Обнаружен почти универсальный принцип: в таких очень быстро развивающихся науках, как физика, химия, математика (особенно физика), ссылаются почти исключительно на статьи и книги, опубликованные не раньше двух с половиной лет назад; на опубликованное три года назад уже не ссылаются, это устаревает. Один из пионеров количественного изучения науки (наукометрии) Д. Прайс утверждает, что никто из современных физиков никогда не ссылается на Ньютона, потому что, по их мнению, наука начинается с Эйнштейна. Но если принять эти два с половиной года за период предельной давности, на который ссылаются, то отсюда следует, что никто из ныне живущих ученых в научных работах (кроме мемуаров) на Эйнштейна не ссылается, так как все у него или давно взято и разработано другими, или не удастся разработать, и поэтому опять-таки на это никто не ссылается.

Нас интересует не наукометрия, а социология науки, – не слишком четко очерченная область социологии, которая занимается социальным значением науки и наукой как социальной деятельностью.

Если сейчас в науке у нас и в Америке занято примерно 2,2–2,5% всей рабочей силы страны, то возникает вопрос: что дальше? (Кстати, национального дохода на науку тратится тоже примерно 2–3%).

Академик Семенов считает, что к концу века или чуть позже человечество столкнется с необходимостью расходовать на науку 50% рабочей силы. Может быть, эта цифра завышена. Д. Бернал считает, что достаточно будет 20%, хотя

это цифра тоже колоссальная. Расчленение общественной деятельности на функциональные части ведет к тому, что обслуживание развивается быстрее, чем производство, управление развивается также быстро; наука – в несколько раз быстрее, чем производство.

Фактом, придающим особое значение оценке влияния науки на общество, сейчас является третий промышленный переворот, иногда называемый научно-технической революцией.

Первый промышленный переворот начался в конце XVIII в. и привел к пару и станку, главным образом изменились орудия труда, в некоторой степени – источники энергии. В результате второго промышленного переворота – в конце прошлого и начале нынешнего века – пришло электричество и двигатель внутреннего сгорания, главным образом изменились источники энергии, транспорт, связь, появился автомобиль, телефон и т.д.

Третий переворот, который называют не просто промышленным, а научно-техническим, происходит приблизительно в 40–60-х годах нашего века и закончится ли он в этом веке и чем закончится, не совсем ясно. Наиболее яркий его признак – изменение в характере информационных процессов, процессов управления производством. Эти процессы становятся механизированными, автоматизированными, появляется автоматика, кибернетика и всевозможная роботизация деятельности. Другое его выражение – электроника, атомная энергетика, химия пластмасс и т.д.

От прошлых переворотов в сфере производства нынешний отличается, во-первых, тем, что он не просто промышленный, но и научный, причем наука здесь определяет развитие техники. По своему влиянию на сферы человеческой жизни этот переворот наиболее универсальный, потому что протекает и в сфере быта, и в сфере образования (программированное обучение) и т.д. Нельзя указать, до какой степе-

ни эта революционизация жизни сможет происходить.

Из всех данных о значении научно-технической революции мне кажутся наиболее интересными те, которые раскрывают изменения самой структуры экономического роста.

Вот данные, относящиеся к Америке и характеризующие соотношение источников экономического роста: экстенсивные и интенсивные. Экстенсивные источники роста – это привлечение новых рабочих рук и капитала.

Интенсивные источники – это уровень техники, квалификации работников и организации труда. Наука, видимо, входит во все три показателя.

Каково соотношение этих факторов? В десятилетие с 1899 по 1909 г. соотношение было следующим: 74% роста за счет экстенсивного фактора, 26% – за счет интенсивного фактора. В 1919–1923 г. картина следующая: 55% за счет экстенсивного и 45% за счет интенсивного источника. В пятилетие 1953–1957 г. соответственно 32 и 68%¹.

Итак, рост экономики, развитие общественного производства происходит прежде всего не за счет вовлечения новых людей и новых вложений, а за счет более высокого научного и технического уровня производства. Это явление новое. Из приведенных данных видно, что перелом происходит в США к 1950 году. Очевидно, это соотношение факторов роста будет развиваться дальше в таком же направлении, и это, наверное, один из самых важных показателей всей научно-технической революции.

Вместе с этим в условиях как будто бы фантастического роста науки и ее значения мы встречаем самую резкую критику науки, когда-либо известную в истории человечества. В серьезной литературе о науке масса разочарования, недоверия или просто отчаяния, связанных с наукой и научно-техническим прогрессом. (В дальнейшем для краткости я бу-

¹ См. статью Р. Рихта о научно-технической революции «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1.

ду говорить о науке, поскольку сейчас техника связана с наукой, а наука воплощена в технике, влияет на общество через технику.)

В чем дело? Совершенно очевидно, что колоссальный рост научно-технических достижений человечества не решил тех проблем, которые, как казалось раньше, он мог бы решить. Он не сумел привести к тому, чтобы все стороны жизни были основаны на строгом научном расчете, к тому, о чем мечтали в XVIII в. просветители, а позже – многие русские их ученики, убежденные, что наука сумеет осчастливить человечество. В прошлом веке лучше всего писал об этом Д.И. Писарев. Вы, конечно, знакомы с яркими статьями М. Горького в защиту науки и той роли, которую она призвана сыграть. Эти статьи относятся главным образом к периоду, когда М. Горький в первые годы революции спасал науку от голода. Он мечтал о том, что наука, поднятая передовой интеллигенцией, сумеет осветить все уголки жизни и избавить не только от нищеты, но и темноты, бессмыслицы человеческую жизнь.

Если пользоваться образным языком, можно сказать, что из тех потемок, в которых находилась тогда наша страна, свет этот казался чрезвычайно ярким. Но когда страна, да и весь мир из потемок в большей мере вышел, стало ясно, что факел науки не только горит, но и коптит, а на солнечном свете дает и тень.

Существует проблема науки и войны, проблема науки и человеческих ценностей. При наличии высокого уровня науки и научно-технического прогресса общество и отдельно взятый человек не всегда оказываются на нравственной высоте.

По-видимому, нет ничего легче, как сравнивать современную ситуацию с теми иллюзиями, которые были 50–100 или 200 лет назад, но плодом такого сравнения, конечно, будет глобальное разочарование или наивные призывы: вер-

немся «к человеку», будем развивать не достижения науки, а человеческие ценности, дополним науку искусством и т.д. Но, во-первых, вернуться назад нельзя, во-вторых, если посмотреть внимательно, то прекрасна была не сама ситуация, а иллюзии: из темной пещеры слабый свет кажется ярким. Вернуться в пещеру для того, чтобы свет науки казался более ярким, не только нельзя, но, видимо, и не стоит.

Бесспорно, современный научно-технический прогресс сам по себе не является спасением человечества. Верить в науку, как некое избавление, как новое евангелие, как средство решения всех и всяческих противоречий – бессмысленно. («Универсальное» средство – всегда мнимое, им может быть только мифология, определенная система фантазий, а наука – реальна. Поэтому, строго говоря, нет смысла в разочарованиях и в разоблачении. Разоблачать можно мифы, иллюзии, но не науку, не объективные факты. Их можно критиковать, можно видеть разные стороны воздействия науки. Вспомните возглас одного знаменитого мальчишки: «А король-то голый!» – он разоблачал не короля, а миф о том, что король одет. Мифы разоблачаются постоянно, наука – нет, она предполагает определенную, может быть порой и скучную трезвость мысли, в том числе трезвость мысли в отношении самой науки, ее возможностей, ее последствий.)

Что может дать в ближайшей перспективе научно-технический прогресс? По-видимому, можно будет в принципе накормить, одеть и дать образование всему человечеству, причем это стало достижимым не в каком-либо идеальном утопическом обществе, а в обществах, далеких от идеального, – отчасти при развитии капитализме, а тем более при социализме, также еще далеко от своего завершения.

Многие исследователи утверждают, что нынешняя научно-техническая революция делает необходимостью не только среднее образование всей массы трудящихся, но и постоянный его рост. Учиться сейчас нужно и инженеру не только в

вузе, но и потом, всю жизнь, – и квалифицированному рабочему, и научному сотруднику. Условия для этого в современном обществе почти под руками, потому что рабочее время сокращается, и образование оказывается все более важным, чтобы получить квалифицированную работу (речь идет о тенденции, а не просто о реальном положении вещей).

Что же получается? Кое-что из того, что казалось каким-то очень далеким и утопическим, оказывается близким и более «серым», потребительским. Это приводит к своего рода «потребительской идеологии». Некоторые теоретики капитализма (например, У. Ростоу) считают, что нынешний период развития капитализма, когда он может дать массам плоды индустриального и научно-технического переворота, – это период «массового потребления», это общество, которое всех ориентирует на то, чтобы больше потреблять. В принципе высокоразвитый капитализм может дать телевизор, квартиру, автомобиль почти в каждую семью, избежать голода.

Что происходит с цивилизацией, которая превращается в потребительскую? Недавно был издан в переводе с французского роман Ж. Перека «Вещи» (сначала в «Иностранной литературе», а сейчас отдельной книгой). Во-первых, это первый роман о социологах, во-вторых, он написан социологом, анализирующим жизнь общества, целиком преданного вещам; общества совершенно потребительского и купающегося в этом потреблении,дохнувшего от скуки, выражаясь немного вульгарно. Но такая ситуация совершенно реальна. Это одно – может быть, даже не самое явное для нас и не самое болезненное для большинства людей – из противоречий, которые несет с собой современная цивилизация, построенная на научно-техническом прогрессе. Ничего страшного в принципе нет в том, что мы, поднимаясь на каждую новую стадию, сталкиваемся лицом к лицу с разными противоречиями; лишь в раю все противоречия снимаются, а мы живем на земле. Каждая ступенька имеет свои плюсы и минусы, хотя и

неодинаковые по значению. К минусам «потребительства» мы еще вернемся.

Сейчас же остановимся на «Каиновой печати» науки. Эту «печать» (последствия первого убийства), согласно мифологии, несет человечество. Что касается науки, то на ней она сейчас очень явно проступает: огромная доля прогресса науки в самых глазных ее областях (электроника, ракетная техника, атомная энергетика, химия пластмасс, химия гербицидов и пр.) – побочный продукт науки, служащей гонке вооружений.

Вот несколько цифр, относящихся к финансированию науки в США. Данные, которые я приведу, относятся только к государственному финансированию – это приблизительно 70% всех расходов на науку. Хотя наука в США финансируется также фирмами и университетами.

В 1957 году на науку, на «исследования и разработки», как принято выражаться в Америке, государством тратилось (в округленных цифрах) 4 миллиарда долларов, в 1966 г. – примерно 15 миллиардов. Я уже говорил, что это примерно 2–3% всего национального дохода страны. Куда идут эти средства? На науки биологического цикла (сельское хозяйство и медицина) тратилось 0,3, а сейчас 1,3 миллиарда долларов – рост, но не очень большой; на науки физико-математические тратилось 0,6, сейчас – 3,8 миллиарда долларов; на науки социальные – 0,04, теперь – 0,15 миллиарда долларов. (Обратите внимание на последние цифры. Когда мы говорим о науке и ее росте, то за этими громкими словами скрывается крайняя неравномерность развития знаний в разных областях: некоторые чрезвычайно взлетевшие «престижные» области затемняют в массовом сознании то, что многие другие области прозябают чуть ли не в первобытном состоянии.)

Но нас интересует не эта часть данных, Каинова печать на которой еще мало заметна. Откуда берутся эти деньги, эти 15

или, по другим источникам, 14 миллиардов долларов. Военное ведомство – 7 миллиардов (причем главная часть из них ВВС – 3,5 миллиарда долларов), комиссия по атомной энергии – 1,3 миллиарда, НАСА – космическое агентство – 4,6 миллиарда долларов. Вот она, «печать»!

Отсюда вытекают некоторые последствия, даже, если хотите, социально-психологического порядка. Конечно, легко сказать, что деньги не пахнут. Вообще говоря, если от гонки вооружений можно кое-что получить для нужд человечества, на благо науки, в том числе теоретической и прикладной, то это хорошо: с очень опасных паршивых «овечек» хоть шерсти клок. Но огромная доля расходов на науку сейчас приходится на такие области научного развития, которые ни теперь, ни в обозримом будущем решительно никаких благ человеку и человечеству не обещают.

Из 15 миллиардов долларов около 6 миллиардов – годичный бюджет космических исследований, десятая доля которого тратится на метеорологические спутники – вещи практически полезные. Около 4 миллиардов в год – орбитальные лунные полеты человека.

Получается, что фантастические расходы, которые, может быть, достаточны для того, чтобы накормить всю голодную Индию, идут на дела, которые имеют в настоящее время только престижное значение.

Я уже говорил вам, что человеческое общество, в отличие от муравейника, может жить и для собственной фантазии. Оно само создает себе собственные потребности, в том числе и психологические: кто первым полетит на Луну и кто первым облетит Меркурий. (Ведь соревнование в престиже – очень важная часть мировой борьбы двух систем, пока она проходит мирно.) Разумеется, приятно знать о наших успехах в этой области, у нас не может не быть потребности в этом.

Два года назад академик П.Л. Капица опубликовал в

«Комсомольской правде» данные, которые вызвали большой шум. Дело в том, что количество работников, занятых в науке, у нас в принципе одинаково с США, между тем по целому ряду показателей – публикациям научных трудов и открытиям – мы отстаем. И Капица утверждает – это можно измерить: получается, что у нас «отдача» от людей науки в два раза меньше. Если это верно, то прискорбно и наводит на некоторые размышления о потребностях организации исследования, поощрения творческого поиска и др.

Существует определенное соотношение между количеством ученых и расходами на науку. Оказывается, эти расходы пропорциональны (с каким-то коэффициентом) числу ученых в квадрате, т.е. число ученых растет вдвое, а расходы – вчетверо. Это, видимо, связано с тем, что, во-первых, растут затраты на разное оборудование, на подготовительные работы, и сама по себе наука превращается из занятия немногих умов в некоторую социальную машину, в целую область, где действуют люди самого разного типа и самого разного образования.

У нас из 2,7 млн человек, занятых в науке и научном обслуживании, только 1,5 млн имеет специальное образование (высшее или среднее техническое), примерно половина его не имеет – это обслуживающий персонал. Около 0,1 млн людей, имеющих научные степени, около 0,01 – это люди, сделавшие какие-то открытия и т.д. Наука оказывается огромным «обществом в обществе», имеющим свое разделение труда, иерархию и т.д.

У нас недавно была издана автобиография Норберта Винера «Я – математик»; в эпилоге книги автор, рассуждая о своем жизненном пути, сопоставляет его с путем нынешних ученых. Винер говорит, что он счастлив тем, что вступил в науку вне нынешнего века, что работал один или в узкой компании близких ему по духу друзей, что ему удалось избежать работы в огромных научных корпорациях, где каж-

дый, независимо от его таланта и ранга, является интеллектуальным лакеем корпорации и «вешает номерок в положенное время». Здесь есть некоторое снобистское обострение самой ситуации, и Винер прекрасно знает, что ситуация эта в общем неизбежна. В науке работают корпорациями, коллективами, а, точнее говоря, организациями, и когда мы отмечаем, что кто-то открыл новую элементарную частицу или, допустим, Туполев построил новый самолет, то великолепно знаем, что это открыли или сделали тысячи людей. Мы знаем, что самолет проектируют заводы, институты или комплексы институтов и заводов, доля труда отдельного человека и даже отдельного выдающегося руководителя здесь крайне трудно поддается измерению.

По-видимому, вопрос об эффективности науки – это прежде всего вопрос об организации науки.

Делаются попытки найти закономерности организации научных групп, научных корпораций. (Я избегаю слово «коллектив», потому что практически работает именно корпорация, нечто безличное, вроде института, нечто вроде формальной структуры, очень большой и сложной.) Если нельзя измерить «вдохновение», нельзя, по-видимому, знать, когда появляется открытие, в каких условиях оно наиболее вероятно – скажем, когда в научном институте «демократия», равенство талантов, или когда один талант довлеет остальным, – но можно измерить, как делаются и продаются «рукописи». Ведь большая часть всего, что делается в науке, – это не открытия, а «разработки». По американским данным, $\frac{9}{10}$ доходов от науки – результат приложения науки, т.е. «разработок» практического порядка.

Принципы получения разработок, видимо, не отличаются от принципов работы любой другой эффективной социальной машины. Очевидно, их можно изучать.

Что касается отставания, на которое обращал внимание П.Л. Капица, то есть предположения о том, что у нас не всюю

ду существуют наиболее эффективные формы стимулирования нового в науке. Например, очень развитая у нас форма пожизненного стимулирования путем присуждения званий – ученых и почетных – не всегда является самой эффективной, потому что позиция человека может изменяться, а титул вечен. Денежное вознаграждение действовало бы лучше, потому что оно преходяще, и возникает стимул к новым достижениям.

Для того чтобы поддерживать рост науки, США постоянно приходится брать свежих людей из «свежих» стран, и львиная доля американских достижений сделана руками немцев, французов, англичан, русских эмигрантов, а сейчас китайцев и японцев, несмотря на то что в самой стране колоссальный источник роста сил. Видимо, есть такая закономерность, что наука как бы «подскакивает» в новых условиях. Конечно, это ненормально, но похоже на факт.

Иногда возникает вопрос: если наука и связанные с ней области техники становятся такой громадной по объему силой, то не приведет ли это к власти некоторые новые слои людей? Этот вопрос очень часто ставится. Если исходить из того, что каждый раз наиболее развивающиеся области жизни – в свое время земледелие, потом военное дело, промышленность, торговля – приводили к максимальному влиянию в обществе соответствующего слоя, иногда класса или части класса, – то не происходит ли сейчас что-нибудь подобное? Одна из розовых фантазий человечества состояла в том, что будут править ученые, что правителями станут самые образованные люди. Между тем этого не происходит, и тенденции такой пока не чувствуется. (Насчет будущего оставим вопрос открытым.) Почему? Ведь есть огромная армия людей, которая обладает высокими знаниями, технической культурой. У нас специалистов с высшим и средним специальным образованием работает 13 млн человек. (Интересно отметить, что эта масса людей весьма молода. Вот данные:

32% – до 30 лет, от 30 до 34 лет – 20%, всего 52%, далее от 35 до 39 лет – еще 17%, итого получается 69%, – все это люди моложе 40 лет. Это практически главная сила движения нашей техники, науки, нашего образования и т.д.)

Ничего удивительного нет, потому что общий закон экспоненциального роста науки требует постоянного привлечения молодежи и делает научную область самой молодой из всех областей жизни по сравнению с производством, управлением, наверное, военными делами и т.д. (К этому следует добавить особые условия формирования наших нынешних кадров, большинство из которых получило образование после войны.)

Между тем представление о том, что некоторый особый «класс», возникающий на базе такого процесса, приходит к управлению и к решающему влиянию, не подтвердилось. Почему? Потому, что перед нами не особый класс со своими интересами и своей программой движения общества, а просто образованный слой, который служит тому обществу, где он живет, и интересы его не шире и не дальше интересов этого общества, разве что несколько шире потребительские интересы. Подавляющее большинство квалифицированных специалистов, которые служат в науке, промышленности, в военном деле или в производстве средств массового уничтожения, не выше остального общества, не могут и не хотят куда бы то ни было его вести, никакой организованности собой не представляют. Идея о том, что «философы» будут сидеть на троне, не оправдалась хотя бы потому, что тот, кто сядил на трон, обычно переставал быть «философом».

Вы, очевидно, хорошо знаете, что одно из самых эффективных использований научных сил общества было в Германии в тридцатых годах, когда любым способом, в том числе лагерным, заставляли работать интеллектуальные силы страны, заставляли работать на войну. В предельно рациональной и циничной системе использования людей, которая была

придумана фашизмом, предусматривалось, что даже те научные силы, которые подлежали уничтожению, должны были максимально отработать. Например, в 1944 году появилась директива Гимmlера о том, чтобы ученых-евреев, вывозимых из Венгрии, помещать в специальные лагеря, заставлять работать по специальности и лишь потом умерщвлять.

Мне кажется не очень рациональным употребление термина «интеллигенция» применительно ко всей массе квалифицированных специалистов. Когда этот термин возник, его применяли не просто к людям образованным, но к людям передовым и высоконравственным. Армии интеллектуальных слуг капитала или его бюрократии никогда не представляли и, наверное, не будут представлять самостоятельной передовой силы, куда-то ведущей. Требуется, видимо, иное устройство, иное соотношение областей в человеческой жизни, чтобы интеллектуальные силы могли иметь самостоятельное значение. Для этого, вероятно, они сами должны быть иными. Можно слышать иногда тревожный и разумный голос крупнейших ученых на каких-нибудь Пагоушских конференциях, но он мало что может изменить в современной международной экономической или политической ситуации. Клуб научной элиты мира не имеет «танков» для того, чтобы реализовать свои самые лучшие замыслы.

Слой квалифицированных специалистов очень велик, но это люди, имеющие высокую квалификацию разного типа, причем квалификацию главным образом инженерно-технического порядка. Поэтому, когда возникает реальная задача социального решения, то оказывается, что квалифицированное, профессиональное знание здесь часто может помочь только косвенно. К тому же обстоятельное исследование общественных явлений требует тщательного анализа, специальных исследований, сопоставления вариантов и т.д. – а на все это обычно нет времени, ситуация меняется. А решать нужно. В этих условиях социальные и политические

решения в огромном большинстве принимаются с учетом прошлого опыта, воли, мудрости (или не мудрости) отдельных деятелей, с учетом традиций и норм деятельности соответствующих общественных систем. Строго научный расчет чаще всего играет подсобную роль.

Эта ситуация препятствует осуществлению мечты о «философе на троне» или «ученом у власти». И тип мышления, и тип организации здесь требуется другой. Поэтому сохраняется разделение сферы управления и сферы научного познания (на других причинах этого разделения – исторических, социально-экономических – я сейчас не останавливаюсь).

С этим, кстати, связан и антиинтеллектуализм в американском обществе, которое умеет использовать науку и презирать ученых, – черта, являющаяся результатом «среднемалой» культурности «массового» общества, даже столь развитого².

² См. статью И.С. Кона «Новый мир», № 1, 1968.

ЛЕКЦИЯ XVII

НАУКА И ОБЩЕСТВО

На прошлой лекции речь шла в основном о влиянии общества на науку; сегодня перед нами проблема «обратной связи» – воздействие научного прогресса на жизнь общества.

Конечно, масса его членов становится культурнее, интеллигентнее, и этот процесс оказывает влияние на характер управления. Кроме того, сам процесс управления в обществе становится более рациональным, несколько более технизированным.

Предмет этого процесса, т.е. сама «социальная материя», в силу разных причин как бы упорядочивается. Это «упорядочение» связано с тем, что возрастает плотность социальной жизни не только в смысле плотности населения, но и в смысле плотности событий, их повторяемости, в том, что сейчас все явления в мире оказываются столь тесно связанными во всех пределах земного шара, что выступают звеньями единого процесса.

Это волей-неволей вынуждает обращаться с ними как с упорядоченным целым.

Здесь-то и возникает проблема технизации управления обществом, т.е. все более широкого использования техники, новейших кибернетических средств.

То, что давно происходит в рамках отдельных предприятий, отдельных корпораций, отдельных крупных организаций, неизбежно начинает распространяться на государство и в какой-то мере на межгосударственные отношения. Показательно в этом плане, что все чаще и чаще между человеком и социальной структурой или просто между человеком и человеком возникает машина. Машина-автомат может заменять ту или иную сторону в этом процессе, т.е. одного из участников взаимодействия, человека или социальную структуру

(а, может быть, и обоих).

Вы, конечно, знаете фантазии о царстве роботов, в котором люди превращаются в придатки вычислительных машин. Таких фантазий бесчисленное множество, некоторые из них блестящи. Но все это, разумеется, перспективы более или менее отдаленного будущего, и они непосредственно человечество еще не волнуют. Реальные возможности современных машин-автоматов, современных роботов сравнительно невелики и, наверное, до конца века такими и будут.

Но технизация человеческих отношений существует, хотя и не обязательно в форме полного вытеснения человека, и она очень интересна с принципиальной точки зрения. Возникает вопрос: какой тип общественных, человеческих отношений может быть механизирован или полностью обеспечен автоматами? Очевидно, в котором соответствующие функции стереотипны, очень строго заданы.

На производстве автоматизировать можно только тот процесс, который является шаблонным, стереотипным. Можно механизировать не только процесс изготовления гаек, подшипников или других изделий, но и оплату за проезд в автобусе, маркировку, сортировку писем, процесс взимания налогов и многое другое, и в каждом отдельном случае нетрудно убедиться, что обычно механизмуется то, что и так является «механическим». Если мы заменяем машиной, скажем, человека, занимающегося маркировкой писем, то это можно сделать лишь тогда, когда человек уже раньше исполнял «машинные» обязанности.

Современные кибернетики утверждают, что в принципе любая функция человека может быть заменена машиной и моделирована в машине при одном условии: если эту функцию строго логически можно описать. Но спасение человека в том, что его мышление строго и до конца описать нельзя. Крупный авторитет в области кибернетики У.Р. Эшби считает, что одна из особенностей человека заключается в том, что

он может оперировать со «смутными идеями», что недоступно машине.

Однако эта принципиальная невозможность довести механизацию человеческой жизни «до конца» — утешение слабое. Вопрос состоит в том, до какой степени сами человеческие отношения могут и должны быть стандартизированы?

В последней книге Н. Винера «Творец и робот» говорится: «Можно идти на самые смелые фантазии, никто не может остановить научную мысль в ее попытке изобразить в машине самые сложные, самые творческие способности человека. Но нельзя превращать человека в элемент автоматизации...»

Известна мысль Ленина о том, что социалистическое государство должно работать так же безотказно, так же строго и удобно для всех, как работает почта. Это было написано в десятых годах нашего столетия, но почта и тогда была образцом государственного учреждения, в максимальной степени «механизированного» в социальном смысле; не было машин-автоматов, но была система строго отработанных операций, планомерно выполнявшихся. Поэтому почта была образцом формального механизма, который не зависит от строения и личных качеств работающих, — и это было великим достоинством почты. Мы знаем: бросив письмо в почтовый ящик, можно быть уверенным, что оно дойдет до места назначения независимо от того, насколько образован и умен отдельный почтальон.

Эта модель общественной организации типа почты, а, следовательно, типа социального автомата, объясняет кое-что и в перспективе общественного развития.

Вряд ли можно считать такую «автоматизацию» чем-то дурным. Если существует перспектива шаблонизации, стереотипизации, формализации определенных сфер общественных отношений, это дает возможность человеку действовать в других областях, развивать свои способности и т.д.

Следует отметить еще один момент в проблеме техниза-

ции человеческих отношений: она обнажает саму структуру этих отношений с такой четкостью, которая раньше была недоступна.

В чем тут дело?

До тех пор пока мы имели общество, построенное в значительной степени на личном общении, трудно было оценить, как происходит процесс коммуникации. Но когда между одним человеком и другим появляется телефон – их сношения становятся измеримыми и подлежащими оценке.

Если между человеком и общественной организацией возникает некоторая серия управляющих устройств, которая передает команды, хранит правила, нормы поведения, – это важно не только с точки зрения представлений, что дальше будет с обществом, человечеством, но и для того, чтобы понять, как строились всегда эти связи. Если в прошлом веке, в связи с развитием капитализма и товарного хозяйства, где все продается и покупается, можно было увидеть экономическую сторону социальных отношений, то здесь возникает возможность разглядеть, «пощупать», измерить информационную сторону отношений в обществе.

Второй «узелок», о котором шла речь в прошлой лекции, – стал ли умнее человек?

Недавно в «Литературной газете» обсуждалась проблема создания хорошо разработанной системы интеллектуальных тестов для выяснения, насколько изменились показатели интеллекта у людей за 30–100 лет. Это интересная и важная задача, но в такой постановке: насколько изменился самый умный, – она мало что показывает. В числе многих других добрых и милых иллюзий прошлого оказалось не очень верным представление о том, что все люди гармонично втягиваются в мир рациональной современной действительности, становятся умнее, культурнее во всех отношениях.

Современная ученость и культура разделены на большее число участков, чем современное производство, разделение

труда в науке больше, чем в современной технике, и оно имеет тенденцию расти. Физики давным-давно не понимают друг друга, потому что занимаются разными вопросами во многих подразделениях физики.

И тут возникает проблема – а как же человек обыкновенный, массовидный, не специалист, человек-профан – какова его ситуация в этом сложнейшем мире, если верно, что он не может обладать всеми знаниями?

Только теперь, в последние десятилетия, стала всерьез ясна принципиальная невозможность овладения наукой, культурой во всей ее массе. Каждый может в лучшем случае взять себе маленькую крупицу человеческого знания, а ко всему остальному приобщаться может лишь «понаслышке».

Преобладающее большинство людей приобщается к современным достижениям науки и техники и вообще к современной цивилизации не путем теоретического освоения, а чисто практическим путем, т.е. мы знаем об электричестве не потому, что прошли курс физики, а потому, что горит электрическая лампочка, которую можно включить и выключить. Может быть, через энное количество лет мы будем так же приобщаться к термоядерной технике путем поворачивания какого-то выключателя. Это такие же знания, как знание химии через нейлоновые чулки или электроники через использование электронных счетных машин и т.д.

Это делает возможным и существование «ученых невежд», ученых тупиц, владеющих только каким-то уровнем научных достижений. Наличие современных высот научно-технической цивилизации не исключает и даже как будто бы не противоречит существованию самых отсталых слоев культуры в человеке и обществе.

Другим следствием такой замкнутости (эзотеричности) современного мира науки и культуры является то, что он не допускает туда посторонних. А что делать посторонним, не-специалистам? Им дано практическое овладение, которое

преподносится в готовом, препарированном, «сделанном» виде (лампочка, чулки и пр.).

Но существует и возможность «теоретически» приобщиться к тому, чего мы не знаем. Мы приобщаемся к научному знанию через популяризацию науки. Примерно таким образом происходит в наше время процесс приобщения массового сознания человека и к сферам политики, которая в общем не является сферой всем доступной даже в самом демократическом обществе. Средствами, через которые происходит приобщение «профанов» к тому, чего они не знают, является вся система массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино).

Из этой ситуации вытекают и более сложные идеологические последствия. Наука превращается в предмет некоторого рода мифологии. Возникает и держится в массовом сознании миф о науке как о «спасителе» или «отъявленном враге» человечества.

Почему миф? Мифом иногда называется всякий вздор, выдумка. Это неудачное словоупотребление. Мифом следует назвать такую систему фантастических взглядов, которая удовлетворяет некоторым реальным человеческим потребностям.

При помощи мифа люди иллюзорно решают противоречия: мирят то, что непримиримо, решают то, что неразрешимо, делают вечным то, что преходяще. Эти функции мифа были всегда, когда миф был связан с богами, героями. Но миф оказывается универсальным, и предметом мифа может быть практически все, что угодно, в частности, и наука.

Современный миф о науке имеет два варианта, которые взаимосвязаны: преклонение и проклинание. Мне кажется, что эти варианты неравномерно распределены между разными слоями общества. В массах мы имеем большую степень почтительного отношения к науке. У философствующей элиты растут недоверие и страх перед наукой. Можно сказать,

что здесь роли серьезно изменились за последние десятки лет.

Вспомним, что у Горького в «Детях солнца» ситуация прямо противоположная. Там есть толпа, которая ненавидит научную медицину, готова видеть в ней источник всяких бед, и есть интеллектуальная элита, которая перед этой темной массой почти беспомощна, но которая побеждает верой в науку.

Сейчас роли почти диаметрально поменялись. Сейчас налицо масса, готовая верить в науку, и интеллектуальная элита, часть которой сетует, что наука погубит общество. Почему – я уже объяснял.

В этой ситуации возникает опасность того, что престиж самой науки подменяется престижем должности ученого, престижем научной терминологии, даже престижем ссылки на науку.

Р. Мертон – крупный американский социолог – говорил, что эта ситуация опасна для общественной сферы, где науки мало, а престиж возникает, и этим удобно пользоваться пропагандистам, которые ссылаются на науку.

Последняя тема, которую я хочу затронуть, – это положение человека в мире научно-технической революции.

Первыми поставили вопрос о том, что изменения в научно-технической сфере должны оказать влияние на человека, американцы: на практике – Форд со своим конвейером, в теории – Тейлор.

Тейлоризм – первая система, которая взялась научно описывать функции человека в современном производстве, и не только описывать, но и предписывать, как человек должен себя вести.

Принцип тейлоризма, так же, как и конвейер Форда, утверждает, что функции человека надо раздробить на мельчайшие операции и заставить людей эти операции воспроизводить, тогда все будет работать как одна машина. Один из

принципов конвейерной системы состоял в том, что нет никаких бригадных расчетов: работает отдельный человек на своем месте и отвечает перед администрацией.

В свое время это дало довольно большой скачок в производстве, но быстро стало очевидным, что здесь очень много теряется: разделение человека на «части» приводит к тому, что он больше устает, хуже себя чувствует, а потому и меньше производит.

Вторая стадии развития американской социологии труда была связана с исследованиями Э. Мэйо. Эти исследования показали необходимость учитывать наличие неформальных связей между рабочими в процессе производства, и не только учитывать, но и поощрять эти связи. Если у одного из фордовских деятелей можно найти заявление, что ритм конвейера не дает человеку возможности разговаривать на производстве, да ему и не о чем говорить с другими рабочими, то у Мэйо принцип как будто прямо противоположный. Человек не только может, но должен иметь возможность общаться с товарищами по работе, образовывать товарищеские группы, потому что это может способствовать улучшению его настроения, большей производительности труда и т.п. Тогда стали устраивать специальные перерывы, чтобы люди могли поговорить друг с другом, общаться по интересам.

Потом из этих экспериментов («хоторнский эксперимент»), получивших большую известность, родилась так называемая доктрина «человеческих отношений». Ее мысль состоит в том, что человек на работе должен рассматриваться не как рабочий механизм, а как целостный организм, и руководство должно заботиться не только о высокой производительности труда рабочих, но и об их хорошем отдыхе, хорошем питании, потому что это действует на рост производительности труда. В собственных интересах боссы так и делают, поняв, что это действительно выгодно, чтобы рабочие не слишком уставали, не слишком выбивались из сил, были

бы в хорошем настроении на работе и т.д. Создаются целые службы, занимающиеся налаживанием хороших человеческих отношений на предприятиях, в быту и т.д.

У нас эти проблемы тоже, конечно, существуют. Правда, благодаря особенностям нашей организации, мы всегда имели на предприятиях партийные и профсоюзные организации, которые занимались именно проблемой человеческих отношений. Вопрос только в том, что ее надо решать в более планомерном порядке. Есть исследования (советские), показывающие, что рабочий на сборке одной из деталей выполняет, будучи в хорошем настроении, операцию в течение полутора-двух с половиной секунд, а когда он в плохом настроении, то на ту же операцию у него уходит от двух с половиной до трех с лишним секунд, т.е. почти в два раза больше.

Эти экспериментальные факты заставили социологов труда совместно с социальными психологами в тридцатые–сороковые годы поставить вопрос о том, что необходимо учитывать человеческие факторы, необходимо учитывать наличие человека как целостного существа, нуждающегося в отдыхе, развлечении, образовании и т.д. То, что казалось утопией, стало реальной необходимостью для обыкновенных форм сегодняшней жизни. Это не только благие пожелания, в некотором смысле продиктованные самими рабочими, но это выгодно для самого производства, и этим сейчас очень много занимаются.

Недавно появилась книга – «Человек и его работа»¹.

Это исследование группы ленинградских социологов, очень добротное исследование, кроме того, в тексте и приложении есть весьма хорошее описание процедуры работы социолога.

Задача исследователей первоначально состояла в том, чтобы выяснить, как формируются коммунистические отношения в труде. Исследователи постарались разложить про-

¹ Изд-во «Мысль», 1967.

блему на некоторые эмпирические составляющие. Вопрос поставлен так: какие мотивы и стимулы побуждают человека к труду? (Мотивы в данной работе – внутренние, стимулы – внешние побуждения.) Выделялись ориентации двух типов: на содержание труда и большую зарплату. Под содержанием труда ленинградские исследователи понимают, насколько данный труд богат, обладает творческими возможностями. Они утверждают, что эта ориентация действует сильнее, чем ориентация на зарплату, которая тоже имеет значение.

Авторы приходят к выводу, что более сознательный труд будет более содержательным, так как скажется само его содержание. И мы сможем лучше воспитывать нового, хорошего, честного рабочего, когда предложим этому рабочему богатый, сложный труд.

Сделав такой вывод, исследователи оказались перед еще более сложным вопросом – какова же перспектива у нас в стране, где ручного, немеханизированного труда 36%. Это слишком много по мировым стандартам, слишком много для нас, но пока это факт, и это ситуация на долгие годы, десятки лет.

В обществе существуют самые различные потребности. Одно из самых узких мест нашего существования – сфера быта, сфера обслуживания, требующая довольно простого труда, который тоже должен пользоваться уважением.

В последнее время возникает еще одна довольно серьезная проблема. Дело в том, что содержание труда большинства рабочих таково, что им не требуется полного среднего образования, достаточно семилетнего. Уже сейчас существует такое явление, что у значительной части рабочих образование выше, чем этого требует их работа. Причем, по данным тех же ленинградских исследователей, это большое образование иногда мешает рабочему исполнять свои обязанности, побуждая его искать пути продвижения, повышения образования и т.д.

В течение долгого времени у нас в литературе исходили из представления, что год от года наша промышленность развивается, требования к рабочим усложняются и поэтому образование должно постоянно повышаться. Но так можно было считать до тех пор, пока не исследовали этот вопрос конкретно, во всей его действительной значимости. Это делалось не только в Ленинграде, но и в Сибири, и в Уфе, результаты повсюду получились почти одинаковые. Проблема имеет тенденцию обостряться и усложняться, потому что все большее число рабочих получает сравнительно высокое образование, а возможность применять среднее образование на работе не так быстро растет; разрыв здесь не уменьшается, а увеличивается.

Существует два предложения о том, как решить этот вопрос.

Одно предложение исходило от сибирских и уральских социологов. Они ставили вопрос о том, что рабочим сейчас не нужно столь высокое образование, его без ущерба можно уменьшить.

Это предложение трудно принять со стороны социальной и этической. Не так-то просто для общества, провозгласившего своей задачей всеобщее образование, идти на создание искусственного разрыва между 7-м и 8-м или 8-м и 9-м классами.

Но есть и другой, более теоретический аргумент: ленинградские товарищи правы, считая, что нельзя видеть в человеке только работника, нельзя рассматривать его подготовку только как подготовку к будущей его производственной специальности. Человек действует и живет и в сфере культуры, и в сфере политики, и образование готовит его к тому, чтобы быть сознательным, культурным гражданином. В этом смысле образование нужно.

Американские и наши исследователи исходят из различных уровней и типов развития общества, из различных пред-

посылку. В одном случае задачи чисто практические – как добиться, чтобы рабочий больше производил, в другом случае – гуманитарная предпосылка – как добиться перехода к новому типу производственных отношений. И в ходе исследования те или другие приходят к выводу о том, что необходимо рассматривать цельного человека: не только рабочие его функции, но и человеческие, т.е. функции человека в обществе. Это один из самых важных выводов социологии на сегодняшний день.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс. Экономико-философские рукописи. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 1.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 3.

К. Маркс. Введение к экономическим рукописям 1857–1858 гг. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 12.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 8.

К. Маркс. Капитал. Т. 1.

К. Маркс. Анкета для рабочих. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 19.

Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Теннису. 15.1.1895. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., Т. 39.

В.И. Ленин. Что такое «друзья народа»... Полн. собр. соч. Т. 1.

В.И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3.

В.И. Ленин. Статистика и социология. Полн. собр. соч. Т. 30.

В.И. Ленин. О социалистической Академии общественных наук. Полн. собр. соч. Т. 36.

В.И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 39.

В.И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 40.

В.И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. Т. 45.

В.И. Ленин. Письмо в редакцию газеты «Экономическая жизнь». Полн. собр. соч. Т. 45.

В.И. Ленин. О нашей революции. Полн. собр. соч. Т. 45.

Г.В. Плеханов. О материалистическом понимании истории. Избр. филос. пр. Т. 2.

К. Каутский. Материалистическое понимание истории. Т. 1, 2.

А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960.

А. Грамши. Тюремные тетради. Изб. произв. Т. 2. М., 1960.

Г.М. Андреева. Современная буржуазная эмпирическая социология. М.: Мысль, 1965.

Г. Беккер и *А. Бесков.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. Пер. с англ. М., 1961.

С. Вир. Кибернетика и управление производством. Пер. с англ. М.: Наука, 1965.

Т.Н. Волков. Социология науки. М.: Политиздат, 1968.

А.А. Галкин. Германский фашизм. М.: Наука, 1967.

Я.Э. Голосовкер. Достоевский и Кант. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Б.А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.

Б.А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1967.

Б.А. Грушин. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

Ю.Н. Давыдов. Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962.

Ю.Н. Давыдов. Искусство как социологический феномен. М.: Наука, 1968.

Н. Винер. Кибернетика и общества М.: Изд. иностр. лит., 1958.

Л.С. Выгодский. Развитие высших психических функций. М.: Изд. Акад. пед. наук, 1960.

Э. Дюркгейм. Метод социологии. Киев, 1899.

Ю.А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М.: Знание, 1967.

А.А. Зиновьев. Два уровня в научном исследовании. В сб. «Проблемы научного метода». М.: Наука, 1964.

В.В. Иванов. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива. В сб. «Логическая структура научного знания». М.: Наука, 1965.

Э.В. Ильенков. Проблема абстрактного и конкретного. «Вопросы философии», № 9, 1967.

Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М.: Соцэкгиз, 1960.

Количественные методы в социологии. М.: Наука, 1966.

И.С. Кон. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

И.С. Кон. Психология предрассудка. «Новый мир», № 9, 1966.

Г. Клаус. Кибернетика и общество. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967.

Г. Клаус. Сила слова. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967.

В.И. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968.

Курс демографии, под ред. А.Я. Боярского. М., 1967.

Н.И. Лапин. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968.

Н.И. Лапин. Проблема неформальной группы в «индустриальной социологии». «Соц. исследования», вып. 2. М.: Наука, 1968.

А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965.

Б.Ф. Ломов. Человек и техника. М.: Сов. радио, 1966.

Ю.А. Левада. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.

Ю.А. Левада. Сознание и управление в общественных процессах. «Вопросы философии», № 5, 1966.

Маркс и социология. Инф. бюллетень ССА № 3, 1968.

Марксистская и буржуазная социология сегодня. М.: Наука, 1964.

Дж. Морено. Социометрия. Пер. с англ. М.: Изд. иностр. лит., 1958.

Р. Миллс. Властвующая элита. Пер. с англ. М.: Изд. иностр. лит., 1959.

Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. Планы и структура поведения. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965.

Н.Ф. Наумова. Некоторые уроки истории развития западной социологии. «Вопросы философии», № 1, 1968.

Н.В. Новиков. Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении». М.: Высшая школа, 1966.

Г.В. Осипов. Социология и философия. В сб. «Социальные исследования», вып. 2. М.: Наука, 1968.

Б.Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

Г.А. Пруденский. Время и труд. М.: Мысль, 1966.

А.И. Ракитов. О природе эмпирического знания. В сб. «Логическая структура научного знания». М.: Наука, 1965.

Р.В. Рыбкина. О структуре предмета социологии как системы наук. В сб. «Социологические исследования». Новосибирск, 1966.

В.Н. Садовский. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы, в кн. «Социология в СССР». Т. 1. Современная буржуазная идеология в США. М.: Мысль, 1967.

«Социальные исследования», вып. 1. М.: Наука, 1965; вып. 2, 1968.

Социологическая мысль в ПНР. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1968.

Социологические исследования. Вопросы методологии и методики. Новосибирск, 1966.

Социологические исследования города. Инф. бюллетень ССА, № 16, 1969.

Социология и идеология. М.: Наука, 1969.

Социология преступности. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966.

Социология сегодня. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965.

Социология знания. Реферативн. сборник. Ин-т философии АН СССР. М., 1968.

Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Инф. бюллетень ССА, № 6 (часть I и II), 1968.

Человек и его работа. М.: Мысль, 1967.

А.А. Чупров. Очерки по теории статистики. М.: Госстатиздат, 1959.

Г.П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.

Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии. Пер. с польск. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1967.

J. Dumazedier. Vers un civilization de loisir. P., 1959.

A. Etzioni. The Active Society, 1967.

J.N. Madge. The Origin of Scientific Sociology, 1963.

R.K. Merton. On Theoretical Sociology, 1967.

R.K. Merton. Social Theory and Social Structure, 1957.

C.W. Mills. Sociological Imagination, 1959.

R. Nisbet. The Sociological Tradition, 1966.

T. Parsons. Social System, 1951.

T. Parsons a.o. Theories of Society, Vols. I, II. 1961.

P. Sorokin. Fads and Foibles in Modern Sociology. 1968.

**Записка в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС
В.В. Гришина об ошибках, допущенных в курсе лекций
по социологии, прочитанном Ю.А. Левадой***

4 апреля 1970 г.

МГК КПСС считает необходимым информировать о том, что в курсе лекций по социологии, прочитанных в 1967-68 учебном году на факультете журналистики МГУ заведующим сектором Института конкретных социальных исследований АН СССР, доктором философских наук Левадой Ю.А. (директор института академик Румянцев А.М.), были допущены серьезные ошибки идейно-теоретического характера.

Указанный курс по рекомендации парткома МГУ обсуждался на кафедре философии гуманитарных факультетов и был подвергнут серьезной критике. Однако, тов. Левада не только не внёс необходимых исправлений и продолжал читать лекции по непереработанному курсу, но и в марте-мае 1969 г. опубликовал их на ротапринте в Информационном бюллетене №№ 20-21 (серия «Методические пособия», тираж около 1000 экз.) Института конкретных социальных исследований, Советской социологической ассоциации и Научного Совета по проблемам конкретных социальных исследований.

Редколлегия информационного бюллетеня (главный редактор коммунист Колбановский В.В.) приняла лекции к

* Записка была представлена на заседании Секретариата ЦК КПСС 7 апреля 1970 г. в порядке информации, после поручения, данного 10 февраля 1970 г. Вопрос был снят. «Основание снятия. На заседании Секретариата 7.04.1974 состоялся обмен мнениями» (УХЕД. Картотека протоколов заседаний секретариата.)

опубликованию без рецензирования, обсуждения и рекомендации директора института.

В опубликованном курсе лекций по-прежнему содержатся серьёзные ошибки. Лекции не базируются на основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии – историческом и диалектическом материализме. В них отсутствуют классовый, партийный подходы к раскрытию явлений социальной действительности, не освещается роль классов и классовой борьбы, как решающей силы развития общества, не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы, отсутствует критика буржуазных социологических теорий. Материал курса изложен абстрактно, в отрыве от практики коммунистического строительства. Имеются незрелые, ошибочные формулировки, дающие повод для двусмысленного толкования важных политических вопросов.

Опубликованный курс лекций обсужден в Академии общественных наук при ЦК КПСС и в Институте конкретных социальных исследований АН СССР и подвергнут всесторонней критике.

По поручению МГК КПСС вопрос об издании данного курса рассмотрен в партийной организации института и на бюро Черёмушкинского РК КПСС. За чтение и опубликование курса лекций, содержащего серьёзные идейно-теоретические ошибки, доктор философских наук коммунист Левада Ю.А. освобожден от обязанностей секретаря партийной организации Института конкретных социальных исследований АН СССР, выведен из состава партийного бюро. Бюро РК КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Главному редактору Информационного бюллетеня коммунисту Колбановскому В.В. за грубое нарушение правил издания рукописей объявлен строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Тов. Левада Ю.А. освобожден от работы по совместительству в Московском государственном университете и лишен звания профессора.

МГК КПСС и Черёмушкинский райком партии обратили внимание дирекции и партийного бюро Института конкретных социальных исследований АН СССР на отсутствие должного контроля за идейно-теоретическим содержанием публикуемых материалов и потребовали усиления работы по воспитанию коммунистов и всех научных сотрудников в духе высокой ответственности за чистоту марксистско-ленинской теории и соблюдение партийных принципов развития социологической науки.

В. Гришин

ЦХСД Ф.5. Оп. 62. Д. 67. Л. 16-17. Подлинник.

Ю. А. Левада

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИНТЕРВЬЮ «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ – БЫЛА СЕМИНАРСКАЯ ЖИЗНЬ». ОТРЫВОК.

<...> С осени 1966 года начался наш регулярный семинар на темы социальные, теоретико-экономические, семиотические, культурологические, исторические и прочие, который с различными перипетиями продолжался довольно долго. Это был не некий «теневого» семинар, а вполне обычный, нормальный. Скорее это была главная форма жизни сектора – еженедельно иногда и чаще собираться для обсуждения тех или иных проблем. Семинар имел достаточно большой авторитет, потому что у нас бывали практически все, кто считался в те годы наиболее яркими людьми. Скажем Пятигорский, Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов, Шляпентох, Щедровицкий...

– **А кто посещал семинар?**

– Семинар был для своих людей, тех, что работали вместе и сейчас работают вместе. Но временами, когда мы «разбухали», и появлялось помещение, набиралось 200-300 человек. Самые разные люди из старых знакомых, из новых, экономисты, историки, техники, физики. Были разные варианты семинара – узкого, широкого, «квартирного» типа. Тогда, в 1970-е годы, говорили, что существует второе искусство и вторая наука. Второе искусство (неформальное искусство) – это театры-студии, малопризнанные писатели, поэты. Теперь все их имена известны. О второй науке можно говорить не строго, но в какой-то мере это существовало. Были направления околочеловеческой науки, которые не поощрялись. Политических течений там не было – просто были течения, отличавшиеся от признанных. Прежде всего, конечно, их представлял Щедровицкий. Семинарскую работу он начинал где-то в начале 1950-х годов, сначала это называлось «Теория деятельности», а потом «Система деятельности». У него был несколько меняющийся актив, но большой круг людей,

которые вдохновенно работали много лет. Кто-то приходил, кто-то уходил. В начале 1960-х годов я столкнулся с ним (мы когда-то учились на соседних курсах, но в то время не общались), стал ходить на этот семинар, пару лет ходил, потом мы разошлись по методологии. Но сохранили добрые отношения. Щедровицкий иногда приходил к нам, людей присылал на работу, в аспирантуру (было немало интересных людей из того круга, с которым он работал). Очень часто в разных формах он излагал свою концепцию как историю своего кружка.

Были и другие направления. Скажем, течение диалектиков – на самом деле, это круг Э.В. Ильенкова, но организатором был Г.С. Батищев, у него много лет работал семинар. Были отдельные кружки – в основном связанные с формальной лингвистикой, долго не признаваемой, и семиотикой. И были не то чтобы цельные, но во всяком случае большие стремления развивать полупризнанную историческую культурологию (А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин и некоторые другие). Наше течение продолжало традиции: приглашали самых разных людей, на перекрестке интересов строили представление, некую попытку культурно обоснованной социологии (до последних лет от эмпирической социологии я был очень далек, никогда ею не занимался).

– В какой мере это могло быть второй наукой, кружковой?

– В малой, наверное. Не могу преувеличивать, но, вероятно, какую-то нагрузку все это несло. Официальная общественная наука, официальная философия были дохлые (и сейчас, по-моему, являются таковыми), поэтому был интерес к нормальным, не идеологизированным, в принципе, на западный манер исследованиям. Во всяком случае, была необходимость исследовать реальность человеческого поведения, духа, метода, мысли философии. Я сейчас встречаю людей, которые говорят, как это было тогда для кого-то полезно.

Конечно, было чрезвычайно много ограниченного и наивного, не было заранее заложенного проекта. Сам я старался общаться вместе с людьми, с которыми работал, в некотором смысле своими учениками. Что читал? В основном теоретическую социологию – Дюркгейма, Вебера, Парсонса – с какой-то примесью культурологии и иногда семиотики, больше нашей. Я не упомянул, но вы знаете, что была семиотическая школа, имевшая ответвления по стране. У нас с ними были очень близкие отношения, мы обменивались идеями, докладами. И она сыграла тогда большую роль в формировании людей знающих и умеющих думать оригинально. Но особой науки, по-моему, не создали. Вот, собственно, все по поводу атмосферы того времени.

Дальше начались у нас политические перетряски, стало интересно следить за актуальным развитием. Появилась надежда, что удастся его как-то изучать. В 1988 году соблазнили меня перейти в только что организованный ВЦИОМ, чтобы заняться там теорией общества и общественного мнения. Я собрал тех людей, которые были близко, с которыми мы работали, включая последнее время. Так появился отдел теории ВЦИОМ. Ситуация развивалась бурно, нам, как я думаю, удастся заниматься теорией очень мало: приходится щупать пульс у больного. И это довольно интересно.

– Но если вернуться к той, «семинарской жизни», не могли бы вы подробнее рассказать о тематике ваших семинаров, содержании докладов?

– Я называл некоторых докладчиков. Мы «выращивали» своих людей, но, к сожалению, многим из них пришлось уехать. Это был период, повторю, неофициального развития, когда из социологии нас разогнали. Мы собирались, где удавалось. Тогда, в начале-середине 70-х годов, началась большая эмиграция. У нас было выражение: «такой-то человек записался в докладчики». Значит он собирался уезжать. На семинаре выступали Пятигорский, Янов, Шляпентох – все

они сейчас далеко (с разной степенью преуспевания). Был у меня такой сверхталантливый аспирант – Д.Б. Зильберман, самое яркое явление, удивительно широкого объема знаний и способностей человек. Я такого никогда ни раньше, ни позже не видел. Он мог уверенно говорить обо всем: о социологии, фрейдизме, индийском мышлении. Он уехал в Америку – здесь работы для него не было – хотя уезжать не хотел. Года четыре там проработал и погиб – его задавил автомобиль, когда он ехал на велосипеде.

Практически все наши заседания рано или поздно приводили к тому, что я спорил со всеми докладчиками. Это была атмосфера всеобщих споров. Но было интересно, и никто не обижался. Сказать, что мы что-то открыли, не могу. Была атмосфера свободного разговора на любые темы. Политической тематики у нас тогда не было, и мы ею не занимались, по крайней мере, на семинарах. В этот период имели место другие движения – диссидентское, эмигрантское, правозащитное. Прямо в круг этих людей мы не входили, но среди нас было очень много лично связанных с ними.

– Не сохранились материалы тех докладов? Вы их не публиковали?

– Мы очень много записывали тогда на магнитофон. А расшифровкой занимались мало, многое не перепечатавали. Некоторые рукописи оставались, велась хроника. Секретарем сектора, а потом семинара постоянно был Лев Гудков (сейчас он заведует моим бывшим отделом). Тогда он собирал материалы, и у него много чего есть. Я толком не знаю, что именно, потому что когда мы опять собрались вместе, времена пошли такие, что оглядываться назад было неудобно, надо было смотреть дальше, делать что-то новое. Во ВЦИОМе мы занялись новым для себя делом, влезли в него достаточно глубоко и поминать старые события просто не готовы.

– Хотя вы несколько скептически смотрите на свою деятельность в тот период, тем не менее ваш семинар был местом общения, образования социологов.

– Наверное. Я думаю, что мы собрали всех, кто пытался самостоятельно думать, знать положение дел в социальных науках. Были и такие, кто приходил просто из любопытства. Это неизбежно – двери у нас были открыты. А смотрю я на это, как вы говорите, скептически, потому что чего-то оригинального и серьезного создано не было. И весь круг идей – в основном идеи просветительские в области социологии, культурологии. Я думаю, что это было интересно не как открытие, а как движение, как способ общения, организации, вдохновения людей. Если смотреть современными строгими глазами, то здесь и наивности было много, и недостаточно образованности, потому что ведь наше поколение никто серьезно не учил. Мы сами учились всем этим предметам – плохо и мало.

Семинар, который нам удавалось вести более 20 лет, с небольшими перерывами, а точнее, трансформациями, был, как мне сейчас представляется, принадлежностью своего времени – времени старения общественно-политической системы, либеральных надежд, первых попыток прямого сопротивления, разложения официальной общественной науки. С середины 1960-х годов расцвела неофициальная или полуофициальная разновидность интеллектуального общения – семинары, чтения, конференции. Общими приметами были нетрадиционность тематики, междисциплинарность, открытость обсуждения. Отсюда и притягательность для многих. Такие семинары действовали в Москве, Ленинграде, Новосибирске, еще в нескольких центрах.

Наш семинар не был строго социологическим, да и представления о строгих границах социологического знания не было, были попытки сочетать подходы современной теоретической социологии с новыми веяниями в культурологии,

психологии, семиотике и т.д. Притом чаще любительские, чем профессиональные. Там культивировалось скорее «клубное», чем «лабораторное» общение.

Для своего времени это было и естественным, и важным. «Семинарский» период, во-первых, помогал создавать новую атмосферу в социальных науках, расшатывать монополию казенной догматики, а во-вторых – собирать людей, которым хотелось серьезно и свободно думать о социальной действительности. Позже, как мне представляется, традиция неофициальных семинаров сыграла свою роль в появлении неформальных кружков и семинаров «перестроечного» типа, которые, в свою очередь, породили первые ростки нашего плюрализма – и так далее.

Некоторой параллелью может служить тогдашнее политическое движение (те же диссиденты). Если рассматривать его с точки зрения существа вопроса, то требования были очень ограниченные, сформулированные не всегда в удачной форме; но как движение оно имело огромное значение. Некоторая аналогия здесь есть – не больше.

– Вы следили за тем, что было в социологии на Западе?

– Мы читали литературу. Реального обмена не было. Реальных людей с Запада мы почти не видели. И они на нас не смотрели. Мы даже не могли предположить, что дверь откроется так широко, как сейчас.

– Какие социологические персоналии фигурировали в ваших обсуждениях тех лет?

– Вся социологическая классика. И кроме того, современные течения типа современной культурологии, структурной антропологии. Это Леви-Стросс, Мердок, Миллер; немного психоанализа, хотя увлечения последним не было; немного лингвистики, в основном структурного плана; немного истории и теории религии. Здесь А. Пятигорский и школа Э. Гофмана к нам были более или менее близки. И школа

В.В. Иванова, В.Н. Топорова, учеников Ю.М. Лотмана. Тогда была попытка организовать структуралистское движение во всех областях. Возможно, вы знаете, что в 1962 году был симпозиум по знаковым системам в Москве, вышла маленькая книжечка материалов. Но на самом деле это был манифест, так как он декларировал создание новой социальной науки, построенной на точном семиотическом анализе. Было стремление и даже попытка создать институт семиотики. Все это потом забылось, а тогда было очень интересно. По тем временам, каждый шаг в сторону от официальной идеологии казался чем-то значительным и интересным – одним и, конечно, опасным – другим. Сегодня посмотреть – ну, вроде бы не очень серьезно, на Западе это знают, переворота не случилось. Но люди, которые шагнули в сторону, в стороне остались. Это было полезно. Разных людей могло вдохновлять разное. Вот такое было время.

– **А Мамардашвили участвовал в семинаре?**

– Ходил много раз. Он не был постоянным участником, но был очень близким нашим другом. Несколько раз, например, мы обсуждали его концепцию превращенных форм (есть такая его статья в «Философской энциклопедии», она вошла в его сборник). Мы тогда спорили, я не соглашался с ним (и сейчас не соглашаюсь). Но это было удивительно интересно, как и все, что делал Мераб.

Сейчас, насколько я знаю, неформальных семинаров такого типа, какие были в 60-80-х годах, просто нет, их время прошло, потенциал такой формы интеллектуальной жизни исчерпан. Наш семинар замер и перестал действовать вскоре после того, как его ядро получило возможность совместно заниматься профессиональной работой в отделе теории ВЦИОМ; все попытки возродить семинар оказались неудачными.

Это тоже, по-моему, черта времени. Семинарская жизнь, расцветавшая в «полутьме» (полудозволенность, полузапретность, полупрофессиональность и т.д.), утратила смысл в

новых условиях, когда стало возможным практически свободно работать, организовываться, публиковаться на «свету». Беда в том, что мало кто сумел – да и захотел – реально этими возможностями воспользоваться. Это уже вопрос и психологии людей, и профессиональности, и экономических и прочих обстоятельств. Но в то же время это вопрос о судьбах определенной общественной группы, целого слоя («прослойки»). Притом не только в социальных науках, но и в литературе, культуре, публицистике, прессе – во всех традиционных видах интеллигентской активности. Это большая и серьезная проблема, ее в двух словах не изложить. Очень трудным оказался переход от периода расшатывания идеологической монополии, расширения кругозора, осторожных намеков или дерзких выходов – все это принадлежности времени, которое, в частности, было отмечено как «семинарское», – к периоду практической работы, научной, гуманитарной, да и политической тоже.

Оглядываясь назад, могу видеть множество слабостей, упущений, упрощений и прочее. Но что-то все же удавалось сделать или хотя бы обозначить «тогда», а главное же, помому – удалось нащупать переход к пониманию того, что происходит с нами «теперь». Мне кажется, что в последние годы мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя обильные эмпирические данные опросов, но также и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан «тогда».

«Социологический журнал» № 3-4. 1996

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Стремление к расширению сферы целенаправленного и эффективного воздействия на общественные процессы и структуры, а также усложнение этих последних придают актуально-практический смысл анализу возможностей и границ такого воздействия. В этой связи приобретает принципиальное значение проблема самих определений «экономических» и «неэкономических» структур, факторов, регуляторов в общественной системе. Обиходные «институальные» разграничения в смысле разделения обязанностей между учреждениями и т.п. оказываются малопригодными в «пограничных» ситуациях, например, при сопоставлении изменения роли экономических и неэкономических регуляторов, «доэкономических» и «постэкономических» общественных систем и т.д. При этом, как часто бывает, нечеткость внешних границ определяется нечеткостью границ «внутренних», то есть представлений о структуре соответствующего предмета исследования. Можно предположить, что анализ такой структуры должен осуществляться в рамках такой научной области, как экономическая социология, если понимать под ней применение методов социологического изучения общественных институтов к структурам, действиям и субъектам экономической сферы (ср. [8]), – причем сама эта сфера, конечно, еще требует своих определений.

Наиболее распространенная в литературе (см. [4], [9]) трактовка экономической сферы как концентрирующей вокруг производства и распределения материальных благ и услуг восходит к традициям классической политэкономии (а точнее, к выработанному в ее русле предмету исследования). Ускоряющаяся дифференциация общественного производства, в частности, растущая роль сфер обслуживания и «нематериального» производства, создает проблемы, которые с

трудом могут быть эффективно рассмотрены в русле такого предмета. Развитие средств экономического учета и (по крайней мере, предполагаемого) регулирования неизбежно приводит к тому, что все области общественной жизни в той или иной мере выступают в качестве или в аспекте «экономических» (культура, досуг, образование и т.д.). Тем самым экономика как будто выступает уже не как отдельная эмпирическая данная область человеческой деятельности, а как способ связи, способ рассмотрения, парадигма самой этой деятельности. Здесь важно сделать существенную оговорку историко-методологического порядка: тенденция к «экономическому» пониманию всех общественных отношений и действия была изначально присуща той же классической политэкономической традиции (а иногда находит отзвуки в современной социологической литературе), ее неэффективность продемонстрирована как теоретически, так и практически. (В частности – самой сложностью, «полиструктурностью» экономической сферы, многообразием попадающих в нее типов человеческих действий – операциональных и традиционных, управленческих и исследовательских и пр.). Определение экономической парадигмы необходимо должно предполагать и определение ее границ, то есть социальных и культурных рамок ее действия.

В принципе, возможны два пути поисков такого определения – через «внешние» и «внутренние» границы экономической сферы (или, скажем, экономической «стороны», – оба термина пока оставим интуитивно определенными) общественной жизни; подтверждением эффективности избранного направления должна, очевидно, оказаться сходимость путей, то есть пригодность характеристики структуры для описания внешней границы системы (и наоборот).

Уже упоминавшиеся определения экономической сферы через материальное производство – точнее, через его продукт или процесс, – относятся к первому типу. Представив произ-

водство как взаимодействие между человеком (обществом) и природой, как адаптивный процесс или как процесс преобразования природного материала в социально-значимые блага и т.д., действительно можно получить концепцию экономической сферы как адаптивной. Но это вовсе не будет «очевидным» описанием некоторой реальности, а лишь специальным конструктом, опирающимся на молчаливые, чаще всего неосознаваемые, допущения. Как отмечал Маркс, труд является процессом «между человеком и природой» лишь в своих «простых» и абстрактных моментах» [1, с. 188, 195]. А выделение именно этих моментов – продукт определенного развития теоретической мысли. Иначе говоря, мы здесь опять сталкиваемся не с «объективно данным» предметом, а с предметом научного знания, в данном случае – той же классической политэкономической традиции, корнями уходящей к физиократам с их противопоставлением «природы» и «общества». Что же касается реально, практически действующих производственных процессов, то их компонентами выступают всегда так или иначе преобразованные (притом не только в технологическом, но в социальном смысле, то есть оцененные и т.д.) природные ресурсы, продукты и структуры социальных действий и отношений. Оппозиция природа-общество является одним из способов теоретического представления определенных аспектов, притом весьма важным как исторически, так и методологически; однако к представлениям о структуре экономической сферы он не приводит.

Внутреннюю границу интересующей нас сферы можно задать, указав характеризующий ее элемент, тип связи, структуры. В этом направлении идут поиски универсальной «клеточки» экономических отношений (см. [7]), универсальной операции (например, обмена; см. [11]), стимула (экономический интерес) и т.п. В зависимости от плана и задач исследования может быть важным выделение разнородных структурообразующих элементов. При анализе проблемы в

рамках экономической социологии представляется возможным поставить категории экономического интереса, обмена, полезности и др. в связь с экономическим действием.

В экономических науках к этому понятию ближе всего подходят те дисциплины, которые имеют дело с представлениями экономического субъекта, организации, принятия решений, то есть те, которые часто объединяются под рубрикой «микроэкономики» (см. [3]). (Очевидно, что приставка «микро» здесь обозначает не масштаб или значение, а ориентацию на структуру действия любого масштаба). Здесь мы встречаем различные варианты определения экономического знания как знания об эффективном использовании ограниченных ресурсов для удовлетворения потребностей и т.д. (см. [5], [13]). Практическая ориентация подобных характеристик понятна, и именно благодаря ей в микроэкономике, теории оптимизации или принятия решений структура экономического действия упоминается, но не раскрывается. Исходные позиции для представления такой структуры может дать разрабатывавшаяся в социологической традиции Вебера-Парсонса концепция рационального действия (см. [14]).

Экономическое действие предстает в такой традиции как обладающее тремя признаками: рациональностью, целенаправленностью, эффективностью. Признаками всякого рационального действия являются его осознаваемая (то есть представленная на особом «табло сознания») структурная расчлененность, причем основными линиями дифференциации могут быть либо связи цели и средств, либо связи нормы и исполнения. В первом случае мы имеем дело с целерациональным действием, во втором – с ценностнорациональным, если пользоваться терминологией Вебера. В экономическом же действии целевая ориентация сочетается с принципом наименьших затрат, то есть с эффективностью или оптимизацией. Таким образом задается набор последовательно связанных логически характеристик действия, которые состав-

ляют в сумме универсально значимую абстрактную схему или идеальный тип экономического действия, с помощью которого могут рассматриваться различные уже исторически конкретные варианты. При этом идеальный тип благодаря обобщенности своих признаков может иметь значение и за пределами привычной экономической сферы; с другой стороны, далеко не всякие действия, относящиеся к этой сфере удовлетворяют требованиям такой схемы. Иначе говоря, при помощи теоретически конструируемого идеального типа экономического действия задается столь же идеально-типическая сфера экономической деятельности.

Следует отметить, что для Вебера, как и для его отдаленных предшественников – Канта и рационалистов Просвещения – рациональность была не только исследовательским приемом, парадигмой исследования, но содержательной, объясняющей, идеологически значимой концепцией. «Закон возрастающей рациональности» играет в системе социального действия роль, «аналогичную энтропии в физических системах» [14, с. 752]. Вместе с тем как раз социологическое применение категории рациональности позволило увидеть принципиальную ограниченность рационального, в том числе экономического, действия. Если для века Разума рациональность человека была «естественной», а значит универсальной его характеристикой, то теперь эта характеристика стала исторической, то есть обусловленной как во времени, так и в «пространстве» (структуре) социального действия.

Во-первых, рациональность действия оказалась не «элементарно» простой, а сложной, включающей соотношения различных уровней и типов рациональности (связанных с различием способов дифференциации и проецирования действия на «табло сознания», различием критериев оценки эффективности экономического действия, временных рамок его оптимизации и др.).

Во-вторых, оказалось, что в отличие от физической энтропии, рациональность социального действия может не только возрастая, но – в некотором смысле – и «убывать». Так, пользуясь предложенным Вебером различием формальной (расчетной) и содержательной (целенаправленной) рациональности, можно показать реальность двусторонних переходов между этими типами: и превращения формального расчета в целенаправленный, и формализации элементов целерационального (в том числе экономического) действия. Более того, эти переходы оказались взаимообусловленными, по крайней мере, при известной степени сложности системы социального действия. Параллельно с совершенствованием средств (техники в широком смысле слова) целенаправленного действия происходит гипостазирование чисто формальных «учетных» типов рационализации.

Попытаемся теперь придать определенный содержательный смысл понятию «ограниченности рациональности» действия. (Заметим, что распространенная – часто в качестве некоего жупела – словесная формула «иррациональности» принципиально бессодержательна и является лишь своего рода тенью отражением идеи универсальной рациональности).

Рациональное действие в социальной системе возможно лишь при наличии определенных нормативно-ценностных предпосылок (ориентиров, стандартов, санкций) – «нормативного поля действия» – и определенного субъекта действия, для которого нормативно заданные регуляторы стали стимулами активности. Для экономического действия в качестве такого поля выступила в новое время нормативно-ценностная система, санкционировавшая предприимчивость и деловитость как средства реализации индивидуальных экономических интересов. Формирование такой нормативной системы Вебер связал с влиянием «протестантской этики» [2], показав, что поле экономического действия – феномен

сугубо исторический и нуждавшийся для своего закрепления в наивысшей, религиозной санкции. Адекватным для нее субъектом действия явился идеальный тип «экономического человека» (*homo oeconomicus*) – расчетливого оптимизатора собственных интересов. Именно по его модели, по сути дела, были скроены все «сюртуки» классической политэкономии, столь часто фигурирующие не только у Смита, но и у Маркса; иначе говоря, действия экономического человека в «силовых линиях» экономического поля составили специфический для этой науки предмет.

Внешняя («географическая») экспансия системы рационально-экономического действия, приводящая к модернизации и включению в системы глобальных отношений так называемого «третьего мира», выявила принципиальную, во всяком случае, долговременную, возможность своеобразного симбиоза разнопорядковых структур социальной деятельности – современных и традиционных, «доэкономических» (то есть не ориентированных на экономическое действие в указанном его смысле). Этим лишний (возможно, решающий) раз продемонстрировано, что нормативно-ценностное поле рационально-экономического действия составляет лишь определенный слой (точнее, «срез», так как речь идет о теоретическом конструкте) общественной жизни. В известном смысле можно говорить о параллельном названному процессе внутренней («психологической») экспансии рационализации поведения субъекта (субъектов разного порядка) рационального и экономического действия, – причем он аналогичным образом демонстрирует свои границы. Они определяются как структурами массового сознания (неорганизованного), так и сложностью организованных структур управления и т.п. Г. Саймон показал неизбежность ослабления критериев рациональности в управлении сложными системами (см. [15]).

Сказанное выше относится к экономическому действию

лишь поскольку оно является одним из вариантов действия социального. Для выявления специфических рамок экономического действия обратимся к соотношению двух аналитически представленных его связей: «вертикальных» и «горизонтальных».

«Вертикальные» (или иерархические) связи в социальной системе можно представить как множество связей между элементами, характеризующихся односторонней (нетранзитивной) зависимостью; условно их можно обозначить как управляющие связи «сверху вниз». «Верхний» элемент, то есть фактор, задающий ограничения многообразию состояний «нижнего», может быть конкретным («персонифицированным» в субъекте действия, в том числе коллективном или организованном) и обобщенным, «безличным» (нормативные структуры), причем обобщенность может иметь специфическое значение (социальные нормы) или универсальное, предельно абстрактное (ценности). Разумеется, в любой реальной социальной системе действуют управляющие связи и «сверху» и «снизу», но, поскольку система организована, эти направления в ней не равнозначны и механизм их действия существенно различен (например, специфическое управляющее воздействие с одной стороны и неспецифическое, диффузное влияние «поддержки» с другой стороны). Что же касается случаев взаимной трансформации функций управляющих и управляемых элементов, то они, очевидно, не нарушают принципа односторонности функциональной схемы.

Применительно к экономической сфере (традиционно трактуемой) управляющие иерархические связи могут быть представлены в модели «организация-ресурсы»: управляющая (информационно богатая, организованная) система мобилизует ресурсы информационно более бедной, но «энергетически» богатой структуры. К такому типу, как легко видеть, относятся не только различные формы институционализированного управления экономическими процессами, но

также и все многообразие форм неэквивалентного обмена, монополистических предпочтений и т.п. Отдельно взятое экономическое действие может носить «организующий» характер в названном смысле, однако никакое множество таких действий не способно сформировать собственно экономическую систему.

Чтобы представить последнюю, нужно – как и показала классическая политэкономия, а отчасти и соответствующая ей реальность товарного хозяйства – задать множество «горизонтально» связанных субъектов, то есть связанных только транзитивными отношениями, в которых элементы выступают в качестве эквивалентных. Взаимосвязи и взаимозависимости между элементами «горизонтального» ряда полностью (то есть эквивалентно) обратимы, что и составляет их специфический признак. Примерами служит разделение труда и обмен благами между независимыми субъектами экономического действия. Конечно же, полностью эквивалентный обмен – идеально-типическая категория, которая может считаться лишь приближением к «классической» ситуации: в реальности любой акт обмена содержит, вероятно, определенную «долю» неэквивалентности, поскольку на него так или иначе влияют системы иерархических связей (монополии, власти и пр.).

Мерилом и гарантом эквивалентности отношений может служить лишь «третий», посредующий элемент всякого акта обмена, обладающий универсальностью. Исторически роль такого универсального посредника исполняли деньги (без ущерба для содержания можно перевернуть сделанное утверждение: только тот материал, который годился для функции универсального посредника, и мог приобрести значение денег, которые гарантируют эквивалентность обмена именно потому, что сами служат эквивалентом).

Известно, правда, что в социологической и близкой к ней литературе неоднократно делались попытки обнаружить

иные структуры, способные исполнять функции универсальных посредников в системах социального действия. Так, Парсонс допускал возможность поставить в один ряд с деньгами власть и влияние (см. [6], [2, с. 69]). Леви-Стросс [12] рассматривал в качестве универсальных средств обращения в примитивном обществе «блага», «коммуникации» и «женщин» (в системах брачных отношений). Подобные попытки прямо или косвенно исходят из «обменной» концепции общественных отношений, восходящей к Бентаму и Миллю, а в последние годы представляемой прежде всего Хомансом [11], [8], [10]. И старые и современные ее сторонники допускают возможность конструировать концепцию общества по классической «экономической» модели, а концепцию человеческого поведения – по модели «экономического человека» [10, с. 68, 79].

Принципиальной ошибкой концепций такого рода является смешение различных типов социальных связей и действий – тех которые выше были обозначены как «вертикальные» и «горизонтальные». Дело в том, что «вертикальные» связи не носят характера обменов, а действующие в них посредующие структуры имеют иную социально культурную природу, чем средства обмена.

Всякое социальное действие, всякое отношение между элементами социальной структуры явно или неявно опосредовано определенными знаковыми образованиями, которые выполняют функцию соотнесения данного действия с нормативно-ценностными стандартами. Это относится и к знакам меновой стоимости и к знакам влияния или престижа. (Кстати, извечный – после Канта – спор о значении «реальных» и «воображаемых» талеров (см. [3]) не может быть разрешен при помощи философских категорий материального и идеального, без обращения к категории нормативной санкции: листок бумаги, которому придает какие-либо функции индивидуальное воображение, ничего не стоит, но если опреде-

ленные функции получают нормативную санкцию, в данной культуре, он становится мерой и эквивалентом блага).

Однако знаки власти, престижа, доверия и т.п. (иначе говоря, знаки «вертикальных», «иерархических» отношений) не действуют как эквиваленты соответствующих структур, не служат мерой сравнения элементов действия, они – лишь символы соответствующих отношений. А где нет «меры», не может быть и «обмена» (нас в данном случае не интересует историческая последовательность негаций). Взаимозависимость элементов социального действия в «вертикальных» структурах не означает ни эквивалентности, ни обмена. «Власть» или «престиж» в таких структурах взаимообусловлены «поддержкой», «доверием» и т.п., но отнюдь не «обмениваются» на них. Другое дело, что в определенных ситуациях право (скорее, привилегия) на управляющее воздействие может переходить от одного субъекта к другому в порядке обмена («...Но можно рукопись продать»: это относится к разного рода индульгенциям, лицензиям и пр.; аналогичная ситуация отражена в праисторическом примере с обменом первородства на похлебку.)

Нельзя считать обменным и любые иные (не только управляющие) коммуникативные процессы в обществе, так как в них на самом деле происходит распространение информации, а не переход ее от одного «владельца» к другому. (Опять-таки совершенно иные принципы действуют в ситуации передачи «привилегии» на определенную информацию). Обмен же всегда представляет собой игру с нулевой суммой. Нельзя поэтому признать достаточно строгими и суждения Леви-Стросса относительно «циркуляции коммуникаций».

Из сказанного следует вывод о том, что экономические (эквивалентные, обменные) отношения противопоставлены – разумеется, в чисто аналитическом плане – социальным (неэквивалентным, символически опосредованным). Здесь, однако, необходимо уточнение. Экономические действия рас-

считаются как определенный тип социальных действий, соответственно, экономические отношения как тип социальных отношений. Когда сравниваются «социальное» и «экономическое», речь идет, по существу, о сопоставлении «полной» структуры социального действия (и отношения) с одной из его особых, «вырожденных форм». Как уже отмечалось, сама «горизонтальная» система социальных связей является теоретическим конструктом, соответствующим некоторой предельной ситуации. Схематически она может быть представлена примерно так. «Полная» структура действия включает в себя элементы, опосредованные определенными знаковыми структурами, которые дают нормативную санкцию данному действию, как бы включая его в сеть культуры (другие аспекты структуры действия нас в данном случае не интересуют). В «предельной» ситуации эквивалентности элементов действия (точнее, конечно, в ситуации, где эти последние под определенным углом зрения могут рассматриваться как эквивалентные) символический посредник выступает в качестве меры, средства функционального отождествления элементов, а значит сам является таким элементом. Культурная санкция здесь присутствует как бы на втором плане, «за сценой» действия.

В структуре генерализованной («деперсонализованной») вертикальной связи символический посредник обеспечивает приобщение субъекта действия к системе культуры (примеры «культурного» действия – обучение, оценивание, реализация норм). «Вырожденной» ситуацией здесь оказывается превращение самого посредника в границу действия, которое тем самым приобретает черты специфически символического (игра, ритуал).

Затронутые выше особенности структуры и рамок экономического действия могут рассматриваться не только как характеристики определенной аналитической модели, но и как ступени или продукты исторических процессов дифферен-

циации и интеграции социально-экономических систем. Но это особая задача исследования.

Сб. трудов ВНИИ системн. Исследований. Вып. II. 1980

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
2. Вебер М. Протестантская этика. М., 1972-1973.
3. Ильенков Э.В. Проблема идеального. «Вопросы философии», 1979, № 6-7.
4. Политическая экономия. Энциклопедия, т. 3. М., 1979.
5. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964.
6. Структурно-функциональный анализ в современной социологии, вып. I, М., 1968.
7. Федоренко Н.П. К вопросу о «клеточке» социалистического производства. «Вопросы философии», 1978, № 4.
8. Economics and Sociology: toward an integration. Ed. by T. Huppes. Leiden. 1976.
9. Economie et sciences humaines. Sous la dir de Y. Polmade, 1967.
10. Homans G.K. Social behavior: elementary forms.
11. Kirzner I. The economic point of view. Princeton, 1960.
12. Levi-Strauss C. Anthropologie structural. P., 1958.
13. Mansfield E. Microeconomics. N.Y., 1970.
14. Parsons T. The structure of social action. N.Y., 1967.
15. Simon Y. Models of man. N.Y., 1957.
16. Theories of Society. Ed. T. Parsons a.o. N.Y., 1962.

ОБЩЕСТВО

В широком смысле термин «общество» используется в философской и социологической литературе для обозначения всей совокупности исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. Общество выступает как особая, высшая ступень развития живых систем, которая проявляется в функционировании и развитии социальных организаций, институтов, групп, движении классовых и др. социальных противоречий. В узком смысле под обществом нередко понимается исторически конкретный тип социальной системы (капиталистическое общество), определенный социальный организм, принадлежащий к такому типу («японский феодализм»), или определенная форма социальных отношений (например, общество, противопоставленное государству у Гегеля, или общности у Ф. Тённиса). Объяснение природы общественной связи (и, соответственно, общественной природы человека) на протяжении истории социально-философской мысли оставалось центральной проблемой всех теорий общества; то или иное ее решение определяет во многом и трактовку отдельных типов общественной деятельности, в т.ч. индивидуальных действий.

По Платону, общество (государство, полис) возникает благодаря тому, что для удовлетворения своих потребностей люди нуждаются друг в друге (см. *R. P.*, 369 В – С). У Аристотеля общественная связь объясняется действием врожденного людям «социального инстинкта» и поэтому государство (общество еще не различается от государства) выступает как «творение природы». Одним из выражений «социальности» («политичности») человека является исходное неравенство способностей и отсюда – естественное различие функций людей. Для рационализма нового времени (Гоббс, Руссо) характерно представление о том, что люди под давлением обстоятельств вынуждены передавать обществу (госу-

дарству) контроль над своими действиями, отчуждая собственную свободу. Именно этот акт, согласно Руссо, «создает моральное и коллективное единство». С иной стороны подошел к проблеме А. Смит, видевший в разделении труда и обмене товарами специфическую черту и основу всего человеческого общежития. Гегель отверг договорную концепцию (с позиции суверенитета государства в отношении индивидов) и выделил «гражданское общество» – сферу экономических, имущественных, трудовых отношений, которая в то же время является сферой «...всестороннего переплетения зависимостей всех ото всех...» (Соч., т. 7, М. – Л., 1934, с. 223). Конт критиковал договорную концепцию за наследование теологической идеи грехопадения. Общество и государство для него – продукт действия всеобщего закона, ведущего к формированию более сложных и гармоничных систем. При всей метафизичности своих посылок позитивистские идеи Конта дали определенный стимул для рассмотрения общества как сложного и организованного целого, элементами которого являются не отдельные индивиды, а социальные образования (семья и др.). В то же время вопрос о природе общественной связи не получил положительного решения, и почва для противоборства социологического «номинализма» и «реализма» в буржуазной науке сохранилась и поныне. Для Бентама – общество «...есть фиктивное тело, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены» (Избр. соч., т. 1, СПб, 1867, с. 3). Зиммель повторял платоновскую идею, утверждая, что «побуждения» и интересы, которые переживает человек и которые толкают его к другим людям, вызывают к жизни те формы ассоциации, благодаря которым сумма отдельных индивидов превращается в «общество» (см. в кн.: «Theories of society», v. 1, Glencoe, 1962, p. 157). М. Вебер, ограничивая социологический угол зрения объяснением социальных действий, вводил в определение последних некоторых «минимум взаимной ориен-

тации действия каждого по отношению ко всем остальным» (там же, р. 176). Дюркгейм, отстаивая «реальность» общества, указывая на значение разделения труда в создании общественного единства, видел в нем прежде всего «моральное целое», общность «коллективных представлений». Современный функционализм (Парсонс) фиксирует прежде всего субъективную сторону организованности общественных систем («коллективные цели»). В различных современных буржуазных социологических школах принимаются во внимание отдельные аспекты общественных отношений (сознательные действия индивидов, взаимозависимость в рамках малых групп и т.д.), которые и выступают в качестве характеристик общественной связи.

Характерной особенностью марксистского понимания общественной деятельности является выделение во всем многообразии социальных связей материальных *производственных отношений*, которые складываются независимо от воли и создания отдельных индивидов, оказывают определяющее воздействие на идеологические отношения и тем самым составляют объективную структуру общественного организма. Классическая формулировка марксистского материалистического объяснения общества дана Марксом в «Критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд.,

т. 13, с. 6-7). Эти установки служат методологической основой марксистского анализа всей совокупности общественных явлений как в их конкретной связи (в определенных социальных системах), так и в их исторических изменениях. Вульгаризаторству «экономического» материализма марксизм противопоставил требование учета всей сложности взаимодействия материальных и идеологических, «естественных» и социальных отношений в рамках «социальных организмов», как целого. Условием рассмотрения этого целого явилось построение типологии основных эпох социально-экономического развития – общественно-экономических формаций. В капиталистическом обществе (всемирный характер буржуазных отношений приводит к тому, что здесь все общественные системы, относящиеся к капиталистическому типу, образуют единую сверхсистему, связанную мировой торговлей, международным разделением труда и т.д.) Маркс увидел существующие черты модели общественной структуры. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и стоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал научный анализ одного общества и одного прогресса – капиталистического» (Ленин В.И., Соч., т. 1, с. 127-28). Анализ капиталистической системы послужил ключом к пониманию менее развитых общественных форм, а также общих закономерностей социальных процессов. Материалистическая концепция общества (*исторический материализм*) позволила рассматривать развитие общественных формаций «как естественноисторический процесс» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 10), выделить его движущие силы (в частности, место социальных антагонизмов, классовой и конкурентной борьбы). В известной мере влияние этой концепции испытали и некоторые представители немарксистских течений в социологии и социальной антропологии (М. Вебер, Ф. Тённис, К. Леви-Строс и др.).

Организованность общественных систем с точки зрения марксистской социологии объясняется самим характером деятельности людей в процессе «...общественного производства своей жизни...» (см. К. Маркс, там же, т. 13, с. 6). Элементами этого процесса выступают производство материальных средств жизни, производство людей как общественных индивидов и производство «самой формы общения», т.е. личного типа отношений между людьми. От иных типов живых, открытых систем (биологических организмов и сообществ) общественные системы принципиально отличны уже по способу воспроизводства своей структуры. Если первые сохраняют свою структуру во времени при непрерывной смене «субстрата» (поколений) прежде всего благодаря передаче наследственных признаков и стандартных узлов жизнедеятельности (инстинктов) через генетический аппарат отдельных особей и в меньшей мере – через индивидуальное научение, в обществе социально необходимая информация накапливается, хранится и передается благодаря деятельности особых социальных институтов, идеологических и других знаковых систем. В определенном смысле все средства передачи социальной информации могут быть охарактеризованы как языки, если относить к ним не только универсальные, «лингвистические» знаковые системы, но и надстраивающиеся над ними «языки» культуры, фиксирующие соответствующую ступень развития знаний, умений, опыта, нормативных требований морали и права и т.д. Развитие этих средств составляет необходимый момент превращения инстинктивных и спорадических форм труда в систему общественного производства и, соответственно, биологического сообщества (стада, семьи) в человеческое общество.

Существенную сторону жизнедеятельности общественных систем составляют процессы управления, обеспечивающие воспроизводство и развитие определенной структуры общественных отношений. Элементами этих процессов мо-

гут выступать как конкурентные механизмы типа рыночного спроса (Маркс показал, как уравнивание различных сфер производства в буржуазном обществе достигается благодаря «...прихотливой игре случая и произвола...» – см. там же, т. 23, с. 368), так и деятельность особых социальных институтов и идеологических систем (форм общественного сознания), фиксирующих определенность будущих состояний общественной системы (нормы, цели и т.д.). Для различных типов общественных систем характерно преобладание определенных форм управления (механизм обычаев и традиций для докапиталистического общества; конкурентные механизмы регуляции производства, спроса, общественного мнения и вкусов в буржуазном обществе; растущая роль сознательного планового воздействия на общественные процессы в социалистических условиях; соответственно меняется содержание и роль правовых, административных, идеологических регуляторов). Действие конкурентных механизмов в различных сферах общественной жизни обусловлено многообразием интересов отдельных групп, институтов, социальных систем. Деятельность регулятивных механизмов различных типов обеспечивает функционирование общественной системы как целостного социального организма, отдельные элементы которого прямо или косвенно подчинены потребностям целого, и поэтому могут описываться под углом зрения выполняемых ими общественных функций. В то же время развитие и функционирование общественной системы в целом можно рассматривать как реализацию определенной программы ее жизнедеятельности. Всякая социальная программа представляет собой план будущих состояний системы (подчинения средств цели, настоящего – будущему). Общественные потребности задаются в процессе «воспроизводства общественной жизни» либо как выраженная каким-либо особым образом цель деятельности, либо как система нормативных требований, в которых неявно содержится направ-

ленность движения системы. В общественном сознании, в программах деятельности отдельных общественных классов, групп, институтов эта направленность частично выступает в форме интересов, планов, идеалов, иллюзий и т.д., различными путями воздействующих на деятельность людей.

Сформировавшиеся в процессе общественного развития типы идеологических систем (формы общественного сознания) выступают, таким образом, одним из моментов регуляции общественной деятельности. Дифференциация отдельных форм общественного сознания в историческом процессе может рассматриваться как последовательное расчленение исходного регулятивного комплекса, связанное с расчленением самих *норм социальных*. Подход к явлениям общественного сознания под углом зрения их социальных функций (сознание как «осознанное бытие»), рассмотрение даже наиболее удаленных от материального базиса, наиболее фантастичных по своей форме явлений общественного сознания как «звена» действительного мира позволяет марксистской социологии преодолеть характерное для социально-философской мысли прошлого противопоставление духовных и материальных факторов или сфер общественной жизни. Не сознание как таковое, но сознательная, организованная деятельность людей и общественных групп является элементом социального процесса и предметом социологического изучения.

Структура общества – это прежде всего структура самой общественной деятельности, устойчивые, исторически воспроизводящиеся формы, «узлы» которой выступают в качестве социальных институтов (семья, государство, экономика) и т.д. и которая определяет взаимоотношения отдельных индивидов, групп, сообществ. Характер и значение существующих в данной общественной системе социальных групп (и отдельных личностей) в конечном счете определяется характером самой деятельности системы, степенью ее расчле-

ненности и т.д. Так, например, примитивная неразвитость общественных отношений родового строя обуславливает то положение, когда «люди... неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности» (Энгельс Ф., см. там же. Т. 21, с. 99). Развитием территориальных, экономических и культурных связей, государственных образований, мировых религий обусловлено формирование таких больших общественных групп, как национальные. Разделение общественного труда на определенной исторической ступени привело к выделению иерархии специализированных групп, отличающихся по своему положению в системе общественной деятельности – сословий, каст, классов (последние выдвигаются на первый план по мере универсализации товарного хозяйства и современных форм культуры и коммуникации, преодолевающих традиционную замкнутость «закрытых», докапиталистических общественных систем). Различным этапам общественного развития свойственны особые типы переплетения указанных форм социальной дифференциации. При этом необходимым восполнением безличной структуры больших общественных групп и формальных (правовых, идеологических) объединений выступают малые группы, основанные на непосредственном личном контакте участников и в значительной мере опосредующие отношения индивида с общественной системой (постольку такие группы выступают в качестве «первичных»). Для современного общественного развития при капитализме характерны, с одной стороны, растущая дифференциация социальных слоев и групп (связанных с разделением труда внутри классов или объединяющих представителей разных классов) на основе соответствующего обособления отдельных сфер производства, управления, культуры, формирования стандартов быта и т.д., а с другой стороны, растущая роль организованных, связанных общностью идеологии и дисциплины («формальных») групп (поли-

тических партий, профсоюзов и т.д.). Структура социалистического общества определяется единством коренных интересов его классов, которое обеспечивается социалистической системой хозяйства, управления и идеологических отношений. Эквивалентный обмен деятельностью и прогрессирующее сближение различных общественных групп выступает здесь предпосылкой развития и специализации различных сфер общества (науки, культуры, управления и т.д.), совершенствования политической и идеологической организованности масс.

В историческом развитии общества сравнительно отчетливо выделяются: 1) этап преобладания институтов, предполагающих личные отношения и личную зависимость, традиционные каналы поддержания общественного авторитета (обычай, нравы как универсальный регулятор человеческих отношений) – сюда относятся все докапиталистические формации; 2) этап преобладания безличных (в частности, юридических) форм человеческих отношений; в последнем случае изменяют свою структуру и свое социальное значение и такие «традиционные» институты, как мораль и религия. Так, для капитализма характерна возрастающая роль государства, прямо или косвенно подчиняющего своему контролю все иные сферы общественной деятельности; при этом, если для домонополистического капитализма был специфичен прежде всего правовой контроль, то в государственно-монополистических его формах развивается непосредственное вмешательство государственно-административного аппарата (в частности, контроль над общественным мнением, ведущий к переоценке всего классического механизма демократии, парламентаризма и т.д.). «Массификация» общественной жизни и бюрократизация аппарата управления здесь взаимно обуславливают друг друга. В современном социалистическом обществе формирование стабильной системы правовых, моральных и идеологических отношений, обеспечи-

вающих рост самостоятельности и ответственности масс, является необходимым условием общественного прогресса.

При характеристике общественных процессов существенное значение имеет выявление и разграничение процессов функционирования и развития общественных систем (см. В.И. Ленин, Соч., т. 1, с. 148). Воспроизводство структурных компонентов (людей, материальных средств, форм общения) свойственно любой социальной системе и составляет основу ее функционирования; помимо этого, особенностью общества является способность, по крайней мере некоторых из его исторических форм, к «расширенному воспроизводству» не только в смысле включения в свою сферу новых масс людей, природных ресурсов, территорий и пр. (экстенсивное развитие), но в смысле повышения уровня собственной организованности. Последнее предполагает формирование новых общественных потребностей и новых форм их удовлетворения. В конечном счете, именно реализация этой возможности (усложнение структуры, формирование новых типов потребностей, надстраивание над старыми регулятивными системами новых их уровней, возникновение новых критериев членения и оценки действительности в общественном сознании и т.д.) означает переход от функционирования к развитию общественных систем. Попытки рассматривать движение общества под углом зрения приспособления к меняющимся условиям, «уравновешивания» со средой, удовлетворения наперед заданных индивидуальных потребностей и т.п. (Бентам, Спенсер, современный функционализм) неизбежно сводят поле зрения исследования к статичным моментам и формам этого процесса. Если определенные типы общественных систем (наиболее характерные для первобытных уровней, ряда «азиатских» общинных образований и др.) с известным приближением могут рассматриваться как застойные, то социальная эволюция связана с возникновением и распространением прогрессивных, самоусложняющихся форм общественных

организмов. Исторический процесс, т.е. реальная история отдельного общества, государства, тем более всемирная история, включает не только функционирование и развитие множества социальных организмов, но также и многообразные процессы взаимного влияния, столкновения, случайных изменений, которые не всегда могут рассматриваться в рамках жизнедеятельности какой-либо целостной системы высшего порядка.

Существенным моментом истории общества является разрыв непрерывности в развитии общественных систем, разрушение и реконструкция определенных сфер общественной деятельности, что приводит при благоприятных условиях к более или менее глубокой революционной перестройке всей его структуры (социальные, политические, промышленные, научно-технические революции различных типов). Поскольку развитие новой общественной структуры обусловлено характером сформировавшихся ранее общественных противоречий, а также материальных и культурных предпосылок их решения, это развитие может рассматриваться как этап более общего процесса. При этом на качественно различных ступенях общественного развития может происходить периодическое воспроизведение некоторых типов общественных структур (форм управления, собственности, культуры и т.д.). Многообразие исторически сложившихся общественных форм представляет собой не простую последовательность, но многоуровневую периодическую структуру. Марксистская теория раскрыла главные движущие силы общественного развития в диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, борьбе классов. В отдельных общественных системах действуют свои закономерности, обеспечивающие сохранение и развитие наиболее прогрессивных форм производства, культуры, общественно-политической жизни. Так, в период феодальной раздробленности мерилom жизнеспособности отдельных со-

циальных организмов нередко оказывалась их способность противостоять враждебному окружению; капитализм довел до высокого совершенства механизм экономической конкуренции как двигатель производства и спроса. Для социализма характерно развитие плановых, сознательных форм стимулирования прогрессивных изменений (при широком использовании товарно-денежных рыночных механизмов). Рост производительности общественного труда и повышение организованности общественных организмов определяют ряд общественных форм как ступеней исторического прогресса. В рамках отдельных общественно-экономических формаций возможен ряд типов общественных систем, отличающихся по способу своей организованности, средствам управления деятельностью масс, способности к саморазвитию и т.д. Для ряда прошлых эпох характерны наличие обособленных, «типиковых» линий общественного развития, приводящих к деградации и стагнации структуры общества (современным примером может служить *фашизм*). Показателем прогрессивного развития общества является дифференциация общественных систем, находящая свое выражение: а) в развитии общественного разделения труда и обмена деятельностью между различными классами и группами, б) в обособлении различных сфер общественной деятельности (город и деревня в прошлом, производство и обмен, обслуживание, управление в современных условиях, наука и т.д.), в) в дифференциации социальных институтов и развития систем социального контроля, подчиняющих действия отдельных элементов общественного организма (индивидов, групп) целостной структуре, г) в формировании человеческой личности как активной и сознательной силы общественного развития.

Отражение этих изменений в общественном сознании противоречиво; дифференциация общества предстает перед людьми прежде всего как развитие внешней по отношению к ним, «опредмеченной» (нередко и сакрализованной в рели-

гиозной фантазии) социальной силы. «Социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникшая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов ... представляется данным индивидам не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 33). Реальный процесс состоит не в отделении «совместной деятельности» от индивидов, но в прогрессирующем выделении человека как самостоятельного деятеля из первоначально нерасчлененного общественного целого. Богатство и сложность социального содержания личности определяется тем, что последняя аккумулирует и преломляет в своей деятельности характеристики различных сфер жизнедеятельности общества, целого ряда общественных форм. Поэтому степень и характер развития человеческой личности как общественного фактора может рассматриваться в качестве показателя уровня общественного развития в целом. Лишь высокоорганизованное, свободное от эксплуатации общество делает нормой активную и многостороннюю *личность* человека и нуждается в ней.

Философская энциклопедия, т. 4, М., 1967

Литература

1. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение, *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., 2 изд., т. 1.
2. *Маркс К.* Наемный труд и капитал, там же, т. 6.
3. *Маркс К.* К критике политической экономии, там же, т. 13.
4. *Маркс К.* Капитал, т. 1, там же, т. 23.

5. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология, там же, т. 3.
6. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, там же, т. 20.
7. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21.
8. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1.
9. *Ленин В.И.* Что делать?, там же, т. 5.
10. *Ленин В.И.* Государство и революция, там же, т. 25.
11. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30.
12. *Ленин В.И.* О нашей революции, там же, т. 33.
13. *Дюркгейм Э.* Метод социологии, пер. с франц., К. – Х., [1899].
14. *Гегель Г.* Философии истории, Соч., т. 8, М.–Л., 1935.
15. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преимуществах и изменении, пер. с англ., М., 1961.
16. Социология сегодня, пер. с англ., М., 1965.
17. *Семенов Ю.Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии, М., 1965.
18. *Chinoy E.* Society, N.Y., [1961].
19. *Mills C.W.* The sociological imagination, N.Y., [1961].
20. *Bauman Z.* Zarys socjologii, 2 wyd., Warsz., 1963.
21. Theories of society, N.Y., 1965.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНАЯ

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНАЯ – одна из основных категорий социологического анализа общества, обозначающая сеть упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами социальной системы; в структуре социальной фиксируется свойственный данному обществу способ *разделения труда*, взаимоотношения *классов* и др. социальных групп, характер функционирования социальных институтов, формы социальной организации и социальных действий.

Экономическая, политическая, культурная и др. структуры общества могут рассматриваться как отдельные аспекты его структуры социальной. Марксистский подход к развитию общества выявляет определяющую роль системы экономических отношений (экономической структуры) по отношению к иным общественным структурам, отмечая при этом значение их обратного влияния на экономическую. Связи, определяющие функционирование отдельных сфер или институтов общественной жизни, составляют структуру социальную производства, политики, науки, досуга и т.д. Наконец, под структурой социальной, точнее социальным составом, принято понимать распределение и количественное соотношение классов, социальных групп, а также слоев, профессиональных, культурных и др. групп. Этот важный, сравнительно строго фиксируемый статистический показатель структуры социальной может быть правильно понят лишь в связи с соотношением соответствующих институтов, сфер общества, типов разделения общественного труда, т.е. через структуру социальную общества как целостное образование.

Структура социальная общества может рассматриваться в трех планах: а) функциональном, т.е. как упорядоченная система форм социальной деятельности, обеспечивающих функционирование и развитие определенного целого; при

этом единицами анализа выступают отдельные сферы общественного разделения труда и социальные институты; б) организационном, т.е. как система связей, образующих различные типы социальных групп, характерных для данной социальной системы; единицами анализа здесь служат коллективы, организации и их структурные элементы; в) как определенная система ориентации социальных действий (коллективных и индивидуальных); единицами анализа являются при таком подходе к структуре социальной элементы социального действия (цели и средства, мотивы и стимулы, нормы и образцы, программа и подпрограмма и т.д.). Указанные подходы к структуре социальной общества могут рассматриваться как различные дополняющие друг друга ее срезы: каждый из них допускает как теоретический, так и эмпирический анализ, хотя степень и формы их соотнесения неодинаковы.

С выделением указанных планов связаны и некоторые особенности отображения структур социальных в социальном, позднее в социологическом мышлении. Первичным, как будто «непосредственно-данным» его предметом явились действия отдельных лиц и коллективов (правителей, армий и т.д.). Значительно позже появляется интерес к выделению определенных типов социальной организации (например, политических классов у Тьерри и др.). Показав связь общественных классов с определенными фазами развития производства, Маркс выявил ту функциональную структуру (разделение труда и частную собственность), которая служит основой существования соответствующей социальной группы. Именно этот шаг позволили научно подойти и к организационной структуре общества и к социальному действию. Примером может служить введенное Марксом социально-экономическое определение классов, в связи с дифференциацией общественного производства. Такая постановка проблемы не означает экономического детерминизма, поскольку прини-

мается во внимание весь процесс производства людьми своей собственной жизни (см. К. Макс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 27).

Подход к обществу как к организованной системе социальных отношений предполагает анализ таких процессов, как разделение, специализация и кооперация форм труда и управления в плане функционирования и развития некоторого целого. Элементами этого процесса являются обособление и институционализация отдельных сфер социальной жизни, приводящие к соответствующим изменениям в социальном составе населения.

На формирование и изменения структур социальных оказывают воздействие и «внесистемные» процессы – конфликт, взаимовлияние разнородных структур (связанные, например, со столкновениями локальных культур). Различные, по уровню и типу своего развития структуры социальные в неодинаковой степени способны интегрировать внешние по отношению к ним социальные образования, тем самым функционализируя их. Историческим примером такого процесса может служить интеграция земледельческих и пастушеских племен в едином социальном организме, превращение этнической и религиозной разобщенности в элементы разделения функций (труда, власти, престижа, коммуникации и др.) в условиях буржуазного общества. Функционализируются, превращаясь в элемент структуры социальной, и такие «естественно» заданные характеристики, как пол, возраст, трудоспособность и пр. Характерным моментом структуры буржуазных обществ является превращение, явное или неявное, определенных форм аномии, бунта, асоциального поведения (преступность, наркомания, определенные типы религиозных и т.п. движений) в средства ослабления психологических конфликтов и уменьшения напряженности в системе. Конфликтные механизмы могут служить регулятором соотношений различных элементов структуры социальной, распределения на-

селения по сферам общественного производства.

Основными факторами развития структуры социальной являются т.о.: а) «горизонтальная» дифференциация функций между отдельными дополняющими друг друга сферами социальной деятельности (пример – разделение сфер общественного производства); б) «вертикальная» иерархия, дифференциация функций между различными уровнями социального управления (выражением этого служит соответствующая дифференциация социальных институтов, механизмов социального контроля и программ деятельности социальной системы); в) функционализация «посторонних» по отношению к данной системе социальных структур.

Механизмами интеграции структуры социальной выступают: а) формирование и развитие объективных предпосылок кооперации различных сфер и элементов общественной жизни; б) действие социально-психологических спонтанно складывающихся установок и ориентации (к которым следует также относить компенсаторные механизмы психологической разрядки); в) влияние организованных идеологических систем, призванных фиксировать подобные установки и ориентации; г) действия механизмов (в т.ч. специализированных институтов) социального контроля, направленных на реализацию признанной в данной культуре нормативной системы (см. *Нормы социальные*). Система социальных норм, функционирующих в данном обществе, обеспечивает сохранение и воспроизводство его структуры социальной.

За многообразием исторически-конкретных форм структуры социальной могут быть прослежены некоторые их общие типы, характеризующиеся такими фундаментальными параметрами, как степень функциональной дифференциации (горизонтальной и вертикальной, в указанном выше смысле), тип связи функционально зависимых элементов, способы воспроизводства ролевых позиций. Расчлененность программы социальной деятельности и институционализации

функций могут считаться производными характеристиками.

В «примитивных» структурах социальных (первобытные, а также иные «традиционные» системы отношений) практически отсутствует функциональная дифференциация обоих типов, а закрепление индивидов за социальными ролями является всесторонним (т.е. отсутствует какой-либо доминирующий тип связи), пожизненным и наследуемым. Такой структуре соответствует «одноуровневая» программа социального действия, состоящая из некоторой последовательности категорий, требований, отступление от которых грозит разрушением всей структуры социальной.

В условиях античных, азиатских, феодальных общественных отношений получили развитие такие элементы структуры социальной, как: а) дифференциация и обособление сфер социальной деятельности, а отчасти (в сфере управления и контроля) и ее уровней; б) системы институционального закрепления и наследственной передачи социального статуса (привилегии, титулы и пр.). Необходимостью для этих типов социальных отношений являлась институционализация нормативной структуры в виде культовых, позже юридических и идеологических систем, отчасти фиксирующих образцы «нормального» поведения, в основном же призванных отсеять аномалии.

В буржуазном обществе периода *laissez-faire* структура социальная характеризуется: а) растущей дифференциацией сфер социальной деятельности, причем сами механизмы взаимосвязи этих сфер (обмен, воспитание) обособляются; б) развитием многоступенчатой иерархии управления («вертикальная» дифференциация); в) преобладающим значением конфликтных (конкурентных) механизмов регуляции социальных отношений, предполагающих подвижность и автономию отдельных действующих единиц, ориентированных на индивидуальное достижение успеха; г) частной, наследуемой и отчуждаемой собственностью как определяющим показа-

телем этого успеха, а вместе с тем социальной роли, статуса, престижа. Именно эта особенность буржуазного общества сделала возможным выделение марксизмом собственности, социально-экономических отношений, социальных классов как основных категорий материалистического анализа общественной системы.

Указанные типы структур социальных нельзя непосредственно отождествлять с исторически реальными структурами, они могут накладываться и влиять друг на друга в одной и той же наличной социальной системе. В частности, на современной государственно-монополистической стадии буржуазного развития в различных странах сохраняют свое значение «традиционные», «азиатские» и т.п. элементы структуры социальной. В то же время концентрация политической власти и обособление всей сферы социального управления наряду с развитием монопольной массовой коммуникации накладывает все более существенные ограничения на весь механизм действия структуры социальной, сформировавшейся в период *laissez-faire*, создает условия для появления тоталитарных и фашистских общественных форм. В условиях колоссального разрастания сферы обслуживания и управленческого аппарата показатели собственности и личного успеха теряют свое универсальное значение, в определенной мере уступая таким показателям, как статус в бюрократической системе и соответствие признанным стандартам ее функционирования. Соответственно происходит обособление позиций статуса и престижа как элементов социальной роли.

Структура социальная общества определяет характер соответствующих интересов отдельных социальных групп и организаций, направленность и значение социальных конфликтов в механизме функционирования соответствующей социальной системы, равно как и типы *социальной мобильности*. Если для капиталистического общества определяю-

щим является конфликт социально-экономических интересов, непосредственно обуславливающий классовую борьбу, в докапиталистических обществах этот конфликт социальных сил может выражаться в борьбе политических, идеологических (религиозных) интересов и традиций.

Усложнение структур социальных современного капиталистического общества находит выражение, в частности, в том, что в круг объектов классовой борьбы трудящихся включаются требования, связанные с обеспечением доступа к образованию, культуре, услугам, престижу.

В социалистическом обществе (см. *Коммунизм*) определяющую роль в структуре социальной играет централизованная государственная регуляция сфер общественного производства, обслуживания, культуры; соответственно приобретают новое значение дифференциация и институционализация сфер управления, планирования и воспитания. Господство общественной собственности на средства производства изменяет смысл самой собственности как структурообразующего фактора и как меры социального статуса; последний измеряется, согласно принципам социализма, участием отдельных индивидов и коллективов в удовлетворении общественно-признанных нужд, т.е. их функциональной деятельностью. Уничтожая такие институты, как наследование социального статуса, собственности, власти, социалистическое общество создает систему государственно организованного соизмерения и оценки роли отдельных лиц, коллективов, групп; средствами такой оценки выступают как стоимостные выражения результатов труда, так и сопоставления последних с плановыми и др. директивными показателями; широкое развитие получают многообразные системы поощрений, временных или пожизненных (звания и пр.). Обмен людскими и материальными ресурсами между отдельными сферами общественной жизни и производства зависит в этих условиях от сложного конгломерата экономического и соци-

ально-идеологического факторов, получающих все более полное развитие в процессе совершенствования социалистических общественных отношений.

Философская энциклопедия, т. 5, М., 1970

Литература

1. *Маркс К.* Капитал, *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., 2 изд., т. 23-25.
2. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, Соч., 4 изд., т. 30.
3. Классы, социальные слои и группы в СССР, М., 1968.
4. Проблемы изменения социальной структуры советского общества, М., 1968.
5. *Семенов В.С.* Капитализм и классы, М., 1969.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда, пер. с франц., Одесса, 1900.
7. *Миллс Р.* Властвующая элита, пер. с англ., М., 1959.
8. *Parsons T.* The social system, [2 ed.], Glencoe (111.), [1952].
9. *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society, Stanford (Calif.), 1965.
10. *Bendix R., Lipset S.M.* Class, status and power, 2 ed., Glencoe, [1966].
11. *Wesolowski W.* Klasy, warstwy i wladza, Warsz., 1966.

ГОРОД И СЕЛО В СОВРЕМЕННОМ ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА. ТЕЗИСЫ (социокультурные аспекты)

1. Сложность наблюдаемых социальных изменений требует учёта: а) многоплановости функциональных соотношений городской системы общества с негородской средой; б) особенностей культурно-исторических типов таких соотношений.

2. В различной степени современное село испытывает воздействие и одновременно является фактором изменения форм расселения (или, шире, территориальной организации общественного производства) перестройки образа жизни, развития социальных функций и культурного значения городских центров общества. Для понимания новейшего периода урбанизации советского общества анализ последнего из названных аспектов весьма важен.

3. «Экстерриториальными» – и постольку универсально-значимыми элементами современной урбанизации выступают формирование «городских» типов организации населения (динамические образцы), развитие культурно-значимых потребностей, многосторонней (миграционной, коммуникативной, ценностной) подвижности, современных регулятивных механизмов (формальных, избирательных, стохастических) общественной жизни.

4. В общетеоретическом плане эти тенденции могут быть представлены как изменение социокультурного пространства общества, проявляющееся в его метрике, структуре, временных параметрах.

5. Формы распространения (и само качество) «городских» образцов в каждой культурно-исторической ситуации зависит от степени гомогенности территориальной структуры общества, сбалансированности различных элементов урбанизации, устойчивости «негородских» образцов.

6. Для бурного развития урбанизации советского общества характерна одновременность усвоения различных уровней «городских» образцов. С этим связаны, в частности, такие явления, как приоритеты распространения массовых форм культурного потребления, односторонность миграционных ориентаций, относительная устойчивость «догородских» форм жизни и культуры.

7. Дальнейшее развитие соотношений городских и негородских общественных структур в значительной мере будет определяться перспективой современных («интенсивных») форм урбанизации.

М., 1973 г. Домашний архив.

УПРАВЛЕНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ – функциональный элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая: а) сохранение их определенной структуры, б) поддержание установленного режима деятельности и в) реализацию явно или латентно заданной программы этой деятельности (достижение цели). В научной и философской литературе по проблемам управления выделяются такие его аспекты, как создание разнообразия – применительно к управлению в кибернетических системах (У. Эшби), сознательное воздействие на социальные процессы – применительно к общественным экономическим системам. Отдельные аспекты управления, первоначально лишь в применении к социальным (политическим) системам, рассматривались начиная с античности (Платон), в особенности же с 18–19 вв. Особенно серьезное стимулирующее воздействие на научную разработку проблем управления оказала промышленная революция и возникшие на ее основе постановки вопроса о плановой организации общества (социальный утопизм) или отдельных его элементов (научная организация труда и администрации и т.д.). Проблемы управления обществом были впервые научно разработаны марксизмом.

Развитие абстрактных, логических и математических концепций и схем управления происходит в последние годы в русле кибернетики, теории систем, теории автоматического регулирования и др.; ряд выработанных в этой связи понятий (система управления, обратная связь, информация, датчики, контур регулирования и др.) получил определенное методологическое, значение. Важную роль сыграли также исследования биологических регулятивных систем и конструирование сложных автоматов в технике. Практически-операциональный угол зрения на управление («управ-

ленческий» в технико-организационном или административном смысле) обычно рассматривает проблемы эффективности заранее определенного механизма управления при заданных условиях его функционирования; управление при этом сводится к намеренному воздействию на соответствующий процесс. При философском анализе проблемы управления в центре внимания оказываются категории субъекта и объекта, цели и средств, сознательного и бессознательного и т.д.; в последнее время в научной литературе существует тенденция представить упомянутые общеметодологические категории и схемы управления в качестве элементов философского знания. Специфическим для социологического анализа является рассмотрение как функций, так и природы механизмов управления в социальных системах различного уровня.

Для живых (биологических) систем характерно обособление двух уровней управленческой системы: организменной и поведенческой, первая из которых воспроизводится наследственно, ориентирована на самосохранение вида или экосистемы; вторая обеспечивает удовлетворение потребностей системы во взаимодействии с внешней средой. В определенных ситуациях можно рассматривать управляющие системы организма, популяции, или биоценоза как ориентированные на повышение эффективности соответствующей деятельности; в применении к биосфере или виду в целом такая точка зрения неоправданно телеологична. Специфической особенностью социальных систем является развитие еще одного уровня управления – культуры как системы инструментальных и символических средств (знаний, норм, ценностей, воплощенных в социальных институтах, орудиях, сооружениях и пр.).

Существенно различие трех подсистем управления, относящихся соответственно к 1) организации связей и отношений данной системы, задающих ее структуру (тип *раз-*

деления труда для общества, межличностные отношения для малой группы, система ценностных ориентаций для личности и т.д.); 2) поддержанию установленного режима деятельности данной системы (задача социального контроля, функциональными элементами которого выступают *нормы социальные*, образцы, санкции; подсистема в целом действует по принципу обратной связи, поскольку определенные отклонения от установленного режима приводят в действие соответствующие механизмы); 3) реализации программы достижения определенной цели – наиболее общей функции управления, включающей в себя обе отмеченные выше. Этическая дилемма «цели и средств» (постановка которой возможна благодаря типичной для практического сознания фиксации отдельных узлов деятельности, причем цель предполагается как бы заранее существующей) в социологическом анализе управления выступает как сопоставление вариативных программ действия, в которых «цель» задана в виде некоторой последовательности действий.

Различаются универсальные, направленные и диффузные системы управления. Первая из них ориентирована на «всех и каждого» (например, юридический закон), вторая – на определение адресата, которым могут быть отдельные личности и организованные группы (директива), третья же не имеет конкретного адресата и обращена «ко всем, кого это касается», т.е. определенная информация может использоваться различными адресатами в соответствии с их интересами, способностями и т.д. В сложной социальной системе направленное управление обычно организовано иерархически (например, административная система), универсальные и диффузные процессы управления не обязательно иерархичны (право, система массовой коммуникации). Различие в способах ориентации определяет и характер «емкости» соответствующего канала управления: только направленные процессы управления способны обеспечить передачу «команд», дик-

тующих содержание отдельных актов или приводящих в движение ранее фиксированные программы, в то время как диффузные (и «универсальные») каналы служат для трансляции семиотических средств управления (мировоззренческие системы, ценностные ориентации, эмоциональные состояния). Передача подобных средств создает предпосылки для восприятия, интерпретации, реализации определенных команд.

Система управления, действующая в условиях определенности, является жестко (ригидно) детерминированной, поскольку управляющее воздействие однозначно определяет реакцию «адресата», или статистически детерминированной, если специально задается относительно широкий спектр возможных реакций. Например, если в современных обществах рабочее время распределено весьма жестко, то формы использования досуга определяются решениями отдельных индивидов, причем социальные и культурные рамки этих решений заданы с силой статистической закономерности. В условиях неопределенности (поскольку не может быть известен результат отдельного воздействия) формируются системы опосредованного управления – например, в сферах рыночных отношений, применительно к распространению культурных стандартов (познавательных, оценочных и др.). Воздействие на такую систему может осуществляться через факторы среды (например, установление монополии на определенные продукты) и через изменение универсального средства (например, регуляция цен, воздействие на массовый спрос при помощи средств коммуникации). При определенных допущениях отношения управляющих и управляемых структур могут рассматриваться как отношения субъекта и объекта управления, в реальной же общественной системе ввиду иерархичности системы управления, взаимообусловленности ролевых ожиданий, отношений поддержки и т.д. «субъект» выступает в качестве оператора управления, ис-

полняющего определенные функции в его системе и обладающего некоторой степенью свободы выбора решений. В качестве оператора могут выступать личности (отдельные индивиды, групповые и культурные лидеры), организации, социальные институты, в том числе персонализированные (монарх, лидер). Если в первобытном обществе носители социального авторитета непосредственно выступают представителями «общей воли», то в классово дифференцированных обществах в механизм управления входят как иерархически организованные и специализированные системы принятия решений, так и менее разветвленные системы массовой поддержки (представительские органы, средства идеологического воздействия).

Согласно «принципу необходимого разнообразия» (У. Эшби), управляющая система должна обладать не меньшим разнообразием состояний, чем управляемая, чтобы иметь возможность активного воздействия на нее. В социальных системах это требование реализуется благодаря: а) иерархизации системы управления, уменьшающей разнообразие в управляемых структурах на каждом уровне; ту же задачу попутно решает и функциональная специализация; б) упрощению самих показателей разнообразия. В качестве критериев эффективности управления могут выступать либо оптимизация заданного параметра управляющей системы (быстродействие, масштабы, устойчивость и т.д.), либо адаптация к меняющимся условиям внешних систем (среды), позволяющая обеспечить самосохранение и достижение соответствующих целей.

Исторические типы общественных систем могут рассматриваться под углом зрения характерных для них механизмов управления. В примитивных общественных формах *социализация* индивидов, задающая жесткую ценностную структуру личности, соответствующую столь же ригидной структуре социальных ее ролей, выполняет основные функции управ-

ления; оперативные его формы сравнительно просты и «естественны», поэтому роли операторов управления мало специфичны. Универсальным хранилищем культурного наследия является традиционное групповое сознание; с этим связан непосредственно коллективный и ритуально-практический характер действующих в обществе семиотических систем («языков культуры» – морального, юридического, философского). В «азиатских» и феодальных социальных формах этот традиционный механизм управления почти полностью сохранен, но над ним надстраиваются более или менее дифференцированные системы управления (политические, правовые, нравственные, церковные и пр.), призванные обеспечить определенный режим деятельности индивидов и групп в масштабах общества, отвечающий интересам господствующих классов. Наследственно воспроизводимая вертикальная и горизонтальная дифференциация ролей обуславливает элитарный характер культуры, т.е. передачу по наследству определенной специализации, специфических групповых норм и пр. (в этом смысле элитарна не только политическая и художественная, но и земледельческая культура; собственность здесь тоже выступает в качестве наследственной привилегии). С развитием обособленных от культового действия символических систем (правовых, политических, моральных) формируются семиотические средства фиксации соответствия нормативных и ценностных стандартов. Оперативные же формы управления, как правило, не подлежат специальной фиксации. В период капиталистического развития получают самостоятельное значение правовые формы регуляции режима социального действия, конкурентные механизмы управления в социальных процессах различной природы (экономических, политических, культурных), все более формально регламентированные системы оперативного, технического и административного управления (на предприятии, в политическом механизме, армии). Целенаправленное управ-

ление выступает здесь на первый план первоначально на уровне личности и семьи (ориентация на личный успех, максимизацию прибыли), в дальнейшем получают определенное развитие элементы целенаправленного управления в монополизированной сфере государственного регулирования. Это, в свою очередь, требует все более детальной регламентации режима деятельности (административная и техническая регламентация). Механизм передачи культуры максимально институционализируется, деперсонализируется, как и механизм социального контроля. Дальнейшие изменения в типах социального управления, связанные с эпохой государственно-монополистического капитализма, характеризуются тенденцией к распространению целенаправленных оперативных (административно-технических) форм управления на многие сферы социальной жизни, на деятельность государства и других институтов; параллельно происходит развитие системы массовой коммуникации и соответствующая «масшификация» социальной организации и культуры. Отсюда, с одной стороны, колоссальный рост масштабов и специализации «оперативного» управления (экономическое планирование, технизация и сциентификация систем управления), с другой – приобщение масс к пассивному, «потребительскому» соучастию в управлении (через механизмы потребительского спроса буржуазной политической демократии). Традиционное разделение авторитетов (включая сложную дифференциацию власти и контроля, а также различие светских и священных, правовых и нравственных, устойчивых и мобильных нормативных систем) предельно рационализируется и упрощается. Тем самым создаются условия для возникновения в определенных ситуациях (см. *Фашизм*) систем «тотального» управления, исключающих автономию отдельных уровней, сфер и субъектов управления в обществе. В буржуазном обществе складывается «многоэтажная» система управления, включающая следующие уровни: а) традицион-

ных личностных отношений (семья); б) профессиональных и культурных групп; в) «менеджеральных» практически – рациональных отношений в рамках предприятия; г) «рыночных» (конкурентных) регулятивных систем управления в условиях неопределенности; д) принятия решений в масштабах общества (государство и его органы); е) идеологических отношений, воздействие на которые осуществляется через систему пропаганды и массовой коммуникации.

Социализм придает принципиально новое содержание и значение механизмам управления социальными процессами. Ликвидируя связь механизма управления с какими бы то ни было наследственно привилегированными классами, социализм превращает управление в явную функцию общественной системы, привлекая широкие массы к участию в различных его механизмах.

Система управления социалистическим обществом включает в себя механизмы правовой, административной, нравственной регуляции общественных отношений, планово-директивные и экономические рычаги воздействия на народнохозяйственную сферу, органы политического и нравственного воспитания. Решающей особенностью системы управления социалистическим обществом является подчинение всех ее элементов и уровней руководству Коммунистической партии, которая определяет программу и критерии общественного развития, соотношения ближайших и перспективных задач, направляет деятельность государственных учреждений, общественных организаций и масс трудящихся на их реализацию. Коммунистическая общественная формация выступает в качестве чрезвычайно сложной целенаправленной управляемой системы, в которой все механизмы поддержания и изменения наличной структуры и нормативной регуляции общественной деятельности прямо или косвенно определяются программой социалистического и коммунистического строительства. Формулировка конкретных положений

этой программы в соответствии с реальными условиями развития, потребностями и возможностями общества, непрерывное совершенствование всех механизмов управления является при социализме предметом постоянного внимания партийных и государственных органов, научной и социальной мысли.

В современных условиях наиболее существенными звеньями в совершенствовании управления социалистическим обществом стали повышение научного уровня планирования, внедрение наиболее эффективных методов организации труда во всех областях, развитие системы учета и контроля, широкое использование электронно-вычислительных машин в сфере управления. Одна из важнейших составных частей этого процесса – повышение роли науки в управлении обществом, в частности научного обоснования государственных решений и анализа социальных аспектов экономических и технических изменений (экспертные функции науки в системе социального управления). Другая особенность современного развития системы управления социалистическим обществом – внедрение новых методов экономического стимулирования в народном хозяйстве и соответствующие изменения в стиле руководства различными сферами общественной жизни. Мероприятия, осуществляемые в рамках экономической реформы, призваны более эффективно использовать заинтересованность, инициативу и самостоятельность предприятий, коллективов и масс трудящихся в дальнейшем развитии народного хозяйства и управления обществом.

Философская энциклопедия, т. 5, М., 1970

Литература

1. *Маркс К.* Капитал, т. 2-3, *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2 изд., т. 24-25.
2. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, там же, т. 20.
3. *Энгельс Ф.* Об авторитете, там же, т. 18.
4. *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти, Соч., 4 изд., т. 27.
5. *Ленин В.И.* Лучше меньше, да лучше, там же, т. 33.
6. *Винер Н.* Кибернетика, пер. с англ., 2 изд., М., 1968.
7. *Вир С.* Кибернетика и управление производством, пер. с англ., М., 1963.
8. *Эшби У.* Конструкция мозга, пер. с англ., М., 1964.
9. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966.
10. *Каценелинбойген А.И., Овсиенко Ю.В., Ферман Е.Ю.* Методологические вопросы оптимального планирования социалистической экономики, М., 1966.
11. Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью, М., 1966.
12. Наука – техника – управление, пер. с англ., М., 1966.
13. Планы и структура поведения, пер. с англ., М., 1965.
14. *Шмальгаузен И.И.* Кибернетические вопросы биологии, Новосибирск, 1968.
15. *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом, М., 1968.
16. *Ланге О.* Оптимальные решения, пер. с польск., М., 1967.
17. *Weber M.* Theory of social and economic organization, N.Y., 1947.
18. *Parsons T.* The social system, 2 ed., Glencoe (111.), [1952].
19. *Beer S.* Decision and control, N.Y., 1966.
20. *Deutsch K.W.* The nerves of government, N.Y., [1966].
21. См. также литературу при ст. Кибернетика, система.

НОРМЫ СОЦИАЛЬНЫЕ

Нормы социальные – исторически сложившиеся или установленные каким-либо образом стандарты деятельности, соблюдение которых выступает для индивида и группы необходимым условием их подчинения определенному социальному целому; в системе норм социальных фиксируются определенные критерии функционирования этого целого. Всякая система норм социальных предполагает наличие: 1) определенных общественно-значимых стимулов деятельности (выступающих в качестве целей, идеалов, ценностей; 2) образцов или правил «нормального» для данной системы поведения или обозначения границ его допустимых вариантов; 3) санкций за уклонение от норм социальных. Указанные моменты составляют основы социального контроля в любом общественном целом.

Природа норм социальных может быть научно объяснена лишь на основе представлений об *обществе*, как исторически развивающейся целостной системе. Формирование, закрепление и передача из поколения в поколение норм социальных является важнейшей стороной функционирования общества. Традиционная для индивидуалистических, философских, правовых и этических теорий установка на рассмотрение норм социальным лишь под углом зрения ее противопоставления индивиду фиксирует некоторые внешние проявления этого процесса, в результате чего норма социальная выглядит как нечто чисто идеальное, сформулированное правило, предписание. Историко-материалистическая концепция марксизма снимает противопоставление человеческой деятельности и норм социальных. В этом плане преодолевается также абстрактное противопоставление «материальной» и «нормативной», «реальной» и «должной» сторон человеческой жизни. Всякий акт материального производства, накопление и использование знаний и производст-

венного опыта происходит в рамках действующей системы общественных отношений, а значит, и системы норм социальных. Для отдельного индивида или отдельного поколения в каждый данный момент нормы социальные предстают как нечто данное, как предписание относительно должного и будущего поведения. Между тем в рамках функционирования общественного организма нормы социальные – атрибут наличного способа его жизнедеятельности, непрестанно воспроизводящегося в новых условиях, на новом человеческом материале. «Должное» для каждого отдельного индивида или для каждого поколения, группы, класса оказывается «сущим», т.е. непрестанно повторяющимся элементом жизни целого, социальной системы.

Норма социальная не является простым отображением реального положения вещей, она фиксирует некоторый оптимальный стандарт деятельности, который не осуществляется полностью ни в каком отдельном случае. Совокупность норм, действующих в том или ином сообществе, составляет, в принципе, целостную систему, различные элементы которой взаимообусловлены.

Содержание действующей в данном обществе нормативной системы не исчерпывается совокупностью «зримых», зафиксированных в особых идеологических системах предписаний, которые официально признаются или обычно признаются таковыми (т.е. правовых, моральных, эстетических, религиозных и пр.). Значительная часть требований, предъявляемых обществом своим членам, либо не находит специального выражения в общественном сознании, либо выражается в нем чисто «негативно» – через осуждение и применение санкций по отношению к нарушениям порядка, который предполагается «естественным». Социальный контроль в сознательной своей части выступает прежде всего как «отрицательный», т.е. направленный на устранение нарушений действующего порядка.

Особенностью идеологической постановки нормативных требований является формулировка заведомо нереальной (и даже неземной) сверхзадачи, действительное значение которой состоит в указании направления деятельности, в то время как ее рамки и образцы устанавливаются наличными практическими условиями и не фиксируются особо. Так, в культовых системах обычно содержатся требования подчинять жизнь потусторонним, мифологическим связям и т.п.; исторически-конкретные условия деятельности дают «земную» интерпретацию таким установкам (соблюдение наличного порядка или сопротивление ему).

Распространенная классификация норм социальных по их «официальному» положению (правовые, моральные, религиозные) учитывает способ осознания и регулирования поведения, а также и форму санкций за несоблюдение норм. В общем развитии социального контроля, как и в истории отдельных нормативных систем, серьезное значение имеет характер расчлененности нормативных требований. В примитивно организованных общественных системах такие требования сводятся к повторению традиционного порядка действий; способ и норма деятельности не фиксируются отдельно от самой деятельности там, где средствами передачи культуры служат исторически сложившиеся *обычаи*. Древние религиозно-нравственные системы (ср. ветхозаветную) дают примеры детально разработанных нормативных предписаний (правил). Иная структура социальных требований выражена в кодексах, формирующих определенные принципы поведения (и предполагающих существование особых систем «конкретной» интерпретации этих принципов), а также их обоснования. В нормативных системах современных обществ находят свое место требования всех трех названных типов (традиции, правила, принципы). Для научного сознания характерно объективное рассмотрение мотивов, условий, целей, средств и других элементов норм социальных и тем са-

мым рационализация последних.

Освоение индивидами социальных норм (во всем их многообразии) составляет основу общественного воспитания. Один из моментов приобщения индивидов к социальным стандартам («социализации») составляет рациональное осознание этих норм и их элементов, другая сторона того же процесса – интернализация этих стандартов, т.е. превращение внешне заданных требований во «внутреннюю» норму, потребность, привычку. Психологический механизм процесса интернализации социальных категорий прослежен Ж. Пиаже и Л.С. Выготским.

Проблема соотношения нормативного стандарта и инновации, конформизма и разнообразности в функционировании общества приобрела особый интерес в современных условиях. Всякая норма социальная по природе своей означает определенный стандарт поведения и мышления. Однако лишь к теоретически реконструируемой первобытности может быть отнесено состояние, когда, по выражению Энгельса, люди совсем «не отличимы друг от друга...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 99). Принудительный конформизм составляет характерную черту всех форм культуры, воспроизводящих различными способами «тотальное» подчинение человека обществу в условиях неразвитости или разложения демократических форм социальной организации и социального контроля (наиболее крайним выражением такого разложения является фашизм).

В сложно организованных общественных системах развивается и становится нормой дифференциация норм социальных (интересов, способов самосознания, вкусов и пр.) у различных групп, классов; формируется иерархическая структура управления поведением отдельных единиц через ряд относительно самостоятельных, внутренне организованных подсистем. Обособление индивидов, происходящее, по словам Маркса, лишь на основе высокого развития обществен-

ных связей, предполагает не только соответствующую интернализацию норм социальных, но и определенную их «индивидуализацию». Развитие индивидуализированных вкусов, оценок, взглядов и т.д. может происходить в рамках общепризнанного нормативного стандарта (в этом случае индивидуальные варианты не имеют общественного значения), или же само многообразие индивидуальных предпочтений может представлять нормы социальные, условие развития системы в целом. В «Коммунистическом манифесте» общество будущего характеризуется как «ассоциация», в которой «...свободное развитие каждого является условием развития всех» (Маркс К. и Энгельс Ф., там же, т. 4, с. 447). Проблема формирования и разложения нормативного конформизма занимает значительное место в исследованиях общественного мнения, правосознания, социологии искусства и др.

Традиционная «неподвижность» примитивных общественных форм связана с самой структурой свойственных им нормативных систем. Поскольку последняя представляет собой нерасчлененное, свято хранимое и передаваемое потомству целое, отступление от традиции в любом вопросе оказывается антиобщественным актом. В то же время расчлененность и рациональность нормативных требований «легализуют» изменение самих норм социальных, а следовательно, и развитие общества.

Различным общественно-экономическим системам присущи свои типы нормативных требований и особенности структуры нормативных систем, т.е. соотношения их элементов. Так, действующая в социалистическом обществе система норм социальных отличается от нормативной системы капиталистического общества не только направленностью требований, которые предъявляются к индивиду, группе, классу (и которые подчиняют их деятельность интересам социалистического строя, народного государства, потребностям коммунистического строительства), но и самим характером

осуществления этих требований. В частности, существенно изменяется соотношение между исторически сложившимися и установленными особыми государственно-правовыми актами нормативными системами. Возрастающая роль последних в жизни общества придает исключительно важное значение вопросу об эффективности разных механизмов социального контроля, развитию норм, способствующих совершенствованию новых общественных отношений и формированию нового человека. Важнейшими вопросами жизни общества являются закрепление социалистических норм в практически-массовом сознании, сознательное освоение социальных требований гражданами социалистического общества, превращение инициативы в самодеятельность личности, в норму общественного развития.

См. также *Коммунизм, Мораль, Правосознание*.

Философская энциклопедия, т. 4, М., 1967

Литература

1. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3.
2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21.
3. *Кант И.* Критика практического разума, СПб, 1897.
4. *Гегель Г.* Философия права, Собр. Соч., т. 7, М.-Л., 1934.
5. *Дюркгейм Э.* Самоубийство, пер. с франц., СПб, 1912.
6. *Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения, пер. с англ., М., 1965.

7. Беккер Г. и Босков А. Современная социологическая теория..., пер. с англ., М., 1961.
8. Теория государства и права, М., 1962.
9. *Morris C.* Signs, language and behavior, N.Y., 1950.
10. *Kroeber A.L.* Nature of culture, Chi., 1952.
11. *Merton R.* Social theory and social structure, Glencoe, 1957.
12. *Malinowski B.* Crime and custom in savage society, Paterson, 1959.
13. *Fromm E.* Man for himself, N.Y., 1960.
14. *Diamond S.* Culture in history, N.Y., 1960.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К БЮРОКРАТИИ

Отношение к бюрократии занимает сегодня существенное место в процессе формирования общественного мнения. Естественно, что распад былого государственного единомыслия приводит к концентрации негативного общественного внимания на том феномене, в котором с наибольшей полнотой воплощены отрицательные черты командно-административной системы. Не менее естественно и то, что образ бюрократии в массовом сознании – притом у всех без исключения слоев и групп общества – остается нечетким, расплывчатым, часто неоднозначным.

Согласно данным репрезентативного исследования, проводившегося Всесоюзным центром изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР (ВЦИОМ) в феврале 1989 г., 41% населения видит в «засилии бюрократов» основную причину современных трудностей общества. По степени распространенности упоминание такой причины уступает лишь ссылке на «коррупцию, пьянство, спекуляцию, воровство» (57%).

Примечательно, что среди читателей «Литературной газеты», пожелавших высказать свое мнение по тем же вопросам, «засилие бюрократов» упоминается еще чаще (62%), при этом ссылки на коррупцию и т.д. отступают на второе место (60%); то есть более квалифицированная аудитория (массив респондентов пресс-опроса отличается от среднего по стране значительно более высоким образовательным уровнем и соответственно большей долей работников инженерного и творческого труда) концентрирует свое «негативное внимание» на бюрократии. По-видимому, такие явления, как коррупция, воровство, представляются ей частными общественными пороками, стоящими вне сферы политики. Если для среднemasсового респондента, а значит, и для среднего гражданина, это – явления, с которыми он встречается повседневно-

но, то для более развитой, более политизированной части населения в качестве своеобразного символа порочности системы скорее всего выступает именно «засилие бюрократов» (но не более как символа, персонифицированного выражения упрека в адрес общества). Между тем следует заметить, что представление о бюрократии как некоем носителе общественного зла неоднозначно. С одной стороны, это признак определенного интереса к оценке общественных явлений, свидетельствует политизации массового сознания, с другой – выражение неразвитости этого интереса, в силу которой происходит смешение социального института и носителей каких-то должностей.

Данные другого исследования, проводившегося ВЦИОМ в сентябре 1989 г., позволяют представить характер распространенных в обществе оценок властвующего аппарата. Господствует мнение об оторванности представителей власти от народа и его интересов. С утверждением «люди, которых мы выбираем, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересов народа» согласны 44% опрошенных (по всесоюзной выборке). 31% считает, что «руководство – это особая группа людей, элита, которая живет своими интересами», и только 14% придерживаются мнения, что «наши органы власти – народные, у них те же интересы, что у нас с вами».

Негативные оценки деятельности органов власти находят свое продолжение в высказываниях о неполном доверии к ряду социальных институтов. Так, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в августе 1989 г., лишь 10% населения полностью доверяет правоохранительным органам, в то время как 47% выражает им частичное доверие, а 40% – недоверие. В отношении комсомола такие оценки составляют соответственно 10%, 37, 47, профсоюзов – 15, 46, 34, местных Советов – 16, 55, 26, партии – 21, 45, 29%. Более высокую степень доверия выражают респонденты Верховным Советам – 30%,

51, 15, средствам массовой информации – 29, 58, 9 и неформальным организациям – 26, 44, 24%. Лишь в отношении этих трех институтов «полное доверие» преобладает над «недоверием».

Если проанализировать массовые представления о справедливости доходов, различных общественных групп (опрос ВЦИОМ, сентябрь 1989 г.), то окажется, что мнение о чрезмерности доходов кооператоров разделяет 62% населения (это, понятно, максимальный уровень консенсуса), партийных и советских работников – 42, руководителей предприятий – 41%. Мнения о заниженности доходов этих групп весьма редки – соответственно 1%, 5, 3%. От 12 до 16% опрошенных считают завышенными заработки офицеров, служащих, милиционеров, но здесь уже заметно выше доля тех, кто полагает, что доходы работников этих категорий слишком низки. Зарботки других категорий работающих редко (3–8% опрошенных) оцениваются как слишком большие. Очевидно, здесь перед нами весьма примечательный феномен массового сознания: устойчивая иллюзия относительно чрезмерности зарботков именно тех категорий, которые привлекают наибольшее негативное внимание значительной части населения. Ведь, как известно из многократно публиковавшихся данных, официальная зарботная плата совпартработников не превышает средней, а доходы большей части хозяйственных руководителей далеко не чрезмерны по сравнению с зарботками квалифицированных рабочих и специалистов (вопрос об оценке доходов кооператоров мы оставляем в стороне).

Значительная часть населения полагает, что реальные сдвиги к лучшему в положении страны связаны с «лишением начальства его привилегий». Согласно данным всесоюзного опроса ВЦИОМ (февраль 1989 г.), такова позиция ¼ респондентов, которую разделяют уже 64% участников упоминавшегося выше пресс-опроса, отражающего мнения более об-

разованных и социально активных людей (здесь снова мы видим четко выраженное негативное отношение к бюрократическим атрибутам среди тех слоев населения, которые отличаются повышенной социальной активностью).

Еще один пример. Отвечая на вопрос, какие расходы государства следовало бы сократить (опрос ВЦИОМ, октябрь 1989 г.), 22% респондентов указали на дорогостоящие хозяйственные проекты, 15% – на космические исследования, 31% – на военный бюджет. Но наибольшее число опрошенных – 68% – высказалось за экономию на финансировании аппарата министерств и ведомств. Столь явный консенсус по поводу меры, не сулящей значительного финансового выигрыша, также четко показывает антибюрократическую ориентацию общественного мнения.

Таким образом, в обществе существует определенный комплекс связанных друг с другом негативных представлений о бюрократии (оторванная от народа власть – забота о собственных интересах – привилегии). Он распространен практически среди всех слоев общества и являет собой некий универсальный негативный символ (или жупел) зримого внутреннего социального противника. При современном дефиците исчерпавшего себя идеологического «образа врага» жупел вездесущей, всесильной и вредоносной бюрократии (антинародной и антиперестроечной) заполняет образовавшийся вакуум. В данном явлении сказываются как сильные, так и слабые стороны современного массового сознания.

Нечеткость, расплывчатость предметов (образов), которыми оперирует это сознание, неизбежно приводят к тому, что разные группы и представители разных позиций по-своему видят, а точнее, по-своему конструируют образы бюрократии, в неодинаковой мере включая в их состав «малую» бюрократию (чиновничество, бумагописание, канцелярское руководство) и «большую» (государственно-партийную монополию власти, централизованную пирамиду управления

всеми областями общественной жизни). В такой возможности придавать понятию бюрократии различные смыслы и кроется источник универсальной распространенности понятия. В то же время массовое сознание чаще всего фокусирует внимание на образе вне его контекста, вырывает отдельный элемент из всей системы связей, в которые он включен. Отсюда, например, представления о возможности (ожидания, призывы, требования) устранить одни стороны бюрократической системы (неэффективность, коррумпированность и пр.), не трогая других (монополию власти).

Сказанное касается, в частности, и связи бюрократии с привилегиями. В иерархически организованной системе привилегии (специфические возможности присвоения определенных благ, как потребительских, так и политических) неизбежны в такой же мере, в какой неосуществимы реальные права человека и гражданина. Всякая попытка ликвидировать официально признанные привилегии (скажем, спецпайки) приводит к укоренению системы скрытых привилегий (например, возможностей доступа на легальные, полулегальные, нелегальные рынки). Только устранение самой иерархической системы прав–обязанностей, замена статусного распределения открытым конкурентным механизмом (например, рыночного типа) может покончить и с системой привилегий. Так говорит теория, и весь мировой опыт это подтверждает, притом с такой же убедительностью, с какой массовое сознание остается на своем, точнее, на своей плоскости восприятия социальных явлений.

Одна из закономерностей массового сознания (как будто воспроизводящая исторически далекие пласты культуры) – стремление к тому, чтобы представить каждый свой предмет как какое-то организованное и даже персонализированное целое, как субъект. Если в интересующем нас случае это сознание имеет дело с феноменом бюрократии, то он нередко приобретает очертания организованной силы, наделяется созна-

нием, волей и т.д. – по всем канонам конструирования массовых представлений о нечистой силе и т.п. предметах.

В последнее время под влиянием известных разоблачительных судебносудственных материалов широкое распространение получили представления о действии в нашей социально-экономической системе организованной мафии (или нескольких ее сетей), стягивающей в некий единый кулак махинации и провокации в самых различных областях жизни – от торговли и закупок до национальных конфликтов и положения на транспорте. Наличие мафиеподобных организаций в разных сферах, связывающих круговой порукой правящую бюрократию и преступный мир, – по всей видимости, доказанный факт, но все же факт локального порядка. Никто пока не привел доказательств существования всеохватывающей мафии, своего рода супербюрократического синдиката. Никакие следственные или карательные органы, равно как и независимые от них свидетели, не представили доказательств относительно преднамеренной организованности социальных конфликтов, транспортных пробок и потребительских дефицитов.

Существует старое философское правило – «не увеличивать количество сущностей сверх необходимости» (так называемая «бритва Оккама»). Его содержание в том, что нет нужды вводить в объяснение явлений какие-то неизвестные факторы, если можно ограничиться известными. Применительно к рассматриваемой нами ситуации это означает, что прежде чем обращаться к таким факторам, как заговоры, козни, деятельность мафии, врагов и т.д., следовало бы внимательно рассмотреть значение реально (доказано) действующих факторов. Кстати, поиски «неопознанных» истоков нежелательных явлений означают допущение, что в самой общественной системе, в ее институтах и конструктивных элементах заведомо нет «патогенных» факторов. Но это допущение трудно признать обоснованным.

Попытаюсь пояснить сказанное на «постороннем» примере. Все знают, что при нагревании до определенной температуры растворенный в воде воздух выделяется из нее, пузырьками поднимается вверх, происходит кипение. Требуется ли для объяснения этого явления вводить представления о согласованности поведения означенных пузырьков, которые вдруг ринулись на поверхность? Ответ очевиден: лишние «сущности» не требуются, а обращение к ним только мешает исследованию и свидетельствует об известной, деликатно выражаясь, архаичности методологии исследователя.

Аналогичным образом можно утверждать, что в самой структуре нашей общественной системы, в распределении ее точек напряженности и конфликтов в конкретных современных условиях вполне достаточно материала, чтобы объяснять кризисные явления, не обращаясь к таким фантомным образованиям массового сознания, как суперсиндикат (мафия) бюрократов.

Впрочем, фантомы массового сознания обладают способностью распространяться за пределы своего места порождения и иногда оказывать влияние на научные представления, не говоря уже о мире публицистики. Такое влияние, как мне представляется, можно видеть в распространении концепции «класса бюрократов»¹. Ее сторонники отстаивают тезис о непосредственной приложимости к нашему обществу известных определений классов и классового общества, причем вводится такое сильное допущение, что бюрократия (элита, управленцы) может рассматриваться не только как типологический класс («в себе»), но и как организованная общественная сила (как бы «класс для себя», используя гегелевско-марксову терминологию). Поскольку «типологические» оп-

¹ Более подробно об этом см.: Л. Гудков, Ю. Левада, А. Левинсон, Л. Седов. Бюрократизм и бюрократия: Необходимость уточнения – Коммунист, 1988, № 12.

ределения классов могут трактоваться достаточно широко, к ним с той или иной натяжкой можно отнести разные виды общественных групп – профессиональных, статусных и др., не получив при этом никакого приращения знания об этих группах и обществе в целом. Концепция же бюрократии как «организованного» класса опирается, по сути дела, на один довод: «они» действуют столь согласованно, последовательно и целенаправленно, что это наводит на мысль о единой организации. Это пример обращения к лишней и неопознанной «сущности», методологически неоправданного и фактически неверного. Иерархически организованная бюрократия – скорее социальный институт, элемент социальной системы, а не сформировавшийся в собственных интересах клан. Однотипность или организованность действий чиновников, управленцев, аппаратчиков разного ранга «согласована» интересами самой системы. В жесткой неорганической системе такого типа, с которым мы имеем дело, бюрократические механизмы разных уровней неизбежны и выполняют определенные функции: связи и «смазки» частей целого (выполняют неэффективно, но это уже другой вопрос).

Следует отметить, что противопоставление организованного «класса» бюрократов обществу ущербно, потому что оно безосновательно упрощает и как бы прихорашивает общественные отношения. Между тем бюрократия в тех формах, которые мы имеем, отнюдь не инородный элемент в обществе, а существенная «деталь» его устройства и даже условие функционирования. Само общество сложилось в послереволюционный период как глубоко бюрократическое, причем характерные для него бюрократические типы сознания и поведения пронизали политику, экономику, культуру, науку, идеологию. Это относится не только к «начальственному», то есть собственно чиновничьему сознанию, но и в значительной степени к «низовому», массовому сознанию, страдающему от засилья бюрократов, подчиняющемуся ему

и даже не протестующему против такого засилья.

Интересный материал для размышления над заключительной частью данного тезиса дают сегодня некоторые новые и немаловажные явления общественной жизни. Речь идет прежде всего о массовых движениях, которые получили значительный размах весной и летом 1989 г. и приобрели определенные черты популизма. Под этим термином в социально-политических науках обычно понимаются такие течения общественной мысли и политики, которые непосредственно опираются на возбужденные социальные чувства масс, протестующих против несправедливости, угнетения, привилегий. Пробуждающееся массовое политическое сознание часто принимает именно популистские лозунги и способы организации (протест против бюрократических государственных и правовых институтов, надежда на непосредственную связь лидеров с массой). В нашей стране популизм не просто как некоторая черта общественного сознания, но как более или менее оформленное общественное течение получил распространение со времени недавних выборов в народные депутаты СССР и начала массового забастовочного движения.

Идеология популизма неизбежно поверхностна, расплывчата (в основном это «идеология протеста», движение «против», а не «за»). Популизм может быть – это показывает и наш небогатый опыт – как ступенью к развитию демократического сознания, так и резервом или опорой консервативных движений, объектом манипулирования со стороны собственных и чужих лидеров. В частности, в самое последнее время в социальной жизни страны появился целый спектр течений консервативного, национально-патриотического, имперского направлений, использующих идеологические и организационные формы, характерные для популизма; по меньшей мере, некоторые из них явно организованы бюро-

кратическим аппаратом власти.

Популизм по своим декларациям и устремлениям всегда и всюду подчеркнуто антибюрократичен. В лозунгах всех популистских движений в нашей стране содержатся протесты против привилегий, несправедливо высоких заработков, а также требования «запретительно» низких цен. Эти протесты и требования, несомненно, отражают настроения и устремления широких слоев населения, в этом их реальная и потенциальная сила. Но популистское сознание протестует главным образом против непосредственно зримых несправедливостей, не умея подняться до критики их социальных и политических основ. Поэтому получается так, что оно обращается к бюрократическому аппарату с требованием ликвидировать привилегии бюрократии, надеется на административный контроль над ценами или на административно-принудительное «выравнивание» доходов различных групп. Иными словами, популизм демонстрирует свою принадлежность к бюрократическому сознанию, надеясь в то же время повернуть его против бюрократии. (К сугубо бюрократическим способам «борьбы» с бюрократизмом относятся также требования сокращения аппарата управленцев, уменьшения отчетности и т.п.)

Как уже отмечалось, образ бюрократии и бюрократизма в массовом сознании – это, по существу дела, некое собирательное представление, объединяющее под общей шапкой целый ряд взаимосвязанных, но разнородных явлений. Сюда относятся, во-первых, чисто «технические» характеристики бюрократизма – канцелярщина бумаготворчество. Во-вторых, власть «мелкой бюрократии» – разного рода столоначальников – над просителем, потребителем, подчиненным. В-третьих, бюрократическая централизация и регламентация управленческих функций, экономики, науки, культуры, идеологии и пр. В-четвертых, сам слой или общественная группа, выполняющая функции бюрократического контроля

над обществом (границы этой группы размыты, отнесение к ней всех занятых в сфере управления – столь часто упоминаемых 18 млн., куда входят в основном никем не управляющие рядовые конторские служащие, – неправомерно). В-пятых, – и это, видимо, главное для специфически советской бюрократической системы, – номенклатурно-партийный механизм кадрового обеспечения бюрократической иерархии. Наконец, к бюрократическому комплексу следует отнести и характерную для него идеологию – своего рода разновидность патернализма, предполагающего безусловную зависимость каждого низшего уровня господствующей иерархии от благоволения и заботы вышестоящего уровня.

Взятые вместе, все эти черты (перечень их, возможно, недостаточно строг и полон) составляют специфически нашу, советскую систему бюрократии. Причем отмеченные в начале «малые» признаки ее не самодовлеющи, их наличие и неустранимость определяются действием тех основ бюрократического порядка жизни, которые перечислены в конце списка. Система централизованной бюрократической безответственности нуждается в бесконечных, заменяющих реальные результаты деятельности, отчетах и отписках. «Большая» бюрократия стремится к постоянному контролю и опеке над населением с помощью «мелкой» бюрократии. Венчающая систему монополия власти с неизбежностью порождает иерархию некомпетентности, поскольку единственным действующим принципом подбора и продвижения функционеров («кадров») для нее является лояльность по отношению к верхнему уровню контроля. Иерархия власти не может быть иной, поскольку строится сверху вниз – каждый вышестоящий уровень назначает, подбирает или утверждает нижестоящий – и притом так, что административно-политическое руководство (партгосмеханизм управления) обладает монополией на назначение и неограниченный контроль за деятельностью главных инженеров и главных дирижеров, заве-

дующих базами и командующих войсками и т.д.

Конечно, не вся эта конструкция отражается достаточно адекватно в структурах массового сознания. Такова не только черта неопытного, едва формирующегося общественного мнения, но неперемнная характеристика массового сознания. Одни проявления бюрократического комплекса оно фиксирует в большем объеме, другие – в меньшем, привнося в эту процедуру те или иные компоненты собственных форм и мифов (отсюда и «образы врага», и надежды на «отеческую заботу»).

В прошлом периодически повторявшиеся кампании «борьбы» с бюрократизмом, в которых использовался определенный потенциал массового негативного внимания к этому явлению, на деле служили укреплению бюрократического господства. Манипулируя настроениями масс, верхушка время от времени как бы приносила им в жертву некоторых функционеров «среднего» уровня – для укрепления собственного положения. Такая схема лежала в основе «антибюрократических» кампаний 20-х, 30-х и 40-х годов. Под предлогом той же борьбы с бюрократизмом в жертву приносились и слабые ростки правовой государственности, поскольку объектом поношений оказывались юридические «формальности», «параграфы» (например, право на защиту, презумпция невиновности и пр.).

В сегодняшних условиях критика бюрократизма «сверху» и «снизу» при всей ее ограниченности и непоследовательности носит иной характер. Система бюрократического господства над обществом переживает глубокий и – для нее – безысходный кризис. Исчерпаны ресурсы доверия, устрашения и послушания по отношению к ней. На всех уровнях общественной структуры произошла смена поколений, которая практически освободила общественную сцену от кадрового «материала», сформированного в обстановке перманентной внутренней войны и полной закрытости общества. В нынеш-

нем недоверии массового сознания к «аппарату» (которое, конечно, выявляется не только и даже не столько в опросах: и выборы, и забастовки, и, скажем, настроения на массовых митингах и т.п. – достаточно серьезные показатели такого отрицательного внимания) эти необратимые процессы находят свое выражение. В то же время в нем отражаются и слабости достигнутого уровня политизации общества, наивность и поверхностность некоторых оценок.

В этих условиях исследование отношения массового сознания к феноменам бюрократии представляется весьма актуальным, научно и практически значимым. В задачи такого исследования, по-видимому, должно входить определение степени бюрократизации самого массового сознания, распространения в нем патерналистских, авторитаристских, имперских и т.п. комплексов. Следовало бы рассмотреть также уровень и формы политизации современного общественного сознания, выявить соотношение наивных (например, популистских) и развитых его структур. Важно также изучить особенности функций и влияния бюрократизированных феноменов общественного сознания в нашей стране в сопоставлении с развитыми и развивающимися (модернизирующимися) обществами, в частности в плане анализа модернизирующих и тормозящих функций бюрократии в общественном развитии. (Ряд названных выше проблем предполагается поставить в рамках международного исследовательского проекта, который разрабатывается под эгидой Международного фонда за выживание человечества.)

Кроме того – и, пожалуй, это наиболее актуально – планируется организовать регулярное слежение (мониторинг) за динамикой общественного мнения по отношению к социальным институтам, лидерам, новым формам политического развития и самосознания общества.

ДА ПРИЧЕМ ТУТ НАРУКАВНИКИ!

За последние месяцы «исконная» наша проблема бюрократии неожиданно приобрела совершенно новые измерения. Пахнувшие кабинетной пылью дискуссии вокруг определения понятий (группа, слой, класс, система) и способов очередного «усиления борьбы» выплеснулись на площади и улицы, на бурные и серьезные заседания уже не ученых советов, а совсем других органов: забастовочных и рабочих комитетов. Здесь предпринимаются попытки практически подойти к решению наболевших вопросов о справедливости, льготах, привилегиях, полномочиях.

От того, как и куда пойдет эта «практическая дискуссия», зависит судьба страны, судьба перестройки.

Сегодня пробуждающееся общественное сознание готово видеть в образе бюрократа конкретного, осязаемого противника, который мешает трудящемуся человеку пользоваться плодами собственного труда, препятствует делу перестройки и демократизации. В таком представлении много упрощенного, а потенциально и рискованного. Это скорее популистское, чем собственно демократическое представление. Но вряд ли развитие массового сознания могло быть иным: пробуждение от длительной апатии и дурмана ложных иллюзий и вполне реальных страхов, – процесс неизбежно сложный, причем развитие его в последнее время стремительно ускоряется. И то, что это сознание уже различает социальную функцию (а не какие-то «отдельные извращения» или пороки индивидуального порядка) у бюрократии, – явление в высшей степени прогрессивное, то есть обозначающее некоторый этап прогрессирующего развития политических представлений масс. Сегодня идея борьбы с привилегиями правящей бюрократии – в том числе и с привилегией власти в обществе – обладает громадной мобилизующей силой. Примечательно, что практический «массовый разум» далеко

обогнал представления целых поколений наших ученых мужей, усматривающих признаки бюрократии в «столообилии» и «многописании», поскольку практическая для массы – под «массовым» углом зрения – бюрократическая деятельность не в писании бумаг, а в командовании, притом неограниченном и безраздельном.

Возникает непростой вопрос о том, куда может развернуться завтра этот способ мобилизации совершенно праведного народного возмущения?

Кто из читателей не видел в наших, как иногда говорят, перестроечных массовых изданиях бесчисленных карикатур, смело обличающих бюрократию в образах угрюмых мужей в нарукавниках, восседающих за канцелярскими столами при телефонах? Подсказка, которую они содержат, проста: бюрократ – это тот, что сидит за столом, а не стоит у станка. А значит, громи канцеляристов, управленцев!

Мне кажется, трудно придумать сегодня нелепицу более вредную. Можно только сожалеть и удивляться, как порой приходят к ней авторы, в социальной просвещенности которых трудно усомниться. Но вот пишет популярнейший политический писатель Юлиан Семенов о том, что у нас «18 000 000 бюрократов, которые... заняты лишь тем, что подсчитывают заработки «архангельских мужиков», передовых директоров, рабочих... кооператоров, певцов, стоматологов, академиков, закройщиков и живописцев, причем подсчитывают со злобной завистью» и т.д. (он, правда, предлагает не выбрасывать эту страшную массу на улицу во избежание смуты, а только посадить на свирепый спасительный хозрасчет).

Не берусь судить, много это или мало – «восемнадцать миллионов»: надо хорошо знать, где именно и для чего, какими средствами и что стоит учитывать. Но вот конструировать из этого статистического множества некую злодейскую клику или новый грандиозный эксплуататорский класс нель-

зя, более того, как раз сейчас становится ясно, насколько такие теоретические упражнения небезопасны. Что может получиться, если сегодняшние вихри народного гнева направятся на погром «канцеляристов», представить нетрудно.

В нашей и близкой к нам недавней истории практический смысл состоял в том, чтобы укреплять непосредственный контроль «верха» над «низом», обрекая на гибель, иногда и на расправу руками масс средние слои – специалистов, управленцев и прочих «грамотеев». Так происходило в нашей стране под антибюрократическими лозунгами в 1929-м, 1937-м, 1949-м. Нечто подобное – во времена «великой пролетарской культурной революции» в Китае. (Кстати, кровавый июнь 1989 года в Пекине его организаторы тоже пытаются прикрывать обвинениями «коррупцированной бюрократии».)

Такая угроза сегодня остается реальной у нас, поскольку массовые движения и массовое политическое сознание еще формируются, еще разделяют и запал и предрассудки, характерные для политического популизма. Она обязательно будет уменьшаться, когда движение пойдет дальше, в направлении реальной демократии, предполагающей сотрудничество «низовых» течений с наиболее просвещенными и интеллигентными слоями народа.

Примерно так же обстоит дело с незаслуженными привилегиями и льготами. Полезную роль играют требования ликвидировать спецполиклиники, распределители, хотя уже ясно, что такими мерами можно удовлетворить возмущенное чувство справедливости, но не реальные интересы широких слоев. В обществе, лишенном рынка и наполненном дефицитами любого рода, поскольку остается иерархически организованная система абсолютного бюрократического контроля, функционеры различных ее этажей постараются сохранить свои привилегии – и административные, и потребительские. (Когда мы читаем или слышим сегодня, что зарплата у функ-

ционеров-аппаратчиков ничуть не выше или даже ниже средней, это лишний раз подтверждает, что здесь действуют и движут людьми именно привилегии...)

Один из источников отсталости, неэффективности нашей экономической системы в том, что потенциальные творцы и движители прогресса, означаемые канцелярской аббревиатурой ИТР, зажаты между производством и властью, лишены защиты и свободы выбора. Чтобы выйти из тупика, нам придется долго укреплять положение этой общественной группы.

К сожалению, как мне представляется, ни простых, ни гладких путей к выводу из сложившейся ситуации перед нами нет. «Побеждать» нужно не отдельных лиц и не социальную группу «злодеев»-бюрократов, а ту социально-политическую и социально-экономическую систему, которая нуждается в абсолютном господстве всемогущей бюрократии. Никого не требуется убеждать, что самая эффективная форма ликвидации такой системы – разумный, осторожный ее демонтаж. Для этого нужен продуманный в деталях план и солидный запас времени. Увы, ни того, ни другого у нас не имеется и не предвидится...

Журнал «Родина». М., 1989 № 10.

ФАШИЗМ

ФАШИ́ЗМ (итал. *fascismo*, от *fascio* – пучок, связка, объединение) – одна из форм реакционных антидемократических буржуазных движений и режимов, характерных для эпохи общего кризиса капитализма. фашизм у власти – «...это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (Программа КПСС, 1961, с. 53). Особенностью фашизма, по сравнению с режимами военной диктатуры, личной власти, бонапартизма и др., является осуществление насилия над массами через всеобъемлющую государственно-политическую машину, включающую систему массовых организаций и разветвленный аппарат идеологического воздействия, дополняемых системой массового террора. Фашизм широко использует псевдореволюционные и псевдосоциалистические лозунги и формы организации масс для маскировки тотального насилия.

Появление фашизма на политической арене – результат кризиса социально-экономического, политического и культурного развития буржуазного общества, страха правящей буржуазии перед натиском революционного социализма. Фашизм «...усиливает свою активность в момент обострения кризиса империализма, когда возрастает стремление реакции применять методы грубого подавления демократических и революционных сил» (Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, 1969, с. 322). Неравномерность темпов и форм развития этого кризиса, упадок или неразвитость демократически-парламентских форм политической жизни, противоречия между степенью идеологической организованности и уровнем культуры масс, «новейшие» средства мобилизации старых массовых предрассудков – характерные элементы почвы, на которой растет фашизм. Не случайно фашизм утвердился в условиях

наибольшей остроты указанных противоречий, благоприятных для вовлечения сравнительно широких слоев главным образом мелкобуржуазного населения в политические акции в качестве «толпы».

При всем известном истории или возможном многообразии фашистских движений (отличающихся друг от друга различными вариантами сочетания военной и партийной диктатуры, террористического и идеологического принуждения, национализма и этатизма и т.д.) общим условием их формирования является кризис демократических форм буржуазного государства при отсутствии или же недостаточности иных эффективных форм регулирования социальных отношений. Свойственная всей эпохе монополистического капитализма, отмечавшаяся Лениным тенденция к ликвидации или выхолащиванию демократии составляет необходимое условие, при котором развивается и идет к власти фашизм, который «...начинает с оголтелого антикоммунизма, чтобы, изолировав и разгромив партии рабочего класса, раздробить силы пролетариата и бить их по частям, а затем покончить со всеми другими демократическими партиями и организациями, сделать народ слепым орудием политики капиталистических монополий» (Программа КПСС, 1961, с. 53). Формы фашизма зависят от целого ряда специфических для каждой страны обстоятельств: обострения классовых конфликтов при неспособности буржуазного государства воздействовать на них, кризиса буржуазного парламентского строя в условиях раскола или деполитизации рабочего класса, значимости националистических и реваншистских факторов в идеологической атмосфере подготовки мировой войны. В Западной Европе (Германия, Италия) фашистские движения возникали как форма реакции на угрозу социалистической революции; в Латинской Америке неоднократно складывались близкие к фашизму политические режимы; в некоторых странах Азии и Африки возникают известные условия для паразитирования

антидемократических, в т.ч. и фашистских, форм на национальных движениях и лозунгах.

Неверно, однако, было бы видеть в фашизме неизбежную стадию социально-политического развития современного капитализма. Его господство оказалось возможным лишь в некоторых странах и в определенный период, хотя присущие фашизму методы массового политического и идеологического насилия получили широкое распространение. Установление фашизма свидетельствует как о слабостях рабочего и демократического движения, так и о неспособности господствующего класса – буржуазии – удерживать свою власть демократическими парламентскими методами.

Фашистские режимы соединяют политическое насилие над массами с чрезвычайно интенсивным идеологическим принуждением.

Используя и подогревая исторически сложившиеся предрассудки масс, фашизм навязывает массовому сознанию свои идеологические стереотипы (*расизм*, шовинизм, милитаризм, культ силы и т.д.), стремится заново создать или возродить активную систему идейного и ритуального принуждения. Фашизм нарочито отказывается от претензий на «научность» своей идейной опоры, резко разграничивая (не только в пропаганде, но и на практике) систему «полезных» (для государства, нации) знаний и убеждений от «разлагающего объективизма» научного мышления, пригодного лишь для служебных целей. «Мировоззрение не имеет ничего общего со знанием, – утверждал Геббельс. – Чем больше обо всем знанием, тем – как это часто бывает – меньше решимость выступить в пользу определенного мировоззрения. Мировоззрение – это специфический взгляд на мир, предпосылкой его является подход к событиям под одним и тем же углом зрения». По такому же образцу строились рассуждения идеологов итальянского фашизма Дж. Джентиле или А. Рокко о вреде «интеллектуализма» для фашизма, который опирается на «дей-

ствие и чувство»; аналогичными суждениями обосновывал свое недоверие к «интеллигентам и интеллигентности» и Гитлер («человек может умирать лишь за ту идею, которой он не понимает» – цитата по книге: Adorno T. [a.o.], *The authoritarian personality*, N.Y., 1950, p. 733). Один из стандартных тезисов фашистских теоретиков состоял в том, что фашизм «не нуждается в доказательствах», поскольку он подтверждается лишь собственной практикой и тем противостоит либеральным или социалистическим учениям, ищущим своего обоснования в теоретических подходах к обществу.

Претендуя на «историческое» обоснование своих взглядов, идеологи фашизма ссылались на теорию сильной власти Макиавелли, концепцию общества-государства Гоббса, сакрализацию государственной идеи у Гегеля; для идеологов немецкого фашизма наиболее характерны ссылки на органицизм в социологии 19 в., рассматривавший нацию и государство как «биологический организм» (см. *Органическая школа* в социологии), философию человека у Ницше, псевдоисторизм Г. Трейчке, «социализм» Шпенглера и т.д. На деле из теоретического наследия фашизм отобрал лишь то, что оказалось пригодным для воздействия на массовое сознание в соответствующих условиях; реакционные системы прошлого он взял лишь в их «практически-массовом» значении. Так, аристократический миф Ницше о «белокурой бестии», «сверхчеловеке», направленный против «толпы», превратился в идеологии фашизма в оправдание тотального подчинения личности «массе», а на деле – фашистской партийно-государственной машине. Фашизм и его идеология – типичный продукт империализма 20 в. Он нуждался прежде всего в идеологии «стадного» типа и конструировал ее из подручного исторического материала. Составными частями идеологии фашизма являются доктрины тоталитарного государства и агрессивного *этноцентризма*. Ее важным звеном обычно выступает квазирелигиозная политическая культура.

Тоталитарное государство изображается в фашистской идеологии высшей и универсальной формой общественной жизни. Подчиняя себе или включая в себя все прочие формы социальной организации, фашистское государство отождествляет себя с «обществом», «народом», «нацией»; социальные институты, группы, личности имеют право существовать лишь как органы и элементы этого универсального целого. «Для фашизма общество – цель, индивиды – средство, и вся жизнь состоит в использовании индивидов для социальных целей», – утверждал Рокко («Communism, fascism, and democracy», ed. by Cohen, N.Y., 1963, p. 343). По словам Муссолини, «для фашиста все в государстве и ничто человеческое и духовное не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, и фашистское государство, синтезируя и объединяя все ценности, интерпретирует их, развивает и придает силы всей жизни народа» (там же, p. 361). Лидеры немецкого фашизма, ориентировавшиеся на захват территорий чужих государств, усиленно подчеркивали «приоритет» нации или народа («фольк») по отношению к государству. «Нация есть первое и последнее, которому подчинено все остальное» (Rosenberg A., там же, p. 398). На деле от имени «нации» и «народа» выступал фашистский режим, для которого ссылки на «мистический» характер национального единства служили оправданием тотальной государственной системы, где высшим источником власти выступал вождь, якобы воплощавший волю и дух народа. В строжайше централизованной государственной машине фашизма, в которой каждый орган отвечал лишь перед вышестоящим, отсутствовало традиционное для буржуазного общества разделение властей, а законодательство и исполнение «законов», судебный и внесудебный террор, административное и идейное принуждение сосредоточивались в одних руках. Доктрина тоталитарного государства исключала автономность каких-либо сфер или ценностей общественной жизни – рели-

гии, морали, искусства, семьи и т.д.; все подлежало государственному контролю и регулированию. В этой доктрине не было места для личности вне государственной организации; человек существует лишь как «государственный человек», как принадлежность наличной, т.е. фашистской, социальной машины. Выношенные – и опошленные – буржуазным развитием идеи неотъемлемых прав личности, свободы и борьбы мнений и т.д. фашизм отверг с порога. «В государстве не существует больше свободного состояния мыслей, – заявлял Геббельс. – Просто имеются мысли правильные, мысли неправильные и мысли, подлежащие искоренению ...» (Poljakov L., Wulf J., *Das Dritte Reich und seine Denker*, В., 1959, S. 15).

Волна агрессивного шовинизма, возведенного фашизмом в ранг государственной политики и захлестнувшая сравнительно широкие слои населения, – одно из наиболее важных и трудно объяснимых явлений идеологического климата фашизма. В фашистской идеологии ущербные моменты национального самосознания – этническая ограниченность, предрассудки, так называемый комплекс неполноценности и т.д. – превращаются в активные факторы массовой пропаганды и политики. «Фашизм – это... неосознанное пробуждение нашего глубокого расового инстинкта», – утверждал А. Рокко (см. Cohen, указ. работа, р. 335). Социально-психологические структуры, связанные с низшими уровнями общественного сознания, сформировавшиеся в условиях этнической разобщенности, фашизм выводит на поверхность идеологии, оформляет при помощи расистских и «органических» теорий. Лозунг нации («народа – нации», тотально организованного политически) выполнял по меньшей мере три функции: 1) обосновывал «классовый мир» и интеграцию общества, противостоящего «зримому врагу», 2) обеспечивал психологическое самоутверждение того среднего слоя, который фашизм превратил в главную массовую опору режима, 3) оправдывал попытку порабощения, а в определенных случаях и

поголовного истребления других народов. В этой политике нашли свое логическое завершение установки фашизма, по которым «польза» государства или достойного управлять народа («арийцев») является единственным источником моральной оценки и правопорядка. Свобода и существование отдельных личностей, этнических групп, других государств не представляют ценности и рассматриваются лишь под углом зрения их «пользы» для этого государства и его идеологии. Эти установки объясняли, в частности, обыденную для нацизма практику скрупулезного холодного расчета эффективности уничтожения людей; расходы на патроны и печи аккуратно сопоставлялись с доходами от труда обреченных, реализации ценных вещей, золы и т.д.

Чудовищные преступления фашизма против человечества – развязывание мировой войны, истребление целых народов, невероятно расчетливая жестокость в отношении пленных и мирного населения и т.д. – осуществлялись при массовом соучастии в этих рационально-планируемых злодеяниях.

Милитаризация всех общественных, в том числе идеологических отношений – характерная черта фашистского режима. Фашизм рождается в обстановке напряженности, нуждается в ней и создает эту обстановку, поскольку она содействует поддержанию казарменной дисциплины и военнo-командных методов управления, оправдывает тотальную мобилизацию, требует отказа от классовых и индивидуальных интересов, самоотречения во имя фикции национальной интеграции. Установка на постоянную «борьбу», притом борьбу со «зримым», т.е. очевидным для обывателя, даже персонафицированным внутренним и внешним врагом (инородная этническая группа, чужое государство) стала образом жизни в условиях фашизма.

Наиболее широко употребляемой формой идеологического оправдания фашизма служила «историческая» мифология, превращавшая опыт прошлого в обоснование права на гос-

подство «избранной» расы, нации, государственной системы. Откровенно формулировавшаяся цель фашистской историографии состояла в том, чтобы «заново пересмотреть и переписать историю человечества» (Rosenberg A., *Der Mythos des XX. Jahrhunderts*, Munch., 1933, S. 4); этот пересмотр сводился к тому, что «избранной» нации и расе приписывалась ведущая роль в государственном строительстве, военном деле, культуре и т.д. Другой момент «переписывания» истории состоял в изображении фашистского режима «завершающей» стадией социального развития («тысячелетний рейх»).

Выступая душителем революционных и демократических движений и прежде всего – коммунистического движения, фашизм в то же время широко рекламировал свою идеологию как «революционную» и «социалистическую». Ближайшая цель лозунгов такого типа состояла в том, чтобы воспользоваться антикапиталистическими настроениями масс, в частности созданными обстановкой экономического кризиса, для ликвидации парламентаризма, конституционных свобод и прав личности во имя возвышения фашистского государства. Провозглашая себя «революционным», фашизм стремился использовать определенные лозунги, тактические приемы и организационные формы, связанные по своему происхождению с рабочим и освободительным движением. Фашистский «социализм» противопоставлял формальной, парламентской, юридической системе буржуазного государства некий неформальный, бесструктурный, опирающийся не на закон, а на «волю масс, нации, народа», тоталитарный механизм «народного» государства, суда, «фюрера». В определенной мере «социализм» фашизма может оцениваться как идеологическая реализация шпенглеровского принципа «всеобщего чиновничества»: «Социализм, если рассматривать его с технической точки зрения, – это принцип чиновничества. В конечном счете, каждый рабочий приобретает статус чиновника вместо статуса продавца. То же самое про-

исходит и с предпринимателем» (Spengler O., Politische Schriften. Preussentum und Sozialismus, München., 1933, S. 4).

Венцом всей системы идеологических и политических отношений, характерных для фашизма, является культ вождя, носителя абсолютной верховной власти, облеченного сверхъестественными полномочиями, стоящего над обществом, над обыденным сознанием, над правом, непосредственно воплощающего в своей персоне «дух нации», «историческую судьбу» и т.п. По утверждению Дж. Джентиле, «вождь выражает словами то, что остается невыраженным в глубине сердца народа» (см. Cohen, указ. работа, p. 382). Этим «доказывалась» абсолютная правота вождя и требование абсолютного доверия к нему. Одна из «заповедей» итальянского солдата, разработанных фашистской пропагандой, гласила: «10. Муссолини всегда прав». По словам Геринга, нацисты должны верить, что вождь непогрешим в делах нации, подобно тому, как католики верят в непогрешимость папы. Миф о вожде персонифицировал доктрину тотальной идеологии и тотального государства, способствуя ее доведению до массового сознания, в котором стремление возложить ответственность за свои судьбы на высочайший личный авторитет фюрера служило закономерным следствием разрушения существовавшей ранее системы идеологических отношений и ценностей. Эти «запросы» фашистского режима обусловили отбор и выдвижение на ведущие роли деятелей определенного психологического типа (параноический склад психики, уверенность в собственной непогрешимости, мания преследования, авторитарность личности и т.д.). Неизбежные продукты такой ситуации – личный произвол «вождя», который терпит и считает полезным правящая клика; вождь отвечает надеждам находящихся под его влиянием масс, жаждущих авторитета. В литературе о фашизме культ определенного «вождя» иногда служит характеристикой соответствующего режима (гитлеризм, франкизм). Поверхностность подобных

точек зрения, игнорирующих социальную природу фашизма, очевидна; они фиксируют главным образом типичный для фашизма личный произвол, бесспорно накладывающий глубокий отпечаток едва ли не на все стороны деятельности фашистского режима и придающий ему видимость личной диктатуры (диктатор выступает как единственная «личность» во всей системе). Фашизм не сводится к личной тирании «вождя», это сложная иерархическая система организованного массового насилия получает в культе «вождя» свое организационное и идеологическое завершение. В этом один из важных факторов нестабильности фашистского режима, поскольку устранение вождя может вести к дискредитации всей системы господства фашизма (ср. падение фашизма в Италии в 1943).

По структуре и способам воздействия на массовое сознание идеология фашизма может быть отнесена к определенной системе религиозных (культовых) отношений. Именно так рассматривали фашизм многие его создатели и идеологи. Фашизм, по словам Муссолини, есть религиозная концепция, в которой человек рассматривается в его внутренней связи с высшим законом и объективной волей (см. «Fascismo», в книге: *Enciclopedia Italiana*, v. 14, Mil., 1932). В Германии А. Розенбергом было организовано «Немецкое религиозное движение» (*Deutsche Religionsbewegung*), провозгласившее следование нацистской доктрине и «фюреру» высшей культовой нормой. Культовый характер идеологической системы фашизма определялся не заявлениями или стремлениями его проповедников, а такими ее чертами, как универсальный мифологизм доктрины, канализация эмоций и – шире – подсознания масс через разветвленный механизм ритуальных действий (символические шествия, съезды, гимны и т.д. – «коричневый культ»), харизматический тип лидерства. Особенностью фашизма как идеологической системы служит ярко выраженный политический культ, присущий более древ-

ним религиям (непосредственная сакрализация власти вождя, социальной общности, противостоящая персонализму и космополитизму христианства). С этим связаны неизбежные, более или менее сильно выразившиеся противоречия между фашизмом и христианской церковью, иногда – известная осторожность режима в прокламировании своей идеологии (особенно в Италии, Испании).

Фашистский режим представляет собой централизованно-иерархическую систему антидемократической диктатуры, осуществляемой через аппарат массового политического и идеологического принуждения и террора. Важнейшими элементами структуры фашизма выступают фашистская партия – единственная политическая организация режима, подчиняющая своему контролю или прямо поглощающая органы государственного управления, и широкие по составу массовые многомиллионные организации – профсоюзные, молодежные, женские, спортивные и др. В Германии фашистская партия (немецкая национал-социалистическая рабочая партия – НСДАП) насчитывала в середине 30-х гг. 5 млн. членов. Все рабочие и служащие страны были охвачены организацией «трудового фронта» (около 30 млн.). Вся молодежь с 10 лет объединялась нацистскими союзами (мальчики 10–14 лет – в «дейчес юнгфольк», 14–18 лет – в «гитлерюгенд», девочки 10–14 лет – в «союз девочек», 14–21 года – в «союз немецких девушек»), насчитывавшими до 10 млн. чел. Система женских, благотворительных, спортивных, научных и других союзов призвана была провести фашистское влияние во все сферы общественной жизни. В Италии имелась подобная структура (1943): 4770 тыс. членов фашистской партии, 4500 тыс. в трудовых союзах («дополоворо»), 1200 тыс. в женских организациях и т.д. Другую опору фашистского режима составляла система специализированных органов массового террора: штурмовые отряды, тайная полиция, осведомители, цензоры, тайные суды, концлагеря.

Фашистская партия, являющаяся центральным звеном политического механизма фашизма, отличается от буржуазно-парламентских партий не только по ориентации, но и по структуре своей деятельности. Подчиняя строго централизованному идейно-политическому контролю миллионы своих членов, фашистская партия делает их практическими и моральными соучастниками действий правящей клики во главе с диктатором; при этом какое-либо влияние партийно-организованной массы на руководство режимом исключено. В своей борьбе за власть фашистская партия получает поддержку определенных групп монополистического капитала и в то же время активно использует недовольство и брожение масс, в основном средних слоев. Придя к власти и став монополистом в политической жизни страны, фашистская партия, многочисленными узами связанная с крупным капиталом, служит средством политического контроля над всем обществом и государством. Не «партия правит» в такой системе, а через партию и контролируемые ею массовые организации правит народом и страной узкая клика, сплоченная честолюбием, фанатизмом, подозрительностью и страхом потерять доверие диктатора. Эта функция фашистской партии во многом объясняет ее социальный состав. Если, например, в гитлеровской партии в 1935 насчитывалось 20% самостоятельных хозяев, 13% чиновников, 21% служащих, 32% рабочих и 11% крестьян, то это еще никоим образом не говорит о степени участия соответствующей группы в управлении режимом: здесь видно лишь, на кого влиял и через кого проводил свою политику фашизм в Германии.

Государственный механизм фашизма в высших своих инстанциях фактически и формально сливается с верхушкой партийной иерархии, парламентские (рейхстаг в Германии) или монархические (в Италии) институты превращаются в простое прикрытие тоталитарного режима. Ликвидируя представительность, разделение властей и всякую открытую

политическую борьбу (единственной внутренней ее формой для фашизма являются нескончаемые интриги внутри правящей клики), фашизм сохранил и включил в свою систему чиновничье-бюрократический исполнительный аппарат, военную и полицейскую организации. В то же время при фашизме происходит нарочитая «идеологизация» государственной машины, которая объявляется выразителем общего «национального» духа, а не чьих-либо групповых интересов. Ликвидировав все иные формы политических и идеологических организаций в обществе, фашизм уничтожил избирательную систему, народное представительство, борьбу мнений; в условиях монополии власти организуемые режимом плебисциты (в Германии в 1934–38) оказывались средством создания атмосферы массовой поддержки фашизма и его «фюрера».

Социальная структура фашистского режима определяется тем, что система общественного разделения труда, сформировавшаяся на современном этапе капиталистического развития, находит дополнение и завершение в структуре тоталитарного политического и идеологического механизма. Хотя сами по себе буржуазные социально-экономические отношения не претерпевают каких-либо существенных изменений (доля государственно-монополистического капитала в экономике фашистской Германии не превосходила обычных для современного капитализма величин), значительно изменились формы и возможности государственного и монополистического контроля над хозяйством, особенно в условиях войны. Социально-экономическая ориентация фашизма предполагает не только государственно-экономическое, но прежде всего государственно-идеологическое и политическое регулирование классовых отношений, направленное на подавление классовой борьбы трудящихся. С этой целью проводилось принудительное решение трудовых споров, расасывание безработицы, в частности при помощи мобилиза-

ции рабочей силы на сооружение объектов военного значения, действовала система пособий многосемейным и т.п. меры, имевшие как экономическое, так и идеологическое значение. В то же время происходило (искусственно созданное и раздуваемое пропагандой) смещение всей направленности социальных интересов. Насаждавшееся фашизмом представление о непосредственной ответственности каждого перед государственной машиной противопоставлялось «фикции» классовой борьбы, якобы созданной враждебными силами.

Фашизм насаждал систему «сотрудничества» рабочих, предпринимателей, специалистов, жандармов и т.д. в качестве служителей «интересов нации». В Германии эта система обеспечивалась трудовой повинностью и государственно-партийным контролем над предприятиями, в Италии – «корпоративным» строем. Совершенствуя средства эксплуатации рабочего класса, фашизм убеждал рабочих ставить превыше всего долг перед «нацией» (т.е. фашистским режимом). Крестьянскую массу фашизм связал системой государственных повинностей, представителей интеллигентного труда (специалисты, художники и др.) превратил в платных и контролируемых слуг тотального государства. В предельно циничной форме использовал фашизм интеллектуальные силы общества. Отрицая всякую претензию науки и интеллекта на ведущую роль, фашизм нуждался в услугах высококвалифицированных специалистов для военного хозяйства, пропаганды и т.д. и умел получать такие услуги. Порожденное прусской дисциплиной, прямым принуждением (исследовательские лаборатории создавались не только в концлагерях, но и в лагерях уничтожения для наиболее эффективного использования направляемых туда научных сил), подачками и националистическим угаром служение фашизму определенной части научной и художественной элиты буржуазного «массового» общества – наглядный пример далеко зашедшего отличия дипломированных его слуг от интеллигентов-

подвижников и просветителей прошлого. «Прусский учитель», который, по известному изречению Бисмарка, победил под Садовой, стал аккуратным строителем газовых камер, квалифицированным лакеем режима и одной из важнейших его опор (из всех социальных групп учителя в наибольшей мере – на 30% – были вовлечены в НСДАП).

В различных слоях общества фашизм встречал более или менее интенсивное сопротивление; особую роль играли подпольные группы, руководимые коммунистами. Глубокая внутренняя нестабильность фашизма как режима нашла наиболее резкое выражение в том, что условием сохранения его господства было нагнетание военной напряженности и развязывание мировой войны, в которой фашистские режимы Германии и ее сателлитов были уничтожены. Лишенный милитаристских стимулов фашизм (например, в Испании) ведет к стагнации экономической и политической жизни; тем самым режим обрекает себя на разложение и перерождение.

Поражение фашистских государств во второй мировой войне под ударами Советской Армии и сил союзников и последующее развитие двух систем на международной арене показали бесперспективность фашизма в тех его формах, которые сложились в 20–30-х гг. в Италии и Германии, но отнюдь не ликвидировали фашистских тенденций и течений в капиталистических странах. Наследием гитлеризма служат неонацистские движения в ФРГ и других странах. Коммунистическое движение, как указывается в документах Международных совещаний марксистско-ленинских партий, считает актуальной задачей борьбу против опасности фашизма, учитывает возможности появления новых его форм.

Анализ фашизма как социального явления представляет одну из актуальных задач социологии и социальной психологии. Марксистский подход к проблеме фашизма былработан КПСС и мировым коммунистическим движением после преодоления некоторых ошибок, связанных с недооценкой

опасности фашизма как особой формы буржуазного строя. Принципиальная оценка фашизма как террористической диктатуры буржуазной реакции была изложена в докладе Г.М. Димитрова на 7-м конгрессе Коминтерна, выразившем ориентацию коммунистического движения на создание единого демократического антифашистского фронта. Тем самым была создана предпосылка для правильного понимания идеологии и политической структуры фашизма, для выяснения каналов его воздействия на массовое сознание. При современном многообразии «рассеянных» форм фашизма особенно важным становится понимание всего комплекса социальных, политических, личностных и других условий появления фашистских тенденций, такой анализ приобретает все большее значение для определения наиболее эффективных путей борьбы с фашизмом и сплочения всех демократических и прогрессивных сил в единый антифашистский фронт. «Борьба против фашистских режимов является существенной частью действий против империализма, за демократические свободы. Общая задача всех демократов, всех сторонников свободы, независимо от их политической позиции, мировоззрения и религиозных убеждений, – увеличивать реальную поддержку национальным прогрессивным силам, борющимся против таких очагов реакции и фашизма, как правительства Испании и Португалии, реакционная хунта полковников в Греции, военно-олигархические клики в Латинской Америке, против всех тиранических режимов, состоящих на службе империализма США» (Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, 1969, с. 323).

Литература

1. Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1967.
2. *Димитров Г.М.* В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, М., 1937.
3. *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени пер с нем., т. 1, М., 1957.
4. Итоги второй мировой войны. Сб. статей, пер. с нем., М., 1957.
5. Документы совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1960.
6. *Галкин А.А.* Фашизм и буржуазное общество (Политические и социальные корни германского фашизма), М., 1966 (Дисс.).
7. *Галкин А.А.* Германский фашизм, М., 1967.
8. *Замошкин Ю.А., Митрохин Л.Н.* Социально-психологические корни антикоммунизма в США, «ВФ», 1966, № 10.
9. *Бурлацкий Ф.М.* Это не должно повториться. Социологические заметки об идеологии фашизма, М., 1967.
10. *Лопухов Б.* Фашизм и рабочее движение в Италии, М., 1968.
11. *Neumann F.* Behemoth. The structure and practice of national socialism, Toronto, 1942.
12. *Bayle F.* Psychologie et éthique du national-socialisme, P., 1953.
13. *Lukács G.* Die Zerstörung der Vernunft, B., 1955.
14. *Chaveau H.* Les origines du fascisme «Cahiers du communisme», 1958, № 7.
15. *Gamm H.-J.* Der braune Kult, Hamb., 1962.
16. *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche, Münch, 1963.
17. *Aquarone A.* L'organizzazione dello Stato totalitario, Torino, 1965.

18. *Salvemini G.* Le origini del fascismo in Italia, Mil., [1966].
19. *Arendt H.* The origins of totalitarianism, N.Y., 1966.
20. *Schoenbaum D.* Hitler's social revolution. Class and status in Nazi Germany 1933–1939, N.Y., 1966.
21. *Bauer O.* [u.a.], Faschismus und Kapitalismus Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus, Fr./M., 1967.
22. Theorien über den Faschismus, Köln–B., 1967.
23. *Weiss J.* The fascist tradition. Radical right-wing extremism in modern Europe, N.Y.–[a.o.], 1967.
24. *Carsten F.L.* The rise of fascism, Berk.–Los. Ang., 1967.
25. *Bibes G.* Le fascisme italien. Etat des travaux depuis 1945, «Revue française de science politique», 1968, № 6.

Философская энциклопедия, т. 5, М., 1970

ВРЕМЯ ВЫНУЖДЕННЫХ ПОВОРОТОВ

Беседа записана Ириной Прусс

Кончатся девяностые годы, уже получившие в российской истории имя «постперестроечных». Постперестроечное время – то, которое было после Перестройки. Что мы еще можем сказать о нем, мы, которые в нем жили и будем жить неизвестно сколько?

Лицом к лицу лица не увидать; большое, говорят, видится на расстоянии. Но у нас есть специалисты по рассматриванию лица к лицу – художники, набрасывающие мелом на асфальте у нас под ногами мгновенный портрет: аналитики, не только фиксирующие биение пульса в данную минуту, но и выстраивающие динамику в поисках тенденций – короче говоря, социологи.

У одного из известных социологов страны, директора Всероссийского центра изучения общественного мнения, доктора философских наук Юрия Александровича Левады я прочла недавно поразившее меня определение: «время вынужденных поворотов».

«Подтвердилась и стала как бы легитимной главная особенность всех (не только экономических) преобразований в российском обществе: они могут осуществляться не по воле и замыслу какой-то организованной группы, а лишь в «вынужденном режиме», под давлением обстоятельств и в сложной игре противоречивых влияний внутренних и внешних сил».

– Главный упрек российской истории до сих пор состоял в том, что ее развитием всячески стремились руководить из Центра – будь то царское правительство или Кремль, и что развитие это шло, в отличие от европейской истории, не по естественным законам, а по кем-то составленным и уже потому невыполнимым, ущербным планам. Так чем ваше «вынужденное» развитие отлича-

ется от естественного, как во всем нормальном мире?

– Когда говорят о «естественном» развитии, предполагаются, что все созрели, все готовы, «растение» нормально выросло из зерна. А нас вечно что-то застает врасплох.

За последние полтора столетия третий раз наше общество оказывается в ситуации, к которой оно готово не было. К которой потом приходится приспособливаться – и тем, кто этого хотел, и кто не хотел, и тем, кто об этом вообще ничего не знал и не думал. Первый раз после «Великой реформы» шестидесятих годов прошлого века все слои пытались приладиться, и у всех получалось не слишком хорошо.

– Но там-то как раз был план, реформаторы прекрасно понимали, что они делают и чего хотят достичь.

– Полагаю, вы преувеличиваете дальновидность и целеустремленность российских реформаторов. В нашей литературе прекрасно описано, какая растерянность овладела тогда обществом. И самое главное: так и не возникло устойчивой модели существования общества, с механизмами согласования интересов и собственного развития. Наоборот, произошли внешние военные потрясения, и все пошло вразнос. А потом «случился» 1917 год.

– Знаете ли, трудно представить себе перемены, производимые более твердой рукой, чем рука большевиков. Страну в модернизацию они волокли буквально за шкуру, самыми бесчеловечными методами...

– Это теперь, задним числом легко наделять события жесткой, спрямленной логикой, а тогда...

Всего, что тогда случилось, вообще-то говоря, никто всерьез не ожидал, не готовил и не представлял себе того, что из этого получилось.

А потом, через известное время, эта система вдруг обвалилась. Опять-таки никто этого в таком виде не ждал. Если и ждали, и хотели, то чего-то другого. И опять всем, слева направо и сверху донизу, пришлось к этому приспособливаться.

ся. И вся наша жизнь – попытка человека и всех групп человеческих приспособиться к тому, что как будто с неба свалилось.

– Разве бывает по-другому? Вот Великая Французская революция: ввязалась куча народа, а того, что получилось, не ожидал вообще никто!

– Конечно, «естественное развитие» – всего лишь теоретическая, идеальная модель, на самом деле так не бывает ни в простой человеческой жизни, ни в жизни общества. Но все же обычно имеется в виду процесс, предполагающий некую преемственность, постепенность, вырастание, прораствание и перерастание одного в другое.

– А у нас – от революции к революции?

– Это гегельянцы и марксисты считают революцию локомотивом прогресса. Между тем в большинстве стран мира все современные общественные институты формировались без революционных переворотов. Наоборот, как раз там, где пути модернизации оплачивались многолетними и кровавыми катаклизмами, они оказывались наименее эффективными. Самый убедительный пример тому, к сожалению, наш отечественный. Опыт двух столетий позволяет сделать вывод: революции – не столько локомотивы, сколько катаклизмы истории.

А наше развитие по ряду обстоятельств носит характер таких ступенек: все плоско, плоско – потом обвал, вниз, вверх, но непременно обвал.

– Что характерно именно для «вынужденного развития»?

– Вынужденные перемены обычно совершаются «чужими» руками, то есть старыми институтами и людьми, положение и политическое воспитание которых не соответствует содержанию перемен. У нас роль проводника перемен была вынуждена взять на себя верхушка партийно-государственной номенклатуры – прежде всего ради спасения собственно-

го статуса, ну и в попытке сохранить страну как мировую сверхдержаву. Какую-то роль, как обычно, играли амбиции нового (и последнего) поколения советской правящей элиты, но роль заведомо подчиненную. Все эти люди двигались в фарватере происходящих процессов, но они совершенно не могли играть роль «впередсмотрящих» или прокладывающих путь.

Вынужденные перемены неизбежны, поэтому все вынуждены их признавать и считаться с ними. Помните, как полукommунистическое правительство Примакова представило парламенту столь жесткий монетаристский бюджет, что его не решились бы отстаивать и реформаторы!

Врожденный порок вынужденного процесса – его хаотичность, неуправляемость. Многие сетуют на отсутствие порядка, но ведь именно это помогает поддерживать определенный баланс разнородных тенденций, избежать катастрофического распада общества. Конечно, такого рода механизм общественной самоорганизации малоэффективен, неизбежно приводит к большим потерям (экономическим, правовым, нравственным; главная особенность такого процесса – его хаотичность, неуправляемость), но иной-то регулирующей системы нет...

Вынужденные перемены определяются наличным коридором возможностей, поэтому движение выглядит как метания от одной стены к другой, от потолка к полу и обратно. Особенно ярко мы демонстрировали это в последние годы.

– Вас многое удивило за последние десять лет?

– Если спокойно смотреть на вещи, да еще задним числом, так места для удивления почти нет. Вот некоторые удивляются, что так воруют, но коррумпированное общество не могло породить ничего другого. Конечно, когда все было зажато, не так было видно, но ведь с детства помню, с тридцатых годов: «блат выше совнаркома» – я эту формулу с

улицы принес. Теперь все это вылезло, конечно. А как оно могло быть иначе, если ничего другого и не было?!

Когда-то удивил нас легкий распад системы – потом оказалось, что это распад поверхностный. Если на первых порах, в романтические годы ранней перестройки, ее первые шаги казались легкими и успешными, то не из-за силы проводников перемен, а из-за слабости их противников, из-за глубокого разложения партийно-советского режима. Вынужденной (и как вскоре выяснилось, поверхностно, номинальной) демократии противостоял вырожденный режим (включая идеологию, аппарат, влияние и пр.).

Нас удивило, откуда взялись новые совершенно раскованные люди – правда, со странной легковесностью, слабостью; откуда было им взяться? Потом оказалось, что это иллюзия, что никого там нет из новых людей; старые есть, но они старые, из них ничего не сделаешь, а нового поколения у нас нет. Это наша очень тяжелая беда. Поэтому все перемены, все приспособления делаются старыми руками.

– Вы писали, что в Прибалтике, в Польше, Чехии такие люди есть, потому что они выросли на идее национального освобождения...

– Не только поэтому. У них были люди, выросшие в немного другой системе привычек и ценностей. Старая интеллигенция, церковь, движение протеста – с 1956-го, 1953-го. Была идея – национальное освобождение, и была материальная сила – люди. Поэтому как только стало ясно, что больше давить не будут, так тут же все и разлетелось, как карточный домик. Вся эта мощная система оказалась такой липовой...

А у нас не было людей и не было этой вот идеи. Более того, идея национального освобождения у нас – это региональная идея. Идея, которая развалила Союз и сейчас разваливает Россию; ничего конструктивного она не содержит, не создает.

– Почему у нас все так по-дурацки складывается?

– Видите ли, идея национального освобождения вообще сама по себе не слишком умна; говорить стоит об освобождении человека. Она нигде ничего не решает, она только может обеспечить первоначальную политическую мобилизацию. А в имперских странах эта идея всегда работает на разрушение...

– **А удивило вас, когда общественное мнение, отвернувшееся от Ельцина из-за Чечни, неожиданно вновь повернулось к нему и его решительно поддержало?**

– Сначала, конечно, немного удивило. Но в конце апреля 1996 года было уже совершенно ясно, какая расстановка сил будет и что получится.

Это искусственное состояние псевдомобилизации. Сначала была подлинная мобилизация всех, в едином строю, шаг влево, шаг вправо – известно что, собаки по бокам. Потом все это рухнуло, появилась возможность ходить, как хочется. Но оказывается, не все так просто рушится, и, если свистнуть как следует, то все как будто становятся по стойке смирно. Вот это и есть псевдомобилизация.

Теперь, конечно, интересно: это было в последний раз или такая судьба может нас еще раз постичь?

В 1996, на тех президентских выборах, была мобилизация не «за», а «против» (не за Ельцина, а против Зюганова). Она возможна в другом виде. Поиск врага – это ведь тоже мобилизация. Можно ненавидеть американцев. Потом чеченцев. Потом еще кого-нибудь. Это механизм старый, архаичный; эти формулировки ненависти были всегда, только пристегивались к другим ситуациям. Все это работает до сих пор. Иногда бывают всплески – вот совсем недавно было: они хотят поставить на колени нашего друга Милошевича, тем самым нас унижить, забыть, что мы – великая держава... Был взлет антизападных настроений, но продержался недолго. После такой сильной эмоции надо что-то делать – а делать совершенно нечего, кроме как сдаться и пойти вместе со

всем миром, что и сделали, но с постыдным опозданием.

Но после всей этой истории выросло число тех, кто считает, что люди нерусских национальностей играют слишком большую роль в России. Очень простая связь. Ка-ак размахнулись – и ударили: по кому? По тому, до кого можем дотянуться...

Сейчас ситуация кое в чем повторяется.

– **Наверное, мы еще не понимаем, что надо будет ждать долго, а потом еще неизвестно, что получится...**

– Это не совсем неизвестно. Все-таки мы живем в мире, и никуда этот мир не делся. Мы вечно стараемся догнать всех, хотя сочиняем себе в утешение, что это мы не догоняем, а строим что-то совершенно другое... Очень маловероятно, что на самом деле мы выдумаем что-то другое.

– **А появилась в умах такая идея, что нужно подождать, потерпеть, что нужно что-то делать самому?**

– Знаете, народ у нас безумно терпелив. Всегда терпел и сейчас терпит.

Система отношений власти и массы населения в последние годы строится на взаимном отчуждении и своего рода балансе терпения и протеста. И недовольство, и протест – давно уже не событие, а постоянный общий, даже нормальный фон, некий универсальный задник нашей социально-политической сцены, на которой разворачиваются события. Так что и экстраординарные катаклизмы (подобные августу 1998) воспринимаются большинством как очередная неприятность, которую следует как-то выдержать, пережить, потерпеть с большими или меньшими потерями.

На этом фоне всеобщего недовольства и пессимизма легко снижаются требования человека к социальной системе; этот фон блокирует настроения катастрофизма, нередко свойственные благополучному Западу.

Но именно сама готовность снижать притязания и смиренно выносить очередные «свинцовые мерзости жизни»

подрывает саму возможность организованного социального протеста современного типа, когда люди настаивают на соблюдении их гражданских и социальных прав. Если, например, американцы и европейцы бастуют, требуя улучшения условий труда и социального обеспечения, то российские стачечники требуют всего лишь исполнения самых элементарных условий существующего и нарушаемого трудового договора (главным образом, выплаты зарплаты). Это действия не «за» более выгодные и льготные условия работы, а только «против» нарушения привычного порядка вещей. И направленность этих акций довольно неопределенна: не столько против действий или бездействия работодателей, сколько против «верхов».

В принципе право на забастовку особой поддержкой населения не пользуется. У нас привыкли не уважать права человека и работника. Российское общество цивилизационно переросло «русский бунт» (который, впрочем, и в старой отечественной истории был явлением редким и периферийным) и не доросло до современных форм организованных социальных движений.

Терпение помогает людям выживать, но и мешает делать что-нибудь кроме выживания. Если оставить в стороне этнополитические конфликты, никаких взрывов «стихийного» возмущения за последние годы не происходило и, можно полагать, не ожидается.

Все это делает единственным средством справиться с ситуацией для большинства – приспособиться к ней. Здесь реальная традиционная и постоянно подкрепляемая основа легендарного российского всетерпения. Кстати, по недавним опросам, именно эту черту общественное мнение признает самой важной в национальном характере.

– Но получается, что о реформах мы можем говорить лишь весьма условно, раз события развиваются вовсе не

по предначертаниям реформаторов, а сами по себе, вынужденно...

– В многолетней политической полемике оппоненты Е. Гайдара обычно упрекают его в том, что стране была навязана неадекватная программа реформ. Ее сторонники отвечают, что если у них и была программа, то к сожалению, осуществить ее не удалось. Множество непоследовательных решений, как-то изменяющих деятельность предприятий, банков и так далее, не складывается даже в подобие «Великой реформы» (так в свое время называли преобразования эпохи Александра II). Реформа с большой буквы выглядит расплывчатым символом отчасти задуманных, отчасти навязанных, отчасти случайно «получившихся» перемен, но никак не программой.

Поэтому, в частности, лишены смысла суждения относительно «неподготовленности» общества (советского, российского) к переменам. К событиям исторического масштаба – а как бы их ни оценивать, мы имеем дело с такими феноменами – терминология запланированных мероприятий неприменима. Упрямая наша традиция, стереотипы нашего социального мышления принуждают исследователей, рассматривая современные проблемы, искать, «кому выгодно» и «кто виноват». Но единственно серьезным представляется анализ реальной ситуации и возможностей выхода из нее («что было возможно?»).

– Так что же получила страна в результате десятилетнего движения по узкому коридору возможного? Что именно оказалось возможным – и осуществилось? Все ли возможное осуществилось?

– Ну, легче всего сказать, что не получилось – судя по всему, и не было возможным. Но еще был и глоток свободы, произошло и сближение с остальным миром. Все это сегодня подвергается испытанию на прочность, и часто этого испытания не выдерживает. Что тонко – порвется, а кое-что важ-

ное останется. В общем, не так и мало для нескольких лет – есть что терять и что стоит защитить от старых и новых напастей.

Так и не сложились социальные механизмы саморазвития общества, так и не появились социальные слои, достаточно четко осознающие свои интересы и организованные настолько, чтобы эти интересы отстаивать. Следовательно, пока у российской демократии нет серьезной социальной опоры в обществе.

Может быть, самое важное: не выросла, не сложилась новая социальная и политическая элита общества – его наиболее активная, одаренная, думающая, ищущая «голова». Роль «мотора» все еще выполняют либо слегка переориентированные старые (партийно-советские) кадры, либо выбившиеся из ряда современные ловкие – и ничем более не отмеченные, кроме ловкости, – люди.

Есть явления преходящие и явления необратимые. Суета, истерика – проходят; реальные плоды перемен – остаются. Но сегодня эти реальные плоды кажутся только разрушительными: сломана и не возвратиться – что бы ни происходило – старая монолитная система единомыслия и единодушия, изоляции от всего мира и от собственной истории.

Журнал «Знание – сила» № 11-12, 1999.

20 Октября 2003

Левада Юрий Александрович – директор аналитической службы ВЦИОМ (ВЦИОМ-А), профессор, доктор философских наук, автор множества научных статей по теории и методологии социологии.

Редактор проекта Алексей Сидоров

Вопрос: У Вас есть много работ по теории социологии. Скажите, как вообще изменилась социология (как наука) за последние 10-15 лет в России? Нравятся ли Вам эти изменения? Спасибо за ответ. (Сергей Николаев)

Ответ: За это время социология пошла «вширь»: появилось множество обученных специалистов, факультеты, кафедры, книги, журналы и т.д., – об этом и мечтать было нельзя. К сожалению, одновременно произошло определенное измельчание интересов и уровня исследований.

Вопрос: Как показал референдум 1991 года 70% населения были за сохранение СССР, а референдум 1993 года по существу выразил недоверие Ельцину и его команде. Почему ВЦИОМ не захотел довести через СМИ анализ тупиковости и «реформ» и «реформаторов» с 1991 года? (Диев, Омск)

Ответ: Вы не совсем правы. После референдума марта 1991 г. произошли катастрофические события: путч августа, развал Союза. А референдум апреля 1993 г. показал, что доверие к Б. Ельцину и его политике еще преобладали. Разочарование обнаружилось в 1994 г., после этого отношение к реформам долго было негативным (все это мы видели и по-

стоянно публиковали). И сейчас, хотя положение в стране улучшилось, к реформам население относится сдержанно (соотношение мнений уже несколько лет примерно таково: 40% – за продолжение реформ, 20% – за прекращение, 40% не дают ответа). В то же время около 70% либо уже приспособились, либо вскоре смогут – по их словам – приспособиться к произошедшим переменам.

Вопрос: Уважаемый Юрий Александрович, на Ваш взгляд, какие темы станут определяющими на втором сроке президентства Владимира Путина? Что говорит социология об ожиданиях в народе? (Александр, Екатеринбург)

Ответ: Судя по опросам, люди ждут роста экономики и благосостояния, уверенности в завтрашнем дне, законного порядка в стране, мира на Кавказе. По всей видимости, на втором сроке станут более важными проблемы реализации ожиданий, которые были адресованы Владимиру Путину с осени 1999 г.

Вопрос: Насколько вероятно целенаправленное применение методики нейролингвистического программирования с целью принуждения человека к самоубийству или другим неадекватным действиям, как с этим бороться? (Андрей, Хмельницкий)

Ответ: Не слышал о подобных методиках, поэтому ничего советовать не могу.

Вопрос: Как думаете, удержите бренд «ВЦИОМ» или все же придется расстаться? Ходят разговоры, что Вы знали об акционировании ВЦИОМа, а потому заранее стали выводить активы Центра, включая заказы на опросы. Так ли это? Правда ли, что ВЦИОМ-А тесно связан с Союзом правых сил и Чубайсом в частности (ваш со-

трудник Левинсон работает в СПС)? Какой или каким партиям Вы симпатизируете? (Юра, Москва)

Ответ: Сейчас для нашего коллектива и всех, кто с нами сотрудничает, бренд ВЦИОМ – это напоминание об истории фирмы. О будущем акционировании мы не только знали, но сами его и готовили, оформляли документы и т.д. Слухи о «выводе активов», видимо, распространяют люди, не знакомые с финансовыми документами или не умеющие в них разбираться. Все денежные суммы, техника и прочее нами были сданы, как положено, Минимущество по передаточному акту. Насколько мне известно, и сейчас в государственное акционерное общество поступают немалые деньги в оплату проектов, которые были выполнены нами. Ну а новые заказы получают, естественно, те, кто имеет необходимый опыт и репутацию, т.е. те «вещи», которые нельзя получить в наследство или в подарок; приходится самим зарабатывать.

Что же касается партий, то к нам всегда обращались представители самых различных политических направлений, в последние месяцы приходилось исполнять заказы 7-8 из них – как близких к власти, так и далеких от нее. У наших сотрудников могут быть разные политические симпатии и антипатии, это их личное дело: на объективность исследований это влиять не может.

Вопрос: Скажите, как профессионал, можно ли доверять предвыборным рейтингам? Насколько они отражают реальные настроения в обществе и насколько могут измениться непосредственно в день голосования? (Алексей)

Ответ: Мы ведем предвыборные исследования более 10 лет. И отечественный и мировой опыт показывают, что грамотно и регулярно проводимые исследования общественного мнения показывают распределение позиций, довольно близ-

кое к реальному (подтвержденному результатами выборов). К сожалению, встречаются и подтасовки данных в каких-то рекламных («политтехнологических») целях.

Вопрос: Недавно побывал сразу в нескольких регионах России. Общаясь с людьми, сделал вывод, что народ в своей массе очень благосклонен к Владимиру Путину. Думаю, что высокие рейтинги президента – это реальная информация. Как Вы объясняете этот факт – за счет чего рейтинг не уменьшается уже столько времени? (Александр Олин)

Ответ: Согласен с Вами: высокий уровень доверия и надежд людей в отношении Владимира Путина сохраняется. (Колебания показателей бывают, но они невелики.) В значительной мере это обусловлено тем, что общественное мнение возлагает ответственность за переживаемые трудности главным образом на правительство, а признаки улучшения ситуации (и надежды на улучшение) связывает с действиями президента. Так, в августе 2003 г. 57% опрошенных считали, что повышение выплат – заслуга президента, только 20% приписывали ее правительству. В то же время за рост цен президента упрекали только 18%, а правительство – 48%. (Опрашивалось 1600 чел).

Вопрос: Как Вы оцениваете работу фирм, которые в свое время «вышли» из ВЦИОМа (КОМКОН-2 и тому подобные)? (Игорь, Москва)

Ответ: Из «шинели» ВЦИОМ действительно многие вышли и работают в разных фирмах. Оценивать чужую работу трудно, да и неудобно.

Вопрос: Здравствуйте Юрий Александрович! Мне интересно, на какие темы сложнее всего опрашиваются лю-

ди? В смысле, есть какие-то «сложные» темы для социологов? (Марианна, Дубна)

Ответ: Трудно бывает выяснять причины (мотивы) поведения людей, в том числе во время выборов. Часто неохотно отвечают на вопросы о собственных доходах. Многие уклоняются от ответов о личной, интимной жизни.

Вопрос: Я читал, что Вы заранее знали о грядущем реформировании ВЦИОМа и успели подготовиться к этому. Скажите, в таком случае, что самое основное, что потеряли Вы и Ваши сотрудники в связи со всей историей разделения? Спасибо. (Олег Олейников, Москва)

Ответ: Мы (коллектив сотрудников) действительно были готовы к переходу в новую организацию, не прерывая профессиональной работы. Многие годы у нас был статус государственного предприятия: мы не получали от государства ни рубля, но все купленное имущество считалось государственной собственностью. Поэтому при уходе пришлось оставить ценное оборудование, мебель и т.д. Но это дело наживное.

Вопрос: И все-таки, что первично: реальная популярность политика среди избирателей или рейтинги, которые постоянно публикуются в СМИ? Как эти две стороны предвыборного процесса влияют друг на друга (Валентин Михайлович, журналист)

Ответ: Конечно, сначала формируется феномен популярности определенного деятеля, а потом отражается в показателях опросов общественного мнения («рейтингах»). Я только не использовал бы слово «реальная популярность» – это всегда искусственное явление, которое создается массовым воображением и специальными приемами поведения «героя».

Вопрос: Скажите, какие заказы вы выполняете в политически спокойные годы? Обращаются ли к Вам коммерческие фирмы, скажем с заказами об изучении рынка товаров народного потребления? (Леонид)

Ответ: Политических заказов бывает много только непосредственно перед выборами, но даже в это время в нашей работе преобладают другие темы – социально-экономические (уровень доходов, занятость, образование, расслоение, медобслуживание, молодежь, село и т.д.). Кроме того, занимаемся и маркетинговыми исследованиями (рынки товаров и услуг, брэнды и др.)

Вопрос: Правда ли, что, манипулируя выборкой аудитории, грамотный социолог может получить практически любой результат опроса? (Ольга)

Ответ: Но тогда это не «грамотный социолог», а просто жулик...

СМИ.ru, 2002

Научное издание

Левада Юрий Александрович

Сочинения

Составитель **Левада** Тамара Васильевна.

Технический редактор Шаталова Л.В.

В книге использованы фотографии
из личного архива Ю.А. Левады.

Подписано в печать 05.05.2011.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 26.
Тираж 200 экз. Заказ № 1585.

Издатель Карпов Е.В.
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29

Отпечатано в типографии
ООО «Бизнес континент»
101000, г. Москва, Лучников переулок, д. 4